

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

на правах рукописи

Ивашов Максим Валентинович

**ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОГО ВРЕМЕНИ НА
ВЕРХНЕМ ДОНУ**

Исторические науки:

специальность 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доцент, кандидат исторических наук

Бессуднов Александр Николаевич

Липецк 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАТАКОМБНОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ	10
<i>1.1. Этап накопления древностей катакомбного времени на Верхнем Дону (третья четверть XIX в. – конец 50-х гг. XX в.)</i>	<i>10</i>
<i>1.2. Второй этап изучения древностей катакомбного времени в бассейне Верхнего Дона (начало 60-х гг. – конец 80-х гг. XX века)</i>	<i>14</i>
<i>1.3. Изучение древностей катакомбного времени Верхнего Дона на современном этапе (начало 90-х гг. XX в. – по настоящее время)</i>	<i>26</i>
ГЛАВА II. БЫТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ	49
<i>2.1. Бытовые памятники раннего этапа</i>	<i>52</i>
<i>2.2. Бытовые памятники развитого этапа</i>	<i>71</i>
<i>2.3. Бытовые памятники позднего этапа</i>	<i>76</i>
ГЛАВА III. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВЕРХНЕГО ДОНА В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ И ТОПОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ	82
<i>3.1. Физико-географическая ситуация бассейна Верхнего Дона в эпоху средней бронзы</i>	<i>82</i>
<i>3.2. Особенности топографического расположения поселений катакомбного времени на Верхнем Дону</i>	<i>93</i>
<i>3.3. Реконструкция хозяйственного уклада катакомбного населения Верхнего Дона</i>	<i>107</i>
ГЛАВА IV. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ	120
ГЛАВА V. МЕСТО ВЕРХНЕДОНСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАТАКОМБНОГО ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	171
<i>Архивные материалы</i>	<i>171</i>
<i>Список литературы</i>	<i>188</i>
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	209
АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	210

ВВЕДЕНИЕ

Бронзовый век занимает в истории человечества важное место. Главнейшим признаком начала этой эпохи является изобретение бронзовых сплавов. Данное открытие повысило производительность труда, обогатило технологически производственный процесс в целом, обеспечило лучшие возможности для распространения и закрепления положительного технического опыта, способствовало серийному производству наиболее рациональных форм изделий, создало подоснову для выделения ремесленников как особой социальной прослойки общества, изменило характер, содержание и масштаб торгово-экономических связей. Далее в степной и лесостепной зонах распространяется пастушеско-земледельческое хозяйство, на севере лесостепной и юге лесной зон происходит сложение многоотраслевого хозяйства, органично сочетавшего присваивающие формы (охота и рыболовство) с производящими (скотоводством и земледелием). Отмеченные достижения способствовали увеличению численности населения и развитию социальной структуры общества. Первые бронзовые изделия известны с IV тыс. до н.э. в Южном Иране и Месопотамии. В Восточной Европе они появляются позже, а на территории Верхнего Дона – большая редкость.

По меткому замечанию В.С. Бочкарева, в лесостепной и степной зонах долгое время существовал особый культурный мир, слабо связанный с бурно развивающимся и процветающим югом. Местное население продолжало заниматься охотой и рыболовством. Оно практически не знало земледелия, скотоводства и металлургии (Бочкарев, 2010. С. 103). Такие же особенности хозяйства и быта были характерны для населения и лесостепной зоны Подонья. Но при этом нельзя не отметить, что лесостепная зона и особенно днепро-доно-волжский ее регион в эпоху бронзы являлись местом контактов двух огромных миров. Поскольку оче-

видным является, что на рубеже ранней и поздней бронзы эпицентр основных событий перемещается с юга на север, из степи – в лесостепную и лесную зоны (Бочкарев, 2010. С. 102). С одной стороны, это культуры шнуровой керамики и родственные им, занимавшие преимущественно лесные и лесостепные районы, а с другой – такие крупные культурно-исторические общности степной и лесостепной зон, как катакомбная, абашевская и срубная. Изучение особенностей их взаимодействия имеет большое значение. Во многих аспектах данная проблема уже решена в рамках среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы (Пряхин, 1982; Синюк, 1983; 1996а; Матвеев, 1982; Синюк, Матвеев, 2007; Березуцкая, 2003; Маслихова, 2006а и другие). Несмотря на это, целый ряд вопросов, касающихся происхождения, территории распространения, хронологических рамок среднедонской катакомбной культуры, определения ее места в системе древностей катакомбной культурно-исторической общности и других культур эпохи бронзы в целом остается дискуссионным. Для решения всего комплекса возникающих проблем важно, на наш взгляд, учитывать материалы окраинных, периферийных образований катакомбного мира (Ивашов, 2001а). Одной из таких территорий и является бассейн Верхнего Дона, где, в частности, проходит северная граница проникновения носителей катакомбных традиций. К настоящему времени на территории Верхнего Дона известно 177 поселений и 40 погребений, относимых к катакомбной культуре, значительная часть которых изучалась раскопками. Очень важно, что катакомбная культура здесь также представлена тремя этапами развития, традиционно выделяемых исследователями, прежде всего, для Среднего Подонья (Пряхин, Беседин, Матвеев, 1991; Синюк, 1983; 1996а).

В данной работе предпринята попытка реконструкции на основе археологического материала черт культурно-исторического процесса на территории Верхнего Дона в эпоху средней бронзы, а также установления связи проходивших здесь этнокультурных проявлений с природно-климатической ситуацией в пределах Подонья в целом.

Хронологические рамки исследования соответствуют времени существования катакомбной культурно-исторической общности - в пределах III тыс. до н.э., с учетом радиоуглеродной хронологии, данные которой используются в работе. Отсутствие объектов с безупречной стратиграфией, небольшое число дат с памятников Верхнего и Среднего Дона и их большой разброс пока не позволяет выстроить безупречной хронологической шкалы для этого региона.

Территория исследования: в диссертационной работе используются древности, выявленные, в основном, на территории северных пределов современной зоны лесостепи донского бассейна. На севере ареал их распространения включает верховья р. Дон, включая современные административные границы Тульской области; на юге – устье р. Воронеж, в широтном направлении выбранная территория ограничивается притоками рр. Дон и Воронеж на данном участке. Выбор территории предопределен ареалом распространения катакомбных памятников.

Целью диссертации является выделение для раннего этапа с опорой на комплексный анализ всей совокупности древностей этого времени верхнедонского типа катакомбной культуры. Поставленная цель определила и задачи:

- 1) составление базы данных и картографирование бытовых и погребальных памятников катакомбной культуры по материалам раскопочных и разведочных работ;
- 2) определение места отдельных памятников в системе культур бронзового века Подонья и Восточной Европы в целом, выделение на их основе региональных и хронологических групп в рамках изучаемой территории;
- 3) типологический анализ керамического материала с целью получения дополнительных аргументов для вычленения культурных групп, их культурного и хронологического соотношения;
- 4) характеристика основных направлений хозяйственной деятельности;
- 5) характеристика особенностей погребального обряда.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в следующем:

- впервые обобщены сведения о 177 известных на сегодняшний момент бытовых памятниках катакомбной культуры на Верхнем Дону. Для сравнения: в работе П.Д. Либерова 1971 года используется 25 поселений (Либеров, 1971), у А.Д. Пряхина в 1982 году – 67 (Пряхин, 1982);

- создана база данных памятников катакомбной культуры на Верхнем Дону, проведена систематизация ее древностей, представляющая самостоятельную ценность;

- обосновано выделение локального варианта катакомбной культуры на раннем хронологическом этапе существования его носителей.

Основные защищаемые положения: существование на раннем этапе катакомбных древностей двух локальных проявлений - верхнедонского и терновского типов;

- определение северной границы проникновения катакомбных традиций в пределах бассейна Дона;

- тенденция к топографическому тяготению поселений катакомбного времени к низким участкам на всех этапах развития культуры;

- доминирование скотоводства при значительно большей роли присваивающего хозяйства у катакомбного населения Верхнего Дона;

- преимущественно грунтовый погребальный обряд;

- волнообразное заселение Верхнего Дона носителями катакомбных традиций;

- продолжительное сосуществование с пережиточноеолитическим и энеолитическим населением.

Предметом исследования являются бытовые и погребальные памятники катакомбного времени на Верхнем Дону.

Объектом исследования является эпоха средней бронзы на Верхнем Дону.

Методы исследования определяются поставленными задачами и состоянием источниковой базы. Поскольку «в археологическом источнике органически переплетаются свойства искусственного и естественного объекта, природного и куль-

турно-исторического» (Бочкарев, 2010. С. 37), то и успешное изучение его возможно лишь при условии учета обеих указанных сторон и применение методов как гуманитарных, так и естественных наук (Бочкарев, 2010. С. 37). Исходя из этого и наше исследование проведено на основе комплексного анализа поселений, погребений, керамики и отдельных находок. Основопологающим при анализе археологических источников является принцип историзма. При этом упор был сделан на традиционные для археологической науки методы исследования, главными из которых являются сравнительно-типологический и картографический. Для решения же частных задач использовались также стратиграфический, хронологический и статистический методы анализа, нередко применяемые в тесном взаимосочетании. Также применялись универсальные научные методы, такие как описание, анализ и синтез.

Источниковая база: в основу работы легли опубликованные и архивные археологические материалы 177 поселений и более 40 погребений катакомбной культуры. Из всего числа шесть памятников изучались автором (Замятино 10, Балахнинское поселение, Буховое 9 и 10, поселение на ул. Неделина в г. Липецке, Никольский грунтовый могильник эпохи бронзы, общая исследованная площадь превышает 3 500 кв.м). Кроме этого, автор участвовал в раскопках и подготовке научных отчетов по итогам исследований таких памятников как Ксизово 1, 2, 6, 17 и 19, Васильевский кордон 1, 5 и 7, Яроч 5, Мухино 2, Рыкань 3, Добровская стоянка, Липецкое городище, Карамышево 9, Кривец 4, курган у с. Ближняя Игуменка и других. С целью наиболее полного охвата имеющихся источников и определения их исторического места автор исследовал археологические и архивные материалы Института археологии РАН, Государственного Исторического музея, Института истории материальной культуры РАН, Воронежского и Липецкого областных краеведческих музеев, музея археологии Воронежского государственного университета и Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, фондов Воронежского и Липецкого государственных педагогических университетов, Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области.

Апробация результатов исследования проведена на международных, межвузовских и региональных конференциях в гг. Москва (2003, 2010), Воронеж (1997), Самара (1998, 2001), Саратов (2000), Белгород (2001, 2007), Тула (2002), Одесса (2002), Пенза (2003, 2012), Харьков (2004), Тверь (2009), Луганск (2012), Казань (2014), Липецк (1999; 2006, 2013), на заседании Международного круглого стола «Катакомбная культурно-историческая общность/область: структура, номенклатура, динамика развития» (ИА РАН, 2007 год), выступление на отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН (2010 и 2013 г.), а также в научных публикациях автора.

Диссертационная работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка архивных документов и использованной литературы, приложений, содержащих базу данных древностей катакомбной культуры, карты, таблицы, графики и рисунки.

В первой главе «История исследования памятников катакомбного времени на Верхнем Дону» выделяются этапы их изучения, рассматривается историография изучаемого вопроса.

Вторая глава «Бытовые памятники катакомбной культуры на Верхнем Дону» посвящена анализу керамических коллекций выявленных на поселениях катакомбной культуры, известных по разведочным работам и стационарным исследованиям. Дается их деление на хронологические этапы, приводится характеристика керамического комплекса каждого из них, используются и другие категории находок из глины, камня и кости, которые, учитывая многослойность большинства поселений, бесспорно относятся к катакомбной культуре.

В третьей главе «Физико-географическая характеристика лесостепной зоны Верхнего Дона в эпоху средней бронзы и топография поселений», состоящей из трех параграфов. В первом параграфе анализируется физико-географическая ситуация бассейна Верхнего Дона в эпоху бронзы. Во втором рассматриваются особенности топографического расположения поселений катакомбного времени на

Верхнем Дону. В третьем предпринимается попытка реконструкции хозяйственного уклада катакомбного населения Верхнего Дона.

Четвертая глава «Погребальные памятники катакомбной культуры на Верхнем Дону» посвящена подкурганным и грунтовым погребениям в пределах верхнедонского бассейна, определяется их хронология и региональная специфика, с позиций выделения верхнедонского типа катакомбной культуры на раннем этапе.

В пятой главе «Место верхнедонских памятников катакомбного времени в системе древностей средней бронзы» рассматриваются проблемы хронологии и синхронизации древностей различных культур эпохи средней бронзы верхнедонского бассейна, определяется их место в донской лесостепи в целом.

В заключении подводятся основные итоги работы, делаются выводы по проведенным исследованиям.

Работа снабжена перечнем используемых источников и литературы, а также приложениями из таблиц, рисунков и карт.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАТАКОМБНОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

История выявления и изучения памятников среднедонской катакомбной культуры эпохи бронзы на территории Верхнего Дона насчитывает уже более ста лет. Своё начало она ведет с раскопок курганного могильника у с. Новоселицкое (под руководством П.М. Еременко), проведенных ещё в конце XIX века, и продолжается по настоящее время. Всю историю исследования можно разделить на три этапа, в разной степени имеющих значение для накопления и интерпретации полученных данных.

1.1. Этап накопления древностей катакомбного времени на Верхнем Дону (третья четверть XIX в. – конец 50-х гг. XX в.)

Предлагаемый к выделению этап характеризуется началом накопления источников по эпохе бронзы Верхнего Дона и первыми попытками их систематизации. Хотя он достаточно продолжителен по времени, отметим, что первые исследования носили эпизодический характер. Начало этапа знаменуется уже упоминавшимися выше раскопками курганного могильника у с. Новоселицкое (ныне Тербунский район Липецкой области): в 1895-1896 гг. здесь под руководством П.М. Еременко были раскопаны три насыпи из 14 (Шульгин, 1906. С. 111), в которых было изучено два погребения, относящихся к катакомбной культуре.

В 1910 году Воронежской Ученой Архивной Комиссией были начаты работы под г. Воронежем на курганном могильнике «Частые курганы», итоги которых впоследствии получили мировую известность. В 1911–1912 гг., под руководством А.И. Мартиновича, С.Е. Зверева, В.Д. Языкова, А.Л. Дольского были раскопаны два кургана и ещё 11 изучено в 1915 году (Захарова, 2010. С. 19-20). Затем в 1925

году М.Е. Фосс и Д.Д. Леоновым исследован один, а в 1927 году В.А. Городцовым - четыре кургана (Захарова, 2006. С. 156). В этом могильнике, кроме погребений скифской культуры, было исследовано и несколько захоронений катакомбной культуры эпохи бронзы.

В 1912–1913 гг. проводятся раскопки курганного могильника у с. Кондрашовка на левом берегу р. Ведуга под руководством М.П. Юргенсон. В результате этих работ было изучено и погребение катакомбной культуры (Либеров, 1964. С. 98).

Целенаправленное изучение поселений и погребений катакомбной культуры в лесостепном Подонье началось только в 1920-е годы. Первый систематический материал с бытовых памятников стал известен в результате раскопок серии славянских городищ по рр. Дон и Воронеж П.П. Ефименко и П.Н. Третьяковым. Наиболее существенные свидетельства получены с поселения в урочище Ерик (левый берег р. Воронеж), где П.П. Ефименко в обнажении слоя проследил основание котлована жилища и остатки очага, наличие которого позволило ему сделать вывод о прочной оседлости оставившего поселок населения (Ефименко, 1934. С. 47). Исследователь также заключил, что для раннего периода эпохи бронзы более характерны поселения на высоких мысах, а не пойменные (Ефименко, 1934. С. 53).

После Великой Отечественной войны исследования с небольшим перерывом были продолжены: в конце 1940-х гг. экспедиция Воронежского госуниверситета (руководитель А.Н. Москаленко) приступает к детальному изучению бассейна Дона. Разведками А.Н. Москаленко на Верхнем Дону было выявлено несколько поселений катакомбной культуры на р. Воронеж: в районе Новолипецка, поселка Тракторного завода, с. Карамышево и ряд других (Москаленко, 1949). Наиболее интересным, на наш взгляд, является памятник у д. Никольское на р. Дон. Исследователи по-разному интерпретировали полученные на нем материалы: А.Н. Москаленко здесь были выявлены фрагменты керамики и несколько целых сосудов абашевской и катакомбной культур, а также многочисленные остатки челове-

ческих костей и черепов, по факту наличия которых был сделан вывод о существовании на этом месте могильника (Москаленко, 1950). Позднее П.Д. Либеров связывал его только с поселением (Либеров, 1964. С. 106, 114). Затем А.Д. Пряхин соотнес его с грунтовым могильником абашевской и катакомбной культур, наряду с поселением абашевской культуры (Пряхин, 1971. С. 93). Материалы катакомбной культуры с этого памятника не были опубликованы в полном объёме и дальнейшие исследования его продолжены не были, что до недавнего времени представляло определенную сложность в более объективной его трактовке. В 2005-2006, 2010 гг. Г.Л. Земцовым и автором настоящего исследования на данном археологическом объекте были проведены работы (Земцов, 2005; Ивашов, 2006; 2010), результаты которых будут представлены в IV главе данной работы.

В 1954 году П.Д. Либеровым (экспедиция ИА АН СССР) были продолжены начатые до революции раскопки скифского могильника «Частые курганы» (Захарова, 2008. С. 63), где за два полевых сезона (1954–1955 гг.) было изучено шесть насыпей, содержащих захоронения абашевской культуры, а также погребения (Либеров, 1964. С. 11-22), соотнесенные позднее с воронежской культурой (Беседин, 1986).

Начало формирования источниковой базы закладывает научный интерес к проблемам эпохи бронзы, что отразилось в появлении первых статей с попыткой осмысления полученных материалов. В конце 20-х годов памятники катакомбной культуры на Среднем Дону были отнесены Б.А. Латыниным к среднедонскому (или воронежскому) варианту катакомбной культуры, а в 1934 году выходит уже упомянутая статья П.П. Ефименко (Ефименко, 1934).

Важнейшей вехой на данном этапе является диссертационная работа Г.В. Подгаецкого «Предскифский период на Среднем Дону» (Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2, д. 12), над которой он работал в конце 30-х – начале 40-х годов. Однако тезисы её были опубликованы только в 1946 году, к сожалению, уже после смерти исследователя (Подгаецкий, 1946). В его работе есть целый ряд важных моментов,

которые подводят промежуточный итог первому этапу истории изучения катакомбной культуры Подонья:

- во-первых, Г.В. Подгаецкий согласился с аргументацией Б.А. Латынина в пользу выделения среднедонского варианта катакомбной культуры и дал ему характеристику, используя результаты анализа не только погребальных, но и бытовых памятников. По его мнению, чертами, составляющими его специфику, являлись: частое использование деревянных конструкций в катакомбах, значительное распространение погребений в простых грунтовых ямах, преимущественное положение умерших на левом боку головой на юг. Бытовые памятники им были разделены на два типа – по расположению их на высоком плато и в пойме;

- во-вторых, именно он впервые предложил определение территории распространения памятников катакомбной культуры от Орловской области (современный Елецкий район Липецкой области) на севере до линии Волгоград-Луганск на юге; от рек Северский Донец и Оскол на западе до левобережья Дона на востоке;

- в-третьих, Г.В. Подгаецкий отметил значительную близость среднедонских катакомбных памятников донецким, сделав вывод об их культурном родстве. Вместе с тем, он попытался вычленил отличительные черты среднедонских материалов – наличие боевых топоров, имеющих северные фатьяновские аналогии, большее многообразие форм сосудов и специфики их украшения, особенности погребального обряда и т.д. Он выделил также четыре группы сосудов среднедонской катакомбной культуры: 1) большие широкогорлые горшки с высоким венчиком и вытянутым туловом; 2) приземистые горшки с высоким венчиком; 3) биконические горшки; 4) горшки с невысоким, плавно отогнутым венчиком без четко выраженного плечика (Подгаецкий, 1946. С. 134-136).

Г.В. Подгаецкий сделал предположение, что для среднедонского катакомбного населения было характерно как мотыжное земледелие, так и пастушеское скотоводство. Что же касается бронзовых изделий, то, по его мнению, население среднедонской катакомбной культуры получало их через межплеменной обмен с северокавказскими жителями (Подгаецкий, 1946. С. 137).

В этот, выделяемый нами период происходит определение места памятников средней бронзы как в пределах территории Среднего и Верхнего Дона, так и восточноевропейской лесостепи в целом. В частности процесс выделения вариантов катакомбной культуры, в общих чертах намеченный П.С. Рыковым (Рыков, 1927), Б.А. Латыниным и Г.В. Подгаецким (Подгаецкий, 1939; 1946), был продолжен и дополнен М.И. Артамоновым (Артамонов, 1949) и О.А. Кривцовой-Граковой (Кривцова-Гракова, 1955). Наиболее четко и полно культурно-территориальное членение выражено в исследованиях Т.Б. Поповой: в 1955 году выходит её монография, где подробно рассматривается культурно-территориальное членение катакомбной культуры, выделяются три этапа её существования и шесть локальных вариантов (Попова, 1955. С. 67-68). В частности, памятники лесостепного Подонья она относит к харьковско-воронежскому варианту катакомбной культуры (Попова, 1955. С. 76).

1.2. Второй этап изучения древностей катакомбного времени в бассейне Верхнего Дона (начало 60-х гг. – конец 80-х гг. XX века)

Этот этап характеризуется систематическими полевыми исследованиями на территории лесостепного Подонья в целом, направленными, в том числе, и на изучение древностей катакомбной культуры. В итоге было исследовано большое количество бытовых и погребальных памятников в тесном сочетании с активным процессом научного осмысления проблем населения эпохи бронзы, логичным следствием чего стало появление большого количества публикаций.

Первым основательным изучением территории Верхнего Дона, несомненно, являются исследования, систематически проводимые с 1959 года экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР совместно с Липецким областным краеведческим музеем под руководством Всеволода Протасьевича Левенка. Уже первый год их дал ощутимые результаты: было выявлено более сотни памятников разных археологических периодов, в том числе несколько десятков относящихся к эпохе средней бронзы (Левенок, 1959). Кроме разведочных

работ (Левенок, 1959; 1960), проводятся и раскопки ряда поселений в пойме р. Матыра, в зоне строительства водохранилища для нужд Новолипецкого металлургического комбината. Хотя научный интерес В.П. Левенка был, в первую очередь, ориентирован на неолитические древности, многие из них (Рыбное Озеро I и Рыбное Озеро II, Ярлуковская протока и ряд других) содержали слои и с материалами катакомбной культуры (Левенок, 1962; 1963; 1964; 1965; 1967; 1968). Им же в 1965 году были продолжены начатые М.Е. Фосс в 1953 году (Фосс, 1953; 1959) раскопки Подзоровской стоянки в верховьях р. Воронеж, в результате которых получены материалы развитого этапа катакомбной культуры (Левенок, 1965). Также в это время проводятся раскопки многослойного поселения у с. Савицкое, находящегося на левом берегу р. Воронеж, верхние слои которого содержали материалы катакомбной культуры (Левенок, 1966).

К середине 60-х годов изучение территории Верхнего Дона начинает экспедиция Воронежского госуниверситета под руководством А.Д. Пряхина, в ходе которого проводятся разведочные работы по рр. Дон, Воронеж, Сосна, Ведуга, Снова и др. В результате было зафиксировано более десятка поселений катакомбного времени. Наиболее значительные и интересные из них – Ксизовское и Балахнинское в нижнем течении р. Снова, правом притоке р. Дон; кроме хорошо насыщенного культурного слоя, на этих памятниках изучены полуземляночные постройки катакомбной культуры (Пряхин, 1964). В 1965 году этой же экспедицией проводятся небольшие раскопочные работы в бассейне р. Ведуга на поселении в урочище Закленское, где была выявлена небольшая наземная постройка столбовой конструкции среднедонской катакомбной культуры (Пряхин, 1965).

Во второй половине 60-х годов процесс накопления материалов по катакомбной культуре был наиболее интенсивным: найдено большое количество бытовых памятников на севере современной Воронежской области в бассейнах рр. Дон, Воронеж, Битюг и др., начинает изучаться Мосоловское поселение, обнаружено многослойное Шиловское поселение, раскапываются два кургана Хохольского могильника, в которых исследованы погребения катакомбной и воронежской

культур (Синюк, 1967; Пряхин, 1969), начаты раскопки I Белогорского городища, на котором выявлена и катакомбная керамика (Москаленко, 1967).

На территории Липецкой области продолжает работы Верхнедонская экспедиция: в конце 60-х годов интересные материалы получены в бассейне р. Матыра: при раскопках Б.Г. Тихоновым поселений Ярлуковская протока 1 и у плотины Липецкого водохранилища («Сапожок») (Воронина, Левенок, Матвеева, Тихонов, 1969. С. 35-36; Тихонов, 1970. С. 61-64).

В связи с проектированием Воронежского водохранилища начинается активное изучение поймы нижнего течения р. Воронеж, подлежащей затоплению. Экспедицией Воронежского госуниверситета под руководством А.Д. Пряхина раскапываются поселения: Шиловское (вскрыто 4564 кв. м) (Пряхин, 1967; 1968; 1969; 1970; 1971; 1973), Волковское (Пряхин, 1964; 1965), Масловское I (958 кв. м) и Масловское II (448 кв. м) (Пряхин, 1964; 1967; 1968; 1969; 1971), Боровское (Пряхин, 1967) и Кировское (Пряхин, 1967), на которых выявлены слои среднедонской катакомбной культуры.

С 1969 по 1971 год в зоне будущего водохранилища работала совместная экспедиция Института археологии АН СССР и Воронежского государственного университета. Под руководством Б.Г. Тихонова проведены раскопки Отрожкинского (более 2300 кв. м.) (Тихонов, 1969; 1970; 1971) и Тавровского (2692 кв. м.) (Тихонов, 1970; 1971) поселений, под руководством А.Д. Пряхина – поселения Левобережное у плотины (Пряхин, 1968), Чижовское 4 (654 кв. м) (Пряхин, 1968; 1969), Северовосточное 1 (268 кв. м) (Пряхин, 1969; Синюк, 1970), поселение у Вогрэсовской дамбы (400 кв. м) (Пряхин, 1968). Все эти памятники являются многослойными, и основные материалы с них относятся к абашевской культуре, однако из их культурного слоя происходят и представительные комплексы среднедонской катакомбной культуры. Таковые выявлены и при изучении многослойных стоянок Университетские 1-3 (Пряхин, 1967; Синюк, 1967; 1968; 1970), Чертовицкая (Синюк, 1968).

В 70-е годы XX века в процессе раскопок славянских городищ Белогорское I

и II на р. Воронеж выявлена керамика среднедонской катакомбной (Винников, 1970; 1972; 1974) и воронежской культур (Винников, 1976), соответственно. В это же время проводятся небольшие раскопки на поселении Усманка-2 (Синюк, 1974; 1975), Рыкань 2 и 3 (Матвеев, 1977; 1979), разведкой по р. Снова Ю.Г. Екимовым повторно обследуются 1-2 Ксизовские и Балахнинское поселения (Екимов, 1976).

В 1976 году начаты раскопки Подклетненского курганного могильника, в котором выявлены, наряду со значительно преобладающими по численности погребениями абашевской культуры, и несколько захоронений катакомбной культуры (Пряхин, 1976; 1977; 1978; 1982). Раскапывается Новоусманский курганный могильник, под насыпью кургана №3 выявлено два погребения катакомбной культуры (Матвеев, 1977; Пряхин, Матвеев, 1979). В 1981 году Ю.П. Матвеевым продолжены раскопки «Частых курганов», изучено семь насыпей, в одной из которых находилось погребение катакомбной культуры (Матвеев, 1981).

В 1977 и 1979 годах отрядом экспедиции ВГУ под руководством А.П. Медведева при исследовании нижнего течения р. Воронеж выявлено несколько поселений катакомбного времени (Медведев, 1977; 1979). В том же 1979 году под руководством В.И. Беседина проводилась разведка по р. Усмань (левый приток р. Воронеж), в ходе которой обнаружено два поселения катакомбной культуры (Беседин, 1979).

В 80-х годах начинаются раскопки многослойного Семилукского городища (общая вскрытая площадь составила в итоге более 3600 кв. м), слои которого содержали материалы раннего этапа среднедонской катакомбной культуры, выявлено и изучено несколько наземных построек, часть из которых относится к воронежской культуре. Исследование этого памятника продолжалось с перерывами практически до недавнего времени (Беседин, 1981; Пряхин, 1984; 1985; 1986; 1987; 1990; Цыбин, 1989; 1991; 1992; 1993; Саврасов, 1999; 2000).

В середине 80-х гг. В.И. Погореловым по результатам раскопок поселения у с. Терновое (Семилукский район Воронежской области, работы 1981–1982 гг.) был выделен особый культурно-хозяйственный тип поселений лесостепного По-

донья эпохи перехода от ранней к средней бронзе. По времени он относится к этапу проникновения катакомбных традиций в бассейн Верхнего Дона. В науку он и был введен как терновской тип (Погорелов, 1984; 1991. С. 87-89).

В 1986 и 1989 годах под руководством А.З. Винникова при раскопках славянского городища «Михайловский кордон» (бассейн р. Воронеж) выявлена керамика катакомбной и воронежской культур эпохи бронзы (Винников, 1986; 1989).

В ходе небольших раскопок городища раннего железного века у дачного поселка «Сады» в 1989 году под руководством Ю.Д. Разуваева также получены материалы катакомбной культуры (Разуваев, 1989).

Кроме бытовых памятников, в середине 80-х годов интенсивно изучаются и погребальные: Первый, Второй и Третий Власовские курганные могильники (Березуцкий, 1985; 1990; 1991; 1996; Синюк, 1986; 1987; 1988), территориально близкие к Верхнему Дону, в которых были выявлены яркие погребения катакомбной и абашевской культур. В результате этих исследований был поставлен вопрос о жреческом сословии у катакомбного населения (Синюк, 1989; Синюк, Березуцкий, 1996; Синюк, Березуцкий, 2005).

В 1989 году проводятся раскопки Усманского кургана – одного из самых больших на территории Верхнего Дона. В нём были выявлены интересные захоронения катакомбной и абашевской культур (Пряхин, Матвеев, Разуваев, 1980). В курганной группе у с. Малые Горки было изучено три погребения катакомбной культуры (Матвеев, 1989).

Кроме раскопочных работ проводятся разведки в бассейнах рр. Воронеж и Дон в пределах административных границ Липецкой области сотрудником Липецкого областного краеведческого музея А.Ю. Клоковым, в результате которых было открыто более десятка памятников средней бронзы (Клоков, 1982; 1983; 1984). На выявленном многослойном поселении у с. Доброе (Пункт 385) А.Ю. Клоковым были проведены стационарные исследования, также давшие комплек-

сы катакомбной культуры^{*}. На протяжении почти 15 лет им же проводились сборы подъёмного материала с уничтоженного и переотложенного земснарядами поселения «Липецкое Озеро» (Пункт 377) (Клоков, 1983), находящегося в пойме р. Воронеж. Недавно выявленные коллекции, в том числе и относящиеся к катакомбной культуре, были опубликованы (Синюк, Клоков, 2000).

В 1985 и 1987 гг. экспедицией ВГУ на р. Ведуга (правый приток р. Дон) выявлено несколько бытовых памятников абашевской, катакомбной и воронежской культур эпохи средней бронзы (Саврасов, 1985; Разуваев, 1987). В 1986 году на р. Усманка Н.А. Тропиным (Тропин, 1986) обнаружено поселение катакомбной культуры. В 1988-89 гг. разведочным отрядом экспедиции Воронежского госпединститута под руководством С.И. Бражниковой открыто пять поселений катакомбной культуры в верховьях р. Воронеж (Бражникова, 1988; 1989). В 1988 году разведочными отрядами ВГУ под руководством Ю.Д. Разуваева и Е.Ю. Кудрявцевой изучались различные участки правого высокого берега р. Воронеж южнее г. Липецка, на которых выявлено три поселения, оставленные катакомбным населением (Разуваев, 1988; Кудрявцева, 1988).

Своего рода промежуточный итог исследованиям собственно территории Среднего и Верхнего Дона подведен в 1964 году в монографии П.Д. Либерова «Племена Среднего Дона в эпоху бронзы», где приводится карта известных на тот период памятников, из которых 16 относятся к катакомбной культуре, а 12 поселений и восемь могильников – к абашевской (Либеров, 1964). Говоря о катакомбном населении, он анализирует в основном погребальные памятники, упоминая бытовые лишь в общих чертах, считая, что катакомбное население оставило на них «слабые следы» (Либеров, 1964. С. 78). В этой работе также проводилась мысль о том, что племена катакомбной культуры доживают в Среднем Подонье до раннего железного века (Либеров, 1964. С. 110).

^{*} К сожалению, отчет по этим работам до сих пор не подготовлен, коллекция разделена: часть материалов хранится в Липецком областном краеведческом музее, а часть - у А.Ю. Клокова.

Значительной вехой, заложившей основной вектор изучения проблем катакомбной культуры эпохи бронзы, являлась защита в 1966 году А.Д. Пряхиным кандидатской диссертации «История населения Верхнего и Среднего Подонья во II – начале I тыс. до н.э.». Часть работы посвящена рассмотрению ряда ключевых вопросов «катакомбной» проблематики. В частности, по мнению исследователя, становление среднедонской катакомбной культуры происходило на основе взаимодействия местного населения и пришлых групп (Пряхин, 1966а. С. 15). Далее А.Д. Пряхин разделяет все древности катакомбной культуры на три одновременные или почти одновременные группы: правобережную верхнедонскую, группу памятников архангельского типа (в пределах Среднего Дона) и левобережную донскую. Первая группа характеризовалась учёным наличием погребений в ямах, реже – в катакомбах, с преобладающим положением умершего на спине с южной ориентировкой (иногда на правом боку с ориентировкой на север). Керамику этой группы автор разделил на три основных типа. Сосуды орнаментированы преимущественно зубчатым штампом в елочку и защипами, реже – оттисками тесьмы и веревочки. Наибольшее сходство этих керамических материалов, по мнению автора, обнаруживается с аналогичными комплексами Северского Донца. Вторая и третья группы, по мнению А.Д. Пряхина, «почти одновременные первой», выделялись им на основе анализа материалов поселений. Причем в облике керамики третьей группы (с высокорасположенных поселений) прослеживались черты, свойственные керамике полтавкинской культуры. В одной из статей, вышедшей в 1966 году, А.Д. Пряхин выделяет памятники архангельского и ксизовского типов, впервые обосновывая тезис, что катакомбные материалы Верхнего и Среднего Дона неоднородны (Пряхин, 1966б. С. 150-156).

Пятью годами позже, в 1971 году, большое внимание оценке древностей катакомбного мира Среднего и Верхнего Дона было уделено П.Д. Либеровым в докторской диссертации. Свои выводы он делает, опираясь на 25 бытовых памятников катакомбной культуры. Одним из отстаиваемых в диссертации положений явилась гипотеза о разделении этих памятников на левобережные и правобереж-

ные, высказывается также предположение об отличии донских и донецких катакомбных древностей (Либеров, 1971. С. 14).

В 1977 году выходит совместная статья А.Т. Синюка и Ю.П. Матвеева, в которой авторы на основе изученных погребений предложили подробную периодизацию катакомбной культуры (Синюк, Матвеев, 1977). Через три года появляется статья Ю.П. Матвеева, в которой обобщаются и осмысливаются как известные, так и новые памятники катакомбной культуры (Матвеев, 1980. С. 66-75). Позже все эти положения вошли в кандидатскую диссертацию Ю.П. Матвеева, защищенную в 1982 году (Матвеев, 1982). Целью его исследования было «определение суммы признаков среднедонской катакомбной культуры, отличающих её от других (в том числе - донецкой), определение территориальных и хронологических рамок её существования» (Матвеев, 1982). Одним из характерных признаков культуры учёный считает сочетание обряда захоронений в простых прямоугольных ямах и катакомбах (при преобладании последних).

Наряду с типологической классификацией погребальных сооружений Ю.П. Матвеевым были разработаны классификационные построения основных категорий погребального инвентаря, в частности, выделено пять типов сосудов: короткогорлые горшки, горшки с высоким раструбовидным горлом, миски, чаши и курильницы. Особое место в работе отведено характеристике поселений и корреляции материалов погребальных и бытовых памятников. В итоге автор выделяет три этапа развития культуры. Ранний этап синхронизировался им с поздним этапом развития донецкой культуры (конец XIX – начало XVIII вв. до н.э.) характеризовался становлением черт, определяющих специфику культуры в дальнейшем. На данном этапе Ю.П. Матвеев, учитывая разнохарактерность материалов, выделил два хронологических горизонта: на более раннем из них проявляются донецкие катакомбные элементы, а также черты, присущие культурам докатакомбного времени лесостепного Дона. Более поздний горизонт характеризуется выравниванием различных традиций и появлением признаков, свойственных собственно среднедонской культуре.

Развитый этап, датированный автором XVII – концом XVI вв. до н.э., характеризуется появлением сосудов с валиковой орнаментацией, устойчивым типом катакомбных конструкций с сохранением отдельных признаков, присущих более раннему времени (Матвеев, 1982).

Третий (финальный) этап датирован Ю.П. Матвеевым в пределах конца XVI – начала XV вв. до н.э. По мнению исследователя, население именно этого этапа явилось одним из основных компонентов в становлении бабинской культуры (культуры многоваликовой керамики (КМК). В этой работе также был определен ареал распространения среднедонской катакомбной культуры. Он ограничен с юга левобережьем Северского Донца – излучиной Дона в районе Калача, с запада – бассейном верхнего течения Северского Донца, с севера – верховьями Дона, с востока – правобережьем Волги (Матвеев, 1982. С. 22).

В том же 1982 году вышла монография А.Д. Пряхина, в которой обобщаются данные обо всех известных на тот период 67-ми поселениях катакомбной культуры (Пряхин, 1982). Они были разделены автором на два типа: пойменные и высококорасположенные, что подтверждалось и спецификой керамического материала. На основе картографирования низкорасположенных поселков, А.Д. Пряхин уточнил границы ареала среднедонской катакомбной культуры (Пряхин, 1982. С. 74-75). Полученные по поселениям данные позволили исследователю обосновать выделение двух этапов развития культуры – раннего и развитого многоваликового. В монографии также затрагивается проблема формирования среднедонской катакомбной культуры – рассматривается возможность прослеживания нескольких волн распространения носителей донецких катакомбных традиций на территории лесостепного Подонья и тесного взаимодействия их с местным докатакомбным населением. Кроме этого, анализируя материалы части высококорасположенных поселений, исследователь выделяет новый пласт памятников, которые объединяет в воронежскую культуру (Пряхин, 1982).

В 1983 году А.Т. Синюком опубликована монография «Курганы эпохи бронзы Среднего Дона» (Синюк, 1983), основу которой составили результаты иссле-

дования 57 насыпей уникального для Среднего Дона и в целом для восточноевропейской лесостепи Павловского могильника. Выявлено более 100 катакомбных погребений, позволивших проследить развитие её на протяжении первой половины II тысячелетия до н.э., т.е. практически на всем времени её существования. На основе выделенных А.Т. Синюком обрядовых групп погребений и классификации погребального инвентаря были предложены три хронологических этапа развития культуры и дана подробная характеристика каждого из них, а при сопоставлении обрядовых групп с предшествующей ямной культурой автору удалось проследить их генетическую связь (Синюк, 1983).

Ранний (павловский) этап датируется А.Т. Синюком XX–XVII вв. до н.э., для него характерно наличие прямоугольных погребальных ям (реже – катакомб); присутствие в погребениях органической подстилки; посыпка охрой и мелом; перекрытие входа в камеру деревом; положение умершего скорченно на правом боку с южной ориентировкой; присутствие определенных форм сосудов и жаровен; наличие кенотафов и т.д. По мнению А.Т. Синюка, павловский этап синхронен по времени второму этапу ямной культуры и находится в прямой зависимости от хронологии северокавказской, предкавказской и донецкой катакомбных и полтавкинской культур (Синюк, 1983. С. 148).

На втором этапе существования культуры все обрядовые признаки сохраняются, изменяется лишь облик керамического материала и фиксируются различия в правобережных и левобережных памятниках Дона. Они проявляются в более сильном влиянии у первых ямных черт в результате тесной связи населения правобережья со среднеднепровским вариантом ямной культуры и на более сильном влиянии в левобережье со стороны племен предкавказской катакомбной культуры. Этот этап датирован А.Т. Синюком XVII–XV вв. до н.э. (Синюк, 1983. С. 152).

Третий этап характеризуется качественно новым содержанием погребального обряда (положением умерших на левом боку головой на север, с руками у лица) и датируется XV–XIV вв. до н.э.

Важным шагом в истории изучения эпохи бронзы на Среднем и Верхнем До-

ну явился ряд статей В.И. Беседина, а затем и кандидатская диссертация, посвященная воронежской культуре (Беседин, 1984; 1986; 1988; Пряхин, Беседин, 1988). Считаю важным ещё раз подчеркнуть, что в 60-е годы А.Д. Пряхиным уже было обращено внимание на своеобразие материалов мысовых памятников, объединенных им в архангельский тип (Пряхин, 1966б), на основе которых им же позднее, в начале 80-х гг., было обосновано выделение воронежской культуры (Пряхин, 1982). Хотя практически в это же время, Ю.П. Матвеев в кандидатской диссертации рассматривал эти материалы в общекатакомбной проблематике, считая, что доводы А.Д. Пряхина о существовании самостоятельной культуры неубедительны (Матвеев, 1982).

В.И. Бесединым была собрана обширная источниковая база, включавшая материалы 70 поселений и 10 могильников, очерчен ареал распространения культуры, выделены особенности размещения поселений, погребений, керамического производства. Рассматривая проблему происхождения воронежской культуры, В.И. Беседин согласился с А.Д. Пряхиным, что её генетической подосновой явилась среднеднепровская культура с участием среднедонской катакомбной культуры. Исследователем также выделено два этапа развития воронежской культуры – на раннем заметно катакомбное влияние, на более позднем – абашевское (Беседин, 1984. С. 74).

В статье 1986 года Ю.П. Матвеев отмечает сходство среднедонской катакомбной культуры с древностями периода распада донецкой и началом формирования бахмутской культурных групп. Таким образом, нижняя граница существования среднедонской катакомбной культуры определяется им концом XVIII – началом XVII вв. до н.э. (Матвеев, 1986. С. 52).

Более чем сомнительна, по мнению Ю.П. Матвеева, точка зрения А.Т. Синюка о доминанте ямного компонента в складывании местной катакомбной культуры, также, по его мнению, спорен тезис о преобладании на Среднем Дону погребений в ямах над погребениями в катакомбах, как и обоснование выделения третьей обрядовой группы катакомбных погребений. Кроме этого, оспаривается

мысль А.Т. Синюка о влиянии предкавказской культуры на складывание среднедонской катакомбной культуры (Матвеев, 1986. С. 53-54). Исследователь отмечает, что погребения в ямах – также достаточно распространенное явление в донецкой катакомбной культуре, воспринятое во время складывания культуры от ямных племен, манычская же культура, несомненно, оказывала влияние на среднедонское население, но это было уже в более позднее время (Матвеев, 1986. С.55-56).

Неоднозначно оценивает место среднедонской катакомбной культуры в системе катакомбных древностей С.Н. Санжаров (Санжаров, 1988). По его мнению, «исторически сложившийся термин «харьковско-воронежская культура» наиболее точно определяет её территориальное распространение, ибо большое количество бытовых и погребальных памятников (западнее Дона) при использовании термина «среднедонская катакомбная культура» остаются вычлененными» (Санжаров, 1988. С. 150).

Подводя итог характеристике второго этапа изучения средней бронзы на территории Верхнего Дона, отметим, что, на наш взгляд, он является одним из самых важных:

во-первых, многократно пополняется источниковая база, что было предопределено активностью археологических исследований поселений на месте строительства Воронежского и Липецкого водохранилищ, прокладкой (или обустройством) оросительных систем на водоразделах, которая стимулировала раскопки курганных могильников. С увеличением источниковой базы интерес к древностям средней бронзы рассматриваемого региона проявляют многие специалисты, занимающиеся этим периодом в соседних регионах, затрагивая непосредственно проблему носителей среднедонской катакомбной культуры в рамках большой культурно-исторической общности;

- во-вторых, в Воронежском государственном университете складывается научная школа, основным направлением деятельности которой является изучение эпохи бронзы. В результате чего было подготовлено и защищено несколько кан-

дидатских и докторских диссертаций (Пряхин, 1966, 1976; Матвеев, 1982; Беседин, 1988), изданы монографические исследования (Пряхин, 1982; Синюк, 1983), увидели свет десятки статей. Во всех публикациях активно разрабатываются проблемы происхождения и развития как всей совокупности культур эпохи бронзы региона в целом, так и её отдельных культур, в частности, древностей катакомбной культуры. В.И. Погореловым на раннем этапе существования катакомбной культуры выделяется особый, терновской тип памятников.

1.3. Изучение древностей катакомбного времени Верхнего Дона на современном этапе (начало 90-х гг. XX в. – по настоящее время)

Выделение третьего этапа мы связываем, в первую очередь, с целенаправленным изучением памятников различных эпох на территории Верхнего Дона целым рядом экспедиций: Липецкого государственного педагогического института (с 2000 года – университета), Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области, Липецкого областного краеведческого музея (ЛОКМ) и других экспедиций (ВГУ, ИА РАН, ГИМ). Кроме этого, в отмеченный период выходит ряд обобщающих работ по эпохе бронзы, регулярным становится выход сборников «Археология восточноевропейской лесостепи» в ВГУ и сборников научных статей в ВГПУ, проводится ряд конференций (Воронеж 1996, 2000, 2006; Елец, 1991; Липецк, 1992, 1999, 2006, 2013), часть докладов на которых была посвящена проблематике катакомбной культуры в системе древностей восточноевропейской лесостепи.

В 1990 году отрядом экспедиции Воронежского госуниверситета под руководством И.Е. Бирюкова проводятся небольшие раскопки многослойного пойменного поселения Чертовицкое VI, находящегося на левом берегу р. Воронеж (Бирюков, 1990), в результате которых выявлена небольшая коллекция материалов среднедонской катакомбной культуры.

В 1990–1991 гг. Окско-Донской археологической экспедицией ГИМа под руководством Б.А. Фоломеева проводились разведки в верховьях р. Воронеж и его

притоках. Результатом их стало выявление более десятка поселений, относящихся к катакомбной культуре (Фоломеев, 1990; 1991).

В 1991 году группой воронежских археологов под руководством А.Д. Пряхина организовано сплошное обследование окрестностей г. Ельца в рамках программы «Елец – уникальная историческая территория России (памятники археологии)», но материалы катакомбной культуры выявлены лишь однажды (поселение Галичья Гора 2) (Саврасов, 1991).

В 1993 и 1995 годах исследования в бассейне р. Дон по рр. Девиге и Камышевка проводил разведочный отряд ВГУ под руководством В.Н. Ковалевского (Ковалевский, 1993; 1995), в результате которых было выявлено два поселения катакомбной культуры (Ковалевский, 1995).

В 1994 году в левобережной пойме р. Воронеж П.Я. Дубровским (ЛГПИ) были проведены работы на многослойном поселении 1 у Первомайского лесничества, на котором, кроме материалов неолита-энеолита и раннего железного века, значительная часть керамики относилась к катакомбной и воронежской культурам эпохи бронзы (Дубровский, 1994).

В 1995 году Ю.П. Матвеевым и М.В. Цыбиным осуществлены небольшие охранные раскопки известных ранее славянских городищ «Егеревский кордон» и Кузнецовское, также давшие материалы воронежской и катакомбной культур (Матвеев, 1995).

В 1995 году разведочным отрядом Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области под руководством Ю.Г. Гурина в бассейне р. Олым выявлено поселение катакомбной культуры (Гурин, 1995). Этот пункт был в тот момент самым западным памятником её на Верхнем Дону. Позднее, в 2006 году, местными жителями в кабинет археологии ЛГПУ был передан развал катакомбного сосуда, обнаруженный ещё западнее предыдущего пункта, в обнажении правого берега р. Кшень. Нами был осуществлен выезд на место находки, но, к сожалению, больше никаких признаков культурного слоя зафиксировано не было. Можно лишь предполагать, что мы имеем дело с разрушенным грунтовым погребени-

ем.

В 1994–1998 гг. сотрудником Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области И.Е. Бирюковым проводятся разведочные работы по р. Дон в окрестностях с. Замятино, результатом которых стало обнаружение пяти поселений катакомбной культуры (Бирюков, 1994; 1995; 1997; 1998).

В 1998 году экспедицией Елецкого государственного педагогического института (руководитель Н.А. Тропин) начаты охранные раскопки многослойного поселения Замятино 10 на р. Дон, в ходе которых выявлены интересные материалы раннекатакомбного времени, а также керамика воронежской культуры (Тропин, 1998).

В 1999 году экспедицией ВГУ (руководитель Ю.Д. Разуваев) проводились небольшие раскопочные работы на городище у с. Губарево на р. Ведуга, где также получена коллекция керамики катакомбной культуры. Интересно отметить факт нахождения фрагмента курительницы на площади поселения (Разуваев, 1999). В том же году Ю.Д. Разуваевым совместно с экспедицией Липецкого областного краеведческого музея раскапывалось городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на р. Воронеж, где получены материалы катакомбной и воронежской культур (Разуваев, 1999).

В 2001 году материалы катакомбной и воронежской культур были получены и в Рязанской области на многослойном памятнике Городок 1 на р. Ранова (бассейн р. Оки), изучавшемся совместной экспедицией Самарского госпедуниверситета (А.А. Выборнов, А.И. Королёв) и ГБУК «Центр сохранения объектов культурного наследия Рязанской области» (В.П. Челяпов). Немногочисленные керамические комплексы памятника (порядка пяти сосудов), относящиеся к развитому этапу катакомбной культуры, позволяют уточнить северную границу проникновения его носителей (Челяпов, Ставицкий, 2004).

В 2002 году материалы эпохи средней бронзы были выявлены сразу на нескольких памятниках. В частности, совместной экспедицией Липецкого областного краеведческого музея и Госдирекции по охране культурного наследия Липец-

кой области (руководители В.А. Чивилёв и И.А. Козмирчук) проводились раскопки многослойных памятников Карамышево 1 и 2, расположенных в левобережье р. Воронеж на выступах первой надпойменной террасы. Основная часть материалов была оставлена срубным населением, но небольшая коллекция относилась к раннему и развитому этапам катакомбной культуры (Чивилёв, 2001; 2002).

Интересные находки были получены в 2003 году Раннеславянским отрядом экспедиции ИА РАН под руководством А.М. Обломского. При раскопках многослойного поселения Ксизово 19 на р. Дон был выявлен грунтовый могильник, три погребения которого относятся к развитому этапу катакомбной культуры и четыре – к абашевской (Обломский, 2003). В 2004 году при продолжении работ на этом же поселении были изучены грунтовые погребения ямной и катакомбной культур. Начаты также раскопки на поселениях Ксизово 17 и 17А, в слоях которых найдены небольшие коллекции керамики катакомбной и воронежской культур (Обломский, 2004; 2005). Исследования экспедиции ИА РАН под руководством А.М. Обломского продолжались здесь до 2010 года, в ходе которых фактически каждый год выявлялись как новые погребения эпохи бронзы, так и поселенческие материалы. С 2011 года на этом же участке работает совместная экспедиция ВГУ и Фонда научного краеведения (руководители А.В. Моисеев и И.А. Козмирчук), которая обнаружила ещё несколько погребений катакомбной культуры (Моисеев, 2011). Итогом исследований на участке у с. Ксизово стало выявление: одного захоронения ямной культуры, 19 - катакомбной, пять - абашевской, одно - срубной и ещё два погребения эпохи бронзы, определение культурной принадлежности которых затруднительно.

В 2005 году экспедицией ВГУ под руководством И.Е. Сафонова, А.П. Медведева и Ю.П. Матвеева были проведены раскопки разрушающегося Липецкого кургана, основным погребением в котором оказалась катакомба-кенотаф (Сафонов, 2005).

В 2007-2009 гг. А.В. Сурковым исследуется стоянка Ямное, вскрыто 291 кв. м, в слое выявлены многочисленные материалы развитого этапа среднедонской

катакомбной культуры (Сурков, 2007; 2008; 2009; Сурков, Скоробогатов, 2012. С. 71-72). Им же в 2010 году проводятся раскопки многослойной стоянки Ивница, в культурных слоях которой также выявлены материалы развитого этапа катакомбной культуры (Сурков, 2010).

В 2009–2014 г. экспедицией ГИМа под руководством Е.И. Гака продолжены начатые в конце 70-х гг. XX века Ю.П. Матвеевым исследования поселения Рыкань 3 Новоусманского района Воронежской области, на котором за шесть лет вскрыто около 1500 кв.м (Гак, 2009; 2010; 2011; 2012; 2013), выявлено несколько построек и большое количество керамического материала и индивидуальных находок.

В 2011 году были проведены исследования на нескольких поселениях, давших представительные коллекции катакомбного времени: это уже упоминавшийся выше комплекс объектов у с. Ксизово Задонского района (А.В. Моисеев и И.А. Козмирчук) (Моисеев, 2011); поселение Кривец 4 у с. Кривец Добровского района (А.М. Обломский), на котором изучены две постройки среднедонской катакомбной культуры (Обломский, 2011).

В 2012-2013 г. исследования в верховьях р. Воронеж были продолжены экспедицией ИА РАН (Обломский А.М.), в ходе которых катакомбные материалы выявлены при раскопках поселений Ярок 5, Кривец 4 и Ново-Никольское Б (Обломский, 2012; 2013).

В 2014 году отрядом экспедиции ГИМа под руководством Е.И. Гака и автора были начаты исследования в устьевой части р. Снова, на поселении Ксизово 1. Памятник многократно обследовался (Пряхин, 1964; Екимов, 1976; Ивашов, 1998), на нем осуществлялись зачистки, часть из которых позволили выявить углубленные в материк постройки с очагами (Пряхин, 1982. Рис. 22). В 2014 году был заложен раскоп площадью 72 кв.м, в котором под мощным (до 1,8 м) намывным слоем выявлен достаточно насыщенный культурный слой, в котором расчищены развалы четырех сосудов и шесть очагов.

Говоря об оценке вклада экспедиции Липецкого государственного педагогиче-

ческого института (с 2000 года университета) в изучение древнейшего прошлого региона, следует отметить, что различными её отрядами к настоящему времени открыто около 2000 памятников. В соответствии с темой диссертационного исследования мы остановимся лишь только на тех, где получены материалы эпохи средней бронзы.

В 1988–1991 гг. проводилось сплошное археологическое обследование Хлевенского района: левый берег р. Дон, правый берег р. Воронеж и водораздельные участки этих рек с овражно-балочной системой. В результате этих работ выявлено около десяти памятников среднедонской катакомбной культуры, сосредоточенных на правом берегу р. Воронеж (Бессуднов, 1988; 1989; 1990; Козмирчук, 1990).

С 1991 года началось исследование Усманского района. За четыре года были изучены левобережная пойменная часть р. Воронеж и бассейны его левых притоков: рр. Боровица, Кривка, Излегоща, Мещёрка, Студёновка (Бирюков, 1991; Дубровский, 1991; Козмирчук, 1992; Бессуднов, 1993; 1994). В результате этих работ было найдено более 300 памятников, часть которых относится к интересующему нас периоду (Ивашов, 1995; Атаманиченко, 1995).

На Верхнем Дону, кроме разведочных работ, экспедицией Липецкого государственного педагогического института проводились и раскопочные работы. В частности, в 1988–1989 гг. под руководством А.Н. Бессуднова исследовалось многослойное поселение Студёновка 3, расположенное в верховьях р. Воронеж. Памятник был раскопан на достаточно большой площади – 1370 кв. м, выявлено три наземных постройки и несколько хозяйственных ям, получен информативный керамический материал раннего этапа катакомбной культуры (Бессуднов, 1988, 1989).

В 1990 году проводились стационарные исследования поселения Курино 1 в пойме р. Воронеж. В результате были получены материалы катакомбной, воронежской и абашевской культур, изучены постройки первых двух (Бессуднов, 1991). Особо следует отметить материалы воронежской культуры, позволившие сделать этот памятник эталонным в изучении отмеченных древностей на Верхнем

Дону (Синюк, Бессуднов, 1996).

В 1990 году экспедицией Госдирекции по охране культурного наследия области совместно с ЛГПИ проводились раскопки кургана №1 у с. Филатовка Добровского района, содержавшего погребения воронежской, катакомбной и абашевской культур (Козмирчук, 1990). В результате стратиграфических наблюдений была зафиксирована единовременность совершения катакомбного и двух абашевских захоронений и их следование по хронологии вслед за воронежским (Синюк, Козмирчук, 1995).

В 1991 году отрядом экспедиции Липецкого госпединститута под руководством И.Е. Бирюкова проводились небольшие раскопки на многослойном поселении Пады IV, находящемся на правом высоком берегу р. Воронеж. Кроме материалов раннего железного века, была также получена небольшая серия керамики катакомбной культуры (Бирюков, 1991).

В 1992 году экспедицией Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области под руководством И.А. Козмирчука совместно с ЛГПИ изучались два многослойных поселения Устье Излегощи 1 и Устье Излегощи 2 южнее с. Излегощи в левобережной пойме р. Воронеж, в приустьевой части р. Излегоща. На памятниках был выявлен незначительный культурный слой, оставленный носителями катакомбной и воронежской культур*.

В связи со свертыванием финансирования из-за экономического кризиса начала 90-х годов прошлого века интенсивность разведочных работ была снижена, однако уже с 1996 года намечается устойчивая тенденция к их росту с той лишь разницей, что теперь в ходе проведения таковых изучаются не целые административные районы Липецкой области, а их отдельные участки.

В частности, в 1996–1997 гг. проводились археологические разведки и под руководством автора данной работы в левобережье р. Воронеж, в верховьях его небольшого притока – р. Семёновка, где также было выявлено два катакомбных поселения (Ивашов, 1996; 1997).

* Отчёт в Отдел полевых исследований ИА РАН И.А. Козмирчуком не сдан.

С.И. Андреевым в 1997-98 гг. обследовался правый берег р. Воронеж в пределах Липецкого района, где выявлено около десятка памятников катакомбной и воронежской культур (Андреев, 1997; 1998).

В 1998 году отрядом ЛГПИ под руководством автора проводились разведочные работы в устье р. Снова выявлено два новых поселения катакомбной культуры, повторно обследовано поселение Ксизово 1, а также проведены небольшие раскопки на известном ранее поселении Балахнинское (Пряхин, 1964; Екимов, 1976). На последнем выявлен достаточно насыщенный слой катакомбной культуры и небольшая коллекция керамики абашевской культуры (Ивашов, 1998). Позже, в 2000–2002, 2004–2008 гг., исследования в бассейне р. Снова были продолжены под руководством Г.Л. Земцова (Земцов, 2000; 2001; 2002; 2005). Под его же руководством также в бассейне р. Снова ведутся раскопки на многослойном памятнике Мухино 2, основные материалы которого датируются первой половиной I тысячелетия н.э. (раннеславянское время) (Земцов, 2000; 2001; 2002; 2005). Но здесь был изучен и очень интересный более ранний комплекс – наземное жилище с очагом, с развалом сосуда ямной культуры и фрагментами катакомбной керамики. Показательно, что вокруг жилища в культурном слое последней не выявлено (Земцов, 2002).

В 1998–2000 гг. разведочным отрядом под руководством Р.В. Смольянинова исследованы верхние правые притоки р. Воронеж (рр. Становая, Ягодная, Московская Рясы) (Смольянинов, 1998; 1999; 2000), в результате которых выявлен самый северный пункт с катакомбной керамикой – Рощинский 31.

В 2001 году Р.В. Смольяниновым в левобережной части р. Воронеж южнее г. Липецка (в районе с. Карамышево) найдено пять поселений катакомбной культуры (Смольянинов, 2001). В 2009–2010 гг. работы здесь были продолжены, в ходе которых обнаружено ещё несколько памятников катакомбной культуры эпохи бронзы (Бессуднов, 2009; Ивашов, 2010).

Разведочными работами последних лет в верховьях р. Воронеж под руководством Р.В. Смольянинова, А.А. Свиридова и А.А. Клюкойтя также обнаружено

более десятка новых катакомбных поселений: по р. Мартынчик (правый приток р. Воронеж) и в районе сс. Буховое, Ратчино и хут. Дальний (Свиридов, 2004; 2005; Смольянинов, 2005; 2007; 2011; Клюкойть, 2008).

В 1999–2001 гг. под руководством автора данной работы были продолжены начатые в 1998 г. Н.А. Тропиным исследования многослойного памятника Замятино 10 в Задонском районе, на правом берегу р. Дон (Тропин, 1998; Ивашов, 1999; 2000; 2001). К настоящему времени, наряду с поселением Студёновка 3 и Рыкань 3, это один из самых представительных по изученной площади (более 1300 кв.м) памятник катакомбной культуры на Верхнем Дону. В пределах раскопанной площади исследовано три наземные постройки, одна полуземлянка, 18 хозяйственных ям. В слое выявлено большое количество керамики (около 14 тысяч фрагментов) разных этапов катакомбной культуры, общее число венчиков – 842 от не менее чем 600 сосудов. В коллекции также имеются материалы и воронежской культуры.

В 2002 году под руководством автора и А.Н. Бессуднова были продолжены охранные работы на многослойном поселении эпохи бронзы Балахнинское, в бассейне р. Снова (Ивашов, 2002), в ходе которых вскрыто около 400 кв. м, в культурном слое, скрытом значительными наносами (более 1,0 м), были найдены многочисленные фрагменты керамики развитого этапа среднедонской катакомбной (около 250 сосудов) и абашевской (около 150 сосудов) культур. Интересным является то, что здесь были получены свидетельства о металлургии верхнедонских катакомбных племен (Ивашов, Мельников, 2004. С. 160).

В этом же году Р.В. Смольяниновым были начаты охранные раскопки двух разрушающихся поселений Карамышево 5 и Карамышево 9, находящихся у с. Карамышево Грязинского района (левый берег р. Воронеж). На первом из них выявлены материалы воронежской и катакомбной культур, на втором – материалы терновского типа катакомбной культуры (Смольянинов, 2002).

В 2003 году под руководством Р.В. Смольянинова и автора раскопки стоянки Карамышево 9 были продолжены. Общая вскрытая площадь составила 712 кв.м, в

пределах которой изучена постройка и несколько хозяйственных ям с керамикой терновского типа, получена представительная серия кремневого инвентаря и бронзовое шило. В 2003 году Р.В. Смольяниновым небольшие раскопки были проведены на ещё одном памятнике в округе с. Карамышево – Карамышево 19, в ходе которых также выявлены материалы раннекатакомбного времени (Смольянинов, 2003).

Накопление материалов по эпохе бронзы активно продолжается и в последующие годы: в 2004–2005 гг. экспедицией ЛГПУ проводятся исследования на поселении Ксизово 6 (открытого автором в 1998 году), расположенного в устье р. Сновы (Ивашов, 1998). Под полутораметровыми слоями наносов выявлены материалы целого ряда археологических культур от неолита до средневековья, в том числе и разных этапов среднедонской катакомбной культуры (Смольянинов 2004; 2005; Лаврушин, Спиридонова, Бессуднов, Смольянинов, 2009).

В 2005 году автором после продолжительных поисков вновь найден Никольский грунтовый могильник, начало изучению которого было положено А.Н. Москаленко в 1949 году. В 2005 году на 12 кв. м было расчищено два абашевских детских погребения. Работы на могильнике были продолжены в 2006 году, на 116 кв.м вскрытой площади выявлено ещё два детских погребения абашевской и более десятка сосудов срубной и абашевской культур, а также по одному сосуду среднедонской катакомбной и воронежской культур (Ивашов, 2006). В 2010 году на памятнике было вскрыто 100 кв.м и выявлено ещё три детских погребения (два – абашевской и одно – срубной культур) (Ивашов, 2010).

В 2006 году экспедицией ЛГПУ под руководством автора проводились исследования на многослойном поселении Буховое 9, расположенном в правобережной пойме верховья р. Воронеж. На раскопе площадью 699 кв.м выявлено несколько хозяйственных ям и керамика развитого этапа среднедонской катакомбной культуры. К уникальным находкам относятся фрагменты двух плавильных чаш этого времени (Ивашов, 2006; 2009).

В 2007 году исследования в верховьях правобережной части р. Воронеж бы-

ли продолжены. Экспедицией ЛГПУ изучается памятник Васильевский кордон 1 (раскоп 262 кв.м), на котором выявлены как многочисленные поселенческие материалы катакомбной культуры, так и грунтовые погребения среднедонской катакомбной и фатьяновской культур (Смолянинов, 2007). Кроме этого, исследуется соседнее поселение Васильевский кордон 7 (141 кв.м), на котором обнаружено несколько хозяйственных ям и развалов сосудов среднедонской катакомбной культуры эпохи бронзы, а также около 180 сосудов раннего и развитого этапов среднедонской катакомбной культуры (Сурков, 2007).

В 2008 году в исторической части г. Липецка под руководством автора проводились охранные археологические исследования на пересечении улиц Фрунзе и Неделина (Ивашов, 2008). В результате этих работ в раскопе 400 кв.м, кроме материалов раннего железного века и XVII–XVIII вв., выявлено более 300 фрагментов керамики развитого этапа среднедонской катакомбной культуры, однако никаких сооружений этого времени не зафиксировано.

В 2008–2009 гг. С.В. Уваркиным, А.Н. Бессудновым и Е.Н. Мельниковым проводились раскопки разрушаемого карьером грунтового могильника катакомбной культуры у с. Ровенка Добринского района, в результате которых было выявлено восемь погребений среднедонской катакомбной культуры, четыре из них совершены в катакомбных конструкциях (Уваркин, 2008; Бессуднов, 2009).

В 2011 году были проведены исследования на нескольких поселениях, давших небольшое количество материалов катакомбного времени: городище у с. Мухино Задонского района (С.В. Уваркин и Г.Л. Земцов) и поселение Ксизово 2 в Задонском районе на р. Снова, выявленное ещё в 1964 году А.Д. Пряхиным (А.Н. Голотвин и автор). Последнее из приведенного перечня, к сожалению, к настоящему времени полностью уничтожено рекой.

В 2012 году автором вскрыто 352 кв.м на поселении Буховое 10, была выявлена и частично изучена постройка катакомбной культуры с очагом и большое количество керамики катакомбной культуры раннего и развитого этапов. Из интересных находок отметим фрагмент курильницы и орнаментированное веревоч-

ным орнаментом пряслице катакомбной культуры (Ивашов, 2015).

Таким образом, в результате работ последних тридцати лет в лесостепном Подонье получены представительные поселенческие и погребальные комплексы катакомбной культуры, изучавшиеся в соответствии с современными методическими требованиями и применением естественно-научных методов, что способствовало значительному расширению информационной базы полученных источников. Проведенные разведочные работы по целым административным районам и сплошные обследования отдельных участков рек Доно-Воронежского междуречья позволили к настоящему времени составить максимально полную карту освоения территории Верхнего Дона населением среднедонской катакомбной культуры на различных этапах её существования.

Завершая характеристику состояния источниковой базы, накопленной на третьем этапе изучения катакомбных древностей, считаем необходимым рассмотреть и вышедшие в это время основные публикации. В 1991 году авторы репринтного издания «Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития» А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев, В.И. Беседин подводят итоги изучению катакомбной культуры на территории Среднего Дона, где рассматривают проблему её происхождения, периодизации и дальнейшей судьбы её носителей, а также её соотношение с другими синхронными культурами (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991).

По вопросу происхождения среднедонской катакомбной культуры авторы придерживаются точки зрения, что основным компонентом её формирования является донецкая катакомбная культура, и в то же время генетическая связь с местным докатакомбным населением отсутствует. Свой тезис они подтверждают преемственностью в погребальной обрядности (ориентировка погребенного, наличие «Т»-образных катакомб, инвентарь и т.д.), в керамическом материале (форма, орнаментация посуды), в меньшей степени – в металле. Исследователями также не отрицается воздействие на катакомбную культуру ямных и репинских традиций (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991. С. 4-5).

В данной работе материалы среднедонской катакомбной культуры традиционно разделяются на три этапа. Ранний этап характеризуется формированием её специфических элементов, в процессе которого происходит переработка донецких катакомбных и местных докатакомбных традиций. Развитый этап характеризуется завершением начавшегося на раннем этапе процесса и формированием собственно среднедонских традиций. И, наконец, поздний или финальный этап представлен значительно меньшим числом памятников, что свидетельствует об оттоке населения с территории Среднего Дона (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991. С. 9).

Рассматривая вопрос о дальнейшей судьбе катакомбного населения, авторы приводят ряд стратиграфических свидетельств залегания культурных напластований памятников позднего периода между соотносимыми с древностями развитого периода среднедонской катакомбной культуры и доно-волжской абашевской культуры (Пряхин и др., 1991. С. 13), хотя в 1996 году А.Д. Пряхин и В.И. Беседин в другой работе высказали мысль о возможности частичной синхронизации абашевской культуры и с ранним этапом среднедонской катакомбной (Пряхин, Беседин, 1996).

Таким образом, по мнению этих исследователей, дальнейшая судьба катакомбного населения связана с абашевской культурой. Позднее выходит ещё ряд публикаций, посвященных проблематике катакомбной культуры (Матвеев, Пряхин, 1995; Матвеев, 1995; Матвеев, 1998; Матвеев, 2005; и др.). Например, в одной из статей Ю.П. Матвеев, уточняя механизм процесса взаимодействия донецкой и среднедонской катакомбных культур, подчеркивает, что лишь часть среднедонских памятников раннего этапа отличается выраженными донецкими чертами (Матвеев, 1995). Тем же исследователем проводится интересная мысль о том, что определенная часть «бахмутских» памятников Донетчины и часть ранних среднедонских отражают события единого культурного процесса в Доно-Донецком регионе – процесса формирования новой фазы или стадии развития, в основе своей донецкой культуры и на прежней, и на новой (Среднее Подонье) территории (Матвеев, 1995. С.13-14).

В 1989–1996 гг. вышел ряд статей А.Т. Синюка и его соавторов, также посвященных проблемам катакомбной культуры (Синюк, 1989; 1992; 1993а; 1993б; 1994; 1996б; 1996в; Синюк, Погорелов, 1993; Синюк, Козмирчук, 1995; Синюк, Бессуднов, 1996; Синюк, Березуцкий, 1996). Позднее все эти публикации легли в основу монографии А.Т. Синюка «Бронзовый век бассейна Дона» (Синюк, 1996а), в которой предпринята попытка пересмотра многих подходов, ранее считавшихся традиционными.

В частности, А.Т. Синюк, рассматривая вопрос о происхождении среднедонской катакомбной культуры, считает, что часть населения донецкой катакомбной культуры переселилась на территорию Среднего Дона, где оно вступает в контакт с ямными племенами, взаимодействие с которыми и наложило на первых специфический оттенок (Синюк, 1996а), что и явилось веским основанием для выделения на Среднем Дону местной катакомбной культуры (Синюк, 1983. С. 131). Заселение территории Среднего Дона шло волнообразно, что доказывается наличием, с одной стороны, погребений с ямными традициями (захоронение в яме, скорчено на спине), с другой – нахождение одновременно с ними и «Т»-образных катакомб – типичных для донецкой катакомбной культуры (Синюк, 1983. С. 144).

Содержание трех этапов существования среднедонской катакомбной культуры автором не оспаривается (Синюк, 1983), уточняются лишь их хронологические рамки.

Что касается финала существования культуры, то А.Т. Синюк, соглашаясь с рядом предложений А.Д. Пряхина и Ю.П. Матвеева относительно взаимодействия носителей культуры многоваликовой керамики с абашевско-срубным населением, отстаивает свою точку зрения, согласно которой катакомбный компонент участвует в формировании срубной культуры степного Волго-Донского междуречья, не утверждая, однако, наличие этого факта как обязательного для всех культур срубной общности (Синюк, 1996а. С. 206-207).

Целая глава в монографии посвящена вопросам социальной организации населения эпохи бронзы. В частности, А.Т. Синюк предполагает, что уже в ямно-

катакомбное время на севере степи и в лесостепном Подонье оформляется своеобразный вариант общественно-политической структуры, который типологически наиболее близок «вождествам» – «ранним комплексным обществам» – «власти царя» с достаточно четко выраженными элементами государственного устройства. Но, подойдя вплотную к барьеру государственности, это общество в силу каких-то причин не смогло его преодолеть. Затухание общественно-политической активности наметилось в поздний период бытования катакомбной культуры (Синюк, 1996а. С. 317-318).

В 1999 году выходит статья автора настоящих строк, в которой подводятся некоторые итоги изучения катакомбной культуры на Верхнем Дону. В частности, все известные на тот момент бытовые памятники (45 поселений и 35 местонахождений керамики), по аналогии с выявленными на Среднем Дону, были разделены на три этапа, также собраны сведения о пяти известных на тот период погребениях (Ивашов, 1999а).

В конце 80-х – начале 90-х гг. раскапывается ряд поселений на Верхнем Дону, результаты исследования которых вновь стимулируют рост интереса к вопросу о формировании катакомбной культуры. До недавнего времени наиболее ранние катакомбные материалы Верхнего и Среднего Дона относились к «терновскому» типу, выделенному В.И. Погореловым (Погорелов, 1984; 1991). По его мнению, керамика данного типа явилась отражением ямно-катакомбного взаимодействия (Погорелов, 1984; 1991). С расширением источниковой базы стало возможным выделение второй группы материалов раннекатакомбного времени, в которой отразилось репинско-катакомбное взаимодействие. Вопрос о выделении особой группы репинско-катакомбной керамики, по мнению В.И. Беседина и Ю.П. Матвеева, назрел уже давно (Беседин, Матвеев, 2003. С. 139)*. В 1999 году для этой своеобразной группы материалов И.А. Козмирчуком был предложен термин «верхнедонской» тип, к которому им было отнесено и часть памятников,

* Статья В.И. Беседина и Ю.П. Матвеева «Стратифицированное погребение репинской культуры Подгоренского могильника» была написана еще в начале 90-х гг., но опубликована только в 2003 году.

ранее соотносимых В.И. Погореловым с терновским типом (Козмирчук, 1999. С. 56).

Действительно, различия в керамике этих типов достаточно очевидны, хотя, с другой стороны, им присущ и ряд общих черт, что являлось, по нашему мнению, результатом проявления тенденций одного порядка – переработки катакомбных традиций местным населением. Поэтому в развитие высказанного тезиса нами предлагалось рассматривать группу древностей верхнедонского типа в контексте терновского типа, учитывая при этом их своеобразие (Ивашов, 1999б). Позднее, по мере изучения новых памятников (Замятино 10 (раскопки Н.А. Тропина 1998 года и автора 1999–2001 гг. (Тропин, 1998; Ивашов, 2000; 2001; 2002), Карамышево 5 и 9 (раскопки 2002–2003 года Р.В. Смольянинова и автора), на которых была выявлена керамика обоих типов, мы пришли к выводу, что эти материалы необходимо разделять на терновской и верхнедонской, рассматривая их в рамках раннего этапа катакомбной культуры (Ивашов, 2003в; 2005). К настоящему времени, по нашему мнению, эти материалы необходимо выделять в верхнедонской вариант катакомбной культуры, что и является одной из основных целей данной работы.

Относительно воронежской культуры, тесно связанной со среднедонской катакомбной, в последнее десятилетие в ряде работ А.Т. Синюка (Синюк, 1990; 1993б; 1996б; Синюк, Березуцкий, 2001) отстаивалась точка зрения, разделяемая и нами (Ивашов, 2002а; 2003б) о происхождении её от иванобугорской. Выделяя воронежскую культуру в начале 80-х годов, А.Д. Пряхин и В.И. Беседин её происхождение, как уже отмечалось выше, ставили в прямую связь с культурой среднеднепровской (как генетической подосновой), признавая ограниченное участие в ее сложении и носителей среднедонской катакомбной культуры. Ими же предложена и датировка воронежской культуры: конец второй – начало третьей четверти II тыс. до н.э., при этом отрицалась возможность ее хронологического смыкания с донской лесостепной срубной культурой (Пряхин, 1982; Беседин, 1984; 1988).

А.Т. Синюк проблему воронежской культуры рассматривает с несколько иных позиций. По его мнению, результат влияния катакомбных традиций на иванобугорскую культуру как раз и послужил началу её сложения. Таким образом, в ней нашли отражение взаимодействие носителей культурных традиций позднего этапа иванобугорского типа, синтезировавших еще во второй половине III тыс. до н.э. на Дону традиции энеолитической репинской и пережиточно-неолитических культур Деснинско-Волго-Окского региона. При этом от репинской культуры посуда воронежской унаследовала характерную желобчатость венчика и орнаментацию его среза, а от неолитических культур – яйцевидные пропорции, технологические приемы изготовления, штамповый ямочный орнамент по всей поверхности. То есть иванобугорская и воронежская культуры – это последовательные этапы единого этнокультурного образования (Синюк, 1996а. С. 180).

Из последних работ, связанных с проблематикой среднедонской катакомбной культуры, отметим монографическое исследование Т.Ю. Березуцкой, в котором на основании анализа погребального обряда в целом и, в особенности, погребальной керамики обосновывалось выделение в лесостепном Подонье двух её локальных вариантов. В основу типологической классификации керамики автором положены разработки С.Н. Братченко, с опорой на которую по общим морфологическим признакам были выделены Отделы; высота и характер изгиба горла сосудов, особенности и соотношения основных параметров тулова легли в основу выделения внутри Отделов Групп; последние, в зависимости от характера и способов орнаментации, были разделены на типы (Березуцкая, 2003. С. 30-36).

Т.Ю. Березуцкая, опираясь на результаты картографирования случаев нахождения в погребениях определенных категорий керамики, отметила наличие по меньшей мере двух локальных вариантов керамических традиций, присущих «западной» и «восточной» территориям распространения среднедонских катакомбных памятников, условная граница между которыми проходила по линии р. Битюг – среднее течение р. Дон (от устья р. Битюг). В частности, в качестве сугубо западных черт, распространенных преимущественно в правобережных памятни-

ках, были отмечены: высокие сосуды вытянутых пропорций с расширенной раструбной шейкой; высокие сосуды вытянутых пропорций с прямой шейкой. Для восточных районов были характерны высокие сосуды с расширенной раструбной шейкой; короткошейные горшки разных пропорций. Совместное нахождение сосудов высокошейных сосудов и короткошейных горшков было отмечено исследовательницей только в центре рассматриваемого региона.

При характеристике левобережного варианта культуры была отмечена его внутренняя неоднородность, основанная на многообразии погребальной обрядовости и принципиальном различии керамических форм раструбошейных сосудов со шнуровой орнаментацией и короткошейной керамики – с елочно-гребенчатой (Березуцкая, 2003. С. 55-56).

Самобытность и специфика керамического материала, положенная в основу выделения среднедонских классических форм, характерна, на её взгляд, только для правобережной зоны распространения катакомбных памятников. Т.Ю. Березуцкая также предположила, что разница в облике посуды, подчеркиваемая различием в погребальной обрядности, может свидетельствовать о разном возрасте восточных и западных памятников бассейна Среднего Дона (Березуцкая, 2003. С. 65-68).

Отмеченные также в погребениях правобережного варианта черты донецкой катакомбной культуры позволили Т.Ю. Березуцкой выдвинуть предположение о различных путях формирования и становления двух вариантов среднедонской катакомбной культуры (Березуцкая, 2003. С. 73-75).

В 2006 году защищена кандидатская диссертация Л.И. Маслиховой, посвященная керамике из погребений среднедонской катакомбной культуры (Маслихова, 2006а). Анализируя стратиграфические данные и результаты картографирования основных керамических групп, она подтверждает гипотезу о существовании двух локальных вариантов на территории Среднего Дона, выдвинутую А.Т. Синюком (Синюк, 1983; 1996а) и позже получившей дальнейшее развитие у Т.Ю. Березуцкой (Березуцкая, 2003), отображением которых явилось наличие специфици-

ческих форм керамики на территории распространения среднедонской катакомбной культуры – западной и восточной. Однако картографирование различных групп сосудов показывает, что граница «правобережного» и «левобережного» вариантов проходит не по линии Битюг – среднее течение реки Дон, как считала Т.Ю. Березуцкая, а по реке Дон (Маслихова, 2006а. С. 173).

Проведенный Л.И. Маслиховой анализ подтверждает существующую гипотезу о нескольких импульсах воздействия на Средний Дон – позднедонецком, ингульском и манычском, обусловивших специфику керамических форм местной катакомбной культуры. Причем отмеченные импульсы проявлялись в разное время и действовали с различной интенсивностью. Кроме этого, по мнению исследовательницы, на процесс становления и развития местной катакомбной культуры оказали влияние традиции как местных докатакомбных культур, так и некатакомбного населения сопредельных территорий. На ранних этапах существования среднедонской катакомбной культуры в керамике присутствуют элементы ямной (круглодонность сосудов) и репинской (сочетание в орнаментации сосудов прочерченных линий с «жемчужинами» и округлыми вдавлениями) культур. Поэтому прочерченный орнамент на сосудах не всегда маркирует финал среднедонской катакомбной культуры, а может являться отражением влияния репинской культуры.

Развитый период существования местной катакомбной культуры характеризуется появлением в орнаментации сосудов абашевских элементов – ромбов, но выполнены они в «катакомбной технике» – оттисками шнура или наклепными валиками.

В позднем периоде развития среднедонской катакомбной культуры можно отметить влияние среднеднепровской культуры, которое выразилось в появлении сосудов с прочерченной «паркетной орнаментацией» при сохранении местных традиционных форм (Маслихова, 2006а. С. 176).

Отметим несколько работ по сопредельным территориям, вышедшим в этот период. Например, исследование А.М. Смирнова, в котором на основе северско-донецких погребальных памятников выделены группы преддонецких захороне-

ний, ранних погребений донецкой культуры и позднекатакомбных древностей, включая харьковско-воронежскую или среднедонскую культуры, памятники позднедонецкого, манычского типов и погребения содержащие керамику с елочной орнаментацией (Смирнов, 1996). Раннекатакомбные материалы, по А.М. Смирнову, связаны с энеолитическими и позднеямными традициями, включая влияние куро-аракских кавказских традиций на донецкие древности (Смирнов, 1996. С. 27, 53). Генезис же позднекатакомбных культур и культурных типов он связывает с распространением в степь предкавказской культуры и с последующими импульсами со стороны Кавказа (Смирнов, 1996. С. 126). Он также предполагает, что раструбошейная керамика на Донетчине и в Среднем Подонье имеет общие корни происхождения в среде манычского круга памятников (Смирнов, 1996. С. 79, 124).

Памятникам среднедонской культуры А.М. Смирновым отведен раздел в главе, посвященной материалам позднекатакомбного периода. Основное внимание при изучении особенностей данной группы автор исследования уделяет керамике. В частности, им было отмечено, что в целом погребения среднедонской культуры Донетчины образуют хронологически компактную группу, время бытования которой соответствует второму этапу среднедонской культуры по периодизации А.Т. Синюка (вернее, ее правобережному варианту). Аргументируя это положение, он говорит о наличии в погребениях высоких раструбошейных сосудов с зональными мотивами в декоре из фестонов, треугольников вершиной вверх, а также короткошейных сосудов со шнуровыми композициями в орнаментике. А.М. Смирнов заключает, что сосуды с короткой прямой шейкой, приземистым или вытянутым туловом, трехзонной орнаментацией, выполненной перевитым шнуром, являются наиболее ранними на Донетчине и, возможно, являются исходной формой для форм и орнаментики, керамики, учтенной для правобережного варианта в периодизации А.Т. Синюка (Смирнов, 1996. С. 85-87). А погребения, в которых встречаются короткошейные горшки с «елочно-гребенчатой» керамикой, А.М. Смирнов соотносит с пришлой группой, смешавшейся на позднекатакомб-

ном этапе с катакомбным населением. Возможное происхождение пришлой группы автор связывает с памятниками ямной культурно-исторической общности. В соответствии с этим А.М. Смирнов отмечает, что «культурная группа с елочной керамикой в Среднем Подонье, так же как и на Донетчине, должна быть выделена особо», поэтому с включением погребений с подобной керамикой в первый этап среднедонской культуры (по А.Т. Синюку) можно согласиться лишь отчасти (Смирнов, 1996. С. 95-99).

Позднее памятники катакомбной общности верхнего течения Северского Донца рассмотрены в монографии С.И. Берестнева, в частности он вычленил материалы донецкой катакомбной культуры и группу местных харьковско-воронежских древностей, представленных в виде особого осколо-донецкого типа (200 захоронений и 30 поселений), синхронного комплексу культурных образований - среднедонской культуре, бахмутскому и манычскому типам, КМК и доноволжской абашевской культуре (Берестнев, 2001. С. 46-49). Своеобразие осколо-донецкого типа, по его мнению, проявляется в выраженных признаках донецкой катакомбной культуры.

В качестве свода памятников раннего этапа донецкой катакомбной культуры в 2001 г. выступает монография С.Н. Братченко (Братченко, 2001). Её автором генезис катакомбной общности представлен как длительный процесс, который начался в связи с трансформацией ямной культурно-исторической общности под воздействием кавказских традиций. Соответственно ранний этап этого процесса охватывает южные области – территории Предкавказья, Подонья, Подонцовья и Северного Приазовья, а поздний – более отдаленные территории, включая на севере верховья Северского Донца и Дона и на востоке правобережье Волги. Исследователь считает, что в процессе культурогенеза кавказское влияние на местные массивы населения проявляется вплоть до финала позднекатакомбного периода эпохи средней бронзы. В результате образуется крупная донецкая культурная общность, которую, по мнению С.Н. Братченко, точнее именовать донецко-донской катакомбной культурой (Братченко, 2001. С. 63-65). В целом процесс ка-

такомбного культурогенеза, в том числе и донецкой катакомбной культуры, исследователем понимается с позиции взаимодействия блока культур – вариантов ямной культуры с синхронными ими культурными группами Предкавказья.

Интересным по содержанию был процесс катакомбного культурогенеза в Волго-Донском регионе, прослеженный А.В. Кияшко (1999б; 2002) на протяжении развитого катакомбного периода, который, по его мнению, представлял активную зону взаимодействий донецкой, полтавкинской, среднедонской, западно-манычской и восточно-манычской культур. А.В. Кияшко была выделена волгодонская катакомбная культура (Кияшко, 1999а. С. 14; 2002). Он считает, что названная культура является результатом переоформления полтавкинской культуры в процессе ее контактов с донецкой катакомбной культурой. Распространение памятников волгодонской культуры отмечается на территории степи Волго-Донского междуречья. На этой же территории исследователь отмечает и наличие среднедонских, а также манычских памятников, которые не переходят в Заволжье. Отмечается синкретизм волгодонской катакомбной культуры.

Процесс катакомбного культурогенеза, по мнению исследователя, разворачивается от Приазовского центра и направляется через ближнюю (первичную) периферию Нижнего Подонья, Подонцовья и Предкавказья к дальней периферии (Поволжье, Среднее Подонье, правобережное Поднепровье и т.д.) Под Нижним Подоньем А.В. Кияшко понимает степные пространства западного – приазовского, центрального – нижнедонского и восточного – доно-волжского регионов. А.В. Кияшко, кроме катакомбных древностей Нижнего Подонья, рассматривает достаточно обширный круг культур доно-донецкого региона (донецкой, среднедонской и волго-донской) (Кияшко, 2002).

Из последних значимых исследований по катакомбной проблематике региона отметим вышедшую в 2010 году монографию С.Н. Санжарова, в которой подводится своеобразный итог изучению катакомбных памятников региона (Санжаров, 2010), и защищённую в 2012 году кандидатскую диссертацию М.Ю. Федосова «Катакомбные культуры Донецко-Доно-Волжского региона (по материалам по-

гребальных памятников)», в которой рассматриваются погребальные памятники среднедонской катакомбной и донецкой культур в Волго-Донском и Доно-Донецком междуречье (Федосов, 2012).

Завершая характеристику третьего этапа исследования каткомбных древностей, отметим, что он продолжается и в настоящее время. Ежегодные изыскания приносят новые интересные открытия, продолжает пополняться источниковая база, широко применяются при этом междисциплинарные методы. За этот период вышло несколько работ обобщающего характера, позволивших подвести определенный итог проведенным работам.

В целом же за всё время археологического изучения Верхнего Подонья был накоплен огромный материал, часть из которого пока ещё не введена в научный оборот. Однако уже только на основе опубликованных в последние годы источников представляется вполне возможным достаточно аргументировано проследить процесс становления и развития культур средней бронзы на Верхнем Дону, уточнить многие проблемы, связанные с её хронологией и этнокультурной интерпретацией.

ГЛАВА II. БЫТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Катакомбные материалы Верхнего Дона неразрывно связаны со среднедонскими и, вероятнее всего, в основе своей принадлежат окраинным этническим образованиям среднедонской катакомбной культуры. Именно с южных территорий донской лесостепи во второй четверти III тысячелетия до н.э. на Верхний Дон начинают проникать катакомбные традиции (рис. 1). В процессе формирования и становления среднедонской катакомбной культуры территория северной части лесостепи постоянно испытывала воздействие этнокультурных образований, появляющихся вследствие миграционных передвижений носителей первой. Экспансия катакомбных племен в бассейн Верхнего Дона и включение носителей присущих им традиций и идеологических установок в чуждую среду пережиточного неолита и энеолита нашло отражение в своеобразии материальных комплексов катакомбной культуры. Поэтому при сложении древностей катакомбного круга в верхнедонском регионе наблюдаются, с одной стороны, те же тенденции, что и на Среднем Дону, а с другой – проявляются своеобразные черты под влиянием местных нео- и энеолитических племен, что приводит к формированию своеобразного верхнедонского типа.

Имеющиеся комплексы катакомбного типа мы предлагаем разделить на три хронологических этапа (рис. 2): ранний, средний и поздний, опираясь на типологическую близость верхнедонских керамических комплексов среднедонским. В качестве ведущих критериев выделения этапов развития культуры была положена орнаментация и форма посуды.

Сразу оговоримся, что в основу проводимого анализа керамических серий были положены коллекции поселений, где, к сожалению, встретить целые и даже «археологически целые» формы сосудов весьма проблематично ввиду специфики

данного типа археологического памятника. Анализировались фрагменты венчиков, стенок, днищ, по самым крупным из которых проводилась графическая реконструкция. Приведем перечень наименований частей, принятых нами при описании керамической посуды, не заостряя внимания на разночтениях в терминологии (в данном случае мы используем членение сосуда, предложенное В.Ф. Генингом) (рис. 3): дно; придонная часть; плечико; тулово, корпус, стенки (боковые стенки); основание шейки; шейка (горло); венчик, край; срез венчика, срез края, устье; горловина (венчик-шейка-основание шейки) – верхняя часть сосуда, его устье, через которое он заполняется (Генинг, 1992. С. 48).

Наряду с морфологической классификацией был произведен анализ орнаментации катакомбной керамики.

Под орнаментом обычно понимается «узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов ... связанный с поверхностью, которую он украшает и зрительно организует, как правило, выявляя или акцентируя архитектонику предмета» (Недошивин, 1978. С. 524).

Определим терминологию, которая использовалась при данном анализе орнамента.

Техника орнаментации (= прием орнаментации = способ орнаментации) – определение «отпечатков» по орудиям, которыми они были нанесены:

- гребенчатая (гребенчатый штамп) - орнамент выполнен орудием, имеющим рабочую поверхность в виде гребенки (рис. 4);

- веревочная/шнуровая (шнуровой штамп) – орнамент выполнен при помощи отгисков шнура (веревочки) (рис. 5);

- валиковая – орнамент выполнен при помощи налепного или оттянутого валика (рис. 6, 1);

- прочерченная техника – орнаментация, выполненная палочкой («палочка» - достаточно условный термин) (рис. 6, 2).

Орнаментир – инструмент для нанесения декора, который при соприкосновении с глиняной поверхностью оставляет след. Орнаментами могут служить предметы с разнообразными первичными функциями (Глушков, 1996. С. 63-64).

Элемент орнамента – простейшая единица орнамента, представляющая собой единичные отпечатки штампов. Элемент создается одномоментным, более (прочерченная линия) или менее (оттиск штампа) кратковременным действием.

Мотив (фигура) орнамента – комбинация элементов орнамента, основанная на их повторяемости в рамках композиции. Мотивы могут быть простыми, состоящими из одного элемента, или сложными, состоящими из нескольких элементов. Применительно к катакомбной керамике это, как правило, какие-либо геометрические фигуры.

Основные мотивы орнамента среднедонской катакомбной керамики: треугольник вершиной вверх; треугольник вершиной вниз; «вертикальная елочка» (редко); «горизонтальная елочка»; вертикальные линии; горизонтальные линии; полуфестон; горизонтальный зигзаг; и др. (рис. 4, 5, 6).

По технике нанесения орнамента, вернее, по преобладанию того или иного приема орнаментации в основных орнаментальных зонах – «плечики» и средняя часть тулова сосудов, вся керамика была разделена на четыре орнаментальных типа:

– первый тип - керамика, орнаментированная при помощи «гребенчато-зубчатого» штампа («гребенчато-зубчатая керамика») (рис. 4). Ведущий прием нанесения орнамента – «гребенчатый» или «зубчатый» штампы. Другие приемы нанесения орнамента – шнур, тесьма, «личинки», вдавления, прочерченные линии и т.п. играют подчиненную роль. Весьма характерно составление оттисков гребенчатого штампа в «горизонтальную елочку», крайне редко встречаются оттиски «гребенчатого» штампа, составленные в «вертикальную елочку»;

– второй тип – керамика, орнаментированная при помощи оттисков шнура («шнуровая керамика»), т.е. в орнаментации преобладают оттиски простого и перевитого шнура, тесьмы, «личинок» (рис. 5). Встречаются оттиски двойного или даже тройного шнура. «Шнуровая» техника в орнаментации среднедонской катакомбной керамики играет ведущую роль, хотя нередко сочетается с прочерченными линиями, «гребенчатым» штампом, валиками и т.п. Основные мотивы этого типа – горизонтальные опоясывающие линии или треугольники, вершиной вверх

и вниз; «личинки», как правило, составленные в «горизонтальную елочку». Встречаются и другие фигуры орнамента – зигзаги, полуфестоны, косые, пересекающиеся линии и т.п.;

– третий тип – керамика, орнаментированная при помощи оттянутого или налепного валика, налепных шишечек и т.д. («валиковая керамика») (рис. 6, 1). В орнаменте валик чаще сочетается с прочерченными линиями. Преимущественно при помощи валиков орнаментировались шейка и верхняя часть тулова сосудов. В большинстве случаев - это горизонтальные опоясывающие линии;

– четвертый тип - керамика, в орнаментации которой преобладает прочерченная техника («прочерченная керамика») (рис. 6, 2). «Почерченный» орнамент в отдельных случаях покрывает весь сосуд, а иногда - лишь «шейку» и верхнюю часть тулова.

Для *раннего этапа* определяющим признаком в керамическом материале являются короткошейные, хорошо профилированные плоскодонные сосуды с выраженной короткой шейкой и выпуклым туловом, в орнаментации характерно использование 1 и 2 орнаментальных типов, наиболее ярким признаком является украшение шейки сосуда «жемчужной» орнаментацией (верхнедонской тип). А также горшки с профилированным вовнутрь венчиком, образующим при переходе в тулово выступ, также украшенные «жемчужинами», гребенчатым и веревочным штампами (терновской тип). К *развитому этапу* мы отнесли сосуды как с невысокой, так и с высокой раструбовидной шейками, украшенные веревочным и гребенчатым орнаментом. К *позднему этапу*, по нашему мнению, следует относить посуду той же формы (с высокой раструбовидной шейкой), но украшенную валиковой и прочерченной орнаментацией. Сразу отметим, что на некоторых памятниках встречалась керамика нескольких этапов, поэтому число поселений разных этапов и общее количество памятников не совпадает.

2.1. Бытовые памятники раннего этапа

К настоящему времени можно утверждать, что ранний этап катакомбной культуры на Верхнем Дону представлен двумя типами материалов: «терновским»

(выделен В.И. Погореловым (Погорелов, 1984; 1991) и «верхнедонским» (термин предложен И.А. Козмирчуком (Козмирчук, 1999)). Действительно, различия в керамике этих типов достаточно чёткие, хотя есть и наличие ряда общих черт. Как нами уже отмечалось, они явились результатом проявления тенденций одного порядка – переработки катакомбных традиций местным населением, в связи с чем мы и предлагали рассматривать их с учётом своеобразия в контексте терновского типа (Ивашов, 1999), на неоднородность этих материалов, даже в рамках одного типа, обращал внимание и В.И. Погорелов (Погорелов, 1984).

С изучением новых памятников (Замятино 10 (раскопки Н.А. Тропина 1998 года и автора 1999–2001 гг. (Тропин, 1998; Ивашов, 1999; 2000; 2001; 2001б; 2001в; 2003а), Карамышево 5 и 9 (раскопки 2002–2003 гг. Р.В. Смольянинова и автора (Смольянинов, 2003; 2004), на которых была выявлена керамика обоих типов, мы пришли к уже упомянутому выводу, что эти материалы все-таки следует разделять, но при этом рассматривать их в рамках раннего этапа катакомбной культуры (Ивашов, 2003в. С. 94-95). По мнению В.И. Погорелова, древности терновского типа появились в результате взаимодействия ямных и катакомбных традиций (Погорелов, 1984; 1991), а верхнедонской тип – катакомбных, репинских и других местных пережиточно-неолитических традиций (Козмирчук, 1999; Ивашов, 2003в).

К настоящему времени поселений, относимых к раннему этапу, известно 48 (рис. 7, 8), причем на большинстве из них (37) были проведены археологические раскопки. Материалы верхнедонского типа были получены на 44 поселениях, а терновского – лишь на десяти, при этом на шести поселениях материалы залегали совместно. В.И. Погорелов при выделении терновского типа отнес к нему ряд поселений (Животинное, Семилукское городища, Студёновка 3, Шиловское и др.) (Погорелов, 1991), которые, по нашему мнению, относятся к верхнедонскому типу.

Характерной чертой поселений этого этапа является слабая насыщенность культурного слоя. Памятников обоих типов с достаточно представительным культурным слоем насчитывается около десяти; показательно, что и основная часть

коллекций происходит, в основном, из раскапываемых многослойных поселений. По результатам же разведочных работ выявленные находки единичны. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что для раннего этапа характерны временные стойбища. Отдельные же памятники раннего этапа с насыщенным культурным слоем можно интерпретировать как серию многолетних сезонных стоянок, проследить ритмику которой археологически не возможно.

Перейдём к характеристике керамических комплексов раннего этапа, представленных двумя типами – терновским и верхнедонским.

Основанием для выделения терновского типа послужили специфические черты керамического материала, полученные на поселении Терновое (Семилукский район Воронежской области). Этот эпонимный памятник занимал высокий (около 40 метров) мыс правого берега р. Ведуги в лесостепном правобережье Дона. Раскопки проводились экспедицией Воронежского госпединститута под руководством В.И. Погорелова в 1981–1982 годах. Общая площадь раскопа – 348 кв. м. Керамика катакомбной культуры эпохи бронзы включает 1861 фрагмент, в том числе 174 венчика от 123 сосудов четырех типов, которые, в свою очередь, В.И. Погорелов разделил на подтипы и разновидности. В основу их выделения были положены различные формы сосудов. При выделении подтипов и разновидностей автором раскопок учитывались особенности оформления венчиков (Погорелов, 1984. С. 143):

первый тип (50 сосудов (40,7%) – горшки с невысоким венчиком, плавно переходящим в яйцевидное тулово: *подтип А* (44 сосуда (35,8%) – горшки с невысоким прямым венчиком (рис. 9, 1-2); *подтип В* (6 сосудов (4,6%) – горшки с невысоким, профилированным наружу венчиком (рис. 9, 3-4);

второй тип (62 сосуда (50,4%) – горшки с профилированным вовнутрь венчиком, образующим при переходе в тулово выступ: *подтип А* (19/15,5%) – горшки с ровно приостренным венчиком (рис. 9, 5-6); *подтип В* (43/34,9%) – с оформлением верха в виде «воротничков»: разновидность 1 (30/24,4%) – с треугольным в сечении «воротничком» (рис. 9, 7; 10, 1-2); разновидность 2 (8/6,5%) – с подпрямоугольным в сечении «воротничком» (рис. 9, 8-10); разновидность 3 (2/1,6%) – с

трапециевидным в сечении «воротничком» (рис. 9, 11-12); разновидность 4 (3/2,4%) – с овальным в сечении «воротничком» (рис. 9, 13-14);

третий тип (9/7,3%) – горшки с высоким раструбовидным горлом (рис. 9, 15-16);

четвертый тип (2/1,6%) – горшки с желобчатым венчиком (рис. 9, 17) (Погорелов, 1984).

По орнаментации В.И. Погорелов разделил керамику на две основные группы: гребенчатую (60%) и шнуровую (40%). Используется штамп створкой раковины *Unio*, пунктирный или глубокий прямой штамп, обычны сочетание штампа с ямками или «жемчужинами» (Погорелов, 1984. С. 144).

Для орнаментации керамики со шнуровым орнаментом чаще применялись оттиски простого шнура, составленные в горизонтальные ряды, реже – в геометрические композиции. Характерна также орнаментация короткими оттисками перевитого шнура – «личинками», используется тесьма. Шнур нередко сочетается с ямочными вдавлениями. На керамике встречаются ногтевые защипы, прочерченные линии, наколы.

Специфичны и технологические признаки: сосуды изготовлены из хорошо промешанной глины. Для 73,3% керамики характерна примесь охристой крошки. Внешние поверхности расчесывались, а потом хорошо сглаживались. Изредка применялся прием ангобирования. Отдельные фрагменты имеют «пачкающие» поверхности.

В.И. Погорелов отмечает, что сосуды 1-го типа соотносятся с сосудами нижнего хронологического горизонта павловского (раннего) (по А.Т. Синюку) этапа среднедонской катакомбной культуры. В керамике подобного рода ощутимо прослеживаются гончарные традиции племен ямной культуры: яйцевидность форм, незначительная профилировка венчика, господство гребенчатой орнаментации в горизонтальной елочной композиции. Аналогичная керамика известна и на ряде других поселений лесостепного Дона: Университетские 1-3, Шиловское, Белогорское 1 и др. (Погорелов, 1984. С. 146-147).

Облик сосудов второго типа, как раз и послужил основанием для выделения своеобразного терновского типа. В.И. Погорелов подчеркивает, что он ближе к древностям ямно-репинского круга: из репинских гончарных традиций можно отметить орнаментацию ямками, «жемчужинами», гребенчатым штампом, защипами при «ямной» форме сосудов (Погорелов, 1984. С. 146). Данная группа керамики и явилась основой для выделения терновского типа.

На поселении вскрыты остатки трех полуземляночных построек, девять хозяйственных ям и четыре очага. Все постройки прямоугольной формы, их размеры 3,95 x 2,55 м; 3,15 x 1,9 м и 5,7 x 2,8 м (глубина в материке – до 0,55 м) (Погорелов, 1986. С. 141-142).

Памятников с керамикой терновского типа на Верхнем Дону выявлено не много, всего десять. Там, где она была обнаружена, проводились раскопки, но керамика (за исключением собственно Терновского поселения, Замятино 10 и Карамышево 9) встречается в единичных экземплярах.

Для керамических материалов памятников терновского типа, выявленных на поселениях Замятино 10, Карамышево 9, Липецкое Озеро, Белогорское 1, Ксизово 6 и 19, Рыбное Озеро 2 характерны венчики от закрытых, бесшейных горшков, часть из которых имеют уступ при переходе от тулова к венчику (рис. 10, 3-9; 11, 1-3, 17; 12, 7). Встречаются также невысокие шейки, плавно отогнутые от тулова, края которых уплощены, закруглены, иногда приострены (городище Чернышова гора 1 (Голотвин, 2006; 2007), Карамышево 9 (Смольянинов, 2003) (рис. 13-14). Сосуды орнаментировались «жемчужинами», гребенчатой орнаментацией, рядами наколов и вдавлений. В глиняном тесте в качестве примесей использовалось значительное количество песка, немного органики и шамота.

Перейдем к характеристике керамики верхнедонского типа, особенности которой хорошо прослеживаются на примере коллекции поселения Студёновка 3, раскопанного в 1988–1989 гг. экспедицией ЛГПИ под руководством А.Н. Бессуднова (Бессуднов, 1988; 1989; Ивашов, 2000; Бессуднов, Ивашов, 2002). Памятник расположен примерно в 50 км выше г. Липецка по течению р. Воронеж, у с. Делеховое Добровского района, в пойме правого берега (рис. 15, 1-3). Он занимает су-

песчаную дюну размерами 40х90 м, вытянутую в направлении юго-запад - северо-восток, высота которой над уровнем реки достигает 5 м, с северной и западной сторон её окружают промоины (Бессуднов, 1988; 1989).

Культурный слой сильно перемешан, по краям памятника он более мощный, а к вершине, вследствие наибольшей подверженности её эрозийным процессам, значительно уменьшается. Стратиграфия следующая: темно-серая супесь, идущая под дерном (0,02-0,05 м) распределяется неравномерно: у вершины дюны – от 0,02 до 0,2 м, на её склонах – от 0,05 до 0,8–0,85 м. Следующий слой (серая предматериковая супесь) начинается с 0,2 м у вершины и с 0,85 м на склонах и достигает глубины 0,4 и 0,95 м, соответственно. Материк – белый песок (рис. 15, 5-7). Песчаная структура почвы, слабость почвообразовательных процессов, а также многократность заселения дюны и интенсивная хозяйственная деятельность вплоть до недавнего времени способствовали сильному смешиванию материала, что существенно снижает возможность стратиграфического анализа и получения наиболее полной информации о каждой из эпох, представленных в материалах поселения.

Общая площадь раскопа составила 1370 кв.м, в пределах которой было изучено три постройки и 23 хозяйственные ямы, относящиеся к катакомбной культуре.

Керамики катакомбной культуры выявлено 3964 фрагмента: в первом слое (0-0,2 м) – 1912, во втором (0,2-0,4 м) – 1681, в третьем (с 0,4 м и ниже) – 371 фрагмент. Как видно из приведенной статистики, стратиграфически она тяготеет к первым двум слоям, представленным темно-серой супесью, а планиграфически – к вершине дюны и концентрируется возле постройки 1 и у хозяйственных ям (рис. 15, 4).

Керамическая коллекция из комплексов и слоя анализируется вместе в связи с её однородностью. В общей сложности она представлена фрагментами 141 венчика, 135 шейками, 3807 стенками и 86 днищами. Толщина фрагментов колеблется от 0,5 до 1,0 см, тесто рыхлое, обжиг костровой. В качестве отощителя глиняной массы используется песок, органика, встречается охра, мелкий шамот. Внут-

ренные поверхности покрыты расчесами, темно-коричневого и черного цветов, внешние поверхности – коричневого и красновато-коричневого цветов со следами заглаживания и подлощения.

Большинство выявленных фрагментов венчиков принадлежит к типу невысоких сосудов с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей в выпуклое тулово. По оформлению края венчика выделяется несколько подтипов:

подтип 1 (16 сосудов) (рис. 16, 14, 16). Срез венчика уплощен. Элементы орнамента – шнур, пояски округлых или овальных вдавлений, «жемчужин», встречаемых «жемчужин», оттиски гребенчатого штампа;

подтип 2 (около 50 сосудов) (рис. 16, 1-4, 8, 13, 16-18). Срез венчика закруглен. Характерные элементы орнаментации: встречаемая «жемчужина», ряды ямок, пояски из шнура, спаренной веревочки, тесьмы, гребенчатого штампа сформированного в елочную композицию. Встречается сочетание оттисков гребенки и шнура, причем гребенка превалирует. Для данного типа, как правило, наружный край венчика орнаментирован вертикальными насечками, вдавлениями и оттисками короткой гребенки;

подтип 3 (около 30 сосудов) (рис. 16, 5, 7, 9-11, 13). Край венчика приострен. В орнаментации данного подтипа встречаются ямочные вдавления, встречаемые «жемчужины», спаренная веревочка, ряды гребенки. В одном случае зафиксировано валиковое утолщение венчика (рис. 16, 11).

Кроме этого, выявлены фрагменты сосудов, которые ввиду своей малочисленности, не образуют отдельных групп:

- фрагмент венчика от горшковидного сосуда, с сильноотогнутой короткой шейкой, орнаментированной рядом встречаемых «жемчужин» и горизонтальными рядами оттисков зубчатого штампа, под которыми расположен ряд ямочных вдавлений (рис. 16, 15);

- фрагмент невысокого венчика с раструбовидным горлом, образующим внутреннее ребро, орнаментированного горизонтальными рядами крупной вере-

вочки. Поверхности сосуда подлощены, в тесте примесь песка и мелкого шамота (рис. 16, 6);

- три фрагмента венчика от закрытого сосуда, с уступом при переходе к тулову, орнаментированного рядами наколов расщепленной палочкой и рядами глубоких ямочных вдавлений. В тесте примесь мелкого песка, незначительного количества органики и шамота (рис. 16, 19).

В орнаментации сосудов выделяется четыре группы:

Наиболее многочисленная гребенчатая группа (54%) - оттиски длинной (более 8 зубцов) и короткой гребенки (до 5 зубцов) сформированы в горизонтальные ряды и елочные композиции (рис. 16, 20; 17, 2-3, 6-9).

Веревочная орнаментация (14%) (простая, короткая, крупная и мелкая веревочка, двойная встречная и параллельная веревочка и т.д.); данные элементы орнамента сформированы в следующие композиции: горизонтальные и вертикальные ряды (рис. 17, 11, 24, 31), геометрические мотивы (рис. 17, 4, 16, 18, 21), круговые (рис. 17, 19) и т.д.

Немногочисленную группу – 3% – составляют фрагменты, орнаментированные сочетанием различных элементов: ряды ногтевых зашипов, ряды ногтевых зашипов в сочетании с гребенкой, с тесьмой (рис. 17, 15), с тесьмой и наколами (рис. 17, 10, 12); сочетание тесьмы с наколом (рис. 17, 17, 20), веревочки и гребенки (рис. 17, 5, 22-23), гребенки и накола, единичны фрагменты с отпечатками ракушки (рис. 17, 13-14), гладкого штампа и мелкозубчатого штампа (рис. 17, 1). Причем керамика с ногтевыми зашипами выделяется тонкостенностью, плотностью, примесью песка в тесте и несколько меньшим содержанием в нем органики.

Многочисленную группу составляют фрагменты сосудов без орнамента (29%), поверхности их лишь тщательно заглажены, некоторые подлощены.

Если рассматривать отдельно ямочные вдавления, «жемчужины» и встречные «жемчужины» по шейке, как элемент орнамента керамики поселения Студёновка 3, то они встречаются на 272 фрагментах венчиков и шеек, из которых, 28%, кроме «жемчужин», украшены веревочной орнаментацией (рис. 17, 3-4, 10), 32% – гребенчатой (рис. 17, 2-3, 6-9), 32,2% – без каких-либо дополнительных

элементов (рис. 17, 21). Фрагменты венчиков и шеек без «жемчужин» составляют всего 7,8%!

На поселении выявлено 86 фрагментов днищ, большинство из которых от сосудов, плавно переходящих в тулово (рис. 17, 26), семь – с невысоким поддоном (рис. 17, 27, 30), 62,3% днищ орнаментировано горизонтальными рядами гребенчатого штампа (рис. 17, 25-27, 30, 32-33), 32% – без орнамента, 4,5% – вертикальной веревочкой (рис. 17, 28), одно днище с отпечатками гладкого штампа. Кроме этого, отметим фрагмент днища миниатюрного сосудика, орнаментированного горизонтальными рядами гребенки в елочку (рис. 17, 29).

На раскопанной площади поселения Студёновка 3 изучено три постройки катакомбной культуры (Бессуднов, 1988; 1989; Ивашов, 2000; Бессуднов, Ивашов, 2002).

Постройка 1 – сооружение полуземляночного типа, углубленное в материк до 0,2 м, почти правильной прямоугольной формы с закругленными углами размерами 4,6 x 6,0 м. По углам её и вдоль стен расположены столбовые ямки, глубина которых колеблется от 18 до 70 см (от уровня пола). Последние, по видимому, связаны с опорными угловыми столбами. Кроме того, в самой постройке выявлено восемь столбовых ям, на первый взгляд, не представляющих никакой системы, но, видимо имеющих какое-то отношение к общей конструкции сооружения. Стены постройки почти везде отвесно спускаются к полу. В южном углу её идет общее небольшое углубление (до 0,2 м от уровня пола), от которого параллельно коротким стенам расположены три столбовые ямы глубиной от 23 до 34 см, которые как бы делят сооружение на две камеры – восточную и западную. В восточной части находится очаг и хозяйственная яма, а в западной – две хозяйственных ямы. Очаг представляет собой округлое скопление прокаленной почвы, золы и мелкого угля мощностью до 3 см и размерами 90 x 90 см. Все выявленные внутри постройки хозяйственные ямы овальной формы, параметры которых 0,68-1,5 м x 1,1-1,9 м и глубина от 0,3 до 0,65 м.

Постройка 2 – наземная, столбовой конструкции с центральным столбом посередине, от которого осталась столбовая яма диаметром 0,8 и глубиной 0,75 м.

Постройка прямоугольной формы со скругленными углами, её размеры 5,6 x 7,0 м. Вдоль стенок её выявлено 16 столбовых ямок. Внутри также обнаружена хозяйственная яма овальной формы диаметром 0,8 x 1,25 м с двумя округлыми столбовыми ямками на дне, с почти отвесными стенками. Еще три хозяйственные ямы (из них две слиты в одну) имеют размеры 1,4 x 2,5 м также со столбовыми ямками в конструкции находились в восточной части постройки. Определить, что является более поздним сооружением: данные ямы или постройка – не представляется возможным ввиду отсутствия читаемой стратиграфии и датированного материала в этих ямах.

Постройка 3 – наземного типа, форма её реконструируется по столбовым ямкам, в южной части – подпрямоугольная, расстояние между длинными боковыми линиями – 3,2-3,9 м, далее длинные стороны как бы сближаются и с северной стороны соединяются, образуя её овальное завершение. Примерно в центре сооружения перпендикулярно длинным сторонам находятся шесть столбовых ям, расположенных в виде ломаной линии, представляющих, вероятнее всего, следы перегородки, разделяющей постройку на две камеры. Материал, выявленный в постройке, локализовался в её южной камере и представлен 21 фрагментом стенок катакомбной культуры, фрагментом днища и фрагментом зернотерки из мелкозернистого песчаника темно-серого цвета.

Выявленные рядом с постройкой хозяйственные ямы – преимущественно овальной формы размерами от 1,0-1,5 x 0,8-2,0 м и глубиной, не превышающей 0,5 м.

На р. Дон одним из самых изученных и практически самым северным пунктом с керамикой верхнедонского типа является поселение Замятино 10, которое изучалось под руководством Н.А. Тропина и автора (Тропин, 1998; Ивашов 1999, 2000, 2001). Общая раскопанная площадь памятника составляет 1325 кв.м. (рис. 18).

Поселение Замятино 10 расположено на участке правого коренного берега р. Дон высотой около 30 м, в северо-восточной части с. Замятино Задонского района Липецкой области (рис. 18, 1). С западной и юго-западной сторон площадка огра-

ничена большим крутым оврагом. Большая часть памятника (северная, центральная и восточная) уничтожена карьером. Сохранившаяся поверхность задернована. С учетом разрушенного карьером участка приблизительные размеры памятника могли составлять 150x100 м.

В результате раскопок была выявлена следующая стратиграфия: 0-0,05 м – дерн; 0,05-0,2/0,4 м – светло-серый чернозем; 0,2/0,4-0,3/0,45 м – суглинок; материк – в западной части раскопа - известняк, в восточной части - желтая глина.

Поселение многослойное, в ходе исследований был получен достаточно разнообразный и многочисленный материал разных исторических эпох – неолита, энеолита, воронежской и катакомбной культур эпохи бронзы, боршевской культуры и древнерусского времени (XIII–XIV вв).

С площади раскопа происходит более 14 тысяч фрагментов катакомбной культуры, принадлежавших не менее чем 600 сосудам (фрагментов только венчиков и днищ – 842 и 293, соответственно).

подавляющая часть керамической серии относилась к её раннему этапу, для неё характерны венчики с выделенной шейкой, край сосуда, как правило, отогнут наружу, срез закруглен, уплощен или приострен. В то же время в коллекции присутствуют вертикальные шейки, которые плавно отделены от тулова. Срез венчика или его край орнаментировался поясками гребенки или насечек. По шейке сосуд практически всегда (до 95%) украшался пояском жемчужин или встречных жемчужин. Коллекция стенок делится на две основные орнаментальные группы: гребенчатую и шнуровую. В тесте в качестве примеси встречены различные сочетания песка, шамота и охристой крошки (рис. 11, 4-16; 19; 20; 21). Кроме верхнедонского типа керамики на данном поселении получена небольшая (около десяти сосудов), но выразительная коллекция терновского типа (рис. 10, 3-6; 11, 1-3, 17).

На данном памятнике также было выявлено несколько строительных сооружений временного характера (Тропин, 1998; Ивашов, 1999; 2000; 2001; Ивашов, 2003г). В частности, в 2001 году была изучена постройка, которая представляет собой слегка углубленное в материк из известнякового щебня (до 0,15 м от уровня материка), прямоугольное (4,7 x 3,0 м) сооружение с закругленными углами, ори-

ентированное по сторонам света, при этом длинными сторонами – по линии запад-восток (рис. 22, I). Заполнение котлована постройки – чернозем с включениями известнякового камня, над которым расположен слой с вкраплениями угля.

В юго-восточном углу постройки выявлен очаг круглой формы диаметром 0,65 м и толщиной прокала чуть более 0,05 м. У западной стенки её почти по центру исследована небольшая хозяйственная яма, диаметр которой – 0,7 м, глубина – 0,34 м от уровня пола постройки (рис. 22, I), заполненная черноземом. При разборке ямы выявлено 143 мелких фрагмента раздробленных костей, пять стенок катакомбной культуры (две с гребенчатой орнаментацией, одна – с личинками и две стенки без орнамента).

В северной части постройки зафиксировано два выступа, связанных, по всей видимости, со входом в жилище или каким-либо навесом. Один из выступов расположен в северо-восточном углу, имеет длину почти 1,0 м, у его основания находилась небольшая столбовая ямка овальной формы 0,3 x 0,5 м и глубиной 0,22 м от уровня пола, заполненная черноземом. Второй выступ выявлен по центру северной стенки, протяженностью 0,8 м, с ним связаны две овальные столбовые ямки – одна в восточной части основания выступа размерами 0,4 x 0,22 м и глубиной 0,13 м, другая – в его вершине – размерами 0,44 x 0,3 м и глубиной 0,2 м.

Кроме этого, в непосредственной близости от котлована постройки обнаружено еще две столбовых ямки, скорее всего, также связанных с особенностями её конструкции: одна – у восточной стенки, в 0,25 м от неё, диаметром 0,22 м и глубиной 0,13 м, другая, почти круглой формы, – в 1,0 м от южной стенки, яма размерами 0,4 x 0,44 м и глубиной около 40 см, заполненная черноземом.

В 0,4 м к северо-северо-востоку от постройки находилась также связанная с ней хозяйственная яма, которая представляет собой овальное в плане сооружение размерами 1,8 x 0,9 м и глубиной 0,45 м от уровня материка. Стенки ямы – почти отвесные, южная часть с небольшим подбоем. Заполнение ямы – чернозем с вкраплением известняковых камней.

Подробно рассмотрим керамический материал, выявленный в заполнении, так как он представляет собой закрытый комплекс и интересен с позиций выхода

на решение проблемы хронологии. В заполнении выявлены: 41 фрагмент кости, просверленный астрагал (рис. 22, II-11) и большое количество керамики катакомбной культуры, из которого выделяется обнаруженная в юго-западном углу сооружения курильница на четырех крестообразных невысоких нерасчлененных ножках, орнаментированная прочерченными линиями сформированными в треугольные композиции и в сочетании с вертикальными рядами вдавлений (рис. 22, II-10). Курильница относится к III-му типу (подтип 1, разновидность А) типологии среднедонских катакомбных курильниц Т.Ю. Березуцкой (Аринчиной) (Аринчина, 1988. С.77). Данный подтип и разновидности его самые многочисленные (8 экз.), причем одна из курильниц также украшена прочерченными линиями в сочетании с наколами (Первый Прилепский могильник, к. 1, п. 3). Кроме этого, в заполнении котлована обнаружены восемь венчиков от горшковидных сосудов с невысокой шейкой, четыре из которых орнаментированы рядами «жемчужин» и встречных «жемчужин» (рис. 22, II-1, 3), два венчика без «жемчужин» (рис. 22, II-2) и ещё два венчика мелких и невыразительных; семь шеек также от короткогорлых сосудов, орнаментированные рядами «жемчужин» и различными сочетаниями гребенки, ногтевых защипов, наколами веревочки и т.д. (рис. 22, II-4-6). Из 84 стенок, находившихся в заполнении 38 – с гребенчатой орнаментацией, сформированной в елочку и ряды, 21 - без орнамента, 11 – с веревочной орнаментацией, две стенки с наколами, одна – с сочетанием веревочки и ногтевых защипов и 11 – с сочетанием веревочки и гребенки (рис. 22, II-8). В данной серии две стенки выделяются нетипичной для данного памятника (и Верхнего Дона в целом) орнаментацией в виде вертикальных рядов гребенки (рис. 22, II-7, 9).

Другое наземное сооружение (рис. 18, 2) было выявлено практически в центре и изучалось в течении 3-х лет (рис. 23). В 1998 году Н.А. Тропиным сочетание столбовых ямок и двух очагов было интерпретировано как постройка (на Рис. 23 предполагаемые им границы её обведены пунктирной линией). Она представляла собой наземное прямоугольное сооружение со скругленными углами, столбовой конструкции, размерами 6,6 x 5 м. Длинной осью она вытянута по линии северо-восток – юго-запад. Контуры постройки были зафиксированы по наличию стол-

бовых ямок, двух очагов и скопления керамики катакомбной культуры. По расположению столбовых ям Н.А. Тропин разделил сооружение на две условные половины: северо-восточную и юго-западную (Тропин, 1998. С. 14). Мы же считаем, что подобная интерпретация является сугубо авторской и не отражает истинного положения дел.

По периметру постройки расположено 17 столбовых ямок, диаметр их – 0,05-0,15 м, глубина от 0,05 до 0,3 м. У северо-восточной и северо-западной стен несколько столбовых ямок находятся за пределами котлована. Постройка разделена на две равные части рядом столбовых ямок. В центре северо-восточной половины сооружения находится очажное блюдо диаметром 0,6 м, углубленное в материк на 0,07 м, стенки ямы плавно опускаются ко дну, которое заполнено золой. Вокруг очага расчищены однотипные по размерам и глубине девять столбовых ямок (глубина в материке 0,05-0,2 м и размеры 0,1-0,2 м).

В юго-западной половине в северной части также выявлено прокаленное очажное блюдо диаметром 0,8 м. Ещё семь столбовых ямок расположены внутри постройки, размеры их – 0,1-0,2 м и глубина до 0,2 м. Считаем, что они связаны с её внутренним устройством. В этой части жилища у юго-западной стенки исследована хозяйственная яма с отвесными стенками, размерами 1,1х1,3 м, глубиной – 0,39 м. В ее заполнении было обнаружено несколько фрагментов керамики катакомбной культуры.

В последующие годы (1999–2000) немного юго-западнее рассматриваемого сооружения было выявлено ещё несколько хозяйственных и столбовых ям, очаг. Хозяйственные ямы достаточно обширны: площадь их – 1,0-2,6 х 0,5-1,4 м, а глубина – 0,1-0,4 м. В их заполнении содержалось большое количество костей животных, керамики катакомбной культуры, а в одной из них был обнаружен каменный пест. В 1,5 м к юго-западу от этого скопления ям был расчищен ещё один комплекс хозяйственных ям и канавок, среди которых также находился очаг.

Рассматривать весь вышеописанный комплекс №2 (рис. 23) как большую постройку, на наш взгляд, нельзя. Это связано с тем, что данное поселение, как мы уже отмечали выше, представляет собой серию сезонных стоянок, отражением

которых и являются выявленные сооружения. Мы считаем, что в древности здесь функционировали в разное время, по крайней мере, две наземных постройки катакомбной культуры.

Кроме этого, на раскопанной площади было изучено еще три скопления столбовых и хозяйственных ям с очагами (№1, 3-4) (рис. 18, 2), которые также можно считать остатками наземных построек. Одно такое скопление (№1) было выявлено в северо-западной части раскопа. Оно состояло из 22 разновеликих столбовых, трех хозяйственных ям и очага (рис. 24, 1), хотя в заполнении большинства их материала не обнаружено, однако в слое над ними по всей площади отмечена высокая концентрация керамики катакомбной культуры.

Скопление №3 располагалось неподалеку от центральной части поселения, оно состояло из 10 столбовых ямок, часть из которых соединялась в одну, две ямы соединялись в одну с включением в комплекс и небольшого очага, рядом с ними находилась еще одна неглубокая, но достаточно обширная (2,0 x 2,0 м) хозяйственная яма (рис. 24, 2).

И, наконец, скопление №4 выявлено неподалеку от вышеописанного, оно состояло из четырех хозяйственных ям с достаточно сложной внутренней конструкцией, четырех маленьких столбовых ямок, канавки со столбовой ямой на конце и очага (рис. 24, 3).

На площади поселения было расчищено ещё семь открытых очагов, не связанных с какими-либо сооружениями (рис. 18, 2). Практически во всех из них находилась керамика катакомбной культуры, что и позволяет соотносить их со временем её существования. Незначительный слой прокала в очагах также свидетельствует о непродолжительном времени их использования.

Представительные коллекции верхнедонского типа были также выявлены на Семилукском городище (рис. 12, 1-3; 9-11; 25, 1, 5), Рыбном Озере 2 (рис. 25, 6), Шиловском поселении (рис. 26, 5-8), Курино 1 (рис. 27, 1-6), Карамышево 9 (рис. 28), Университетских стоянках 1-3 (рис. 29, 2), и т.д.

Например, на поселении Рыбное Озеро 2 к верхнедонскому типу нами отнесено 72 венчика и ещё 10 шеек с жемчужинами. По оформлению края венчики

также разделяются на три типа, большинство из которых относится к типу 2 (с закругленным краем) – 33 венчика, затем следует тип 3 (с приостренным краем) – 24 и 15 венчиков – к типу 1 (с уплощенным краем). Характерной особенностью материала является орнаментация края венчика всевозможными насечками, вдавлениями, гребенкой и жемчужной орнаментацией по шейке (около 75%). На других же памятниках керамика верхнедонского типа представлена незначительным количеством фрагментов (Замятино 8, Малый Липяг, Белогорское 1 (рис. 30, 1-7, 9, 12-16), но в коллекциях есть венчики, которые позволяют нам отнести эти материалы именно к этому типу.

Говоря о керамике, выявленной на отмеченных памятниках, можно отметить, что для верхнедонского типа характерны невысокие сосуды с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей в выпуклое, чаще яйцевидное тулово (рис. 2). Выделяется несколько видов оформления края венчика: он в большинстве случаев закруглен либо приострен, реже – уплощен и в большинстве случаев снаружи орнаментирован вертикальными насечками, вдавлениями и оттисками короткой гребенки. Орнаментальные композиции сосудов рассматриваемого типа таковы: верхняя часть тулова (плечики) украшалась в большинстве случаев веревочным орнаментом в различных композициях (рис. 5), нижняя, придонная часть – преимущественно длинным и средним гребенчатым штампом, сформированным в горизонтальные ряды елочек (рис. 4). В примесях керамический материал содержит песок, шамот, охру, незначительное количество органики. Поверхности сосудов гладкие, изнутри покрыты расчесами.

При рассмотрении ямочных вдавлений, «жемчужин» и встречных «жемчужин» по шейке, являющихся характерным элементом орнамента керамики поселений верхнедонского типа, выяснилось, что на памятниках они представлены в следующем соотношении: на 92% венчиков и шеек поселения Студёновка 3 (Бескуднов, Ивашов, 2002), на поселении Замятино 10 – 97% (Козмирчук, 1999; Ивашов, 2001б, в), Рыбное Озеро II – около 75%, на других поселениях процент гораздо меньший - Университетское 1 (40% от ранних материалов), Университет-

ское 2 (29%) (Тихонов, Матвеев, 1981). Таким образом, наличие жемчужин в орнаментации шеек – это яркий признак раннего этапа.

На некоторых памятниках встречаются фрагменты миниатюрных сосудов, например, в керамической коллекции Замятино 10 таковых выявлено шесть (рис. 31, 1-6). Все они горшковидной формы с невысокими, плавно отогнутыми венчиками. На этом же поселении, кроме уже упоминавшейся целой курильницы из постройки (рис. 22, II-10), выявлены два фрагмента верхней части курильниц, орнаментированные наколами (рис. 31, 7). Фрагмент курильницы, орнаментированный отпечатками гладкого штампа в елочной композиции, найден на городище у с. Губарево (рис. 31, 9) (Разуваев, 1999). Ещё один фрагмент курильницы происходит с поселения Северовосточное 1 (Пряхин, 1982), он орнаментирован горизонтальными рядами веревочки (рис. 31, 8), фрагмент курильницы зафиксирован и на поселении Университетское 5. Три фрагмента курильниц выявлено на стоянке Рыбное Озеро 2 (Левенок, 1963; 1964; 1965), фрагмент курильницы найден А.Ю. Клоковым в 1985 году на Добровской стоянке (отчет в ИА РАН не сдан). В 2012 году на поселении Буховое 10 (раскопки автора) выявлен ещё один фрагмент курильницы (Ивашов, 2015). Все эти находки культовой посуды весьма показательны, дело в том, что на Среднем Дону курильницы не встречаются в бытовых комплексах, да и в погребальных они достаточно редки (на 446 погребений – 33 курильницы) (Маслихова, 2006а) (рис. 32). На Верхнем же Дону они выявлены на бытовых памятниках (рис. 33), что может свидетельствовать об особом погребальном обряде и поминовении усопших, в пользу которого может косвенно свидетельствовать факт выявления относительно большого количества грунтовых захоронений.

Ввиду того что большинство поселений многослойные и расположенные на песчаных или супесчаных рельефных образованиях, соотнесение каких-либо других категорий находок с верхнедонскими древностями проблематично. Отметим лишь те из них, которые с большей долей вероятности можно отнести к таковым. Это кремневые наконечники стрел с выемкой в основании ямно-катакомбного типа (Студёновка 3, Замятино 10, Буховое 9 и 10), каменный пест (в хозяйственной

яме на поселении Замятино 10), две спиралевидные бронзовые подвески, изготовленные из проволоки сечением около 1,5 мм (хозяйственная яма, Студёновка 3 (рис. 17, 34-35) (Бессуднов, Ивашов, 2002), аналогии им можно найти в материалах донецкой катакомбной культуры (Братченко, 1976) и Павловского могильника (Синюк, 1983).

Постройки на памятниках верхнедонского типа были изучены на нескольких поселениях: Студёновка 3 (три сооружения), Курино 1 (одно), Семилукское городище (восемь), Замятино 10 (шесть и несколько открытых очагов), Университетское 2 (одна). Все постройки фактически наземные (слегка углубленные в материк), каркасно-столбовой конструкции, что свидетельствует об их временном характере. Целая серия из восьми наземных построек достаточно большой площади была выявлена на Семилукском городище – постройка №5 – 11,0 x 6,0 м, в которой находилось четыре очага; постройка №6 квадратной формы (5,7 x 5,8 м), в ней три очага; постройка №8 7,2 x 4,5 м с двумя очагами; постройка №9 – 11,0 x 5,5 м (три очага); постройка №12 10,0 x 5,0 м – три очага; постройка №19 – 11,0 x 7,5 м (два очага); постройка №22 – 11,0 x 7,0 м, с тремя очагами, один из которых обложен камнями; постройка №34 – 8,5 x 4,75 м без очага (Беседин, 1981; Пряхин, 1984; 1985; 1986; 1987; 1990; Цыбин, 1989; 1991; 1992; 1993; Саврасов, 1999; Пряхин, Цыбин, 1986).

На некоторых поселениях (Университетская 1, Шиловское, Северовосточное), раскопанных большими площадями и содержащих раннекатакомбные материалы, строительные сооружения вообще отсутствовали, хотя, скорее всего, следы их наличия до нас не дошли.

В количественном соотношении, как мы видим, поселения верхнедонского типа на территории Верхнего Дона преобладают, что подтверждает мнения исследователей о формировании этих типов (терновского под воздействием ямного (Погорелов, 1984; 1991), а верхнедонского – репинского (Козмирчук, 1999; Ивашов, 2005), так как поселения терновского типа занимают по отношению к верхнедонским более южную территорию (рис. 94), на которой как раз много памятников ямной культуры, тогда как на Верхнем Дону ямные материалы почти не

представлены, зато имеется достаточно насыщенный пласт репинских (Скоробогатов, 2011. С. 11).

Интересные материалы, свидетельствующие о ямно-катакомбных контактах, выявлены на поселении Мухино 2, где было изучено наземное жилище с очагом, в площади которого находился развал ямного сосуда (рис. 34) и несколько десятков фрагментов катакомбной керамики, которая планиграфически концентрировалась внутри и вокруг жилища (Земцов, 2005).

Неподалеку от этого поселения в 2003–2010 гг. был изучен грунтовый могильник (у с. Ксизово), в котором совместно с катакомбными погребениями было расчищено пока единственное на Верхнем Дону ямное погребение (Ксизово 17) (о погребальных памятниках см. главу IV данной работы).

Подводя итоги рассмотрению ранних поселений катакомбной культуры, отметим, что нами выделяются два разновременных, но схожих по алгоритмам развития пласта памятников, характеризующих процесс формирования местных катакомбных древностей, с отражением в материальных комплексах черт донецкой катакомбной культуры с заметным энеолитическим влиянием. Хронологические рамки существования верхнедонского и терновского типов – вторая четверть III тыс. до н.э., причем, по мнению И.А. Козмирчука, памятники терновского типа несколько предшествуют верхнедонскому (Козмирчук, 1999). Датировка может быть несколько расширена после опубликованных в полном объеме материалов, изученного еще во второй половине 1980-х гг. кургана 2 могильника Подгорное 1, в котором стратиграфически зафиксировано предшествование катакомбного захоронения (раннего этапа) репинскому (Беседин, Матвеев, 2003. С. 134-141). Данный факт, с одной стороны, корректирует верхнюю границу репинской культуры, с другой – ещё раз наглядно демонстрирует, что репинское и катакомбное население могло сравнительно долго сосуществовать и взаимодействовать в условиях лесостепи, когда на одной территории спокойно могли уживаться племена с разными хозяйственными укладами.

Большее по сравнению с терновским количество памятников, их особенности и преобладание грунтового погребального обряда позволяет нам уверенно поддерживать выделение верхнедонского типа катакомбной культуры.

2.2. Бытовые памятники развитого этапа

В основу выделения типичной для данной группы керамики положена форма сосудов и орнаментация, для которой характерны отпечатки веревочного и гребчатого штампов в разных композициях, для короткошейных сосудов – отсутствие «жемчужной» орнаментации.

Как отмечалось выше, к развитому этапу катакомбной культуры на Верхнем Дону мы относим поселения, на которых выявлена посуда, представленная горшками с невысоким венчиком, плавно отведенной шейкой, а также с высоким раструбовидным горлом. Посуда украшалась гребчатый и веревочным орнаментом в различных композициях. Всего к этому этапу относятся 116 поселений, на 44 из которых проводились раскопочные работы (рис. 7; 35).

Наиболее многочисленные коллекции выявлены на таких памятниках как поселения Буховое 9 (рис. 36), Ксизово 1 (рис. 37, 2), Васильевский кордон 7 (рис. 38, 2-3), где они представлены горшками с раструбовидным верхом, орнаментированными по срезу венчика ногтевыми защипами, по тулову – сочетанием гребчатого и веревочного штампов в различных композициях. Некоторые стенки украшены орнаментом, типичным для донецкой катакомбной культуры.

Материалы развитого этапа среднедонской катакомбной культуры на поселении Замятино 10 (62 венчика и 227 стенок) представлены фрагментами венчиков от высокогорлых сосудов с раструбовидной шейкой, они орнаментированы гребенкой в елочной композиции и ногтевыми вдавлениями по шейке, веревочкой и ногтевыми защипами. Срез всех венчиков закруглен. На имеющихся стенках развитого этапа встречается веревочная орнаментация, сформированная в треугольные композиции. Поверхности заглажены или покрыты расчесами. В примесях преобладают шамот и песок.

Показательны по этим характеристикам материалы Балахнинского поселения, которое было выявлено в 1964 году А.Д. Пряхиным (Пряхин, 1964), повторно обследовалось в 1976 году Ю.Г. Екимовым (Екимов, 1976). Последним была проведена зачистка обнажения и выявлена полуземляночная постройка, углубленная в материк на 30 см. В 1998 и 2002 годах поселение изучалось под руководством автора (Ивашов, 1998; 2002; Ивашов, Мельников, 2004), общая вскрытая площадь составила около 450 кв.м.

Поселение вытянуто вдоль левого крутого берега р. Снова и располагается на ровной поверхности первой надпойменной террасы, образующей плоское расширение берега перед одной из излучин реки.

Стратиграфия памятника: 0-0,05 м – дерн; 0,05-0,15/0,2 м – светло-серая супесь; 0,15/0,2-0,25/0,35 м – желтый намывной песок; 0,25/0,35-0,35/0,5 м – темно-серая супесь; 0,35/0,5-0,4/0,55 м – наносная светло-серая супесь; 0,4/0,55-0,9/1,0 м – темно-серая супесь; 0,9/1,0-1,6/1,8 м – погребенная почва (чернозем), в данном слое сосредоточена значительная часть находок; 1,6/1,8-1,9/2,1 м – темный гумусированный суглинок; 1,9/2,1-2,05/2,2 м – темно-коричневый суглинок; материк – желтая глина.

Керамики среднедонской катакомбной культуры выявлено 4112 фрагментов (313 венчиков, 3542 стенки и 257 днищ). Наблюдается сосредоточение её в средней части черноземного слоя (1,4-1,6 м). Выявленная на памятнике коллекция относится к двум этапам среднедонской катакомбной культуры: к развитому и позднему.

К развитому этапу мы отнесли венчики, украшенные веревочной орнаментацией, сформированной в различные композиции (42 венчика) (рис. 39, 7-8, 11-15; 40, 1-2). Единичными фрагментами представлены венчики, украшенные ногтевыми защипами, гладким штампом, 46 фрагментов венчиков были без орнамента. В орнаментации стенок встречены и сочетания различных элементов: веревочка и защип (67 ед.) (рис. 41, 15, 17), гребенка и защип (37 ед.) (рис. 41, 14, 16), гребенка в сочетании с веревочкой и защипами (4 ед.), веревочки и различного рода вдавлений (9 ед.), отпечатки раковины (4 ед.). Днища характеризуются неболь-

шим диаметром, в основном не имеют закраин. Большинство из них не орнаментировано, но на 113 – поверхности дополнительно обмазывались глиной (ангобировались), которая разглаживалась в горизонтальном или вертикальном направлениях, а 77 – с тщательно заглаженными поверхностями. Небольшой процент днщ орнаментирован: 27 – веревочкой в различных композициях, 19 – гребенчатым штампом, четыре – ногтевыми защипами, ещё два днща – оттисками гладкого штампа.

В 2006 году научным сотрудником Воронежского государственного педагогического университета Д. Селивёрстовым был проведен визуальный и бинокулярный осмотр, а также произведен химический анализ некоторых образцов катакомбной керамики с Балахнинского поселения. Сделаны следующие выводы: 1) в качестве исходного сырья использовались неотмученные (наличие в тесте крупных фрагментов кварцита) среднезапесоченные глины; 2) в качестве отощителя в образцах использовался шамот; 3) данный анализ сырья дает основание считать, что забор его производился не с поверхности, а из определенных глинищ, находящихся в овражных срезках, организованных, как правило, в виде подбоев; 4) визуальный осмотр коллекции и целых форм керамики указывает на донно-емкостный способ формовки их и спирально-ленточный способ лепки.

Представительная коллекция данного этапа выявлена в результате раскопок поселения Университетское 1 (не менее 100 сосудов). В основном они горшководной формы, которые Б.Г. Тихонов и Ю.П. Матвеев разделили на два типа (см. таблицу 1): первый – с коротким, отогнутым или реже прямым горлом; второй – горшки с высоким раструбовидным горлом. Сосуды первого типа орнаментировались оттисками шнура, тесьмы, зубчатого штампа, ногтевыми вдавлениями, защипами, «жемчужинами» (это материалы верхнедонского типа). Керамика второго типа орнаментировалась оттисками различных штампов (исключая «жемчужины»), часть посуды этого типа украшалась также наклепными и оттянутыми валиками в сочетании с орнаментацией в прочерченной композиции.

Исследователи отмечают, что соотносимая ими керамика подтипов 1Б и 2А не имеет существенного различия в технике орнаментации (Тихонов, Матвеев,

1981. С. 78). По нашему же мнению, это как раз те типы сосудов, которые соотносятся с развитым этапом.

На другом поселении – Университетское 2 – вскрыто 716 кв.м (рис. 29, 1, 4; 42). Форма и орнаментация керамики близка вышеописанной, однако численность её более представительна (примерно 175 сосудов) (см. таблицу 1). Выделяется небольшая группа сосудов третьего типа – горшки с высоким, прямым или слегка отогнутым горлом, плавно переходящим в очень короткое плечико. В трех случаях плечики при переходе в тулово образуют уступ. Горло украшалось оттисками шнура, тулово – длиннозубчатым штампом, сформированным в горизонтальную елочку.

Таблица 1. Соотношение типов керамики катакомбной культуры стоянок Университетское 1 и 2 (по Б.Г. Тихонову и Ю.П. Матвееву)

Типы сосудов		Подтипы	Кол-во сосудов	
			Университетское 1	Университетское 2
1	Короткошейные сосуды с «жемчужинами»	1А	21	20
	Короткошейные сосуды без «жемчужин»	2А	31	49
2	Высокогорлые сосуды, орнаментированные только оттисками штампов	1Б	20	59
	Высокогорлые сосуды с валиковой и прочерченной орнаментацией	2Б	31	42
3	Сосуды с высоким, прямым или слегка отогнутым горлом, плавно переходящим в короткое плечико (иногда с уступом)		-	5

На поселении Университетское 3 керамика катакомбного времени включает обломки, принадлежащие не менее чем ста сосудам (рис. 43-44), большинство из которых относится к тем же типам горшков, что и на поселениях Университетское 1 и 2. Единичным экземпляром представлен: сосуд баночной формы, орнаментированный отпечатками длиннозубчатого штампа, и сосуд, напоминающий кубки донецкой катакомбной культуры – с высоким прямым горлом и выпуклыми боками. Интересны два сосуда, восстанавливающиеся на полный профиль: один относится к подтипу 2А, приземистый, орнаментированный оттисками короткого

шнура, образующего горизонтальную елочку, имеющий на плечиках фестоны с бахромой (рис. 43, 6). Второй приближается к сосудам третьего типа, сплошь орнаментированный зубчатым штампом в горизонтальной елочной композиции (рис. 43, 7).

Фактически только материалы этого хронологического этапа получены с поселения Рыкань 3 (работы 1977 года Ю.П. Матвеева). В раскопе (274 кв.м) выявлены остатки примерно 60 сосудов, в основном это высокогорлые биконические формы, орнаментированные оттисками шнура, зубчатого штампа, перевитого шнура, ногтевыми защипами, реже отмечены тесьма и наклепной валик. Встречаются также сочетания оттисков шнура, гребенки с валиками. Автор исследований отмечает, что поселок существовал узкий хронологический период, относящийся ко времени перехода от раннего к валиковому этапу культуры (Матвеев, 1979). В 2009–2014 гг. экспедицией ГИМа под руководством Е.И. Гака исследования на данном памятнике были продолжены (Гак, 2009; 2010; 2011; 2012; 2013). За шесть лет вскрыто около 1 500 кв.м, поселение изучено практически полностью (рис. 45, 46, 47). На этой площади выявлено четыре сооружения, два из которых наземные, каркасно-столбовой конструкции, и два - полуземляночного типа, кроме этого зафиксировано большое количество глиняных пряслиц (рис. 47, 1-8), в целом достаточно редких для памятников катакомбной культуры, а также бронзовое шило (рис. 47, 20) (Гак, 2011; 2013; Гак, Давыдов, 2014).

На поселении Первомайское лесничество 1 катакомбная посуда представлена горшками с хорошо профилированными шейками с закругленным краем, один из которых имеет воротничок и внутренний желобок. Сосуды украшались отпечатками гребенки, перевитого шнура, веревочки, тесьмы, из которых скомпонованы пояски в «елочку» или геометрические композиции из заполненных треугольников. Нижняя часть посуды, судя по днищам, украшалась гребенкой или перевитым шнуром, образующим елочные композиции (Дубровский, 1994).

К данному этапу относится и развал сосуда, случайно обнаруженного местными жителями на правом берегу р. Кшень (рис. 48). Выезд на место находки и обследование близлежащих участков ни чего не дал. На сегодняшний момент это

самый западный пункт с катакомбной керамикой на Верхнем Дону. Верхняя часть сосуда реконструирована, отсутствует придонная часть и днище. Это крупный горшковидный сосуд с высоким раструбовидным горлом и выпуклыми боками, украшенный веревочной орнаментацией (рис. 48): по горлу – двумя горизонтальными рядами одинарной веревочки, верхняя часть тулова – крупными полуфестонами из 5-6 «нитей» одинарной веревочки, снизу полуфестоны ограничены тремя горизонтальными рядами одинарной веревочки, под которыми (в средней части тулова) располагается ещё ряд полуфестонов, нижняя часть тулова украшена горизонтальными рядами одинарной веревочки, между которыми располагаются отпечатки короткого веревочного штампа. Сосуд выполнен из плотного глиняного теста, в качестве отошителей использован песок и шамот.

Таким образом, к развитому хронологическому этапу катакомбной культуры Верхнего Дона относятся поселения, где представлена посуда горшковидной формы с короткой или высокой шейкой и раструбовидным горлом, украшенная веревочным и гребенчатым орнаментом; на отдельных фрагментах, полученных преимущественно в результате раскопочных работ, т.е. там, где мы имеем дело с массовым материалом, встречается сочетание гребенчатой и веревочной орнаментации с прочерченной и оттянутым валиком, что свидетельствует о переходе к третьему хронологическому этапу – валиковому, при котором доминирует тип посуды с высоким раструбовидным горлом, но в орнаментации встречаются только наlepные и оттянутые валики и прочерченные линии.

2.3. Бытовые памятники позднего этапа

В основу выделения третьего хронологического пласта была положена прочерченная и валиковая орнаментация, которая появляется в конце предыдущего периода, но тогда она играла подчиненную роль. При этом фактически сохраняется только одна форма посуды – горшковидная с высоким, раструбовидным горлом и биконическим туловом, переходные части (край венчика, основание шейки, плечико) акцентируются наlepными валиками или прочерченными линиями. До-

вольно широкое распространение получает ангобирование внешней поверхности сосудов, особенно придонной части корпуса, на части посуды ангоб вертикально разглаживался руками, отчего от пальцев остаются своеобразные «оттянутые» валики. На внутренней стороне сосудов наблюдаются расчесы. К данному периоду мы отнесли 71 поселение (рис. 7; 49), на 27 из них проводились раскопки.

Необходимо отметить, что все поселения характеризуются слабонасыщенным культурным слоем. На некоторых из них фиксируются остатки сооружений, которые в отличие от раннего этапа становятся полуземляночными, они углублены в материк до 40 см, с одним или двумя очагами. Например, на поселении Ксизово 1 при зачистке обнажения берега р. Снова выявлены профили четырех полуземлянок, представлявших собой углубленные на 30-50 см котлованы, протяженностью от 12,5 до 15 метров; при этом в одной из построек обнаружен очаг, а в другой, разделенной, по-видимому, на две камеры, – два очага (Екимов, 1979). Исследования этого интересного, однослойного памятника, культурный слой которого скрыт значительными (до 1,8 м) намывами, продолжены в 2014 году Е.И. Гаком и автором, однако, кроме открытых очагов, следов строительных сооружений зафиксировано не было. Полуземлянка также обнаружена и на поселении Балахнинское, котлован также был углублен в материк на 30 см, а протяженность его – около 12 метров (Екимов, 1979).

Наиболее представительные коллекции получены на таких поселениях, как – Университетское 2 (рис. 29, 9-12; 42, 1, 3), Белогорское 1 (рис. 30, 8), Ксизово 1 (рис. 37, 1, 6), Васильевский кордон 1 (рис. 38, 1), Балахнинское (рис. 39-41), Рыбное Озеро 2 (рис. 50, 1-2), Чижовское 4 (рис. 51-52), Шиловское (рис. 53), Ксизово 6, Замятино 10, Добровская стоянка и других.

Рассмотрим наиболее представительные керамические комплексы. На всей площади стоянки Рыбное Озеро 2 (208 кв.м) выявлен 21 венчик этого этапа, все они с высокой (5 см и более) шейкой, орнаментированы налепными и оттянутыми валиками, которые различаются по оформлению – встречаются сплошные валики, валики, расчлененные насечками, валики, оформленные ногтевыми защипами в виде волны. Некоторые венчики украшены прочерченными линиями. Только один

сосуд реконструируется на полный профиль (рис. 50, 1) – это высокогорлый горшок со стройным биконическим туловом, его примерная высота – 33 см, диаметр верха – 27 см, он украшен в верхней части наклепными валиками, сформированными в треугольные композиции, верх венчика орнаментирован вертикальными насечками и ногтевыми защипами в виде волны, нижняя часть – без орнамента.

Керамика данного этапа представлена и на Балахнинском поселении. Посуда разделяется на две большие группы:

– к первой группе относятся горшки большого диаметра с высоким раструбовидным горлом, (рис. 39, 1-4; 40, 3, 6, 9), причем высота шейки некоторых из них достигает 9 см (рис. 39, 4; 40, 6);

– вторая группа представлена горшками с невысокой (до 5 см), плавно профилированной шейкой (рис. 39, 16).

Для венчиков позднего этапа данного поселения характерна следующая орнаментация: самым распространенным является украшение наклепными валиками, встреченное на 132 венчиках. Оформление наклепных валиков было различное: чаще они расчленялись ногтевыми защипами и насечками, оформлялись ногтевыми защипами в виде волны, незначительное число венчиков украшено смешанной орнаментацией – прочерченными линиями и наколами, валиковой и прочерченной. Только с прочерченной орнаментацией выявлено 23 венчика, 46 фрагментов высоких венчиков не имели орнамента.

В раскопе было также выявлено несколько достаточно крупных фрагментов от одного сосуда, который удалось реконструировать на весь профиль (рис. 39, 16). Это сосуд горшковидной формы, с высоким плавноотведенным от биконического тулова горлом, украшен в верхней части прочерченными линиями, сформированными в треугольники, верхняя часть тулова также украшена прочерченными линиями, сформированными в заполненные треугольники.

подавляющее большинство стенок катакомбной культуры не орнаментировано. 538 единиц их украшено валиковой орнаментацией в виде наклепных и оттянутых валиков (рис. 41, 2, 7). Также встречена орнаментация и в виде композиции

прочерченных линий (рис. 41, 3-6), сочетания прочерченных линий и валиков (41 ед.), прочерченных линий с наколами и вдавлениями (18 ед.).

Днища характеризуются небольшим диаметром, в основном без закраин. Большинство из них не орнаментировано, но поверхности 113 дополнительно обмазывались глиной, которая разглаживалась в горизонтальном или вертикальном направлениях, еще 77 днищ имеют тщательно заглаженную поверхность. Следует вообще отметить, что заглаженность поверхности характерна для большинства сосудов, а у некоторых она ещё и ангобирована. В тесте в качестве примесей содержится песок и шамот. Характерные цвета поверхностей – светло-коричневый, коричневый и красно-оранжевый снаружи; темно-коричневый и черный – изнутри и в изломе. Некоторые фрагменты несут следы вторичного обжига.

Показателен и материал поселения Рыкань 2, где практически все сосуды орнаментированы, 50 из них – с валиками. Орнамент чаще всего располагался на горле и плечиках, реже орнаментировалось тулово. На горшках имеется, как правило, не менее трех валиков, размещавшихся под срезом венчика, в основании шейки и по плечикам. На плечиках некоторых сосудов валики расположены вертикально или образуют треугольники. Часть посуды с валиковой орнаментацией была украшена прочерченными линиями, сформированными в треугольники и вертикальную елочку.

Интересные материалы выявлены на Добровской стоянке, где несколько сосудов реконструируются на весь профиль.

Как уже упоминалось выше, самым северным из известных на сегодняшний момент памятников является поселение Городок 1, которое располагается на плавно спускающейся к реке первой надпойменной террасе правого берега р. Равнова, относящейся уже к Окскому бассейну, в Рязском районе Рязанской области (Челяпов, Ставицкий, 2004). На вскрытой площади поселения было обнаружено несколько развалов сосудов большого диаметра с высоким раструбовидным горлом. Выделяется один сосуд, украшенный прочерченными линиями, из которых сформированы треугольники вершинами вниз, заполненные также прочерченными линиями, причем по венчику эти треугольники чередуются: заполнены то од-

ной, то двумя линиями, а иногда вообще остаются пустыми. Переход от венчика в тулово обозначен горизонтальной прочерченной линией, ограниченной снизу рядом вдавлений, под которыми располагаются треугольники из прочерченных линий, вершиной вниз. Данный сосуд можно отнести к группе так называемой календарной керамики (Синюк, Березуцкий, 2001. С. 51), однако отметим, что для него не характерна тонкостенность и форма его в целом типична для развитого этапа катакомбной культуры. Другой сосуд был орнаментирован только прочерченной линией. Два других венчика украшены наклепными валиками: в первом случае – оформленным в виде волны, а во втором – горизонтальными параллельными расчлененными валиками.

Таким образом, характеризуя керамические материалы всех известных на сегодняшний день бытовых памятников катакомбной культуры на Верхнем Дону, мы разделили их на три хронологических этапа.

Подводя итоги изучению бытовых памятников катакомбной культуры на территории Верхнего Дона отметим следующие особенности:

– обращаясь к характеристикам керамического материала, следует отметить своеобразие посуды раннего этапа, который на территории Верхнего Дона имеет два локальных проявления (верхнедонской и терновской типы). Это обусловлено влиянием традиций керамического производства энеолитических культур на формирование местной (верхнедонской) катакомбной специфики (яйцевидность форм, воротничковый венчик, орнаментация «жемчужинами» и небольшое дно);

– мы полагаем, что заселение территории носителями катакомбной культуры происходило волнообразно: если вначале в этом процессе участвовало население донецкой катакомбной культуры, то появление памятников с валиковой орнаментацией, видимо, уже связано с колонизацией Верхнего Дона носителями среднедонской катакомбной культуры, проникших сюда непосредственно с территории Среднего Дона. Пока остается неясной дальнейшая судьба носителей своеобразного верхнедонского типа, но имеющиеся данные (поздняя курильница в постройке с керамикой раннего этапа) свидетельствуют о влиянии на него традиций среднедонской катакомбной культуры, но в чём оно выразилось – в обособлении

и сосуществовании или же поглощении, однозначно сказать пока нельзя. О возможных контактах этих групп населения с носителями среднедонской катакомбной культуры развитого этапа свидетельствует целый ряд факторов, которые будут рассмотрены нами в главе V.

ГЛАВА III. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВЕРХНЕГО ДОНА В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ И ТОПОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

3.1. Физико-географическая ситуация бассейна Верхнего Дона в эпоху средней бронзы

Вопросы взаимодействия и взаимовлияния человека и природы всегда вызывали интерес у научного сообщества, особенно с позиций умения наших далёких предков приспосабливаться к окружающей среде, в ходе адаптации к которой всегда были неизбежны как разного рода приобретения, так и потери, что предопределялось самой необходимостью этого процесса. В этой связи считаем уместным привести здесь разделяемое нами мнение М.Ф. Косарева, считающего, что высокая способность ландшафтноклиматической, хозяйственной и социальной адаптации является, безусловно, прогрессивным качеством, которое помогло человеку выжить в условиях многократных исторических потрясений и экологических кризисов, и не только выжить, но и освоить разные природные зоны – пустыню, степь, тайгу и тундру, создав исключительное многообразие культур, которое, взаимно обогащая друг друга, способствовало прогрессу человечества в целом (Косарев, 1981. С. 245). Непосредственно при рассмотрении древностей достаточно узкой территории считаем также важным учитывать тезис, высказанный В.С. Бочкаревым, согласно которому вся полевая методика направлена на установление выраженных пространственных границ объекта, продиктованных самой его структурой. Типология также учитывает пространство археологических объектов через их форму. Будучи исторически обусловленными, эти пространственные координаты выявляются не ради их самих, а с целью получения новой исторической информации (Бочкарев, 2010. С. 35).

Многообразная динамика природной среды не только оказывала и оказывает сильное воздействие на историю человечества, но и находится с ней в закономерной взаимосвязи, что заставляет рассматривать сами природные факторы в качестве составного элемента хронологии и периодизации этапов истории, помогающие вскрывать причины изменений или смен культур в пространстве и времени (Хотинский, 1978. С. 7-8).

Территория Верхнего Дона включает в себя верховья р. Дон до места впадения в него одного из самых крупных левых притоков – р. Воронеж. При современном административном делении бассейн Верхнего Дона находится в Липецкой области, охватывает юго-западные районы Тамбовской, южные Тульской и северные Воронежской областей.

Территория Верхнего Дона расположена в центре Русской равнины, на стыке Среднерусской возвышенности и Окско-Донской равнины. Граница между ними проходит по долинам рр. Воронеж и Становая Ряса. Поэтому западная часть рассматриваемого региона возвышенно-холмистая, восточная – низменная.

В зонально географическом плане территория Верхнего Дона и значительная часть Среднего располагаются в пределах лесостепи, которая по преимуществу представляет собой возвышенно-холмистую равнину, расчлененную густой сетью речных долин, балок и оврагов, чередование безлесых пространств со значительными массивами лесов, расположившихся не только по долинам рек, но и на водоразделах. Большинство географов соотносит лесостепь с самостоятельной ландшафтной областью, имеющей особую историю образования и развития своей фауны и растительности, а её существование на большей части Среднерусской возвышенности и в бассейне Дона, как показывают палинологические исследования, четко фиксируется уже в бореальном периоде (Спиридонова, 1991а. С. 197; 1991б. С. 8). Таким образом, в более поздний период – суббореальный (5000-3500 л.н.), который как раз совпадает с эпохой бронзы, лесостепь уже существовала. Изучение динамики природных процессов имеет огромное значение для установления основных закономерностей формирования геосистем в прошлом и настоящем. Особую роль в этом играет изучение направленности ландшафтно-

климатических изменений голоцена, достаточно близкого к нам по времени и вместе с тем связанного с различными этапами формирования эпох и культур человека (Алёшинская, Спиридонова, 1999. С. 33).

По мнению Ф.Н. Милькова, в девственном состоянии лесистые участки в лесостепи составляли не менее 50% площади этой зоны (Мильков, 1977. С. 126). Своеобразен и растительный её покров, имеющий разнотравно-злаковый характер. Кроме этого, лесостепь обладает целым рядом признаков, отличающих её от сопредельных территорий: значительные запасы тепла, устойчивое увлажнение и плодородие почвы создают исключительно благоприятные условия для развития растительности. Здесь, в дубравах, имеется наибольший из всех зональных растительных сообществ запас фитомассы – 400-500 тонн на гектар (из них три четверти – в наземной части) (Мильков, 1977. С. 129). Запас зоомассы тоже очень высок и в среднем составляет около 500 кг на гектар (Мильков, 1977. С. 132-133). По названным показателям лесостепная зона значительно выигрывает в сравнении со степной, где общий запас фитомассы в десять, а зоомассы – в пять раз меньше (Мильков, 1977. С. 159-160). В степях гораздо меньше и высота снежного покрова, что осложняет условия выживания многолетних трав. Следует отметить, что недостаточность и неустойчивость увлажнения – две весьма серьёзные отрицательные черты климата степей, неблагоприятные для земледелия.

Поверхность Среднерусской возвышенности сильно изрезана долинами рек, балками, оврагами. О степени развитости речной системы в лесостепи можно судить по участку Дона в пределах современных границ Воронежской области, где насчитывается 588 рек длиной свыше 10 км (Бевз, Коржов, Чистоклетов, 1973. С. 129). На территории современной Липецкой области таких речек 127, и ещё 212, длина которых менее 10 км, а общая же протяженность речной сети около 5300 км (Пыльнева, Пешкова, Стрельникова, 1992. С. 35). Обилие мелких рек, безусловно, позволяет предполагать легкость освоения лесостепи водным путем не только в меридианальном направлении, но и в широтном, внутри самой лесостепи. Кроме этого, на некоторых участках притоки Дона и Волги практически соединяются (рр. Иловля и Камышинка, на Среднем Дону, Ранова и Становая Ряса –

на Верхнем), что позволяло без сложности перемещаться из одного речного бассейна в другой.

Особым своеобразием отличаются долины рек: пропиливая девонские известняки, основные рельефообразующие породы, долины рек резко меняют свое направление, которое характеризуется коленообразными изгибами под углом 90° . Именно в западной части области Среднерусской возвышенности можно встретить теснины, узкие каньонообразные ущелья, нависающие над руслами рек, скалы высотой 50-60 м. Своеобразной чертой долин рек является их суженность, например, долина Дона в отдельных местах сужена до 600-800 м. Для речных долин Среднерусской возвышенности характерно ограниченное распространение и размеры надпойменных террас, узость пойм, отсутствие озер-старич. Для рек, стекающих со Среднерусской возвышенности, типичен значительный уклон, быстрое течение, хорошо выраженная глубинная и боковая эрозия. Наиболее крупными после речных долин эрозионными формами являются балки, они представляют собой долинообразные понижения, не имеющие постоянного водостока, с крутыми (до $10-30^\circ$) задернованными склонами. Имеют место как крупные балки длиной 25-30 км, так и короткие придолинные длиной не более 3-5 км. Крупные балки, подобно долинам рек, нередко имеют небольшие террасы, асимметричное строение с частыми обнажениями известняков (Мильков, 1977).

Так, исследуемый участок р. Дон относится к южной части выделяемого географами Галичьегорского и северной части Семилукского отрезков реки, которые характеризуются узкой, от 1,5 до 3 км, долиной р. Дон, неширокой поймой, которая, как правило, высоко приподнята над уровнем воды, поэтому на всем участке она суха и лишена старичных озер. Одна из важных особенностей Галичьегорского участка – необычная морфология коренных берегов: известняковые обрывы чередуются с пологими склонами, которым свойственна переменная асимметрия, т.е. крутым поочередно оказывается то правый, то левый из них. При этом коренные берега густо расчленены оврагами и балками, часть из которых имеют вид безводных речных долин, вытянутых на 20-30 км. После с. Хлевное долина Дона значительно расширяется, достигая на юге Хлевенского района 2 км, приобретает

устойчивую правобережную асимметрию. Пойма Дона на Семилукском отрезке становится более значительной по размерам, появляются озера, старицы, переувлажненные низинки. Их особенно много на юге участка при слиянии Дона с Воронежем, где наблюдается одно из самых значительных – до 6 км – расширений поймы Дона. Растительность поймы – заливные луга, скрываемые водой во время половодья в среднем на неделю (Долина Дона..., 1982. С. 16). Река имеет несколько крупных левых притоков: рр. Красивая Меча, Быстрая Сосна, Снова, Ведуга и др. Правых притоков в рассматриваемом регионе немного – рр. Сквирня, Павелка, Куйманка, Репец и другие; все они маловодны.

Территория в междуречье Дона и Воронежа является переходной от Среднерусской возвышенности к Окско-Донской равнине. Абсолютные отметки здесь меньше, чем на правобережье Дона, и составляют 175-225 м. Высота водоразделов не превышает 200 м, они имеют холмистую поверхность с понижениями между ними. Интенсивно прорезаны балками западные склоны междуречья Дон-Воронеж. Здесь наблюдается наибольшая густота овражной сети, некоторые из оврагов обводнены.

Окско-Донская равнина занимает восточную часть Верхнего Дона, она представляет собой плоскую, слабо расчлененную поверхность с большим количеством блюдцеобразных понижений – западин. Эти неглубокие степные западины, или блюдца округлой формы (диаметр 30-50 м, глубина – 1,5-2,0 м, но встречаются иногда и более крупные формы), заросшие осиной и ивой пепельной, являются характерной особенностью Окско-Донской равнины, чаще всего они встречаются на водоразделе Битюга и Воронежа, весной они заливаются водой.

Средняя высота Окско-Донской равнины над уровнем моря составляет 160-170 м, она менее расчленена долинами рек, водоразделы здесь неширокие и плоские. В отличие от рек Среднерусской возвышенности, здесь они имеют небольшие уклоны, медленное течение, преимущественно боковую эрозию.

В пределах Липецкой области территория Окско-Донской равнины занята террасами реки Воронеж. Их три. Они наиболее развиты в левой части её долины. Здесь их ширина достигает 25-30 км. В местах распространения зандровых песков

(междуречье Воронежа и Становой Рясы, верховья р. Усмани) встречаются песчаные гряды, дюны.

Река Воронеж является левым притоком р. Дон. Для всего течения её также свойственна асимметричность берегов, но, в отличие от Дона, она устойчива – правый – высокий, коренной берег, а левый – низкий. Левобережная часть Воронежа имеет широкую пойму (до 5 км), невысокие берега с огромным количеством старичных озер, затонов, отделившихся от русла реки рукавов. У реки несколько довольно крупных левых притоков: рр. Матыра, Кривка, Мещерка, Боровица, Излогоща, Усмась. К крупным правым притокам относится рр. Становая Ряса, Мартыничик, Кузьминка и Белоколодецк. Почти на всем протяжении русло Воронежа прижимается к правому, коренному склону долины. Лишь в некоторых местах, например, между сс. Синдякино и Курино, река уходит от возвышающегося берега, образуя правобережную пойму (Долинно-речные ландшафты среднерусской лесостепи, 1987. С. 165-167). Поэтому, на наш взгляд, в связи с географическими особенностями следует рассматривать правобережье и левобережье р. Воронеж как отдельные экологические ниши, степень изученности которых в археологическом плане примерно одинаковая.

Остановимся на характеристике природно-климатических условий эпохи бронзы в бассейне Верхнего Дона.

Как уже отмечалось выше, эпоха бронзы полностью соответствует суббореальному периоду (5000–3500 л.н.), который характеризуется наиболее сложными и контрастными временными изменениями в ландшафтах. Например, на памятниках эпохи средней бронзы Дона фиксируется аридный период.

В частности, высказано предположение, что освоение катакомбным населением Верхнего Дона происходило в эпоху существования здесь степного ландшафта, поэтому заселялись, в первую очередь, пойма и низкие террасы (Северный Бор, 2000. С. 30-31). Это подтверждается наличием пойменных курганов с захоронениями древнеямной культуры, раннего и развитого этапов среднедонской катакомбной культуры, которые в настоящее время достаточно часто располагаются ниже уровня грунтовых вод. Вместе с тем, в более позднее время курганов в пой-

ме практически не встречается. Таганский грунтовый могильник в пойме р. Битюг, содержащий погребения ямного и катакомбного времени, также мог существовать только в засушливый период (Матвеев, Цыбин, 1999. С. 78). При исследовании ещё в 30-е годы прошлого столетия катакомбного поселения Ерик на Дону П.П. Ефименко отмечал, что раскопки возможны лишь в наиболее засушливые годы, так как культурный слой находится ниже обычного уровня воды в реке (Ефименко, 1934).

В 1994 году при исследовании Перехвальских городищ на р. Дон, а также поселения Каширка 2 (бассейн р. Красивая Меча) А.Л. Александровским было установлено, что в среднем голоцене на высоком берегу р. Дон в условиях теплого и, вероятно, несколько более сухого климата произрастали широколиственные леса с хорошо развитым травянистым напочвенным покровом. Местами или время от времени здесь же присутствовали и лугово-лесные группировки. Под данными лесами формировались темно-серые лесные почвы, в настоящее время сменившиеся на более оподзоленные – светло-серые лесные. В начале позднего голоцена (на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века) в условиях увлажнения и похолодания климата в составе лесов появляется ель (Александровский, Гольева, 1996. С. 178-179).

В 1999 году палеопочвоведом Ю.Г. Чендевым было проведено изучение подкурганых почв в нижнем течении р. Воронеж, в результате которого получена следующая картина: в раннесуббореальное время (примерно 4000 л.н.) крутобережная часть р. Воронеж, как и других крупных рек Среднерусской лесостепи, не была покрыта сплошными лесами. Лесная растительность предпочитала селиться в балочных системах, местами занимала крутосклоновые участки и, несомненно, поймы рек. Межбалочные гряды и мысовые участки крутого правобережья представляли собой обширные степные поляны, на которых происходило формирование черноземов. Удобное географическое и военно-стратегическое положение, богатая кормовая база травянистых биоценозов привлекали в Подонье древних жителей, что послужило причиной возникновения целого ряда поселков на мысах правого берега реки. Природный процесс самооблесения данной территории мог

начаться примерно 3500 л.н. в условиях нарастания годовых норм увлажнения (Чендев, Медведев, Матвеев, 2001. С. 170; Чендев, Бессуднов, 2003). На тенденцию расширения ареала лесов на юге Среднерусской возвышенности, начавшуюся примерно в это время, указывали и другие исследователи (Климанов, Серебрянная, 1986. С. 101).

В 2002 году в ходе исследований автором Балахнинского поселения (развитый этап катакомбной культуры) Ю.Г. Чендевым были взяты анализы культурного слоя, которые показали, что пик засушливости климата в период существования посёлка катакомбной культуры уже прошёл. Поэтому почвенные профили находились на стадии рассоления, солонцовые признаки исчезали, зато усиливались признаки гумусонакопления и структурообразования. Естественное плодородие почв в этот период возрастало. Если в предшествующую стадию засушливого климата и развития лугово-чернозёмной солонцовой почвы (4200–3700 л.н.) исследуемая территория могла являться зоной контакта между степью и лесостепью, то стадия лугово-чернозёмной остаточной-солонцеватой почвы 3500–3300 л.н., по-видимому, уже отражала условия типичной лесостепи (Чендев, 2004. С. 137).

Исследования 2002 года показали, что поверхность первой надпойменной террасы р. Снова в её нижнем течении на протяжении бронзового века не затапливалась паводковыми водами или же это происходило в очень редких случаях, на что указывает наличие здесь стационарных поселков древнего человека. Данный факт, наряду с другими, свидетельствует о большей засушливости климата в суббореальный период голоцена. В среднем бронзовом веке 3500–3300 л.н. на первой надпойменной террасе реки формировались лугово-черноземные почвы с остаточными признаками осолонцевания – реликтами ранней, ещё более аридной стадии почвообразования (Чендев, 2004. С. 143).

В субатлантическом периоде голоцена (особенно начиная с его второй половины) в связи с общим похолоданием и увлажнением климата первая надпойменная терраса р. Снова уже периодически затапливалась, что было вызвано подпру-

живанием реки разливавшимися паводковыми водами Дона (Чендев, 2004. С. 143).

По итогам проделанной работы Ю.Г. Чендев сделал вывод, что в раннесуббореальное время (5000–4200 л.н.) в пограничной полосе лесостепной и степной зон господствовали ландшафты южных степей. Под покровом низкорослых злаковых трав происходило формирование южных карбонатных чернозёмов. В более северных районах в это время, очевидно, формировались чернозёмы обыкновенные, которые соответствовали ландшафтам средних и северных степей. Граница с лесостепным ландшафтом могла находиться на севере современных Липецкой и Тамбовской областей. Сравнительно короткий период резкой аридизации климата 4200–3700 л.н. привёл к значительной перестройке биоценозов и почв. Сухостепная зона продвинулась далеко на север, а на юге Центрального Черноземья местами могли даже господствовать пустынно-степные условия. Плодородие почв резко снизилось. Происходило уменьшение мощности гумусовых профилей, засоление и осолонцевание почв. В течение второй половины суббореального периода голоцена (3700–2500 л.н.) наблюдалось улучшение климатических условий – сначала постепенное, а затем (на рубеже бронзового и железного веков) – более ярко выраженное. Климат становился влажнее. Ареалы степных чернозёмов начали сокращаться за счёт разрастания лесных массивов. Лесостепь с севера сместилась к югу и 2500 л.н. заняла положение, близкое современному (Чендев, Бессуднов, 2003).

Увеличение влажности климата в первой половине II тыс. до н.э. подтверждается также результатами исследований Новоусманского кургана. Анализ признаков-индикаторов погребенной, фоновой и накурганной почв позволил установить, что в период существования среднедонской катакомбной культуры (около 4000 л.н.) климат территории был засушливым, затем, во времена абашевской и срубной культур (3750 и 3500 л.н., соответственно), он стал более влажным, а в период существования лесостепной культуры скифского времени – ещё более влажным, близким к современному (Ахтырцев, Ахтырцев, Пряхин, 1991. С. 127; Ахтырцев, Ахтырцев, 1994).

В 2005–2006 гг. Е.А. Спиридоновой и Ю.А. Лаврушиным проводились исследования по реконструкции природной среды обитания первобытного человека в эпоху неолита-бронзы на археологическом памятнике Ксизово-6 в Задонском районе Липецкой области. При изучении спорово-пыльцевых анализов были получены похожие результаты: комплекс (сосна, ель с участием березы) выделяется по образцам 40-43 в подпрудных отложениях слоя 12. Здесь в общем составе отмечается максимальное содержание пыльцы древесных пород (38%), значительно участие споровых растений (17%), хотя по-прежнему преобладает пыльца травянистых и кустарничковых растений, составляя около 45%. Древесные породы представлены в основном пыльцой сосны, которая образует 40-50%. Заметно участие березы и ольхи. Важно также отметить постоянное присутствие в спектрах пыльцы ели, максимум которой составляет 17,5%. Среди травянистых растений преобладает пыльца разнотравья, злаков. Постоянно присутствуют полынь и маревые, образующие 18% и 11%, соответственно. Среди споровых растений попеременно господствуют зеленые мхи и папоротники (Лаврушин, Спиридонова, 2006; Лаврушин и др., 2009. С. 51).

Е.А. Спиридонова, исходя из особенностей описанных выше спектров, приходит к выводу, что данный этап был связан с прохладным и влажным климатом. В растительном покрове увеличились площади, занимаемые хвойными породами. Вдоль реки возросли заросли серой ольхи. По-прежнему заметные площади имели нарушенный почвенный покров, что, в первую очередь, определяется довольно высоким участием сорняков рода *Polygonum*. Начало существования этого озерного бассейна, скорее всего, было связано с наиболее прохладной фазой суббореального периода (Лаврушин, Спиридонова, 2006; Лаврушин, Спиридонова, Бессуднов, Смольянинов, 2009. С. 51-52).

По мнению А.С. Алёшинской и Е.А. Спиридоновой, кратковременная эпоха аридизации произошла также 3400 л.н. (рис. 54) (Алёшинская, Спиридонова, 1999. С. 100). В это время на территории южной лесостепи наблюдалось сокращение площадей лесов и временное восстановление зональных обстановок степных ландшафтов.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что территория Верхнего Дона в суббореальное время также подвергалась климатическим изменениям, хотя их колебания, конечно же, были не такими глобальными, как например, на Нижнем Дону или на Нижней Волге (Дёмкин, Лукашов, 1985. С. 29; Матюшин, 1992; Иванов, Лисецкий, 1994; Иванов, Васильев, 1995; Иванов, 1996. С. 92; Иванов, Луковская, 1997. С. 80; Дёмкин и др., 2001. С. 368; Борисов и др., 2003. С. 178-180 и др.). Например, Н.И. Шишлина выделяет VI хроноинтервал (2600-2300 гг. до н.э.), который характеризуется резкой аридизацией климата, настоящей экологической катастрофой (Шишлина, 2007. С. 298), заставившей жителей северокавказского региона решать хозяйственно-экономические проблемы за счет освоения расположенных севернее территорий (Шишлина, 2007. С. 320). Таким образом, вышеописанные климатические изменения, естественно, напрямую влияли на оформление специфики заселения и освоения бассейна Верхнего Дона в эпоху бронзы.

По мнению А.Т. Синюка, топографический признак памятника очень важен во многих отношениях, так как, несомненно, зависит от природно-географических условий эпохи, а в связи с этим можно определить его функциональное назначение. В поймах и на низких террасах, начиная с эпохи неолита, не создавались родовые стационарные поселки. На данных участках с оптимальными топографическими признаками для присваивающего и производящего хозяйств, можно предполагать следы большого количества сезонных промысловых стоябищ самых разных групп населения в разные эпохи. Места же стационарных поселков следует искать на высоких первых и вторых террасах и их останцах, на высоких мысовых участках берегов (Синюк, 1996а. С.17-18). При этом же А.Т. Синюк считает не беспочвенной попытку выявления хронологических различий по топографическим признакам памятников (Синюк, 1996а. С. 18). Есть также мнение И.Е. Гака и А.В. Борисова, которые связывают топографическое расположение поселений катакомбной культуры с сезонностью: высокорасположенные поселения функционировали как летние стоянки (летники), а низкорасположенные – зимние стоянки (зимники) (Гак, Борисов, 2014. С. 411-412).

Рассмотрим известные поселения катакомбной культуры с позиций топографии с целью выявления закономерности их расположения по хронологическим этапам.

3.2. Особенности топографического расположения поселений катакомбного времени на Верхнем Дону

Поселений катакомбной культуры в бассейне Верхнего Дона выявлено 177, из них 41 находится в бассейне р. Дон, остальные 136 – р. Воронеж (Таблица 2; рис. 1, 7).

Рассмотрим поселения, выявленные в бассейне р. Дон.

На пятнадцати из них производились раскопки (Семилукское и Губаревское городища, поселения Замятино 10, Терновское, Закленское, Ксизово 17 и 19, Балахнинское, Губаревское и Ямное, поселение Мухино 2, городище Чернышова гора и др.), остальные 26 пунктов известны по материалам разведочных работ.

Таблица 2. Топография и гидрология памятников катакомбной культуры на Верхнем Дону.

		ГИДРОЛОГИЯ				ТОПОГРАФИЯ				
		Основное русло		Приток		Дюна	Терраса		Мыс	
		Прав.б.	Лев.б.	Прав.б.	Лев.б.		Выс.	Низ.	Выс.	Низ.
р. Дон	Раскопки	8	1	2	4	2	1	3	8	1
	Разведки	11	2	7	6	1	8	11	4	2
	Всего	19	3	9	10	3	9	14	12	3
р. Воронеж	Раскопки	26	16	7	3	25	1	14	10	2
	Разведки	35	23	14	12	27	19	24	5	9
	Всего	61	39	21	15	52	20	38	15	11
ИТОГО на Верхнем Дону		80	42	30	25	55	29	52	27	14
		122		55			81		41	

Из донских поселений более половины (22) тяготеют непосредственно к руслу реки, причем подавляющее большинство из них (19) располагаются на правом берегу р. Дон, а 16 – на правых притоках реки: в том числе, группа из пяти посе-

лений на р. Снова и из 11 – в бассейне р. Ведуга. Интересно отметить, что практически все они тяготеют к устьевой части. Всего шесть поселений находятся на притоках так называемого второго порядка (рр. Олым, Воргол, Еманча, Камышовка, Воргол). Показательно, что один памятник на р. Олым (поселение 2 у п. Воловский 2-й) является пока самым западным из известных пунктов рассматриваемого региона, не считая местонахождения развала катакомбного сосуда на р. Кшень. В перспективе скорее всего следует ожидать большего числа катакомбных памятников в этих пока малоисследованных территориях в правобережной части бассейна р. Дон. Особняком стоит и пока самое восточное поселение в верховьях р. Битюг Чамлык-Никольское, так же как и грунтовый могильник у с. Ровенка.

Берега р. Дон заселялись неравномерно, катакомбное население, скорее всего, при освоении территории Верхнего Дона образовывало небольшие группы поселков. Так, например, выделяется концентрация памятников у сс. Замятино и Ксизово Задонского района, представленная уже упоминавшимися поселениями в устьевой части рр. Снова и Ведуга.

Самыми северными из известных поселений в бассейне р. Дон являются местонахождения катакомбной керамики в г. Лебедянь (Лебедянь-4 и сл. Покрово-Инвалидная-4), чуть ниже по течению – поселение у с. Волотово, а далее – только у г. Ельца (рис. 1, 8, 35, 49).

По топографии мы разделили верхнедонские поселения катакомбной культуры на несколько групп: расположенные на дюнах в поймах рек, террасовые поселения, которые подразделяются на высокие (боровые) и низкие надпойменные (до 5 м), и мысовые поселения, которые также делятся на низкие (до 5 м) и высокие.

На р. Дон и его притоках выявлено всего три дюнных поселения, хотя на некоторых участках, как отмечалось выше, Дон имеет широкую пойму с дюнными всхолмлениями. Террасовых поселений выявлено 23, из них девять располагаются на высоких борových террасах, а 14 – на низкой первой надпойменной террасе. Поселений на мысах обнаружено 15, здесь, наоборот, высокорасположенными являются 12 и только три находятся на невысоких мысах.

В бассейне р. Воронеж ситуация несколько иная: поселений катакомбной культуры здесь выявлено 136 – более чем в три раза больше, чем на р. Дон. На 52 из них проводились раскопочные работы, наиболее значимые из которых Савицкое, Рыбное Озеро 1 и 2, Университетские 1-3, Рыкань 2 и 3, Студеновка 3, Курино 1, Буховое 9, Карамышево 9 и другие.

Преобладающая часть памятников (100) располагается на основном русле реки, на притоках же только 36, при этом практически все из последних тяготеют к устьевой части притоков, т.е. также связаны с поймой Воронежа. Исключение составляет лишь р. Усмань, где поселения разбросаны фактически по всему её руслу. На правом берегу р. Воронеж обнаружено 61 поселение и ещё восемь – на немногочисленных правых притоках реки. В левобережье основного русла выявлено 39 памятников, а на притоках – 28, и только лишь четыре поселения находятся на притоках второго порядка.

Поселения по берегам р. Воронеж располагаются в целом равномерно, цепочкой тянутся по обоим берегам. Однако выделяются и отдельные очаги концентрации памятников катакомбной культуры (в нижней части течения р. Матыра: Рыбное Озеро 1 и 2, Ярлуковская протока и другие; верхнее (Васильевский кордон 1, 5-7, 18, 20-25, 27, Буховое 8-10, Студеновка 1-3, Делеховое 1-2) и нижнее течение р. Воронеж: Университетские 1-3, Северовосточное 1, Отрожка и т.д.) (рис. 1).

Самым северным из известных в бассейне р. Воронеж является поселение с валиковой керамикой Рошинский 31 на правом притоке р. Воронеж – р. Становая Ряса.

По топографии поселения также делятся на три группы. Значительная часть из них (52) расположена на дюнах в пойме р. Воронеж и его притоках. Террасовых поселений – 58, но и здесь подавляющее большинство из них (38) выявлено на низких, первых надпойменных террасах, остальные 20 – на борových террасах, находящихся преимущественно на правом берегу р. Воронеж. Мысовых поселений обнаружено 26: 15 на высоких, труднодоступных мысах и 11 – на низких мысах в поймах рек.

Таким образом, подводя итог общей характеристике особенностей распространения памятников в бассейне р. Воронеж, следует отметить, что катакомбные поселения в своей массе тяготеют к основному руслу реки (100 (73,5%) из 135) и располагаются на низких участках (на дюнах, низких террасах и мысах) (101 поселение (74,2%).

Еще ряд поселений, на которых проводились исследования, нами не учтен, поскольку относятся к Окскому бассейну (поселение Городок 1 на р. Ранова (Челяпов, Ставицкий, 2004), поселение Галдым (Чуистова, 1970; 1971) и Пчеляевское городище (Чуистова, 1972) на р. Цна, поселение Кипец 1 в верховьях Вороны (Выборнов, Королёв, Ставицкий, 2005. С. 15-16).

При рассмотрении всех известных катакомбных поселений верхнедонского региона в целом следует отметить, что большая их часть тяготеет к основному руслу крупных водных артерий – 122 памятника (68,9%). По топографии их расположения также можно сделать вывод, что население катакомбной культуры предпочитало низкие пойменные участки, на которых выявлено 121 поселение (68,3%!).

Для сравнения рассмотрим по тем же позициям поселения воронежской археологической культуры, которые, на наш взгляд, сосуществовали на определенных этапах. Всего в бассейне Верхнего Дона их выявлено 104, из них лишь 15 находится в бассейне р. Дон, остальные 89, оправдывая название культуры, – на р. Воронеж (Таблица 3).

Охарактеризуем немногочисленные поселения, выявленные в бассейне р. Дон. На половине из них проводились археологические раскопки (поселение Елецкое и Замятино 10, Семилукское, Воргольское и Губаревское городища, городище у с. Каменка), остальные девять пунктов известны по разведочным работам.

Девять поселений находятся на притоках (рр. Красивая Меча, Сосна, Воргол, Ведуга, Еманча, Ельчик), шесть пунктов выявлены непосредственно на берегах реки, при этом все они, за исключением одного (Терещевка 4), расположены на правом берегу р. Дон, а если учесть, что и все перечисленные притоки правые,

можно констатировать, что этот памятник пока единственный из известных в левобережье Дона.

Таблица 3. Топография и гидрология памятников воронежской культуры на Верхнем Дону.

		ГИДРОЛОГИЯ				ТОПОГРАФИЯ				
		Основное русло		Приток		Дюна	Терраса		Мыс	
		Прав. б.	Лев. б.	Прав. б.	Лев. б.		Выс.	Низ.	Выс.	Низ.
р. Дон	Раскопки	3	-	1	2	-	-	-	6	-
	Разведки	2	1	-	6	-	-	2	3	4
	Всего	5	1	1	8	-	-	2	9	4
р. Воронеж	Раскопки	23	6	3	-	4	2	4	19	3
	Разведки	12	28	10	7	15	4	29	6	3
	Всего	35	34	13	7	19	6	33	25	6
ИТОГО на Верхнем Дону		40	35	14	15	19	6	35	34	10
		75		29			41		44	

В расположении поселений в бассейне р. Дон отмечается неравномерность, отдельные из них разбросаны по всему правобережью, единственная концентрация их имеется в устьевой части р. Ведуга.

Самым северным в бассейне р. Дон является известное по разведке поселение у с. Ново-Красивое на р. Красивая Меча, а из раскопанных – достаточно информативные Воргольское городище и Елецкое поселение.

По топографии мы также разделили верхнедонские поселения воронежской культуры на три основные группы: а) расположенные в поймах рек; б) террасовые, которые подразделяются на высокие (боровые) и низкие террасы (до 5 м) и в) мысовые поселения, которые также делятся на низкие (до 5 м) и высокие.

Большинство поселений (девять) в бассейне р. Дон находится на высоких труднодоступных мысах, остальные можно считать низкорасположенными: два поселения – на невысокой террасе, четыре – на низких мысах. На р. Дон и его притоках пока не выявлено ни одного пойменного поселения.

В бассейне р. Воронеж, как уже отмечалось выше, выявлено 89 поселений,

что более чем в семь раз превышает численность таковых на р. Дон. На 31 из них проводились раскопки (Липецкое и Сырское городища, городища у сс. Сенное и Ивницы, городище «Большой Липяг», поселения Курино 1, Сокольское, Волковское, Шиловское 1, Савицкое, Рыбное Озеро I, Ярлуковская протока и другие).

Подавляющее число памятников располагается на основном русле реки (69 поселений), на притоках их 20. Непосредственно по левому и правому берегам р. Воронеж обнаружено 34 и 35 поселений соответственно, а все 20 поселений на притоках находятся в левобережной части Воронежа.

Поселения по р. Воронеж располагаются равномерно, по обоим его берегам, выделить какие-либо отдельные очаги концентрации их не представляется возможным.

Самым северным из известных поселений воронежской культуры в бассейне р. Воронеж является Делеховое 2, находящееся на правом берегу реки и группа поселений у п. Дальний (Буховое 9, Васильевские кордоны 1, 5, 7, 21, 24, 25 и 27). Эти памятники стоят несколько особняком, потому что на правом берегу Воронежа следующие поселения (Пункт 370, Липецкое городище, Сокольское) находятся от него почти на 50 км южнее. Наиболее вероятно, что такой факт не отражает реальной ситуации по заселению бассейна реки, дело в том, что ещё не все участки реки подвергались разведочным исследованиям, а изучались лишь некоторые из них (В.П. Левенок 1959-1960 гг., А.Ю. Клоков 1982-1983 и 1985, С.Л. Клёнышев 1996 г., Е.Н. Мельников 1999 и 2000 г., Р.В. Смольянинов 2004-2005 и 2010 г., А.А. Свиридов 2004-2005 г. и А.А. Клюкойть 2008 г.). Подтверждением этому служит тот факт, что, осваивая верховья р. Воронеж, население продвигалось значительно дальше на север и северо-восток, где выявлены отдельные памятники, например, Городок 1 на р. Ранова, поселение Галдым на р. Цна в Тамбовской области.

По топографии поселения воронежской культуры также делятся на три группы. Часть их (19) расположена на дюнах в пойме р. Воронеж и его притоках. На террасах же таковых выявлено 38, из которых (33) находится на низких, первых надпойменных террасах, оставшиеся пять поселений расположены на высоких

террасах, в основном, на правом берегу р. Воронеж. Мысовых поселений обнаружено 31, 25 из которых располагаются на высоких мысах и девять – на низких (до 5 м) мысах в поймах рек.

Таким образом, говоря об итогах картографирования памятников в бассейне р. Воронеж, следует отметить, что население воронежской культуры предпочитало расселяться на основном русле реки (69 поселений из 89) и занимало преимущественно низкие участки - дюны, низкие террасы и мысы (58 поселений).

Рассматривая верхнедонской регион в целом для расположения памятников воронежской культуры можно проследить те же тенденции, что и для катакомбной культуры: большинство из них – 75 (72,2%) тяготеет к основному руслу крупных рек, 29 (27,8%) – находятся на притоках. Из этих же поселений 64 (61,5%) располагаются на низких участках в поймах или надпойменных террасах, 40 (38,5%) поселений – на высоких боровых террасах и труднодоступных мысах. Приведенные данные несколько расходятся с наблюдениями В.И. Беседина, который отмечал, что особенностью воронежской культуры является преобладающее размещение её поселений на высоких мысах (Беседин, 1988. С. 11). Как показывают исследования последних лет, его вывод бесспорен для Среднего Дона, где поселения воронежской культуры действительно тяготеют к высоким мысам, а на территории Верхнего Дона вновь проявляется местная специфика, обусловленная, напротив, их низким расположением.

Низкое расположение большинства памятников катакомбного времени, связано с несколькими факторами. Во-первых, сложившейся политической ситуацией в регионе (относительно мирным сосуществованием пришлого катакомбного населения с местным нео- и энеолитическими племенами при доминировании первых в рамках благоприятных условий лесостепи). Во-вторых, с особенностью хозяйства населения, значительную роль в котором играли присваивающие формы. С другой стороны, в рассмотренном случае топография подтверждается также и данными палеогеографов об аридизации климата, которая обусловила возможность заселения низких участков поймы.

Для подтверждения этих выводов рассмотрим топографические особенности

катакомбных поселений Верхнего Дона по выделяемым нами хронологическим этапам.

На раннем этапе катакомбное население Верхнего Дона представлено двумя типами – верхнедонским и терновским.

Поселений верхнедонского типа нами учтено 44, из которых 28 находятся непосредственно на берегах р. Воронеж, еще восемь – на его притоках, на берегах р. Дон – семь, кроме этого - Губаревское городище располагается на притоке р. Дон – р. Ведуга. Все донские поселения, за исключением Ксизово 6 и Пункта 51, расположенных на низких участках, находятся на высоких мысах и террасах (см. таблицу 4).

Таблица 4. Особенности топографического размещения памятников раннего этапа на Верхнем Дону.

		<i>Верхнедонской тип</i>	<i>Терновской тип</i>
р. Дон	мыс	6	4
	пойма	2	2
р. Воронеж	мыс	6	1
	пойма	30	3
Всего:		44	10

Поселения в бассейне р. Дон располагаются равномерно, что, в принципе, характерно для памятников всех эпох на её берегах, выделяется лишь концентрация этих пунктов у сс. Замятино, Ксизово. Южнее, на территории Среднего Дона, материалы верхнедонского типа также встречаются в единичных экземплярах на раскапывавшихся памятниках – Архангельское городище, Костёнки 4, Костёнки 8. Фрагменты керамики верхнедонского типа выявлены и в слое Таганского грунтового могильника (Матвеев, Цыбин, 1999. С. 75, рис. 2-3). Характерно, что на всех донских поселениях культурный слой слабо насыщен, за исключением Замятино 10 и Семилукского городища. Карта распространения памятников верхнедонского типа показывает, что в бассейне р. Дон самым северным является местонахождение керамики у с. Калиновка (Пункт 51), недалеко от устья р. Красивая Меча (рис. 8).

В бассейне р. Воронеж ситуация несколько иная – поселения, в основном, тяготеют к пойме и расположены на дюнах и невысоких надпойменных террасах – 30 памятников. В то же время на высоких мысах и боровых террасах их всего выявлено шесть (см. таблицу 4).

Поселения вытянулись цепочкой по р. Воронеж, и даже те из них, которые располагаются на притоках (Рыбное Озеро 1 и 2, Ярлуковская протока, Пункт 223 на р. Матыра, Устье-Излегощи 1 и 2 на р. Излегоща и другие), тяготеют к основному руслу реки. Так же, как и для донских поселений, характерна слабая насыщенность слоя. На 33 памятниках проводились раскопочные работы, но полученные коллекции керамики верхнедонского типа малочисленны, исключение составляет поселение Студёновка 3, которое также является одним из самых северных пунктов в этой группе. В нижнем течении р. Воронеж, в районе г. Воронеж отмечается достаточно высокая концентрация поселений верхнедонского типа (Университетские стоянки 1-3, Отрожка, Шиловское 1 и другие).

Что касается поселений терновского типа, то их пока выявлено немного – всего 10: шесть в бассейне р. Дон и четыре на р. Воронеж. По топографии четыре донских поселения расположены на высоких мысах и два в пойме, воронежские, наоборот, – три в пойме реки и одно – на высоком мысу (см. таблицу 4).

Самыми северными выявленными пунктами на р. Дон является поселение у с. Волотово (ниже по течению г. Лебедянь), а на р. Воронеж – Липецкое Озеро и Рыбное Озеро 2 (на р. Матыра) (рис. 8).

Таким образом, большинство ранних поселений располагается в пойме и на низких террасах, как уже отмечалось, что было обусловлено аридизацией климата, когда стало возможным заселение пойменных участков. Все памятники терновского типа, находящиеся на рр. Дон и Воронеж (кроме Терновского поселения), располагаются непосредственно на берегах рек; практически такая же ситуация (40 поселений) за небольшим исключением характерна и для памятников верхнедонского типа. Скорее всего, это связано с тем, что освоение Верхнего Дона носителями катакомбных традиций в ту пору только началось, и население оседало лишь по главным водным артериям региона, хотя, в целом, такой алго-

ритм расселения будет типичен и для последующих этапов катакомбной культуры, а мелкие притоки и ручьи будут полностью освоены лишь срубной культурой эпохи поздней бронзы (Бессуднов, Мельников, 2002).

Ко второму этапу катакомбной культуры на Верхнем Дону мы отнесли 116 поселений, на 44 из которых проводились раскопочные работы (рис. 35). Приведем их общую характеристику отдельно по бассейнам рр. Дон и Воронеж.

В бассейне р. Дон на сегодняшний момент известно 26 поселений (рис. 35), 16 из которых находятся на берегах основного русла реки (13 на правом и только три на левом) и ещё десять – на её притоках. Самое северное поселение Галичья Гора 2 находится на правом берегу р. Воргол, непосредственно же на р. Дон самым северным пунктом является городище в урочище «Курган» у с. Каменка. Западную окраину маркируют поселение 2-й Воловский 2 на р. Олым (приток р. Сосна) и местонахождение Замарайка на р. Кшень.

Поселения разбросаны по бассейну Дона преимущественно в виде нескольких групп: это район Задонской Луки (сс. Ксизово и Замятино, нижнее течение р. Снова) и нижнее течение р. Ведуга. По топографии донские поселения также мы разделили на три группы: на дюнах выявлено только два поселения (Ямное и Гнездилово), на террасах располагаются пять, четыре из которых не превышают 5 м. На мысах выявлено 19 памятников, три поселения из которых – на низких мысах (до 5 м), остальные (16) – на высоких.

Бытовых памятников на р. Воронеж насчитывается 90; это более чем в три раза превышает численность таковых на р. Дон. Большинство из них тяготеет к основному руслу реки – 68 (43 на правом берегу, 25 – на левом), ещё 22 находятся на притоках, причем практически все они также располагаются в их устьевых частях, реже – в среднем течении. Картографирование показывает, что самым северным пунктом для данного этапа на р. Воронеж является поселение у с. Старое Торбеево в Тамбовской области (Ивашов, Голотвин, Земцов, 2013), однако следует отметить, что ещё дальше на север известно несколько пунктов с катакомбной керамикой, но относятся они уже к бассейну Оки – поселения Галдым на р. Цне (в 40 км севернее Тамбова) (Чуистова, 1970; 1971), Пчеляевское городище (Чуисто-

ва, 1972), поселения Кипец 1, Озименки, Новый Усад IV, Ибердус и др. (Ставицкий, 2005).

Необходимо отметить, что поселения цепочкой тянутся по обоим берегам р. Воронеж, образуя несколько очагов концентрации, например, в нижнем течении р. Матыра (Пункт 242, Рыбное Озеро 1 и 2, Ярлуковская протока), в верхнем (Ивашов, Смольянинов, 2013. С. 70-71), среднем и нижнем течении р. Воронеж и т.д.

По топографии расположения, мы также разбили поселения на р. Воронеж на три группы. Количество их на дюнах в поймах рек, оказалось преобладающим – 37 (41,2%), расположенных на террасах – 33, из них 13 (14,4%) – на высоких и 20 (22,2%) – на низких. Памятников, обнаруженных на мысах, – 20, из которых 11 (12,2%) относятся к категории высоких и девять (10%) – низких (рис. 5).

При анализе топографического расположения поселений развитого этапа на Верхнем Дону в целом, можно заметить, что они занимают практически ту же территорию, что и на раннем этапе, сохраняются и основные тенденции размещения. Большинство их тяготеет к основному руслу крупных рек – 84 (72,4%), на притоках – 32. Носители катакомбной культуры на развитом этапе предпочитали заселять низкие участки на дюнах. На низких террасах и мысах выявлено 65 (56%) памятников, на высоких террасах и мысах – 51 (44%) (рис. 7).

Поселения третьего (валикового) этапа. В бассейне р. Дон таковых выявлено пока 15, из которых только пять располагаются вблизи основного русла реки (все на правом берегу), а десять – на притоках Дона, но, в отличие от предыдущих этапов, большинство поселений рассматриваемого располагается на притоках второго и даже третьего порядков. Особняком стоит только поселение Чамлык-Никольское, которое, хотя и относится к донскому бассейну, располагается на р. Битюг в широтном плане даже восточнее поселений воронежского бассейна. Самыми северными пунктами на р. Дон являются два местонахождения катакомбной керамики в г. Лебедянь (Лебедянь 4 и сл. Покрово-Инвалидная 4). Поселений так мало, что говорить о каких-либо очагах концентрации нет оснований. Топографическое расположение памятников следующее: по одному выявлено на

дюне и на высоком мысу, остальные – на террасах (на высоких – четыре, на низких – девять).

Поселения, располагающиеся на р. Воронеж, более многочисленны, чем на р. Дон, хотя уступают их численности на развитом этапе – 56. Как и на более ранних этапах, они тяготеют к основному руслу реки, где их выявлено 37 (23 на правом берегу и 14 – на левом). Ещё 19 известно на притоках р. Воронеж, причем, как и на Дону, в отличие от более ранних этапов, появляются памятники, уже удаленные от основного русла реки, на притоках второго и третьего порядков (рис. 49).

По области распространения они занимают практически одинаковую территорию с более ранними: самыми северными являются группы поселений на правых притоках Воронежа – рр. Становая Ряса и Ряса (Рошинский 31 и Пункт 390), хотя несколько пунктов обнаружены ещё севернее, в бассейне р. Оки, на её притоке Ранова, где, например, было исследовано поселение Городок 1 (Челяпов, Ставицкий, 2004), слои которого содержали материалы катакомбной культуры с валиковой и прочерченной орнаментацией, а также керамику воронежской культуры.

По топографическим характеристикам сохраняются те же закономерности: 14 поселений выявлено на дюнах в пойме реки, 29 – на террасах (семь – на высокой и 22 – на низкой) и 13 памятников находятся на мысах (семь – на высоких, шесть – на низких).

Мы разделяем мнение М.Ф. Косарева, который считал, что попадая в ту или иную природную среду, древние люди старались приспособить к ней не только свою экономику, но в конечном итоге и свою социальную организацию. При этом он подчёркивал, что это приспособление было всегда рациональным с точки зрения повышения выживаемости, хотя и не всегда является шагом вперёд с точки зрения наших привычных представлений об экономическом и социальном прогрессе (Косарев, 1981. С. 245).

Проведенные палеопочвенные исследования показали значительные колебания климата практически на всем протяжении эпохи средней бронзы верхнедон-

ского региона, причем начало этапа характеризуется аридностью, а его завершение – увлажнением.

Проанализировав же результаты картографии и топографии поселений катакомбного времени на разных этапах, можно сделать следующие выводы:

– по результатам картографирования была установлена примерная северная граница проникновения носителей катакомбных традиций в бассейн Верхнего Дона на разных этапах её развития. Примечательно, что в целом эта территория практически оставалась неизменной. И только на последнем (валиковом) этапе граница продвигается несколько севернее (до г. Лебедянь на р. Дон и стоянки Городок 1 на р. Ранова);

– население катакомбной культуры предпочитало осваивать более удобный для хозяйственной деятельности бассейн р. Воронеж, что подтверждается преобладающим числом памятников по сравнению с донским бассейном. Очень показательным, что на разных хронологических этапах локализация большинства памятников Дона и Воронежа практически совпадает (район Острой Луки под Задонском, низовья р. Ведуга), что предопределялось необходимостью удобной организации хозяйственной деятельности;

– выделяется интересный микрорайон памятников катакомбной культуры в районе Острой Луки (излучина р. Дон около г. Задонска), которая представляет собой уникальный историко-географический регион. Река Дон в этом месте делает несколько поворотов, обтекая Задонский кряж – цепь высоких холмов с выходами скальных пород, где местами сохранились реликтовые дубравы. Широкая пойма Дона и долины впадающих в него рек Сновы, Каменки и Репца, обилие относительно низких террас, разнообразных всхолмлений и мысов, а также большое количество лесов, которыми в неолите – раннем железном веке был покрыт весь кряж, способствовали высокой концентрации населения на Острой Луке как в целом во все исторические эпохи, так и в представляющие разные хронологические этапы катакомбных древностей, включая поселения и грунтовый могильник;

– показательной чертой для характеристики особенностей расселения катакомбных племен является, на наш взгляд, смена предпочтений в расположении

памятников от основного русла к притокам. Анализируя данные графика (рис. 7), видно, что поселения раннего этапа приурочены к основному руслу рр. Дон и Воронеж (79,2%!), но постепенно к более поздним этапам начинается освоение притоков, а доля же памятников на берегах крупных рек региона к позднему этапу значительно уменьшается (59,2%). Таким образом, на раннем этапе население осваивало только берега основных русел рр. Воронеж и Дон, на втором – начинается заселение устьевых участков притоков, и только на позднем происходит проникновение их в среднее и верхнее течения притоков;

– особенности топографического расположения памятников хорошо иллюстрирует представленный график, на котором нами отмечены два интересных факта: население раннего этапа предпочитало заселяться на дюнах (50% памятников) и на высоких мысах (22,9%), а позднего – на низких террасах (43,7%). В то же время для развитого этапа количество памятников на дюнах, низких террасах и высоких мысах примерно одинаковое. На наш взгляд, на ранних этапах такая тенденция была предопределена больше аридизацией, чем экономической направленностью, а на более поздних – именно хозяйственной деятельностью, основанной на скотоводстве, ориентированном на разведение крупного рогатого скота;

– характерной чертой культурного слоя бытовых памятников катакомбной культуры на Верхнем Дону практически для всех этапов является достаточно слабая насыщенность находками, что, как мы считаем, было связано с хозяйственной деятельностью, особенности организации которой более детально будут рассмотрены ниже;

– количество памятников позднего этапа сокращается, и, как уже отмечалось, они располагаются на притоках (40,8%), что может свидетельствовать об оттоке катакомбного населения с территории Верхнего Дона и оставлении территории, прилегающей к основным руслам под давлением этнически чуждого населения, представленного носителями абашевской и срубной культур.

3.3. Реконструкция хозяйственного уклада катакомбного населения Верхнего Дона

Исследователи традиционно считают, что для катакомбной культурно-исторической общности характерно скотоводство, в качестве наиболее вероятной формы которой рассматривается пастушество с доминантной ролью в стаде крупного рогатого скота (Антипина, 2004; Антипина, Моралес, 2005). Очень широко были распространены различные ремесла: ювелирное, кожевенное, металлообработка (последнее – особенно в районах Предкавказья). Например, Г.В. Подгаецкий считал, что среднедонскому катакомбному населению известны мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство. Что же касается бронзовых изделий, то, по его мнению, население среднедонской культуры получало их через межплеменной обмен с северокавказскими жителями (Подгаецкий, 1946, С. 146). Позже А.Д. Пряхин высказал предположение, что для катакомбного населения Среднего Дона характерно, прежде всего, скотоводство при значительной роли земледелия (Пряхин, 1966а).

Полагаем, что в рассматриваемом нами регионе, хозяйство несколько отличалось от других территорий ареала, занимаемого катакомбным населением, но, к сожалению, степень информативности раскопанных здесь памятников не позволяет пока выйти на уверенную их реконструкцию. Однако при выполнении этой задачи могут оказать существенную помощь результаты исследований сопредельной территории – Среднего Дона.

Характеристики источников, из совокупности которых мы можем на основе сравнительного анализа извлечь ту или иную информацию о хозяйственном укладе населения Верхнего Дона в эпоху средней бронзы, на наш взгляд, следующие:

- 1) топография поселений;
- 2) степень насыщенности культурного слоя;
- 3) конструктивные особенности построек;

4) особенности ассортимента орудий труда на поселениях и в погребениях (отдельно отметим орудия труда из металла и свидетельства металлургии);

5) данные естественно-научных методов (остеология, палинология и т.д.).

Топографические особенности расположения поселений, по нашему мнению, являются приоритетными, поскольку выбор места проживания определялся хозяйственным укладом. Мы полагаем, что поселения на низких участках (дюнах, невысокой террасе), в непосредственной близости к воде – это сезонные стойбища, поскольку весенние разливы реки практически ежегодно затапливали эти места, и жить там было можно лишь в теплое (лето) или, наоборот в холодное (осень-зима) время года. Дюнные стоянки могли использоваться как промысловые стойбища, в первую очередь, для рыболовства и охоты, хотя категорично исключать факт их использования и скотоводами нельзя. В целом же скотоводческое население, наиболее вероятно, предпочитало для своих сезонных стоянок низкие надпойменные террасы, которые давали очень много преимуществ: близость к источнику воды и заливным пойменным лугам богатым кормовой базой, в том числе и зимой (Гак, Борисов, 2014. С. 411). К тому же пойма, просматриваемая на достаточно большом расстоянии, облегчала пастухам осуществлять контроль за стадом. Кроме этого, надпойменные террасы могли использоваться и как земледельческие угодья. Поселения на высоких террасах и труднодоступных мысах являлись, вероятно, стационарными поселками. При выборе такого рода мест учитывались уже не столько практические соображения (удобное место, хорошие подходы к воде), но, прежде всего, тактические, поскольку поселения на боровых террасах и мысах объективно были более защищенными.

Особенности топографии памятников катакомбной культуры рассмотрены нами выше, мы увидели, что практически для всех этапов катакомбной культуры характерны низкорасположенные поселения. Но особенно рельефно эта закономерность проявляется на раннем этапе, когда 50% всех поселений располагались на дюнах в поймах рек, а в целом на низких участках (дюны, первые террасы и низкие мысы) – 70,8%. Правда, для раннего этапа культурный слой на многих бытовых памятниках слабо насыщен, что свидетельствует о подвижности оставив-

шего их населения. Но нельзя исключать и того, что поселения, содержащие большое количество катакомбной керамики, могли являться сезонными стойбищами, заселяемыми неоднократно, причем иногда и в разные периоды существования культуры (Университетская 3, Семилукское городище, Замятино 10, «Липецкое Озеро», Рыбное Озеро 1 и 2 и другие). Следует также учесть и то, что с началом раннего этапа катакомбной культуры совпадает аридный период, характеризующийся сильной засухой. В этой связи поселения с насыщенным слоем могут рассматриваться и как стационарные поселки. На других этапах культуры, как нами отмечалось, начинается освоение первых надпойменных террас и притоков рек (Ивашов, 2002б; Ивашов, 2014).

Как показало картографирование, население катакомбной культуры предпочитало для проживания бассейн р. Воронеж. Такой выбор был обусловлен наличием более удобной, хорошо разработанной поймы, в пределах которой можно успешно заниматься как присваивающими, так и производящими формами хозяйства. Донские же памятники располагаются на высоких участках, концентрируясь в одних и тех же пунктах на разных этапах существования культуры (район «Острой Луки» на р. Дон, нижнее течение р. Ведуга).

Другой очень важный источник, дающий нам информацию о хозяйственном укладе рассматриваемых племен, – постройки и насыщенность культурного слоя. Ещё в 1930-е годы в одной из первых работ по катакомбной культуре нашего региона П.П. Ефименко, рассматривая полуземляночное жилище на поселении в урочище Ерик, обращал внимание на прочную оседлость его древних жителей (Ефименко, 1934. С. 50-53). Действительно, те поселения, на которых прослеживаются следы наземных каркасных построек при отсутствии следов долговременных сооружений, скорее всего следует считать сезонными стоянками, но при этом можно лишь предполагать, что являлось основным занятием оставившего их населения – это могли быть как охотники, так и скотоводы, но в любом случае уклад их жизни предусматривал мобильность. Поселения с углубленными в материк постройками, насыщенным культурным слоем являются стационарными, и оставившие их население было оседлым. Отсюда закономерно, что, например, для на-

селения раннего этапа катакомбной культуры характерны наземные постройки, изученные на Семилукском городище, поселениях Курино 1, Замятино 10, Студёновка 3, Карамышево 9. На более позднем этапе существования катакомбной культуры конструкция жилищ становится полужемляночной, хотя, например, на поселении Рыкань 3 (развитый этап) выявлено две полужемлянки и две наземных постройки (Гак, 2013; Гак, Давыдов, 2014).

Несомненно, значительную информацию о хозяйственном укладе населения эпохи бронзы могли бы дать орудия труда, найденные на поселениях, но, к сожалению, большинство таковых происходит с многослойных памятников и бесспорное соотнесение их с какой-либо культурой представляется не всегда возможным. Больше информации в этом отношении дают нам материалы погребений.

Существенное значение имеет вопрос о наличии собственной металлообработки у населения среднедонской катакомбной культуры. Ещё Г.В. Подгаецкий, а затем и Т.Б. Попова высказывали мнение, что племена катакомбной культуры некоторое время не знали собственной металлургии, а металл получали с Кавказа (Попова, 1955. С. 27). С.Н. Корневский в 1970-е годы, занимаясь проблемой металлургии катакомбной культурно-исторической области в целом, при рассмотрении памятников с многоваликовой керамикой пришел к весьма важному выводу о массовом производстве в катакомбной среде ведущих видов бронзовых орудий труда и предметов вооружения (Корневский, 1976).

Вопрос о наличии металлообработки у среднедонского катакомбного населения ставил в диссертации и Ю.П. Матвеев (Матвеев, 1982). По его мнению, она существовала: орудия труда и украшения, скорее всего, выплавлялись на месте из привозного металла или лома. Это предположение подтверждается находкой на Шиловском поселении фрагмента днища катакомбного сосуда, украшенного гребенчатым и веревочным орнаментом со следами ошлаковки. В последние годы на ряде верхнедонских поселений также были получены свидетельства металлургии. Например, на поселении Балахнинское (раскопки автора, 2002 г.) выявлен фрагмент стенки катакомбной культуры, украшенный прочерченными линиями, внутренняя сторона которой ошлакована. Интересно, что он находился в том же квад-

рате и слое, что и обломок литейной двустворчатой формы на два изделия: сохранившаяся часть её имеет прямоугольное сечение при толщине 2,1 см и ширине 5,9 см, была изготовлена из хорошо подготовленной глины, с примесью песка. Цвет её красный с черными и пепельно-серыми пятнами, свидетельствующими о том, что форма была в использовании. В ней отливались два изделия – нож и прут-заготовка. На нижней части формы есть проточенный желобок, что, возможно, свидетельствует об использовании её и в качестве абразива. На узкой боковой стороне остались параллельные следы от крепежа с другой половиной. Еще одним свидетельством металлургии на данном поселении является бронзовый сплеск (Ивашов, Мельников, 2004).

В 2006 году на поселении Буховое 9 (рис. 55) выявлены фрагменты двух плавающих чаш, которые относятся к среднедонской катакомбной культуре. Одна из них подовальной формы с толщиной стенок от 1 до 1,5 см, срез венчика закруглен, имеет небольшой наплыв внутрь (рис. 56, 1), внутренняя поверхность и края венчика сильно ошлакованы. Вторая – более крупная, снаружи украшенная горизонтальными рядами одинарной веревочки, – представляет собой миску с уплощенным венчиком, который, как и внутренняя часть, также ошлакован (рис. 56, 2).

Обратимся к рассмотрению немногочисленных находок из бронзы, выявленных на территории Верхнего Дона, относящихся к катакомбной культуре. На поселении Студеновка 3 в яме вместе с керамикой катакомбной культуры были выявлены две спиралевидные бронзовые подвески, изготовленные из проволоки сечением около 1,5 мм. Одна из них – в 2,5 оборота, другая в 1,5 оборота. Диаметр витка первой – 14 мм, второй – 12 мм (рис. 17, 34-35). В момент нахождения подвеска меньшего диаметра была как бы слегка вкручена в большую. Аналогии им можно найти в материалах донецкой катакомбной культуры (Братченко, 1976, рис. 25, 18) и Павловского могильника (Синюк, 1983).

В 2002 году при раскопках многослойного поселения Карамышево 9 в слое было обнаружено четырехгранное обоюдоострое бронзовое шило (Смолянинов, 2002). Ввиду того, что основные слои данного памятника датируются неолитом-

энеолитом, а поздние – городецкой культурой раннего железного века, данный предмет есть основания относить к катакомбной культуре, большая керамическая коллекция которой хорошо представлена на памятнике. Аналогичное четырехгранное шило с намеренно изогнутым и утонченным рабочим концом было выявлено на поселении Рыкань 3, которое автор раскопок интерпретирует как возможный скорняжный инструмент (Гак, 2013. С. 157). Рентгенофлуоресцентный анализ обоих изделий выявил медь со следами мышьяка, что, в целом, характерно и для других металлических орудий с памятников среднедонской катакомбной культуры (Гак, 2013. Табл. 3).

Несколько бронзовых изделий (украшений) выявлено в погребениях: Ксизово 19 п. 49 – обломок бронзового височного кольца или серьги, выполненного из круглой в сечении проволоки (диаметр 1,5-2 мм) с заостренным концом (рис. 71, 4); Ксизово 19 п. 53 – бронзовое колечко или пронизь, сделанная из раскованной проволоки (диаметр около 5 мм), свернутой в два оборота (рис. 72, 4); Ровенка п. 8 – на правой височной кости и правой стороне нижней челюсти были отмечены пятна зелёного цвета, вероятно, от окислов меди или бронзы, сами же металлические предметы не выявлены, что, возможно, свидетельствовало о присутствии изначально украшений из медной или бронзовой фольги, которые к настоящему времени полностью разрушились.

В одном из погребений катакомбной культуры у грунтового могильника у с. Крутогорье (Синюк, 1999. С. 64) также была найдена бронзовая подвеска с загнутыми приостренными концами (рис. 62, 5), имеющая аналогии в донецкой катакомбной культуре (Братченко, 1976. С. 52).

Эти немногочисленные находки бронзовых изделий (даже в погребениях) свидетельствуют о том, что на территории Верхнего Дона в катакомбное время они были не столь часты и, соответственно, чрезвычайно дороги.

Как мы уже отмечали, информацию о хозяйстве населения эпохи бронзы можно получить с опорой на данные естественных наук. Так, например, А.Д. Пряхин, рассматривая остеологический материал с 1-го Ксизовского поселения (валиковый этап), отмечал в нем заметное преобладание костей крупного рогатого

скота, в меньшей степени представлен мелкий рогатый скот, свинья, лошадь* (Пряхин, 1982. С. 146). Такие же результаты получены после исследования поселений Борщево IV, Ерик, Дармодехинская стоянка. Присутствие в материале костей свиньи свидетельствует об оседлом характере скотоводства (придомное пастушеское скотоводство) у среднедонских катакомбников на валиковом этапе их развития. Об оседлом характере населения косвенно свидетельствуют и обнаруженные на поселении Ксизово 1 четыре полуземлянки.

В 2006 году Е.Е. Антипиной были проведены археозоологические исследования остеологических материалов из раскопок 2002 года Балахнинского поселения, изучавшегося автором данной работы (Антипина, 2011). К сожалению, поселение многослойное, в культурном слое мощностью около 1,0 м сосредоточены материалы среднедонской катакомбной, абашевской и срубной культур. Из-за смешанности слоев бесспорное культурное и хронологическое разделение остеологических материалов оказывается невозможны, вследствие чего дается оценка общей динамики развития экономики эпохи бронзы в пределах изученного памятника. Е.Е. Антипиной в результате обработки остеологической коллекции были получены следующие данные: по большей части своих параметров и оценок она в целом аналогична коллекциям памятников эпохи бронзы на территории степи и лесостепи Восточной Европы (Антипина, 2011). Такое сходство показывает, прежде всего, остеологический спектр с доминированием костей крупного рогатого скота и минимальным долевым участием остатков диких животных (см. таблицы 5 и 6).

Возраст забитых на Балахнинском поселении домашних животных и реконструируемые для них размеры тела также близки к характеристикам домашних животных на других памятниках: для крупного рогатого скота пик такого изъятия приходился на группу от 4-х до 6-ти лет (около 37%), когда животные уже не могли больше наращивать мясную продуктивность.

* Анализ остеологического материала поселения проведен В.И. Цалкиным.

Таблица 5. Видовой состав домашних копытных и распределение их костей по стратиграфическим объектам на поселении Балахнинское

Объекты раскопок	Крупный рогатый скот (Bos taurus)	Лошадь (Equus caballus)	Овца или Коза (Ovis aries s. Capra hircus)	Свинья (Sus scrofa f. domestica)	ВСЕГО	
					число костей	%%
Гл. культ. слоя 1,0-1,2 м	107	10	10	5	132	число костей
	81,1	7,6	7,6	3,8	100,0	%%
Гл. 1,2-1,4 м	306	77	30	15	428	число костей
	71,5	18,0	7,0	3,5	100,0	%%
Гл. 1,4-1,6 м	585	93	74	69	821	число костей
	71,3	11,3	9,0	8,4	100,0	%%
Гл. 1,6-1,8 м	261	14	60	31	366	число костей
	71,3	3,8	16,4	8,5	100,0	%%
Гл. 1,8-2,0 м	117	16	27	9	169	число костей
	69,2	9,5	16,0	5,3	100,0	%%
ВСЕГО по культурному слою	1376	210	201	129	1916	число костей
	71,8	11,0	10,5	6,7	100,0	%%
Отвал	422	55	75	45	597	число костей
	70,7	9,2	12,6	7,5	100,0	%%
около сосуда № 3	5	1			6	
очаг № 2	1				1	
По ВСЕМ объектам, исключая около сосуда и очаг № 2	1804	266	276	174	2520	число костей
	71,6	10,6	11,0	6,9	100%	%%

Такая возрастная структура отражает значительную интенсивность мясного использования крупного рогатого скота на поселении. Вместе с тем следует подчеркнуть, что возрастные группы от 3-х до 6-ти лет являются одновременно и наиболее продуктивным маточным поголовьем, так что их максимальное изъятие на мясо ведет к подрыву стабильного ежегодного воспроизводства стада в хозяйстве (Антипина, 2011).

Показательна ситуация, связанная с домашними свиньями. На возрастную группу от 1 до 2-х лет приходится 81% забитых животных, а максимальная продолжительность содержания свиней на поселении составляла от 2 до 4-х лет. Такая возрастная структура отражает чрезвычайно интенсивную мясную эксплуатацию свиней с нестабильностью их воспроизводства. И это, несмотря на то, что для данного вида маточное стадо может поддерживаться в минимальном количестве – не более пяти особей, благодаря короткому циклу воспроизводства и мно-

гочисленному приплоду (до 8-10 поросят), вероятность прерывания воспроизводства свиней на Балахнинском поселении представляется достаточно реальной. Уравновесить такую ситуацию можно было за счет получения свиней извне. Как показали исследования Е.Е. Антипиной, аппроксимация данных о численности разных возрастных групп свиней (от одного месяца до двух лет) на сезоны их забоя подтвердила максимальное использование на мясо свиней второго года жизни (68,4%), а также показала полное отсутствие забоя свиней летом. Любопытно также, что максимум забоя свиней на втором году их жизни приходился на весну (Антипина, 2011).

Таблица 6. Видовой состав охотничьих животных и распределение их костей по объектам на поселении Балахнинское

Объекты раскопок	Зубр	Лось	Кабан	Медведь	Лиса	Бобр	ВСЕГО
Гл. культ. слоя 1,0-1,2 м							
Гл. 1,2-1,4 м	3		4			1	8
Гл. 1,4-1,6 м		1		1	1	3	6
Гл. 1,6-1,8 м	4	3	2	2	1	1	13
Гл. 1,8-2,0 м			7	1			8
ВСЕГО по культурному слою	7	4	13	4	2	5	35
отвал		1				1	2
около сосуда № 3							
очаг № 2							
По ВСЕМ объектам число костей	7	5	13	4	2	6	37
%%	18,9	13,5	35,1	10,8	5,4	16,2	100%

Подсчет относительных объемов мясного потребления для Балахнинского поселения, произведенный по общепринятой методике, показывает преобладание в мясном рационе говядины. Аналогичные особенности питания фиксируются и на большинстве других памятников эпохи бронзы (Антипина, Моралес, 2005). Этот подсчет позволяет также установить, что в стаде, которое обеспечивало население Балахнинского поселения мясными продуктами, поголовье крупного рогатого скота, безусловно, доминировало по отношению ко всем остальным видам.

На втором месте стояло поголовье лошади, третью позицию в стаде по численности занимали овцы и козы, а свинья не только занимала последнее место в иерархии стада, но и количество ее на поселении было минимальным (Антипина, 2011).

Естественно, возникает вопрос о том, где и как содержалось это стадо, которое обеспечивало население мясными продуктами, т.е. вопрос о форме скотоводства и его роли в хозяйственной структуре поселения. К сожалению, ответ на него включает привлечение и анализ независимых археологических и археоботанических данных о существовании и развитии других отраслей хозяйства на поселении, в частности, земледелия (Антипина, Лебедева, 2005). И такой анализ станет следующим шагом в исследовании хозяйственной системы поселения Балахнинское.

Однако уже сейчас стоит подчеркнуть, что реконструируемый на изучаемом поселении состав стада домашних копытных и его структура не только не противоречат, но, скорее, соответствуют подвижной системе разведения крупного рогатого скота (Журавлёв, 2001; Журавлёв, Санжаров, 2004; Антипина, 2006; 2011). Модель этой системы постулируется для населения степи и лесостепи Восточной Европы в эпоху бронзы на основе исследования около 40 представительных остеологических коллекций и других археобиологических данных (Антипина, Моралес, 2005).

В 2005 году сотрудником Палеонтологического музея И.В Кирилловой проводился анализ костей животных с многослойного поселения Замятино 10 (раскопки автора). Остеологические комплексы были взяты не из культурного слоя, где было большое количество материалов более позднего времени, а из закрытых комплексов (построек и ям), которые по наличию материала относятся к катакомбному времени.

К сожалению, сохранность костей оставляла желать лучшего, поэтому деление животных по видам получилось достаточное обобщенное, вследствие чего, например, под «млекопитающим крупного размера» могут подразумеваться кости крупного рогатого скота, лося, медведя. Некоторые кости удавалось соотнести лишь только с определенным видом животного и восстановить его размеры. Од-

нако по таблице в любом случае видно преобладание костей крупного рогатого скота, затем следует мелкий рогатый скот и свинья. В единичных экземплярах представлены кости диких животных таких как лось, медведь, кабан, заяц и лиса, а также кости рыб (Таблица 7).

Таблица 7. Видовой состав животных (домашних и диких), птиц и рыб на поселении Замятино 10 (из закрытых комплексов)

Вид	Кол-во костей в ямах	Кол-во костей в постройке и в яме в постройке	Всего	% от общего числа
Млекопитающие крупных размеров	108 (33,8%)	221 (75,3%)	329	53,68%
Млекопитающие средних размеров	29 (9,0%)	-	29	4,7%
Млекопитающие крупных и средних размеров	37 (11,6%)	28 (9,6%)	65	10,6%
Крупный рогатый скот	29 (9,0%)	37 (12,7%)	66	10,7%
Мелкий рогатый скот	8 (2,5%)	2 (0,6%)	10	1,6%
Крупное парнокопытное	3 (0,9%)	-	3	0,48%
Крупное копытное	56 (17,6%)	3 (0,9%)	59	9,68%
Копытное средних размеров	22 (6,9%)	-	22	3,6%
Свинья (дом.)	12 (3,8%)	-	12	1,9%
Лось	7 (2,2%)	1 (0,3%)	8	1,3%
Медведь	2 (0,6%)	1 (0,3%)	3	0,48%
Кабан	1 (0,3%)	-	1	0,16%
Заяц	1 (0,3%)	-	1	0,16%
Лиса	1 (0,3%)	-	1	0,16%
Беркут	1 (0,3%)	-	1	0,16%
Плотва	1 (0,3%)	1 (0,3%)	2	0,32%
Сом	1 (0,3%)	-	1	0,16%
Карповые	1 (0,3%)	-	1	0,16%
ИТОГО	320 (100%)	294 (100%)	614	100

Кроме скотоводства, население среднедонской катакомбной культуры на поселениях Верхнего и Среднего Дона занималось охотой, что подтверждается наличием костей диких животных, хотя их процентное соотношение значительно меньше (Таблица 6 и 7). Возвращаясь к характеристике их топографии, можно

предполагать, что охота и рыболовство на территории Верхнего Дона, благодаря лесистой и более обводненной местности, играли несколько большую роль, чем на Среднем Дону.

А что можно сказать о земледелии? Исследователи среднедонской катакомбной культуры 1970–1990-х гг. предполагали наличие у её носителей данной хозяйственной отрасли (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991). По их мнению, об этом свидетельствовал значительный ассортимент орудий труда, который можно связать с обработкой земли, уборкой урожая и размолотом зерна: обработка земли производилась каменными и костяными мотыгами, которые были найдены на поселениях Борщево IV, Дармодехинской и др. С земледелием связывались и кремневые серпы, выявленные на стоянке Дармодехинское, поселениях в ур. Ерик, у г. Боброва и др., многочисленные случаи находок на бытовых памятниках обломков зернотерок и пестов от них: Ксизово 1, Борщево IV, Закленское, Балахнинское, Замятино 10, Студёновка 3 и др.

На наш взгляд, факты выявления такого рода орудий труда не обязательно свидетельствуют в пользу наличия земледелия, поскольку они с таким же успехом могли применяться для сбора и обработки дикорастущих трав и растений. Чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, мы в 2006 году обратились в лабораторию естественно-научных методов ИА РАН, к Е.Ю. Лебедевой с просьбой провести археоботанический анализ образцов, полученных методом флотации из культурных слоев Балахнинского поселения. В трех образцах были выявлены зерна ржи, проса и ячменя. Однако соотнесение их с эпохой бронзы проблематично, так как фиксируется сильная нарушенность культурных напластований, что по мнению Е.Ю. Лебедевой не дает достаточных оснований для причисления к бронзовому веку не только обнаруженной в пробе №1 ржи, но и материалов из других образцов. Аналогичные результаты были получены по археоботаническим образцам с поселения Рыкань 3. Констатировать это приходится с большим сожалением, поскольку археобиологические исследования в этом регионе проводятся уже в течение многих лет, но вопрос о времени возникновения здесь земледелия пока ещё остается открытым. На поселениях первой половины I тыс. н.э. оно фиксиру-

ется в достаточно развитом виде, с большим ассортиментом возделывавшихся растений. Для того, чтобы увереннее определить, какие из них выращивались в этих местах с древности, а какие были привнесены различными этническими группами позже, очень важно иметь представление о самых ранних этапах становления земледелия на памятниках Острой Луки Дона. Для воссоздания целостной картины развития земледелия в регионе необходимость продолжения сборов археоботанических образцов на раскапываемых поселениях от бронзового века до развитого средневековья продолжает оставаться актуальной задачей для археологов (Лебедева, 2006).

Подводя итоги основам хозяйства катакомбного населения Верхнего Дона, отметим, что его можно охарактеризовать как производящее, основу которого составляло полуподвижное скотоводство (С.Н. Санжаров называет его подвижно-оседлым образом жизни (Санжаров, 2010. С. 361), так как придомная его форма, по мнению исследователей, должна обязательно сочетаться с развитым земледелием (Антипина, Моралес, 2005. С. 40), а надежных признаков земледелия в данном регионе в эту эпоху, как мы увидели, пока не обнаружено. Вехнедонское катакомбное население специализировалось на разведении крупного рогатого скота. Значительную роль в хозяйстве играли и производящие формы: благоприятные природные условия лесостепи способствовали высокому уровню развития охоты и рыбной ловли. Находки с поселений также свидетельствуют о наличии собственной металлообработки, которая обеспечивала собственные минимальные потребности.

ГЛАВА IV. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Особую значимость в изучении любых древностей имеют погребения, это актуально для реконструкции погребальной обрядности, выходящей непосредственно на воссоздание идеологических воззрений древнего человека. В.А. Алекшин в погребальном обряде выделяет два тесно взаимосвязанных компонента, один из которых «...характеризует ритуальную сторону и включает набор одобренных традицией ритуальных действий, происходивших до похорон, в момент похорон и после них. Эти действия необходимы для перевода в потусторонний мир умерших членов общины. Второй компонент характеризует общественное положение умершего и состоит из набора материальных элементов: погребального сооружения, набора инвентаря, позы умершего» (Алекшин, 1981. С. 3).

Катакомбная культура была выделена В.А. Городцовым на основании особенностей погребального обряда, благодаря которому и получила свое название (Городцов, 1905; 1907; 1916). Долгое время именно погребения являлись основным источником изучения катакомбных древностей. Позже, по аналогии с керамическим материалом погребальных комплексов, были обнаружены и поселенческие памятники.

На Среднем Дону изучен как подкурганный обряд захоронения, так и бескурганный. Для раннего этапа среднедонской катакомбной культуры (по А.Д. Пряхинову и Ю.П. Матвееву) на Среднем Дону характерны захоронения под курганами, где встречаются катакомбы с «Н»-образной и реже с «Т»-образной формами и ямы подпрямоугольной формы. Преобладающим является положение умерших на правом боку, но встречаются и на левом и, в редких случаях, – на спине. На развитом этапе ведущим типом погребения становится «Н»-образная катакомба и яма. Положение умерших скорченное, на правом боку, но к концу этапа чаще

встречается на левом. Также к концу этапа становится преобладающей северная ориентировка. Следует отметить, что для позднего этапа характерно преобладание ям, но при этом встречается и «Н»-образные катакомбы (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991).

На территории Среднего Дона известно также и несколько грунтовых могильников. Одним из первых был изучен Петропавловский, который располагался на террасе высотой 25-30 метров над р. Толучеевкой. В процессе работ было обнаружено 14 погребений эпохи бронзы, в том числе пять относящихся к среднедонской катакомбной культуре. Захоронения имеют дуговую планировку, совершены в «Н»-образных катакомбах, и только одно – в «Т»-образной. Инвентаря в них было выявлено очень мало. Автор исследований В.И. Погорелов соотнес эти погребения с поздним этапом среднедонской катакомбной культуры (Погорелов, 1989. С. 100). Он считал, что курганная насыпь над ними отсутствовала. Это наблюдение очень важно, прежде всего, для доказательства неоднократно высказанного предположения о выявлении в перспективе большого количества грунтовых погребений простых общинников (Синюк, 1993а). В подтверждение этой гипотезы позже был открыт Таганский грунтовый могильник (левобережная пойма р. Битюг), раскапывавшийся в 1995 и 1998–2001 гг.; в результате было выявлено и изучено девять катакомбных и два ямных погребения (Матвеев, Цыбин, 1999; 2004).

В 1997 году экспедицией ВГУ под руководством А.З. Винникова при проведении раскопок на Новохарьковском могильнике эпохи Золотой Орды в площади раскопа был исследован и грунтовый могильник эпохи бронзы. Он состоял из семи погребений, ограниченных канавкой, из которых три относятся к катакомбной культуре, но при этом только два из них были совершены в катакомбах (Синюк, 2002. С.182-189; Синюк, Матвеев, 2007).

Публикуя материалы Петропавловского грунтового могильника, В.И. Погорелов предположил, что бескурганный обряд захоронения сохраняется с неолитического времени, где он доминирует (Погорелов, 1989. С. 107). Ю.П. Матвеев и М.В. Цыбин, отмечали яркую специфику катакомбных погребений Таганского

грунтового могильника, часть из которых выбивалось из общего круга катакомбных древностей погребального характера. Это выразилось в наличии двухъярусного захоронения, двух детских погребений с редко встречающейся керамикой и костями ног жеребят и т.д. Исходя из этого они высказали предположение, что такой могильник мог предназначаться для представителей инородного или детрибализованного населения (Матвеев, Цыбин, 1999. С. 78).

А.Т. Синюк, учитывая то обстоятельство, что в непосредственной близости от Новохарьковского грунтового могильника находился еще и Новохарьковский курганный могильник, где также изучены катакомбные захоронения (Синюк, 1999. С. 58-61), связывал факт проявления биритуализма, прежде всего, с системой социальных отношений (Синюк, 2002. С. 188).

По итогам многолетних исследований Среднего Дона выявлено около 400 подкурганных захоронений среднедонской катакомбной культуры (рис. 1). В то же время на территории Верхнего Дона их число значительно меньше (рис. 57). Тем не менее, анализ известных погребений позволяет не только получить интересные данные, но и высказать суждения относительно некоторых аспектов исторической реконструкции.

Как было уже отмечено, всего на территории Верхнего Дона известно около 40 погребений катакомбной культуры и еще два могут быть отнесены к таковым с большой долей условности: грунтовые погребения на поселениях Буховое 9 и Васильевский кордон 1 (рис. 58).

Все погребальные памятники Верхнего Подонья можно четко разделить по способу захоронения на две группы: подкурганные и грунтовые (рис. 58).

К **первой группе** относятся захоронения в курганах у сс. Новоселицкое, Кондрашовка, Нижняя Ведуга, Латное, Хохол, Малые Горки, Новая Усмань, Усмань, Частые курганы, Орлиное Болото, Подклетное, Филатовка (рис. 1). Большинство из этих погребений давно известны, опубликованы и обобщены в Своде «Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов)» (Синюк, Матвеев, 2007). Мы остановимся лишь на характеристике самых северных в этой группе (рис. 57-58).

В 1895–96 гг. под руководством П.М. Еременко у с. Новоселицкого (ныне Тербунский район Липецкой области) была выявлена курганная группа из 14 курганов, три из которых им было раскопано. К сожалению, находок, выявленных в них, не сохранилось, но имеется достаточно подробное их описание в «Трудах Орловской Ученой Архивной Комиссии» (Шульгин, 1906). В первом из них (высотой около 1,7 метра и диаметром около 30 метров), была найдена могила, восточная сторона которой прямая, а западная – эллипсоидная, суживающаяся книзу. В северной части ямы выявлена ступенька шириной около 18 см, а в южной – канавка такой же ширины и глубиной 8-10 см. В могиле находилась охра, уголь и, возможно, органическая подстилка (Шульгин, 1906. С. 111). По описанию это погребальное сооружение похоже на катакомбу (эллипсоидная, суживающаяся книзу западная стенка и ступенька). Отмеченные признаки, позволяют отнести данное погребение к среднедонской катакомбной культуре. Аналогии ему можно найти практически во всех курганных могильниках Среднего Дона.

Во втором кургане погребений не зафиксировано.

В третьем кургане (высотой около 1,5 метров и диаметром более 30 метров), под юго-западной частью насыпи в материке, была обнаружена погребальная яма длиной 1 м 60 см, шириной 70 см и глубиной около полуметра. В ней находился скелет взрослого человека, головой ориентированный на юго-запад, лежащий на спине с приподнятыми вверх коленями. Правая рука находилась меж бедер. Кости левой руки между правым бедром и правой рукой посыпаны охрой, под всем скелетом выявлен тонкий слой коричневого цвета, оставшийся, видимо, от органической подстилки. В нескольких сантиметрах от черепа стоял сосуд – высокогорлый, с прямым венчиком, выпуклыми боками и плоским дном. Верхняя часть его украшена веревочным орнаментом, а нижняя – зубчатым штампом в горизонтальной елочной композиции. Сосуд относится к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры и находит аналогии в материалах Павловского курганного могильника (Синюк, 1983). Долгое время эти захоронения являлись самыми северными из известных погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры (Попова, 1955).

Еще одно подкурганное захоронение катакомбной культуры было выявлено в кургане 1 у с. Филатовка (Козмирчук, 1991). Его высота 0,7 метра и диаметр 30 метров. Было выявлено девять захоронений эпохи бронзы, одно из которых (погребение №2) относится к катакомбным древностям. Оно было впускное, совершено в прямоугольной яме (3,2x2,6 м) глубиной 0,3 метра в материке и ориентировано по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Яма была перекрыта четырьмя деревянными плахами. На остатках перекрытия стоял абашевский сосуд. Под перекрытием находился фрагментированный череп и отдельные кости взрослого человека без анатомического порядка. Можно лишь предположить его юго-восточную ориентировку и скорченное положение на спине (Синюк, Козмирчук, 1995. С. 47). У ног погребенного выявлено два сосуда: первый с высоким отогнутым венчиком, биконическим туловом, стройный высокий горшок с плоским дном, орнаментированный расчлененными налепными валиками и прочерченными линиями. Второй сосуд представлен придонной частью, орнаментированной прочерченными линиями в «паркетной» композиции, что позволяет отнести его к катакомбным, но, с другой стороны, такие признаки, как гладкие поверхности, коричневый цвет внешней стороны и черный – внутренней, сближают его с сосудами воронежской культуры (Синюк, Козмирчук, 1995. С. 47). В кротовине за пределами могильной ямы была найдена круглая костяная пряжка с отверстием посередине, аналогии которой можно встретить в материалах КМК (Братченко, 1976. С. 114, рис. 62; 5, 8-10). Таким образом, эту пряжку и погребение можно считать единым погребальным комплексом.

Важно отметить результаты анализа данных стратиграфии этого кургана: первоначальная насыпь его была связана с погребением воронежской культуры (погребение № 6), затем с одного уровня и одновременно в эту насыпь по кругу было впущено три захоронения (погребения №1, 2, 3) и пять жертвенников, после чего была сделана досыпка кургана. Примечательно, что погребения 1 и 3 – это захоронения воинов-колесничих, относящихся к абашевской культуре эпохи бронзы, которые, судя по богатому инвентарю, принадлежат воинам, занимавшим видное место среди своих соплеменников. Погребение №2, как уже отмечалось,

относится к позднему этапу среднедонской катакомбной культуры. Таким образом, данными стратиграфии зафиксировано, во-первых, перекрывание воронежского погребения катакомбным, и, во-вторых, единовременность абашевских и катакомбных погребений, что доказывает их взаимодействие. Абашевские погребения дают дату досыпки кургана – это примерно XVII век до н.э. (Синюк, Козмирчук, 1995. С.68).

В августе-сентябре 2005 года воронежскими археологами И.Е. Сафоновым, А.П. Медведевым и Ю.П. Матвеевым проводились охранные исследования Липецкого кургана №1, находящегося на высокой террасе правого берега р. Воронеж, в пределах городской черты Липецка. Курган имел округлую насыпь 45 x 40 м и высоту 3,5 м. Курганная насыпь сооружалась в три приема, основное погребение относится к катакомбной культуре, с ним связана первичная насыпь кургана (диаметр около 24 м, высота 1,5 м). В материке была выявлена округлая в плане шахта диаметром около 1 м на глубине 5,6 м в западной части ее зафиксирован дромос (погребение №3). Последующие работы производились с помощью экскаватора, однако их нормальному завершению помешали грунтовые воды. Самой камеры выявлено не было, по мнению исследователей, погребение изначально было оставлено незавершенным (Сафонов, 2006).

Таким образом, к данной группе мы отнесли всего четыре погребения, из которых два были изучены еще до революции и сохранились только по описаниям, и одно (в Липецком кургане) осталось неизученным или уничтоженным грунтовыми водами, то есть фактически проанализировать можно лишь три погребения. Следует отметить, что одно из них – кенотаф, а другие (Новоселицкое 3/1 и Филатовка 1/2) совершены в ямах, умершие находились на спине, головой ориентированы на юго-запад и юго-восток, из инвентаря присутствовали сосуды и костяная пряжка, органическая подстилка и деревянное перекрытие.

Вторая группа – грунтовые погребения, которая, на наш взгляд, отражает, прежде всего, специфику среднедонской катакомбной культуры верхнедонского региона (Ивашов, Мельников, 2009. С. 127).

Впервые грунтовый могильник на территории Липецкой части Подонья был обнаружен А.Н. Москаленко у д. Никольское на р. Дон в 1950 году (Москаленко, 1950. С. 1-5). В 1949 году местными жителями д. Никольское (Водопьяновского района Воронежской области, ныне Задонского района Липецкой области) ей были переданы три целых глиняных сосуда и череп человека, найденные в карьере за деревней на левом берегу реки. Первый сосуд с высокой шейкой и округлыми боками, орнаментированный в верхней части крупной веревочкой, сформированной в треугольники, а в нижней – короткой веревочкой образующей горизонтальную елочку (рис. 59, 1). Вторым сосуд – с высоким, слегка раструбовидным горлом и шаровидным туловом, орнаментирован прочерченными линиями, сформированными в треугольные композиции, дно сосуда также украшено прочерченными линиями и наколами (рис. 59, 3), третий горшок отличается формой и отсутствием орнамента – это невысокий колоколовидный сосуд (рис. 59, 2), рядом с которым и был найден череп (Москаленко, 1950. С. 5).

В 1950 году А.Н. Москаленко вдоль карьера был заложен раскоп и несколько шурфов общей площадью около 40 м². В культурном слое было выявлено еще несколько сосудов: один из них горшковидной формы, «S» - видным профилем, вылеплен из хорошо промешанной глины с примесью толченой раковины и красноватыми поверхностями, орнаментирован двойным зигзагом по тулову (рис. 59, 4).

Еще один сосуд – баночной формы, орнаментированный двумя широкими зигзагообразными проглаженными линиями – найден недалеко от предыдущего. В тесте также зафиксирована примесь раковины, но из-за слабости обжига развалился при расчистке. Третий сосуд, также баночной формы, без орнамента, плохой сохранности, также распался при расчистке. В другом шурфе был обнаружен еще один сосуд колоколовидной формы, со слегка отогнутым венчиком, без орнамента, с примесью толченой раковины в тесте (рис. 59, 5). Автором раскопок отмечается, что все эти сосуды происходили с разной глубины (от 30 см до 1,0 м), рядом с ними были выявлены лишь отдельные фрагменты человеческих костей, целые же скелеты отсутствовали (Москаленко, 1950. С. 3-5).

На основании полученных материалов А.Н. Москаленко сделала вывод о существовании на этом месте могильника (Москаленко, 1952. С. 105). В то же время П.Д. Либеров связывал этот памятник только с поселением (Либеров, 1964. С. 114). Позднее А.Д. Пряхин интерпретирует его как могильник абашевской и катакомбной культур наряду с поселением абашевской культуры (Пряхин, 1971. С. 93).

С целью уточнения имеющийся информации о данном памятнике в 2005 году после продолжительных поисков, осложненных тщательной рекультивацией карьера и последующей распашкой, могильник был найден и на нем заложен небольшой раскоп (12 кв.м), в котором расчищено два детских погребения абашевской культуры (Земцов, 2005). Контуры могильных ям в обоих случаях не прослеживались. Оба костяка очень плохой сохранности, от них остались лишь отдельные кости или их фрагменты. В каждом погребении находилось по одному сосуду. Еще один развал верхней части сосуда выявлен неподалеку от погребений.

В 2006 г. исследования памятника были продолжены (Ивашов, 2006); вскрыто 116 кв.м, в площади раскопа изучено еще два погребения, совершенных по обряду труположения с сосудами, и 15 развалов сосудов абашевской и срубной культур. Один сосуд выбивается из керамической серии. Он представлен фрагментами от верхней части, имеет закрытую баночную форму, слабовыраженное ребро на тулове и уплощение по краю венчика, а под краем его нанесен орнамент в виде трех горизонтальных рядов веревочки (рис. 61). Судя по характерным расслоившимся участкам на поверхности фрагментов, вылеплен сосуд ленточно-жгутовым способом, а в тесте его содержится примесь шамота и незначительное количество органики. Аналогии ему находят в круге ямно-катакомбных древностей.

В 2010 году на памятнике было вскрыто 100 кв.м, выявлены детские погребения - два абашевской культуры и одно – срубной, материалов катакомбного времени не обнаружено (Ивашов, 2010).. По результатам работ 2005–2006 и 2010 гг. прослежена некоторая закономерность в структуре могильника: находки

погребений и сосудов срубной культуры тяготели к его восточной части, абашевской – к центральной, тянувшиеся вдоль берега реки (рис. 60). Можно предполагать, что катакомбные погребения находились в западной части, которая уничтожена карьером, и только отдельные находки с него были переданы местными жителями А.Н. Москаленко.

В 1990 году в Чаплыгинском районе на поселении Буховое 9 Б.А. Фоломеевым исследовано еще одно грунтовое погребение. Памятник находится на дюне в пойме правого берега р. Воронеж. В шурфе была расчищена овальная яма (1,95x1,0 м), ориентированная по линии север-юг. В юго-восточном углу ее обнаружен сосуд, орнаментированный нарезными линиями, с короткой, слегка отогнутой шейкой, раздутым туловом и плоским дном. В этом сосуде находился сосуд 2 – баночной формы без орнамента. К северу от сосуда 1 находился сосуд 3, который был перевернут. Он характеризуется слабо отогнутой шейкой, яйцевидным туловом, плоским дном и орнаментацией в верхней части, параллельными оттисками шнура в сочетании с зубчатым штампом в елочной композиции. Сосуд 3, исходя из характеристик, относится к раннему этапу среднедонской катакомбной культуры. Б.А. Фоломеев считает, что весь этот комплекс можно считать грунтовым погребением (Фоломеев, 1991). Каких-либо остатков погребенного в яме не обнаружено. Мы склонны соотносить этот комплекс с катакомбной культурой более осторожно, так как он выявлен в результате разведочных работ, и при более обширных исследованиях данного памятника в 2006 году (Ивашов, 2006) следов других погребений не обнаружено. К тому же каких-либо дополнительных признаков погребения не зафиксировано, хотя вполне вероятно, что костяк в песчаной почве мог не сохраниться.

В 1996 году близ с. Крутогорье на правом берегу р. Воронеж И.А. Козмирчук обнаружен грунтовый могильник раннего этапа катакомбной культуры, в котором было изучено пять погребений, одно из которых разрушено оврагом. К сожалению, материалы этого важного для рассматриваемой проблематики памятника до сих пор не опубликованы в полном объеме, лишь краткая информация о них приводится в работе А.Т. Синюка (Синюк, 1999. С. 64): погребение 1 контуры мо-

гильной ямы не прослеживаются, погребенный находился на правом боку в позе «скачущего всадника», т.е. скорченно, ноги согнуты в коленях, руки у таза. Рядом с головой находился сосуд (рис. 62, 1) - горшок с невысокой, плавно отогнутой наружу шейкой, на тулове сосуда имеется четко выраженное ребро. Орнаментация: по краю венчика оттисками зубчатого штампа, по шейке - параллельными горизонтальными полосками оттисков веревочки, а по тулову – «полотенцами» из веревочного штампа. Рядом с сосудом лежал молоточек из рога оленя с пропиленным отверстием (рис. 62, 3). У головы погребенного найдена бронзовая подвеска с заостренными концами (рис. 62, 5).

Погребение 2 - ориентировка и поза погребенного аналогична предыдущему. Рядом с головой сосуд с невысокой плавно отогнутой шейкой, раздутым туловом. Орнаментация очень богата (рис. 62, 2): по краю венчика оттиски вертикального зубчатого штампа, затем ряды «жемчужин» по шейке, ряды горизонтальных параллельных рядов «веревочки», на тулове – полуфестоны, образованные веревочным штампом; придонная часть украшена зубчатым штампом в «елочной» композиции и ряд оттисков вертикально поставленного зубчатого штампа. Около сосуда обнаружен резчик из качественного мелового кремня черного цвета (рис. 62, 4).

Погребение 3 - ориентировка и поза погребенного аналогичны предыдущему. Возле головы находился сосуд (рис. 63, 1) - с невысокой, плавно отогнутой шейкой и выпуклым туловом. Сосуд орнаментирован по краю венчика вдавлениями зубчатого штампа, а по шейке горизонтальными рядами веревочного штампа. Тулово сосуда орнаментировано чередующимися вертикальными и горизонтальными столбцами из рядов веревочного штампа. Недалеко от сосуда находился небольшой кусок охры бурого цвета.

Погребение 4 - ориентировка и положение костяка аналогичны предыдущим погребениям. У головы его стоял небольшой сосуд с невысокой шейкой и раздутым туловом. Орнаментирован оттисками зубчатого штампа по краю венчика, верхняя часть тулова украшена горизонтальными, а придонная часть - вертикальными рядами оттисков веревочного штампа (рис. 63, 2) .

Погребение 5 выявлено в обнажении оврага, на глубине около метра от уровня предыдущих погребений обнаружен развал сосуда с невысокой шейкой и биконическим туловом, днище плоское с закраиной (рис. 63, 3). Сосуд не орнаментирован. Рядом с ним найден астрагал. Эти предметы, по-видимому, были также связаны с погребением, уничтоженным оврагом.

Во всех захоронениях погребены дети с той лишь разницей, что в первых трех – дети до 3-х лет, а в четвертом – ребенок, которому было около года. В пятом погребении, разрушенном оврагом, судя по крупным размерам костей, был захоронен взрослый.

Можно предположить, что погребения принадлежали детям, родители которых занимали высокий социальный статус, в пользу чего свидетельствует искусственная деформация всех черепов, а также богатый погребальный инвентарь (рис. 62-63). Особенно в этом отношении выделяется комплекс погребения №1, состоящий из сосуда, молоточка, бронзовой подвески (рис. 62, 1, 3, 5). Наличие молоточка и бронзовой подвески свидетельствует о высоком статусе погребенного, т.к. даже на Среднем Дону, где известно большое количество катакомбных погребений, такие комплексы очень редки. Бронзовые подвески, аналогичные выявленной в Крутогорье, на территории Среднего Дона также встречаются редко (Зареченский к. 6 п. 4, Первый Власовский к. 19 п. 2 и Новочигольский к. 1 п. 1). Нельзя не отметить также, что точно такие подвески известны и из погребений донецкой катакомбной культуры (Донской курган 7, погребение 12 и 15; Луганск, курган 3 и др.) (Братченко, 1976. Рис. 25; 12-14). Следует подчеркнуть, что погребения располагались вплотную друг к другу и на одной глубине, что свидетельствует об их сооружении в очень короткий хронологический промежуток. Сохранившиеся в древности следы от могил первых погребенных не позволили нарушать их при последующих захоронениях. Также нельзя исключать и их одновременное погребение, обусловленное возможными болезнями, эпидемиями, войнами.

Наиболее вероятно, что в данном случае мы уже имеем дело с одним из самых ранних фактов существования института привилегированных детей, наибо-

лее характерного для земледельческих обществ. Как отмечает В.А. Алекшин, привилегированные дети имели богатую одежду, парадное оружие и лошадей. Они также обладали культовыми вещами. В нашем случае это заключение дополнительно подтверждается и фактом искусственной деформации черепов. Тезис, согласно которому имущественные ценности, найденные в могилах, отражают социальное положение умерших, наиболее аргументированно обоснован В.М. Массоном (Массон, 1976. С. 158-159).

В 2003-2010 гг. Раннеславянской экспедицией ИА РАН под руководством А.М. Обломского были проведены исследования нескольких раннеславянских поселений и грунтового могильника этого же времени у с. Ксизово в Задонском районе Липецкой области. В культурном слое сразу нескольких поселений (Ксизово 17, 17А и 19) были выявлены грунтовые погребения эпохи бронзы (Обломский 2003; 2004). Памятники расположены на склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Дон, на высоте 20-25 м от уровня реки, 10-13 м от поймы. Культурный слой их всех интенсивно разрушается оврагами. Край террасы со стороны Дона также постоянно осыпается. Показательно, что все погребения были выявлены в 2003–2004 гг. и 2008–2010 гг., когда изучались участки в непосредственной близости к реке; характерно и то, что погребения разных культур находились отдельно, не перекрывали друг друга, а располагались на разных участках берега, но в то же время недалеко друг от друга, на соседних мысах (Обломский 2003; 2004; 2005).

Здесь же, рядом с катакомбным могильником, в 2004 году на поселении Ксизово 17 (Обломский, 2004) исследовано пока единственное на Верхнем Дону погребение ямной культуры, которое представляло собой двухъярусное сооружение: на первом уровне расчищен скелет крупной собаки, которая была помещена в могилу на правом боку с подогнутыми ногами и ориентирована головой на юг (рис. 64, I). На втором уровне найден скелет человека (мужчина 40-50 лет^{*}) на правом боку с подогнутыми ногами, прижатыми к туловищу плечами и вытянутыми впе-

* Здесь и далее антропологические определения погребений у с. Ксизово сделаны доктором естественных наук, научным сотрудником Института охраны памятников истории и культуры г. Мост (Чешская республика) Я. Главовой.

ред предплечьями, ориентирован головой на юго-восток. К северу от скелета, у головы, обнаружен лепной сосуд с яйцевидным дном, украшенный гребенчатым штампом (рис. 64, I-4).

Таким образом, за несколько лет исследований высокого правого берега р. Дон в районе с. Ксизово было выявлено 28 погребений эпохи бронзы: одно захоронение ямной культуры, 18 – катакомбной, пять – абашевской, одно – срубной и еще три, более точное определение культурной принадлежности которых затруднено. Характерные особенности погребений катакомбной культуры следующие (рис. 58; 65-77): контуры нескольких могильных ям не прослеживаются, однако авторы отмечают наличие трех катакомбных конструкций, разнообразие положений костяков (с преобладанием левобочного) и ориентировок их (с преобладанием в северный сектор (включая промежуточные направления – 14 погребений), в двух случаях встречена искусственная деформация черепа. Основная масса погребений – одиночные, встречены два случая с двумя и один – с тремя погребенными. В качестве погребального инвентаря в большинстве случаев присутствовали сосуды (14 единиц), иногда жаровни (3 случая), встречается охра (5 случаев), в единичных случаях обнаружены орудия и изделия из кости, рога и бронзы (бронзовые подвеска и пронизка (рис. 58).

Подробнее рассмотрим наиболее информативные из них.

Погребение №2 (рис. 66) совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной длинной стороной по линии запад-восток, размерами 2,5x2,2 м по верхнему краю и 2,2x2,0 м по дну. Стенки сужены книзу почти по всему периметру и лишь в северо-восточном углу слегка расширены. Глубина ямы в материке 0,71-0,75 м.

На дне ямы в центральной ее части на спине лежал скелет взрослого человека (мужчина, 40-60 лет), ориентированный головой на запад (рис. 66, I). Ноги погребенного были согнуты в коленях и положены налево, голова лежала на левом боку. Левая рука согнута в локте, кисть находилась на правой части таза. Правая рука вытянута вдоль туловища, но также слегка согнута в локте. На последних фалангах кисти заметны следы охры. В 20 см к северу от плеча острием к востоку лежал гарпун длиной 23,5 см, изготовленный из рога (рис. 66, II-1), а у левого

плеча – топор-клевец из того же материала (обухом в сторону черепа) длиной 15,6 см, шириной 8,5 см у обуха и 1,2-2 см у острия. Диаметр отверстия – 2,3 см (рис. 66, II-2). В северо-восточном углу ямы находились куски верхней части сосуда 1. Другой горшок (сосуд 2), сохранившийся целым, стоял у кисти правой руки.

Сосуд 1 (жаровня ?) (рис. 66, II-4), представлен большим фрагментом верхней части тарного сосуда (диаметр по краю венчика 32 см). Венчик с высокой шейкой, плавно отведенной от тулова. Орнаментирован по краю ногтевыми вдавлениями и защипами в виде волны, по тулову – рядом ногтевых вдавлений, в верхней части тулова горизонтальным рядом слегка наклоненных оттисков глубокого гребенчатого штампа, под которым идет ряд ногтевых защипов. Внутренние поверхности темно-серо-коричневого цвета, местами также черные и пепельные пятна (следы от углей?), местами внутренние поверхности подлощенные, имеются следы расчесов.

Сосуд 2 (рис. 66, II-3) представлял собой высокий стройных пропорций горшок с плавно отведенной наружу шейкой (диаметр верха – 16 см; тулова – 19 см, дна – 11 см, высота – чуть более 20 см). Верхняя часть сосуда украшена горизонтальными, треугольными в сечении оттянутыми валиками. Нижняя часть горшка орнаментирована спаренными вертикальными неглубокими прочерченными линиями, пространство между соседними линиями заполнено также прочерченными линиями, образующими «паркетные» композиции. В качестве отошителей глиняной массы использовались в малых количествах мелкий шамот и органика.

Погребение №39 (рис. 68, 1-2) состоит из погребальной камеры и входной шахты. Шахта на уровне материка имеет неправильную овальную форму размерами 1,50x2,15 м, вытянутая длинной осью по линии север-юг. В южной части она сужается до 1 м. Дно ровное, имеет незначительное понижение в западном направлении. Зафиксированная глубина в материке составляет 0,13-0,18 м. С восточной стороны к шахте примыкает погребальная камера. Ширина «входа» составляет 0,9 м. Дно шахты на 0,1 м глубже уровня погребальной камеры. Погребальная конструкция овальной формы размерами 1,38x1,82 м ориентированная длинной осью по линии северо-запад - юго-восток, углублена в материк на 0,05-

0,1 м. Над входной шахтой в юго-восточной ее части расчищено небольшое скопление камней.

В погребальной катакомбной конструкции находились два скелета хорошей сохранности (рис. 68, 1-2). Скелет 1 выявлен в северо-западной части камеры в скорченном положении на левом боку, ориентирован головой на северо-восток. Погребенный лежал в позе «адорации» спиной ко входу в катакомбу. Руки сильно согнуты, локти подтянуты к туловищу, кисти рук находились у лица. Ноги в тазобедренных суставах согнуты и поджаты к туловищу и локтям. В коленных суставах они также сильно согнуты, голени находились практически под бедрами. Перед погребенным у колен находился приземистый профилированный сосуд с плавно отогнутой наружу шейкой с закругленным срезом венчика. Диаметр тулова превышает диаметр венчика. Высота сосуда – 11 см, диаметр венчика – 14 см, дна – 11 см. Поверхности заглажены расчесом, в тесте - примесь шамота и органики (возможно, травы). Сосуд орнаментирован короткими отпечатками веревочки, образующими елочную композицию (рис. 68, 3).

Скелет 2 находился в юго-восточной части конструкции в скорченном положении на левом боку, ориентирован головой на северо-восток. Погребенный лежал в позе «адорации» спиной к предыдущему скелету и к входу в катакомбу. Руки погребенного сильно согнуты, локти подтянуты к туловищу, кисти рук находились у лица. Бедренные кости сильно прижаты к туловищу. Берцовые кости, в свою очередь, сильно прижаты к бедренным.

Погребение №47 (рис. 70, 1), могильная яма в слое серого суглинка не фиксировалась. Это - частично разрушенное захоронение подростка, лежавшего скорченно на левом боку головой на северо-восток. Большая часть позвоночника и грудной клетки, бедренные кости и кости стоп отсутствовали. Длина сохранившейся части скелета - 0,55 м. Ноги погребенного были согнуты под прямым углом относительно туловища, руки вытянуты и помещены между колен. Череп лежал на левом боку.

Перед коленями погребенного стояли два лепных горшковидных сосуда каткомбной культуры разной величины. В 0,2 м к юго-востоку от них находилась жаровня в виде крупного фрагмента стенки лепного сосуда того же времени.

Сосуд №1 (рис. 70, 3), высота – 11 см, диаметр венчика – 11,5 см, тулова – 12 см, дна – 6 см. Сосуд имеет профилированную шейку с отогнутым наружу краем, его срез закруглен. Поверхность украшена поясками отпечатков гребенчатого штампа (3-5 зубцов), который разделен пояском спаренного накола. В тесте горшка содержится примесь шамота, внутренняя поверхность покрыта расчесом.

Сосуд №2 (рис. 70, 2). Высота – 16 см, диаметр венчика – 15 см, диаметр тулова – 16 см, дна – 7,5 см. Плавно профилированную шейку высотой 4 см с отогнутым наружу краем, имеющем уплощенный срез. Наибольший диаметр - в верхней части тулова. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда. По шейке нанесен поясок ногтевых насечек, ниже - пояски гребенчатого штампа, образующего елочную композицию. Тесто имеет примесь шамота и песка, внутренняя поверхность покрыта расчесами.

Жаровня (рис. 70, 4) изготовлена из боковой стенки сосуда и украшена крупными гребенчатыми отпечатками штампа (5-6 зубцов), образующими елочную композицию. Толщина стенки - 0,8 см. Внутренняя поверхность покрыта расчесами, в тесте - примесь шамота.

Погребение №79 (рис. 76, 2) коллективное. В культурном слое практически на одном уровне рядом лежали три скелета (А, Б, В). Погребальная яма не прослежена.

Скелет А (крайний западный) находился на уровне 0,89-1,0 м от дневной поверхности. Ориентирован головой на юг, лежал в скорченной позе на правом боку. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая лежала на тазе. Анатомический порядок сохранился полностью, за исключением костей ног, которые слегка перемещены. Скелет принадлежал юноше 15-17 лет (по зубам). Череп фрагментирован, сохранились фрагменты затылочной, теменных, височных костей, нижней челюсти (левая сторона), а также лобная кость. Около берцовых костей правой ноги найден кусочек охры.

Скелет Б (средний) лежал практически параллельно предыдущему к востоку от него с некоторым смещением к югу. Ориентирован так же, как и скелет А. Глубина на 4-5 см выше, чем у предыдущего. Поза – скорченная на правом боку, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и отведена в сторону, противоположную от грудной клетки. Анатомический порядок сохранился полностью. Скелет принадлежал мужчине 30-37 лет (по зубам 32-35).

Край лучевой кости левой руки у кисти окрашен охрой. Правое колено скелета Б перекрывает пяточную кость правой ноги скелета В.

Скелет В лежал на уровне, как и предыдущий, ориентирован головой на северо-восток, поза – скорченная на левом боку. Руки вытянуты вдоль груди, фаланги пальцев правой окрашены охрой. Наблюдается анатомический порядок расположения костей, но сохранность их – хуже, чем у предыдущих. Скелет принадлежал ребенку возрастом 10-12 лет (по зубам и эпифизам). От черепа сохранилась только лобная кость, фрагмент височной кости и часть нижней челюсти. Вещей в погребении не было. Судя по позе захороненных и наличию охры, погребение относится к эпохе бронзы, причем наиболее ранним был скелет В, а более поздними – А и Б, положенные в могилу параллельно друг другу и с одной и той же ориентировкой.

Кроме сосудов, выявленных в погребениях, в раскопе рядом с могильными ямами было выявлено три горшковидных сосуда (рис. 65, 7; 70, 5; 71, 3), которые, скорее всего, являются тризнами. Наиболее интересен из них сосуд, выявленный рядом с погребением №4 (скопление 19) (рис. 65, 7). Это небольшой округлодонный горшок с невысокой шейкой, плавноотведенной от выпуклого тулова, край венчика слегка отогнут. По краю венчика он украшен гребенчатым штампом, под которым два ряда мелкой веревочки. Шейка сосуда орнаментирована косо поставленными «личинками» (76 штук), под которыми идут ряды горизонтальной мелкой веревочки, опускающейся по спирали ко дну (24 оборота). Внешняя поверхность сосуда светло-коричневого цвета, внутренняя – черная со следами расчесов. Тесто плотное, с примесью мелкого шамота, песка и незначительного количества органики. Нам удалось найти только одну аналогию подобному сосуду –

это находка из погребения 1 кургана 8 Ильменского могильника, раннего этапа сурендонской катакомбной культуры (Качалова, 1970. С. 32).

В 2005 году местным жителем с. Ксизово А. Швыревым был передан для прорисовки целый сосуд катакомбной культуры, который, по его словам, найден во время работы на его огороде в материковой глине, рядом с которым, согласно его информации, были «какие-то кости», которые автор находки не сохранил. Огород находится на правом высоком берегу р. Дон, в 500 м южнее отмеченных выше погребальных памятников. Можно предположить, что мы и в данном случае имеем дело с еще одним грунтовым погребением катакомбной культуры. Выявленный горшок небольшой (высота 11,5 см), серо-коричневого цвета, достаточно небрежно вылепленный, о чем свидетельствует некоторая асимметричность формы. Орнаментирован он гребенчатым штампом, сформированным в горизонтальную елочку (рис. 64, II). В глиняном тесте сосуда содержится примесь песка и мелкого шамота.

Осенью 2005 года, проводя разведочные работы в верховьях реки Воронеж, разведочным отрядом ЛГПУ под руководством Р.В. Смольянинова, в правобережной пойме реки, на дюне было выявлено еще одно грунтовое погребение катакомбной культуры (поселение Васильевский кордон 1) (Смольянинов, 2005). Погребение ребенка находилось в неглубокой яме овальной формы, размерами 1,0x0,7 м, вытянутой по линии восток-запад (рис. 78, 1). К погребению имеют отношение два сосуда. В 23 см выше уровня ямы, над ее восточной частью, был выявлен миниатюрный сосуд 1 (рис. 78, 3), над которым зафиксировано пятно из охры диаметром около 10 см.

Верхняя часть второго сосуда выявлена также выше уровня заполнения ямы, над ее юго-восточной частью. При этом стоял он, по всей видимости, на ее дне, но возвышался над уровнем заполнения, мощность которого была чуть менее 10 см. Стенки ямы достаточно пологие, заполнение ее представлено темно-серой супесью. В ней были расчищены остатки ребенка очень плохой сохранности. В частности, у сосуда 2 были найдены шесть молочных зубов, а в западной части ямы —

две кости (рис. 78, 1). Судя по расположению костей и зубов, костяк был ориентирован по линии запад-восток.

Сосуд 1 небольшой, баночной формы с округлым дном, поверхности его подлощены (рис. 78, 3). Он орнаментирован слабопрочерченными линиями, сформированными в вертикальную елочку, и вдавлениями торцевой частью размочаленной палочки, композиция которых напоминает полуфестоны (рис. 78, 4). В глиняном тесте данного сосуда присутствует примесь песка и незначительное количество органики. Цвет поверхностей – темно-коричневый. Судя по композиции, вероятнее всего, мы имеем дело с календарным сосудом.

Сосуд 2 – это горшок с невысоким, плавноотогнутым горлом, яйцевидным туловом и небольшим плоским дном. Край венчика закруглен, под его краем располагается горизонтальный ряд из короткого гребенчатого штампа, ниже которого все тулово сосуда украшено отпечатками узкого длинного гребенчатого штампа, сформированного в горизонтальную елочку (рис. 78, 2). Поверхности сосуда также подлощены, темно-коричневого цвета, в качестве отошителей глиняной массы использовался песок и незначительное количество органики.

В 2007 году исследования поселения были продолжены (руководитель Р.В. Смольянинов, А.А. Свиридов) (Смольянинов, 2007). В раскопе было изучено еще несколько погребений эпохи бронзы.

Погребение 3 (рис. 79) – среднедонской катакомбной культуры выявлено в материковом основании, в овальной яме размерами 1,4x1,1 м (рис. 79, 1). Яма неравномерно углублена в материк: в северной части - 17 см, в южной 2-5 см. Заполнение - темно-серая супесь (рис. 79, 2). В восточной части яму перекрывало пятно охры аморфной формы размерами 50x52 см, толщиной 4 см. Костяк сильно разрушен, по сохранившимся костям можно предположить, что погребенный лежал на правом боку, головой на юго-запад, ноги согнуты. В районе живота, у не сохранившихся рук находился развал плоскодонного с невысоким поддоном сосуда горшковидной формы, с невысокой, почти прямой шейкой и яйцевидным туловом (рис. 79, 3). Высота и диаметр его в максимальном расширении 22,5 см, диаметр верха – 18 см. По краю венчика он украшен горизонтальным рядом слег-

ка наклоненного вертикального трехзубого гребенчатого штампа, ниже, по венчику и шейке, три ряда горизонтальных отпечатков веревочного штампа, в некоторых местах плохо видимых. Это объясняется тем, что он мог наноситься уже по подсушенному тесту. Верхняя часть тулова украшена вертикальными рядами спаренной веревочки длиной по 3,5-5 см. Нижняя часть тулова орнаментирована отпечатками длинного узкого гребенчатого штампа, сформированного в елочную композицию, придонная часть – двумя рядами вертикально поставленного короткого гребенчатого штампа. Сосуд светло-коричневого цвета с примесью песка и мелкого шамота. Изнутри видны гребенчатые расчески, снаружи он хорошо заглажен.

Кроме погребений катакомбной культуры на поселении выявлено погребение и фатьяновской культуры. Прослежены остатки ямы размером 2,15x1,36 м, глубина ямы – около 0,5 м (рис. 80). На дне ее находился миниатюрный сосуд фатьяновской культуры – его размеры: высота 10,5 см, диаметр венчика 13 см, днища – 4 см (рис. 81, 1). Сосуд вылеплен достаточно грубо, форма асимметрична. В тесте содержалась примесь песка, шамота и органики. Цвет – коричневый, снаружи и изнутри поверхности тщательно заглажены. Поверхность горшка орнаментирована восемью горизонтальными рядами веревочных отпечатков, составленных попарно. В промежутках между рядов веревочки нанесено три ряда вертикально поставленного гладкого штампа.

Сверху, над погребальной ямой находился фатьяновский горшок (сосуд №2) высотой 17 см, с максимальным диаметром тулова 19,5 см, диаметром верха 16,5 см (рис. 81, 2), с высокой, плавноотведенной от шарообразного тулова шейкой и округлым днищем. Сосуд в верхней части (венчик, шейка и верхняя часть тулова) украшен четырьмя прочерченными горизонтальными линиями. Между двумя верхними и двумя нижними линиями прочерками были нанесены треугольники, заполненные точками, составленными в косовертикальные ряды по 4-8 точек в каждом. В верхней части сосуда точки сформированы в треугольники, расположенные вершинами вверх, а в нижней – вершинами вниз. Между средними горизонтальными линиями были нанесены вертикальные прочерки, которые образо-

вывали прямоугольники. В свою очередь, прямоугольники были заполнены точками, составленными в вертикальные ряды. Поверхности сосуда темно-коричневого цвета, залощены, изнутри видны крупные гребенчатые заглаживающие расчески, в тесте – примесь шамота. Толщина стенок 6-8 мм. Поскольку сосуд располагался над погребальной ямой, то его следует связывать с тризной, совершенной после погребения покойного.

Третий горшок иванобугорской культуры яйцевидной формы со слегка закрытым венчиком, дно слегка уплощенное (рис. 82, 1). Диаметр его по венчику 15,4 см, высота – 10,5 см, толщина стенок от венчика к днищу увеличивается от 0,6 до 0,8 см. Тесто сосуда плотная, содержит примесь песка и органики. Срез венчика уплощен. Поверхности снаружи и изнутри хорошо заглажены. Он украшен горизонтальными рядами отпечатков рамчатого штампа. Внутри горшка сохранилось небольшое количество нагара. Вследствие того, что этот сосуд находился у края погребальной ямы, принадлежность его к погребению не бесспорна (Смольянинов и др. 2013).

В 2008–2009 гг. Е.Н. Мельниковым, С.В. Уваркиным и А.Н. Бессудновым исследовался грунтовый могильник среднедонской катакомбной культуры у с. Ровенка Добринского района Липецкой области (Уваркин, 2008; Бессуднов, 2009), обнаруженный в 2008 году местными жителями в бассейне р. Битюг. Памятник расположен на выступе большого по площади мыса правого берега реки, высотой около 5 м от уровня воды в ней. Это место является единственной в обозримой округе высотой, господствующей над обширной поймой.

Большая часть памятника в настоящее время занята под пашню, жилые и хозяйственные постройки, разрушается карьером (рис. 83). Вдоль карьера и был заложен раскоп, в площади которого изучено восемь погребений (пять в 2008 г. и три – в 2009 г.), планиграфически они не представляли какой-либо системы (рис. 83), семь из них были совершены в катакомбах и одно – в яме (рис. 84-91).

Особо выделяются погребения № 6 и 7, совершенные в катакомбах.

Погребение №6 представлено катакомбной конструкцией, состоящей из шахты и погребальной камеры (рис. 88, 1-2). Все сооружение ориентировано длинными

сторонами вдоль линии юго-запад – северо-восток. Камера прямоугольной формы размерами 1,15x1,5 м, шахта также имела прямоугольную форму 1,4x1,0 м и две ступени вниз с юго-восточной стороны (рис. 88, 1-2). Ступени заканчивались дном, в северо-западной части которого была устроена овальная яма диаметром 0,3 м. В северном углу шахты лежали остатки двух черепов мелкого рогатого скота (далее - МРС) (козы). При входе из шахты в камеру фиксировалась приступка, в северной части которой лежал третий череп МРС и часть нижней челюсти той же особи (рис. 88, 1).

Вход в камеру в древности был загорожен бревнами диаметром до 0,1 м (рис. 88, 1). Камера имела прямоугольную форму с закругленными углами и заметным (до 0,1 м) круговым подбоем. Судя по тому, что часть заполнения камеры представлена суглинком и глиной с черноземом, свод катакомбы обвалился в древности, закрыв погребенного.

В камере на органической подстилке, посыпанной охрой ярко-красного цвета, располагался скелет ребенка. Он фиксировался в положении на спине, с подогнутыми ногами и руками, лежавшими в районе таза. Череп лежал на затылке, лицевой частью вверх и имел характерные следы прижизненной деформации*.

Под костями скелета зафиксирован тонкий слой охры на фрагментах подстилки, в качестве которой, судя по отпечаткам на дне сосуда, использовалась ткань. В лучшем виде остатки подстилки и мощное скопление охры (толщиной до 1,5 см) сохранились на участке несколько восточнее тела ребенка, между ним и сосудом. При этом линза охры концентрировалась напротив грудного отдела скелета. На скоплении охры, рядом с локтевой частью кости правой руки, находились два астрагала, а третий лежал на дне камеры, в 0,3 м к востоку от двух первых.

В северном углу камеры были обнаружены фрагменты четвертого черепа МРС плохой сохранности, который располагался в 0,2 м к северо-востоку от стоп погребенного.

* Определение Р.А. Тюрина, аспиранта отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Из этого же погребения происходит лепной сосуд горшковидной формы с выделенными плечиками и отогнутым венчиком, переход ко дну плавный, не имеющий закраины (рис. 88, 3). Орнаментирован он по горлу двумя горизонтальными, параллельными поясками из отпечатков веревочки, а от горла до дна покрыт геометрическим узором в виде сочетания наклонных отпечатков гребенчатого штампа и «елочки», разделенных горизонтальными полосками. В глине содержится примесь мелкого песка и шамота.

Погребение №7 выявлено к северо-востоку от предыдущего (№6), немного перекрывая его (рис. 83), и является катакомбой, состоящей из шахты и камеры. Все сооружение ориентировано длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток (рис. 89, 1-2; 90, 1). Шахта имела прямоугольную форму (размеры 1,9x0,9 м) с достаточно прямыми вертикальными стенками и двумя ступенями вниз, последняя из которых заканчивалась непосредственно входом в камеру, которая не была закрыта и имела овальную форму (1,65x2,4 м) с подбоем по всему периметру стен, кроме входа (северо-восточная часть). Камера была вытянута длинными сторонами по линии северо-запад – юго-восток.

На дне камеры, ближе к южной ее части, на подсыпке из охры лежал скелет взрослого человека, кости которого также были посыпаны охрой (рис. 89, 1). Кроме охры, в ритуале использовался древесный уголь, остатки которого четко фиксировались вокруг головы умершего и к югу от нее. Скелет лежал на правом боку с завалом на спину, ориентирован головой на юго-восток, лицом на северо-восток. Ноги согнуты в коленях. Левая рука также согнута в локте, и кисть, сжатая в кулак, располагалась в районе живота. Правая рука согнута в кисти и поднята так, что ее кулак располагался перед лицом умершего. Интересно, что в кулаке правой руки был зажат кусок красной охры, который рассыпался еще в древности. Не исключено, что он изначально имел вид какой-то фигурки, поскольку некоторые кусочки ее имели плоский, обработанный край.

Инвентарь данного погребения разнообразен и интересен: за спиной умершего находился сосуд 1, упавший на бок и раздавленный рухнувшим сводом камеры (рис. 90, 2). Этот сосуд относится к типу катакомбных амфор, имеющих выде-

ленное ребро с четырьмя наклепными ушками, в которых проделаны отверстия. Сосуд выполнен из плохого глиняного теста с заметным содержанием органики и мела, плохо обожжен и, как следствие, весьма хрупок. Некоторые фрагменты его, например, от днища, вообще рассыпались при попытке снять их со дна камеры. Сосуд имеет розово-оранжевый оттенок снаружи и серый изнутри. В изломе он двухслойный и двухцветный – красно-черный. Орнаментирован геометрическими узорами, нанесенными в двух зонах: в верхней части (горло и плечо) он украшен прочерченными горизонтальными линиями и круговыми линиями из отпечатков конца палочки в тычковой манере, а ниже ребра – вертикальными поясками из таких же полос и отпечатков палочки (рис. 90, 2).

Аналогичные сосуды известны в среднедонской катакомбной культуре и относятся к числу особой ритуальной, обрядовой посуде. Встречаются они исключительно редко, на сегодняшний день на территории Среднего Дона их известно всего семь (Маслихова, 2005; 2006б), а на территории Верхнего Дона это вообще пока единственный экземпляр. Особую значимость ему добавляет тот факт, что такого рода сосуды встречались пока только в курганных могильниках. Данная посуда находит аналогии в ингульской катакомбной культуре (Маслихова, 2006б).

Сосуд 2 (рис. 90, 3) находился в районе черепа захороненного человека. Это небольшая миска, украшенная горизонтальными линиями из отпечатков зубчатого штампа, а по уплощенному срезу венчика – косыми насечками. В качестве примеси в глиняном тесте сосуда отмечен песок и мелкий шамот. Примечательно, что на дне по стенкам и в заполнении его присутствовали древесные угольки. Аналогии данному сосуду можно найти в позднекатакомбных материалах Восточной Украины (Санжаров, 2010. Рис. 209, 22-24).

В районе живота, у кисти левой руки умершего, расчищен обломок кварцита серого цвета. Он треугольной формы, имеет четкую грань.

Астрагалы в количестве пяти штук лежали вместе за спиной погребенного человека, непосредственно у дна сосуда 1. Любопытен такой факт, что все пять экземпляров выстраиваются по размерам от маленького к большому. Каких-либо следов обработки на них не отмечено. Камни из мягкого белого известняка в количе-

стве четырех штук располагались компактно на древесных углях в 0,15 м к югу от черепа. Интересно, что они имеют разные размеры и форму, а также окрашены охрой, причем не просто ею посыпаны, а именно «натерты» (Бессуднов, 2009).

Таким образом, все известные погребения среднедонской катакомбной культуры мы разделили на две группы: **подкурганые** и **грунтовые**. Эти группы, в свою очередь, делятся на типы: в **подкурганной группе** выделяется два типа погребений: *первый тип* – погребение в катакомбе (кенотаф); *второй тип* – погребение в яме. Последний, в свою очередь, делится на два подтипа: *A* – погребение в яме, положение костяка вытянуто на спине (Филатовка, к.1, п.2); *B* – погребение в яме скорченно, на спине (Новоселицкое, к.3 п.1).

Грунтовые погребения также делятся на два основных типа – совершенные в катакомбах (10) и совершенные в ямах (23).

Анализируя все верхнедонские погребения по ряду основных признаков (см. табл. на рис. 58), сразу отметим, что учитывались только те из них, у которых рассматриваемые признаки четко фиксировались, поэтому общее количество и совокупные данные по группам могут в итоге не совпадать.

Практически все погребения одиночные, лишь два из них (одно в яме (Ксизово 19, п. 1) и одно в катакомбе (Ксизово 19, п. 39) – парные и еще одно – в яме с тремя умершими (Ксизово 19, п. 79).

Ориентировки умерших оказались весьма разнообразными (рис. 92), самой большей по численности (11 погребений) является направление на северо-восточный сектор (в т.ч. три – ССВ), далее по численности следует юго-восточный сектор – таковых насчитывается восемь (в т.ч. одно – ВЮВ и одно – ЮЮВ), юго-западный – четыре и северо-запад – два (в т.ч. одно – ССЗ). Характерно, что по основным сторонам света захоронений меньше, чем по промежуточным: на юг – четыре, на север – три, на запад – одно. Интересно, что погребения в катакомбах ориентированы разнообразно, преимущественно в восточный сектор, включая северо-восток и юго-восток (рис. 92).

Положение умерших в верхнедонских погребениях также достаточно вариативно: в катакомбах они укладывались в пяти случаях на спину, в четырех – на

левый бок и в трех – на правый бок. В ямных погребениях ситуация несколько иная – большинство умерших (10) находилось на правом боку, еще восемь – на левом, на спине с подогнутыми ногами – два и столько же – скорченно на животе. По положению рук выделяются также несколько групп, в которых по численности доминируют с положением их в районе таза и бедер, при этом в катакомбе – таковых пять, а в яме – 15! Остальные группы менее представительны: в четырех случаях руки вытянуты вдоль туловища (три в катакомбе и один яме), также в двух катакомбах они расположены у лица и в четырех погребенных в яме – перед грудью (табл. на рис. 58).

Органическая подстилка зафиксирована в трех катакомбах и одной яме. В 11 ямах и трех катакомбах отмечается подсыпка охрой, в том числе, в одной яме и двух катакомбах выявлена и охра, и подстилка.

У восьми погребенных (Крутогорье п. 1-4, Ксизово 19 п. 82 и 83 и Ровенка п. 8) зафиксирована деформация черепа.

Рассмотрим погребальный инвентарь: в катакомбах лишь четыре погребения оказались безынвентарными (Новоселицкое, к. 1 п. 1; Ровенка, п. 2, 4 и 8), в остальных находилось по одному глиняному сосуду, который в двух случаях сочетался с жаровней и кварцитовым отщепом (Ровенка, п. 3 и 7), еще в одном – с бронзовой пронизкой (Ксизово, п. 53).

Как известно, отсутствие или скудость погребального инвентаря указывает не только на бедность материальной культуры, но и на неразрывность погребального обряда, связанного с тем, что в сознании общества, только еще переходящего к оседлости, образы умерших не заняли того важного места, которые будут им принадлежать в сознании обществ оседлых земледельцев (Антонова, 1990. С. 43).

Исходя из охарактеризованных особенностей погребенного, полагаем, что хронологически они разбиваются следующим образом (рис. 93). Наиболее ранними является четыре грунтовых погребения могильника у с. Крутогорье, которые по целому ряду признаков тяготеют к донецкой катакомбной культуре (правобочное положение и поза костяка, его ориентировка, орнаментация сосудов, бронзовая подвеска, обычай деформации), к тому же с наличием свидетельств влияния

местных энеолитических традиций (жемчужная орнаментация по шейке), что еще более уверенно позволяет соотнести их также с *ранним этапом*, но со временем формирования местных катакомбных традиций. Следующим по хронологии является грунтовый могильник у с. Ровенка («ранняя» форма сосудов, отсутствие валиковой орнаментации).

К *развитому этапу* относятся захоронения в катакомбе кургана 1 у с. Новоселицкое и в яме кургана 3 у того же села. К этому же этапу тяготеют, на наш взгляд, и все ксизовские погребения. Самым поздним является захоронение в кургане 1 у с. Филатовка, соотносимое некоторыми исследователями с бабинской культурой (КМК) (Литвиненко, 2002. С. 80).

Обобщение приведенных сведений позволяет сделать наблюдение, что для раннего этапа катакомбной культуры на территории Верхнего Дона характерны грунтовые погребения только в ямах, а для развитого и позднего – как в курганах, так и грунтовые, причем как в ямах, так и в катакомбах, при этом численность подкурганых захоронений пока явно уступает грунтовым погребениям.

В.В. Отрощенко, основываясь на материалах срубных памятников Поднепровья, разработал систему оценки «богатства» или неординарности погребений на базе трех групп признаков (Отрощенко, 1979):

I – количество трудозатрат при возведении погребального памятника (наличие кургана или досыпки, большая могильная яма, сложная погребальная конструкция в яме, над ней или в насыпи);

II – состав и характер сопровождающего инвентаря (присутствие в могиле более чем одного сосуда, наличие металлических изделий и частей туши или костей жертвенных животных);

III – особые черты ритуала (использование краски – мела или охры, применение огненного ритуала, наличие тризны).

Наличие хотя бы одного перечисленного признака из каждой группы объективно выделяет погребение из рядовых (Отрощенко, 1979. С. 86). Конечно, данную систему, разработанную для срубной культуры, к катакомбной может быть применено с большой долей осторожности и может быть предложено лишь в ка-

честве гипотезы. Считаем, что по этим критериям лишь несколько погребений катакомбной культуры Верхнего Дона можем отнести к неординарным. Особенно в этом отношении выделяется детское погребение №1 Крутогорского могильника и погребения №3 и 47 памятника Ксизово 19. С другой стороны, уже сам факт наличия захоронения в курганах ставит вопрос о социальной неординарности умершего, поскольку он «удостоился» индивидуальной курганной насыпи (Новоселицкое, Липецкий курган).

Проблема социального устройства катакомбного общества, реконструируемого по погребальному обряду, занимает важное место в ряде работ А.Т. Синюка (Синюк, 1989; 1993а; 1994; 1996в). Исходя из того, что число курганных насыпей вряд ли соответствует реальному количеству населения, он считал, что они могли принадлежать только лицам, занимавшим особое положение в обществе (Синюк, 1996в). Примером выделения сословия жрецов служат погребения 1 Власовского могильника, где из 27 погребенных только две женщины, все шахты катакомб забутованы, умерших сопровождал богатый инвентарь (курильницы, бусы, флейты Пана и др.), черепа искусственно деформированы, фиксируются жертвоприношения. Названные признаки говорят о высоком прижизненном статусе погребенных. По мнению А.Т. Синюка, это была социально замкнутая группа, возможно, хранители или исполнители религиозно-культурных обрядов – жрецы (Синюк, 1989. С. 59). Существование жреческого сословия в катакомбном обществе подтверждается также наличием жертвенных сооружений, в которых А.Т. Синюк находит сильное сходство с ведическими установками древних ариев (Синюк, 1993а. С. 68).

А.Т. Синюк считал также, что социально-политические основы ямно-катакомбного общества являлись не просто типом племенных союзов, а соответствовали раннегосударственным образованиям, не поднимаясь до их классических форм из-за отсутствия таких признаков, как письменность и градостроительство. Не имелось здесь и необходимой почвы для широкого развития рабовладения. Однако, если быть точным, последнее не было характерным для любого раннегосударственного образования, в укладе которого приоритетную роль играло

скотоводческое направление. А именно таковыми были носители древнеямной и среднедонской катакомбной культур (Синюк, 1993а. С. 69).

В катакомбной общности выделяется и слой ремесленников – известны захоронения мастеров-литейщиков, ювелира (Синюк, 1983) и мастеров по изготовлению стрел (Березуцкая, 1993. С. 47-52). Исследование грунтовых могильников Терешковский Вал и у хут. Ярского выявили погребения мастеров-изготовителей стрел с традициями северного лесного неолитического мира, что свидетельствует о весьма сложных общественных отношениях, включавших и сословно-производственное обособление, и формы зависимости на межэтническом уровне (Синюк, 1992. С. 43-64).

К сожалению, преобладающая часть выводов о социальной реконструкции сделаны с опорой на материалы Среднего Дона, поскольку для территории Верхнего Дона материалов, позволяющих уверенно выходить на подобного рода реконструкции, пока не так много. О социальном устройстве можно судить, например, по катакомбе с глубокой шахтой в Липецком кургане, по наличию детских деформированных черепов из Крутогорского могильника и богатого погребального инвентаря.

Небольшое число погребальных памятников наверняка не отражает реального соотношения их с бытовыми, хотя, к примеру, курганных насыпей на территории Верхнего Дона исследовано уже более двух десятков, но при этом погребений катакомбной культуры в них выявлено всего четыре. Следует предполагать в перспективе выявление большего количества грунтовых погребений, что объективно даст возможность вернуться к рассмотрению роли как местного пережиточного энеолитического населения, так и других местных и пришлых культур бронзового века в генезисе носителей катакомбной традиции верхнедонского региона.

Показательно, что пока не выявлено ни одного погребения с керамикой верхнедонского и терновского типов, что, возможно, связано с энеолитическим влиянием и существованием у данной группы населения грунтового обряда погребения или же иных способов захоронения, не фиксируемых археологически.

Исходя из тезиса о том, что совокупность ритуальных действий и материальных элементов представляет стандартный (традиционный) погребальный обряд любой археологической культуры (Алекшин, 1986. С. 6), можно утверждать, что на Верхнем Дону мы имеем в наличии погребения, оставленные группами населения, различающимися как по своей этнической принадлежности, так и по хронологии.

Попытка расчленения при реконструктивных построениях погребальной обрядности в соответствии с шестью информационными блоками, предложенными В.А. Алекшиным (Алекшин, 1986. С. 7-8), пока не дает желаемого результата из-за их большого разнообразия при сравнительно малой численности погребений.

ГЛАВА V. МЕСТО ВЕРХНЕДОНСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАТАКОМБНОГО ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Важное место в проблеме хронологии занимают вопросы происхождения и дальнейшей судьбы носителей катакомбных традиций на Верхнем Дону. Поскольку проникновение катакомбных традиций в верхнедонской бассейн произошло через территорию Среднего Дона, то и представляется логичным, что привносились они сюда носителями среднедонской катакомбной культуры. Рассмотрим имеющиеся точки зрения на формирование катакомбной культуры на данной территории.

По мнению А.Д. Пряхина и Ю.П. Матвеева, среднедонская катакомбная культура не имеет генетической связи с местным докатакомбным (ямным) населением, что доказывается присутствием в погребальном обряде, материальной культуре и хозяйстве раннего этапа первой из них целого ряда совсем иных специфических черт, не имеющих аналогов в памятниках вторых из вышеуказанных древностей. С другой стороны, комплекс существующих данных позволяет утверждать, что основным компонентом в её формировании выступает донецкая катакомбная культура (Матвеев, 1986. С. 49-56). Так, лишь в наиболее ранних памятниках рассматриваемой территории (Среднего Дона) встречаются катакомбы «Т»-образной формы, наиболее характерные для донецкой катакомбной культуры. Преемственность в погребальной обрядности фиксируется и по целому ряду других показателей: южная ориентировка костяков при их правобочном положении, использование охры, наличие жаровен из обломков сосудов при редкой встречаемости курительниц и др. Как в донецких, так и в среднедонских курганах впускные захоронения размещались по кругу, а умершие помещались лицом к выходу из катакомбы (Матвеев, 1986. С. 49-56).

Антропологический тип населения среднедонской катакомбной культуры тот же, что и на Донетчине (Алексеев, 1983. С. 188). Широко распространен общий для катакомбного мира обычай деформации черепа, который хотя и в единичных случаях, но встречается на Верхнем Дону (Крутогорье п. 1-4; Ксизово 19 п. 82-83; Ровенка п. 8).

В керамике среднедонской катакомбной культуры наиболее отчетливо проявляются традиции донецкой. Они представлены несколько огрубленными кубками донецкого типа, короткогорлыми сосудами. Орнаментация подобной керамики также донецкая. Наряду с ещё собственно донецкими сосудами комплексы этого времени содержат очень своеобразные горшки и кубки, отражающие процессы выработки новых типов формы посуды. Однако в меньшей мере культурная преемственность фиксируется в металле: характерный для донецкой катакомбной культуры нож привольненского типа встречается на Среднем Дону очень редко. Отстаивая точку зрения, что среднедонская и донецкая катакомбная культуры генетически связаны, исследователи при этом признают и взаимодействие пришедшего на Средний Дон населения с местным, ямным компонентом и с носителями репинской культуры. В погребальном обряде это проявилось в наличии большого количества захоронений в ямах. В керамике это взаимодействие и влияние выразилось в яйцевидности форм сосудов, заимствовании отдельных элементов орнаментации. Особенно широкое распространение получает в керамике раннего периода репинская жемчужная орнаментация, факт наличия которой в катакомбном мире больше не встречается нигде (Матвеев, 1986. С. 57; Санжаров, 2010. С. 264). Сосуществование репинской и катакомбной культур стратиграфически зафиксировано перекрытием катакомбного захоронения репинским в кургане 2 могильника Подгорное 1 (Беседин, Матвеев, 2003).

Несколько иную точку зрения на происхождение среднедонской катакомбной культуры имеет А.Т. Синюк (Синюк, 1983; 1996а), как уже отмечалось выше, ведущую роль в её формировании сыграла донецкая катакомбная культура, вступившая в контакт с ямными племенами Среднего Дона (Синюк, 1996), что и явилось веским основанием для выделения на Среднем Дону местной катакомбной

культуры (Синюк, 1983. С. 131). Заселение территории Среднего Дона шло волнообразно, уже на этом, раннем, этапе существования среднедонской катакомбной культуры устанавливается контакт с областью распространения северокавказской и предкавказской культур, что доказывается наличием металлического импорта в ранних погребениях (Синюк, 1983. С. 144).

Донецкие традиции нашли отражение и в орнаментации керамики памятников Верхнего Дона, например, на сосудах Крутогорского грунтового могильника: форма посуды, орнаментация - полуфестоны и «полотенца» из тесьмы (рис. 62, 1-2; 63, 1-2).

Особенно четко взаимные контакты катакомбного населения прослеживаются по керамическому материалу с носителями репинской культуры. Следствием чего у последней на заключительной стадии развития появляются плоскодонные сосуды и шнуровой орнамент (Синюк, 1981. С. 19), и в то же время у носителей катакомбной культуры – в керамике – встречаются сосуды с яйцевидным туловом, появляются «жемчужины» по краю венчика и т.д. В связи с проблемой взаимодействия катакомбников с племенами энеолита и ранней бронзы, как нами уже отмечалось в предыдущих главах, выделяют группу памятников так называемого «терновского» и «верхнедонского» типов, т.е. памятников, где очень тесно переплетаются ямные, репинские и катакомбные традиции.

Влияние же катакомбных традиций на иванобугорскую культуру, по мнению А.Т. Синюка, положило начало воронежской культуре. Кроме катакомбного компонента от репинской посуда воронежской культуры унаследовала характерную желобчатость венчика и орнаментацию его среза и некоторые другие признаки, а от неолитических культур – яйцевидные пропорции, технологические приемы изготовления, ямочный орнамент по всей поверхности (Синюк, 1996а. С. 180-181).

В дальнейшем население катакомбной культуры оказывало влияние уже непосредственно на воронежскую культуру, у сосудов которой появляется плоскодонность, в орнаментации распространились наклепные валики, расчлененные на-

сечками, а также композиции из заштрихованных треугольников вершинами вверх. Очень выразительна небольшая серия воронежской керамики с Шиловского поселения, которая стоит несколько особняком именно благодаря ярко выраженным в ней катакомбным элементам (Пряхин, 1982. С. 39-40). В этой же связи следует упомянуть и типичную катакомбную позу умерших (скорченно на правом боку) в немногочисленных погребениях воронежской культуры (Беседин, 1986).

Синхронность сосудов воронежской культуры поздним материалам катакомбной культуры подтверждена совместным нахождением сосудов этих культур в рамках единых погребальных комплексов (например, Филатовка к. 1 п. 2) (Синюк, 1993б. С. 41). Данные комплексы, по-видимому, позволяют предполагать, что население воронежской культуры находилось в подчиненном положении по отношению к катакомбной культуре, имело достаточно узкие рамки бытования, представляя период этнокультурного распада на фоне активизации местного катакомбного и абашевского миров, после которого – к началу II тыс. до н.э. – воронежская культура прекратила свое существование.

Проблема финального периода среднедонской катакомбной культуры также заслуживают специального рассмотрения в связи с выяснением дальнейшей судьбы её носителей. А.Д. Пряхин и Ю.П. Матвеев отмечают, что имеется ряд стратиграфических свидетельств залегания пласта древностей позднего этапа между развитым этапом среднедонской катакомбной и доно-волжской абашевской культурами. На возможность контакта между ними указывают и отдельные предметы: в катакомбном сооружении у с. Азарово (Курская область), наряду с типичным валиковым сосудом и ножом, находилась пара бронзовых браслетов, которые совершенно неизвестны ни в среднедонской катакомбной культуре, ни в катакомбной общности в целом (Синюк, Матвеев, 2007. Рис. 2, 1-6). В то же время в материалах доно-волжской абашевской культуры они представлены очень широко (Пряхин, 1977. С. 143). В погребении-кенотафе у с. Плавица находился абашевский сосуд с катакомбной орнаментацией (Мельников, 2003). В парной катакомбе могильника Ольховатка 1 (погребение 3) были обнаружены предметы конца развитого этапа, вместе с ними находился небольшой ножичек с гранью и раскован-

ным черенком (Синюк, Матвеев, 2007. Рис. 83, 4), что характерно для абашевских ножей (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991. С. 13). Опосредованно через абашевцев катакомбное влияние проявляется и на срубной керамике (Матвеев, 1998).

Таким образом, опираясь на эти данные, мы можем уверенно говорить о том, что остаточное население среднедонской катакомбной культуры так или иначе контактировало с населением указанных культур и в большей или меньшей степени влияло на материальную и духовную сторону их развития.

Несколько иная точка зрения на дальнейшую судьбу среднедонской катакомбной культуры у А.Т. Синюка. Он связывает её со срубными племенами, хотя и не отрицает взаимодействия с абашевскими, полагая, что оно началось ещё на более раннем этапе существования среднедонской катакомбной культуры. Примером таковому служат материалы кургана №57 1-го Павловского могильника, в котором погребению развитого этапа среднедонской катакомбной культуры предшествовало захоронение покровско-абашевского типа (Синюк, 1996а; Синюк, 2002б; Синюк, Козмирчук, 1995). Этим взаимодействием и объясняется природа «нестандартных» признаков, встречаемых в абашевских захоронениях: охры и астрагалов, правобочного положения умерших, сосудов катакомбной формы, украшение их налепными шишечками, шнуром (Синюк, Килейников, 1976. С. 159-169), а также находок кремневых наконечников с выемкой в основании (Синюк, 1992. С. 44-45). Но следы такого взаимодействия все-таки немногочисленны, что, по-видимому, объясняется политической нестабильностью того времени. Затем эти племена начинают объединяться, что, возможно, обусловлено общей опасностью, исходящей от населения срубной культуры (Винников, Синюк, 1990. С. 130). В этом плане очень интересно рассмотреть два погребения кургана №16 1-го Власовского могильника (раскопки А.Т. Синюка и В.Д. Березуцкого) (Синюк, Погорелов, 1993. С. 6-31; Синюк, Березуцкий, 2002). В одном из них (погребение 4), наряду с сосудами и другими вещами абашевской культуры, находились астрагалы, навершие каменной булавы и роговая пряжка, обычно сопутствующие позднекатакомбным комплексам. В другом погребении (погребение 3), наряду с тремя срубными сосудами, находился один катакомбный (причем не самый поздний ни

по форме, ни по орнаментации, с ярко выраженными катакомбно-полтавкинскими чертами (Синюк, Погорелов, 1993. Рис. 3, 4) и каменное навершие булавы с четырьмя выступами, аналогии которому можно найти в катакомбных древностях (Винников, Синюк, 1990. С. 133) и в Бородинском кладе. Случаи сочетания катакомбных и срубных древностей не единичны: в погребениях II-го Новомеловатского, 1-го Плодовосовхозного, Павловского и III-го Старотойденского могильников – в срубных захоронениях находилась охра, сосуды со шнуровым орнаментом, совмещение в одном комплексе сосудов разнокультурной принадлежности (Синюк, Погорелов, 1986 С. 90-91).

В 2005-2006 и 2010 гг. автором исследовался Никольский грунтовый могильник эпохи бронзы, расположенный на левом берегу р. Дон, севернее г. Задонска (Земцов, 2005; Ивашов, 2006; 2010; 2007; 2011). На изученной площади (228 кв.м) (рис. 60) выявлено семь детских погребений (пять абашевской и два срубной культур) и 18 развалов сосудов (девять – абашевской, семь – срубной и по одному – катакомбной и воронежской культур). Ранее, в 1949 году, А.Н. Москаленко также было выявлено несколько сосудов катакомбной, абашевской и срубной культур. По результатам работ последних лет, с учётом обнаружения карьера и раскопа А.Н. Москаленко, проанализировав планиграфию (рис. 60), удалось проследить определенные закономерности в расположении погребений и сосудов разных культур: комплексы абашевской культуры локализуются в центральной части раскопанной площади, а срубной культуры – в восточной, между тем сосуды катакомбной и воронежской культуры занимают промежуточное положение. В западной части, уничтоженной карьером, судя по данным А.Н. Москаленко, предположительно, концентрировались катакомбные комплексы. Полученные данные, с одной стороны, явно свидетельствуют об обособленности погребальных комплексов разных культур, что, в свою очередь, предполагает либо сосуществование вышеперечисленных культур эпохи бронзы на определенном этапе, либо их сменяемость в достаточно узком хронологическом интервале, когда на поверхности оставались надмогильные сооружения.

Обилие сосудов при малом количестве погребений пока не находит однозначных объяснений и аналогий. Мы приведем здесь несколько гипотез, объясняющих такое обилие керамического материала, общим для них является несомненный выход их на погребальную обрядность.

Во-первых, мы имеем дело с детским могильником, кости которого могли просто не сохраниться. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что все раскопанные погребения очень плохой сохранности: от них удалось выявить лишь отдельные кости черепа, рук и ног. От других же захоронений до нас дошли только горшки, сопровождавшие умершего в загробный мир. Вторая версия, что этот грунтовый могильник в основном содержит кенотафы. Третья версия, это могильник рядовых общинников, статус которых не давал им права быть захороненными под курганом. Хотя подкурганная традиция здесь была известна, судя по наличию в 1,5 км от места нашего исследования курганной группы из четырех насыпей, под которыми, скорее всего, и получили свое последнее пристанище особо знатные соплеменники. Четвертая версия, что выявленные сосуды - это поминальные тризны по ранее умершим соплеменникам.

Рассмотрим проблему хронологии катакомбных древностей Среднего и Верхнего Дона. По имеющимся разработкам исследователей воронежской школы, среднедонская катакомбная культура существовала в первой половине II тысячелетия до н.э., то есть нижний хронологический рубеж проникновения катакомбных традиций в бассейн Среднего Дона соотносился с рубежом III-II тысячелетия до н.э., верхний - с серединой II тысячелетия до н.э. (Матвеев, 1982; Пряхин, 1982; Синюк, 1983; 1996а; Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991 и др.).

В своде памятников среднедонской катакомбной культуры А.Т. Синюк и Ю.П. Матвеев, также её ранний (павловский) этап синхронизируют с ранними памятниками донецкой катакомбной культуры в Нижнем Подонье и со ссылкой на С.Н. Братченко (Братченко, 1976) датируют его 2000-1700 гг. до н.э. (Синюк, Матвеев, 2007. С. 51). Верхний хронологический рубеж развитого этапа они определяют бытованием памятников бахмутского типа и материалами второго этапа

предкавказской культуры, конкретная датировка которых находится в пределах XVII в. до н.э. (Синюк, Матвеев, 2007. С. 52).

В одной из более ранних работ Ю.П. Матвеев признает, что с учётом существующих разработок по хронологии культур эпохи ранней и средней бронзы время сложения среднедонской катакомбной культуры на уровне сегодняшних представлений должно быть определено около XXII-XXI в. до н.э. (Матвеев, 2005. С. 95).

В последние годы активно формируется база данных радиоуглеродных дат памятников эпохи бронзы Восточной Европы, которая заставила по-новому взглянуть на традиционную абсолютную хронологию археологических культур. В частности, Е.Н. Черных и Л.Б. Орловская призвали резко и решительно изменить взгляды на абсолютную хронологию всего блока культур средней бронзы Восточной Европы (Черных, Орловская, 2004. С. 26), в этой же работе приводятся радиоуглеродные даты, позволяющие утверждать, что, например, катакомбная культура при 68% уровне вероятности практически полностью «занимает» III тысячелетие до н.э. (Черных, Орловская, 2004. Рис. 6).

Показательно, что радиоуглеродные датировки в целом подтвердили ранее установленную последовательность культур эпохи бронзы, но вместе с тем показали, что их абсолютная хронология должна быть решительным образом удревнена. В.С. Бочкарёв назвал процесс радикальных изменений наших прежних представлений о ходе культурно-исторического процесса в восточно-европейском бронзовом веке радиоуглеродной революцией (Бочкарёв, 2013. С. 7).

Вследствие удревнения всей хронологии эпохи палеометалла Восточной Европы, в новом контексте необходимо рассматривать и древности катакомбной культуры Верхнего и Среднего Дона. Рассмотрим немногочисленные радиоуглеродные даты полученные по материалам среднедонской катакомбной культуры. Самая первая из них была получена по материалам погребения 4 кургана 47 Павловского могильника (4130 ± 40 BP, или 2873-2615 BC cal) (Гей, 2011. С. 7), которую автор работ А.Т. Синюк считал очень удревненной. Ещё одна дата – могильник Репная Балка (курган 1, погребение 5), определена как 4030 ± 70 BP, или 2615-

2463 BC cal (ИГАН-2449) (Гей, 2011. С. 7). По мнению А.Н. Гея, обе вышеперечисленные даты соответствуют диапазону дат памятников среднего и позднего этапов развития катакомбной общности с других территорий, что не подтверждает распространенного мнения об особо поздней хронологической позиции среднедонской катакомбной культуры в целом (Гей, 2011. С. 8).

Р.А. Мимоход, анализируя материалы погребений курганной группы Паницкое 6 в правобережье Саратовского Поволжья, относит несколько погребений к среднедонской катакомбной культуре. Их даты показали высокую степень схожести в пределах XXV-XXIII вв. до н.э. (погребения 2/1, 4/2) (Мимоход, 2009. С. 36. Илл. 24, 1). Ещё две даты: курган 2 погребение 2 - совпадает в рамках XXIV-XXII вв. и радиоуглеродная дата среднедонского позднекатакомбного комплекса кургана 4 погребение 1 получилась несколько «моложе» и располагается в пределах XXII-XXI вв. до н.э. (Мимоход, 2009. С. 36. Илл. 24, 1). Суммирование первых дат по среднедонской катакомбной культуре могильника Паницкое 6 дает интервал 2470-2140 BC (Мимоход, 2009. С. 37. Илл. 24, 2), который, в свою очередь, укладывается в радиоуглеродные диапазоны существования восточноманычской и ингульской катакомбной культур. При этом необходимо учитывать факт, что сами погребения могильника Паницкое 6 находятся на восточной периферии среднедонской катакомбной культуры.

Р.А. Мимоход, анализируя имеющуюся на сегодняшний день радиоуглеродную базу данных для катакомбного и посткатакомбного блока (Мимиход, 2013. С. 283-285), отмечает недостаточное количество дат для хотя бы минимального порога статистической корректности по отдельным культурам. Оперировав совокупностью всего блока дат, учитывая стратиграфические и культурно-типологические данные, свидетельствующие о синхронности катакомбных и посткатакомбных групп на разных территориях, в рамках единого хронологического этапа, приходит к выводу, что время существования катакомбного горизонта развитого и позднего периода бытования катакомбных древностей, в которые входят в целом синхронные ингульская, позднедонецкая, среднедонская, волго-донская, восточноманычская и западноманычская культуры, можно определить в пределах

XXVI/XXV – XXIII/XXII вв. до н.э., при этом блок посткатакомбных культур очерчивается (с учетом интервалов наложения) в пределах XXII-XVIII вв. до н.э. (Мимоход, 2011. С. 49).

Кроме этого, в нашем распоряжении имеется несколько радиоуглеродных дат по материалам культур непосредственно предшествующей катакомбной, правда происходят они с территории бассейна Дона. Материалы репинской культуры, с носителями которой катакомбные племена вступают на Верхнем Дону в тесные контакты, в результате которых появляется своеобразный верхнедонской тип. Возможная датировка поселения у Репина Хутора находится в интервале XXXIV-XXIX вв. до н.э. (Кузнецов, 2013. С. 20). Хотя в целом по памятникам с керамикой репинского облика получено 30 дат, причем даты полученные по костям животных определяются в интервале 2890-2560 гг. до н.э. (66,3% вероятности) (Кузнецов, 2013. С. 21).

По ямной культуре бассейна Дона известна одна дата из Павловского могильника (курган 38, погребение 4, дерево) – 4580 ± 90 BP (BC 68% - 3500-3100) (Черных и др., 2000). Ещё одна – с Нижнего Подонья – Усьман (курган 1 погребение 13, дерево) – 4150 ± 80 (BC 68% - 2890-2610) (Черных и др., 2000). В целом они совпадают с датами для Доно-Донецкого региона по ямной культуре (Черных, Орловская, 2011. С. 74. Табл. 4. Рис. 4).

В настоящее время есть свидетельства взаимодействия населения фатьяновской культуры с катакомбными племенами Среднего и Верхнего Дона. Кроме известного на Среднем Дону погребения 2 кургана 1 Второго Богучарского могильника, в котором в яме с подбоем выявлено парное захоронение (ориентировка запад-юго-запад, правый бок) с сосудами катакомбной (сосуд и жаровня) и фатьяновской культур (Березуцкая, 1999). Фрагменты фатьяновской посуды и топоры, достаточно часто встречаются на Верхнем Дону (Челяпов, 1991; Екимов, 2004). Самыми южными пунктами с фатьяновской керамикой являются: Балахнинское, Рыбное Озеро 2, городище Крутогорье, Елецкое поселение, Буховое 9, Замятино 10, Кривец 4 и другие. Примечательно, что на всех этих поселениях выявлены и материалы катакомбной культуры. Эти факты свидетельствуют о сосуществова-

нии и взаимодействии вышеназванных культур, что согласуется и с их датировками.

В последнее время было получено несколько дат по фатьяновской культуре и их теперь известно более двух десятков (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. Табл. 11-b; Кренке и др., 2013). По радиоуглеродным датам время существования фатьяновской культуры определяется календарным интервалом в рамках середины – второй половины III тыс. до н.э. (Кренке и др., 2013. С. 19).

Для территории Верхнего Дона есть ещё несколько дат по культурам, которые сменяют катакомбное население: например, получены даты по двум погребениям Липецкого могильника (курган 2, погребения 2 и 3) (раскопки 2011 г. А.Н. Голотвина). Оба погребения относятся к абашевской культуре воинов-колесничих:

Лаб. №	Памятник	Радиоуглеродный возраст, ВР, л.н.	Интервалы калиброванного возраста (OxCal v3.9/Sum), cal BC (% вероятности)	Тип образца
КИА-46737	ЛМ, к. 2, п. 2	3698±25	2105-2035 (68,2%) 2150-2020 (95,4%)	Кость животного
КИА-46738	ЛМ, к. 2, п. 2	3852±27	2040-1960 (68,2%) 2140-1940 (95,4%)	Кость человека
КИА-46745	ЛМ, к. 2, п. 3	3752±28	2210-2130 (68,2%) 2230-2110 (95,4%)	Кость животного
КИА-46745	ЛМ, к. 2, п. 3	3752±28	2210-2130 (68,2%) 2230-2110 (95,4%)	Кость человека

Получена серия радиоуглеродных дат для нескольких раскопывавшихся срубных поселений (Красное 1А, Лесопитомник-4, Раздолье-1) в южной части современной Тульской области (верховья р. Дон) (Гак, 2011. Прил. 7. С. 219), по мнению автора, при всей их спорности, они не выходят за рамки первой половины – начала третьей четверти II тыс. до н.э. (Гак, 2011. С. 69).

Обратимся непосредственно к датам катакомбной культуры, полученным с памятников Верхнего Дона. В 2007 году в Киевской радиоуглеродной лаборатории Н.Н. Ковалюхом по образцам керамики эпохи бронзы верхнедонских памятников были получены следующие радиоуглеродные даты:

Лаб. №	Памятник	Радиоуглеродный возраст, ВР, л.н.	Интервалы калиброванного возраста (OxCal v3.9/Sum), cal BC (% вероятности)	Тип образца
Ki-12163	Студёновка 3	3740±120	2310-1950 (67,1%) 2500-1750 (95,4%)	Керамика, ранний этап (верхнедонской тип) фрагмент шейки с жемчужной орнаментацией
Ki-12164	Замятино 10	3940±120	2580-2270 (61,5%) 2900-2000 (95,4%)	Керамика, ранний этап (верхнедонской тип) фрагмент шейки с жемчужной орнаментацией
Ki-12165	Балахнинское поселение	3810±105	2460-2130 (66,4%) 2600-1900 (95,4%)	Керамика, развитый этап, фрагмент стенки с веревочной и гребенчатой орнаментацией
Ki-13315	Замятино 10	3920±100	2500-2280 (54,9%) 2700-2000 (94,0%)	Керамика, поздний этап, фрагмент стенки с валиком
Ki-13317	Ксизово 6	3770±90	2310-2030 (66,6%) 2500-1950 (95,4%)	Керамика, поздний этап, фрагмент стенки с валиком и ангобом
Ki-13316	Замятино 10	3860±80	2460-2270 (55,2%) 2600-2000 (95,4%)	Керамика, воронежская культура, фрагмент стенки
Ki-13319	Курино 1	3820±80	2360-2140 (60,0%) 2470-2030 (95,4%)	Керамика, воронежская культура, фрагмент стенки
Ki-13318	Балахнинское поселение	3435±90	1880-1620 (68,2%) 1960-1510 (95,4%)	Керамика, абашевская культура, фрагмент стенки

В целом, при всей осторожности восприятия дат, полученных по керамике (Черных, Орловская, 2011. С. 63), считаем все же необходимым констатировать, что полученные данные синхронизируются с известными датами для других, более южных территорий и культур (Трифонов, 2001. С. 75, табл. 1; Черных, Орловская, 2004. Рис. 4). Кроме этого, даты реально маркируют древности, связанные с

более ранними и поздними этапами катакомбной культуры и сопутствующими культурами. Конечно же, такого количества дат недостаточно для детального и объективного выстраивания хронологической шкалы, но некоторые предварительные выводы всё-таки можно сделать (рис. 95-96). На поселении Замятино 10 даты получены по керамике раннего и позднего этапов, где предшествование ранних материалов сохраняется, более того, они вообще являются самыми древними из всех дат, полученных по раннему этапу катакомбной культуры Верхнего Дона. По этим данным можно предполагать возможное сосуществование носителей верхнедонского типа с развитым этапом катакомбной культуры, идея о чём уже высказывалась ранее (Ивашов, 2003в. С. 98). В частности, именно в углубленной в материк постройке поселения Замятино 10, которую мы считаем замкнутым комплексом (Классификация в археологии, 2013. С. 55), материалы раннего этапа оказались вместе с курильницей, которая, судя по прочерченной орнаментации, относится к гораздо более позднему этапу катакомбной культуры (Ивашов, 2005. С. 116). Её форма – чаша на монолитном четырехлепестковом поддоне относится к I типу (по Н.В. Панасюк). Данный тип является не только самым распространенным в Восточноманычской катакомбной культуре, но и характерным для всех этапов культуры (Панасюк, 2013. С. 46-47). Показательно, что данный тип (по классификации среднедонских катакомбных курильниц Т.Ю. Аринчиной - Тип III, разновидность 1 (Аринчина, 1988) или группа А по классификации Л.И. Маслиховой (Маслихова, 2006а) является самым распространенным и в среднедонской катакомбной культуре. Правда, по мнению Т.Ю. Аринчиной (Березуцкой), курильницы в погребениях среднедонской катакомбной культуры встречаются только на раннем этапе культуры (Аринчина, 1988. С. 79), кроме этого, на Среднем Дону пока неизвестно ни одной курильницы, орнаментированной прочерченными линиями.

Также несколько выбивается в сторону позднего этапа дата ранних материалов с поселения Студёновка 3, обусловленная, возможно, тем, что на пойменных участках р. Воронеж природно-климатические особенности обладают в большей степени чертами лесной зоны, которая создает хорошие условия для консервации

этнокультурных традиций древнего населения. В целом, близкими получились даты позднего этапа среднедонской катакомбной культуры, которые заняли хронологическую нишу чуть позже дат воронежской культуры (мнение об их сосуществовании уже высказывалась ранее (Пряхин, 1982; Синюк, 1996а) и в то же время раньше даты абашевской культуры (рис. 95-96).

В 2010 году в Лаборатории палеогеографии и геохронологии четвертичного периода факультета географии и геоэкологии СПбГУ профессором Х.А. Арслановым были получены ещё три даты по костям человека из грунтовых погребений катакомбной культуры Верхнего Дона, рассмотренных в предыдущей главе: Ксизово 19 п. 3 (рис. 65, II), Ровенка п. 6 (рис. 88) и Ровенка п. 8 (рис. 91).

Лаб. №	Памятник	Радиоуглеродный возраст, ВР, лет	Интервалы калиброванного возраста (OxCal v3.9/Sum), cal BC (% вероятности)	Калиброванный возраст cal BP, лет (CalPal 2006)	Тип образца
ЛУ-6480	Ксизово 19, п. 3	5430±420	2310-1950 (67,1%) 2500-1750 (95,4%)	6230±470	Кости человека
ЛУ-6481	Ровенка, грунтовый могильник, п. 8	4390±440	2580-2270 (61,5%) 2900-2000 (95,4%)	4950±560	Кости человека
ЛУ-6482	Ровенка, грунтовый могильник, п. 6	4060±220	2460-2130 (66,4%) 2600-1900 (95,4%)	4540±300	Кости человека

Однако, на наш взгляд, даты получились малоинформативными из-за большого допуска.

Самыми последними являются три радиоуглеродные даты, полученные AMS-методом по кости животного и углю из закрытых комплексов поселения Рыкань 3 (Гак, 2013. С. 168. Табл. 4): GrA 45167 - 3955±35 ВР; GrA 45169 - 4120±35 ВР; Poz 52381 - 4190±35 ВР. Калиброванные значения этих дат с вероятностью 1σ находятся в пределах XXIX-XXIV вв. до н.э. (Гак, 2013. С. 168). Позд-

нее автор сужает датировку данного поселения до XXVI-XXIV вв. до н.э. (Гак, Давыдов, 2014. С. 249). В целом, несмотря на малочисленность, данная серия дат развитого этапа среднедонской катакомбной культуры соотносима с датировкой ранних фаз восточноманычской и ингульской катакомбных культур, абсолютная хронология которых в настоящее время лучше всего разработана (Гак, 2013. С. 158).

Таким образом, мы считаем, что территория Верхнего Дона, являющаяся периферией катакомбного мира, осваивалась одновременно с бассейном Среднего Дона. Надеемся, что получение радиоуглеродных дат и исследование новых стратифицированных памятников энеолита – бронзового века на территории Верхнего и Среднего Дона помогут уточнить и выстроить хронологическую шкалу для разных массивов населения на данной территории. Пока же мы предварительно датируем время существования памятников катакомбной культуры бассейна Верхнего Дона в рамках середины – конца III тыс. до н.э., более точная хронологическая привязка выделяемых нами этапов, к сожалению, пока невозможна.

Памятники катакомбной культуры Верхнего Дона синхронизируются по времени со всеми этапами среднедонской катакомбной культуры Среднего Дона и волго-донской катакомбной культурой Нижнего Поволжья, памятниками бахмутского типа, позднедонецкими памятниками Северского Донца, а также фатьяновской культурой на севере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрение довольно значительного числа памятников катакомбной культуры на Верхнем Дону позволяет нам сделать следующие выводы:

1) На основе керамических материалов всех известных на сегодняшний день бытовых памятников катакомбной культуры бассейна Верхнего Дона мы разделили их на три хронологических этапа в соответствии с особенностями выявленного на них керамического материала: ранний этап, развитый и поздний, все они, в соответствии с радиоуглеродными датами, занимают приблизительный период с середины – до конца III тыс. до н.э. (XXVI-XXI вв. до н.э.), к сожалению, более точная хронологическая привязка каждого этапа пока невозможна.

2) Мы определили для Верхнего Дона следующие особенности топографического расположения бытовых памятников среднедонской катакомбной культуры:

– по результатам картографирования была установлена примерная северная граница проникновения носителей катакомбных традиций в бассейн Верхнего Дона на разных этапах, которая в целом практически не менялась, исключая последний (валиковый) этап, когда она продвигалась несколько севернее (до г. Лебедянь на р. Дон и стоянки Городок 1 на р. Ранова);

– население катакомбной культуры предпочитало при расселении более удобный бассейн р. Воронеж, в то же время освоенность Дона была минимальной: на разных хронологических этапах большинство из них локализуется практически на одних и тех же местах (район Острой Луки под Задонском, низовья р. Ведуга). Выбор места предопределялся, прежде всего, удобством организации хозяйственной деятельности. Особенно выделяется в этом отношении интересный комплекс памятников катакомбной культуры в районе Острой Луки (излучина р. Дон около г. Задонска), представляющих собой уникальный историко-географический регион;

– показательным моментом для выяснения принципов расселения, на наш взгляд, является и распределение памятников по группам «основное русло – приток». Анализируя с этих позиций данные картографирования, видно, что поселения раннего этапа приурочены к основному руслу рр. Дон и Воронеж (79,2%!), а на последующих этапах начинается освоение притоков, т.е. на раннем этапе население осваивало только берега рр. Воронеж и Дон, во второй хронологический промежуток начинается освоение устьевых участков притоков, а на позднем – проникновение в среднее и верхнее течение последних, что было predeterminedено ростом удельного веса скотоводства в хозяйственном укладе;

– при оценке особенностей топографического расположения памятников, надлежит отметить, что население, их оставившее, предпочитало на раннем этапе заселяться на дюнах (50% памятников) и на высоких мысах (22,9%), а на позднем – на низких участках: террасах (43,7%) и дюнах (40,8%), для второго же этапа количество памятников на дюнах, низких террасах и высоких мысах примерно одинаковое. По нашему мнению, это связано с аридизацией климатических условий на раннем этапе и активизацией скотоводческой хозяйственной деятельности на последующих. Культурный слой на бытовых памятниках катакомбной культуры Верхнего Дона практически для всех этапов достаточно слабо насыщен находками.

3) Обращаясь к особенностям керамического материала, следует обратить внимание на своеобразие посуды раннего этапа, который в пределах территории Верхнего Дона имеет два локальных проявления (верхнедонской и терновской типы). Это обусловлено влиянием на складывание местных катакомбных традиций энеолитических культур. В связи с этим мы предлагаем выделить верхнедонской тип катакомбной культуры, основными особенностями которого, являются:

- горшковидные сосуды с невысоким плавноотогнутым венчиком и выпуклым туловом, с дном небольшого диаметра. В орнаментации посуды преобладает веревочная и гребенчатая орнаментация в различных композициях. Особенностью орнаментации является наличие «жемчужин» по шейке сосуда;

- наличие бескурганного обряда захоронения, в ямах, и реже – в катакомбах;
- доминирование присваивающих форм экономики в хозяйстве.

Исходя из этого мы предполагаем, что заселение территории населением катакомбной культуры происходило волнообразно: если вначале в нём участвовали носители донецких катакомбных традиций, то появление памятников с валиковой орнаментацией, видимо, уже связано с колонизацией Верхнего Дона носителями среднедонской катакомбной культуры непосредственно пришедших с территории Среднего Дона. Пока неясна дальнейшая судьба своеобразного верхнедонского типа, но имеющиеся данные (поздняя курильница в постройке с керамикой раннего типа) свидетельствуют о связи населения, его оставившего, с носителями среднедонской катакомбной культуры. При этом определить что это было – обособление и сосуществование или поглощение – однозначно сказать пока не представляется возможным. Можно лишь предположить, что на Верхнем Дону в условиях лесостепи катакомбное население под воздействием внешних южных импульсов переживало постоянную трансформацию, что в итоге и вылилось в формирование своеобразных материалов, родственных катакомбной общности, но впитавших в себя ряд элементов предшествующих культур (форму посуды, орнаментацию, погребальный обряд, хозяйственный уклад), что и послужило основанием для выделения верхнедонского типа культуры.

4) Общее количество памятников позднего этапа сокращается, кроме того, как мы отмечали, они располагаются на притоках (40,8%): это может свидетельствовать об оттоке катакомбного населения с территории Верхнего Дона и оставлении территории, прилегающей к основным руслам, под давлением этнически чуждого населения, представленного, по нашему мнению, носителями срубной культуры.

5) Погребальные памятники среднедонской катакомбной культуры разделяются на две группы: подкурганные и грунтовые, в которых, в свою очередь, выделяются типы. В целом, численность погребальных памятников в сравнении с бытовыми невелика, что явно свидетельствует в пользу какого-то принципиально

иною нефиксируемого археологически погребального обряда. В пользу такого предположения свидетельствует и такой факт: курганных насыпей на территории Верхнего Подонья исследовано уже более двух десятков, но при этом погребений катакомбной культуры в них выявлено всего четыре. На наш взгляд, следует предполагать в перспективе открытие значительно большего количества грунтовых погребений, что подтверждают результаты исследования грунтового могильника на поселении Ксизово 19 и могильника у с. Ровенка. Данное обстоятельство свидетельствует о значительной роли как местного энеолитического населения, так и других местных и неместных культур бронзового века в генезисе носителей катакомбной традиции верхнедонского региона. Таковыми могли быть, к примеру фатьяновская и поздняя культура. Факт такого взаимодействия – ещё один из важных аргументов в пользу выделения верхнедонского типа катакомбной культуры.

6) Подводя итоги рассмотрению вопроса о хозяйстве населения среднедонской катакомбной культуры, следует отметить, что оно представляется в основе своей как производящее, преимущественно скотоводческое, развивающееся в соответствии с природно-климатическими условиями лесостепи. Причем основной особенностью развития хозяйства населения катакомбной культуры Верхнего Дона был значительный удельный вес присваивающих форм хозяйства.

7) Имеются отдельные факты наличия собственной металлообработки у катакомбного населения Верхнего Дона, хотя таких ярких памятников, как, например, Мосоловское поселение металлургов-литейщиков срубной культуры, неизвестно. Единичны и находки уже готовой продукции из бронзы, что свидетельствует об их большой ценности.

8) Освоение Верхнего Дона населением катакомбной культуры началось во второй четверти III тыс. до н.э., здесь оно вступает в контакт с носителями пережиточно-неолитической (рыбноозерской) культуры и энеолитических репинской и иванобугорской культур. Особенно четко взаимные контакты прослеживаются (по керамическому материалу) с репинским населением: у последней на заключи-

тельной стадии развития появляются плоскодонные сосуды и шнуровой орнамент, а, в свою очередь, у носителей катакомбной культуры в керамике встречаются сосуды с яйцевидным туловом, появляются «жемчужины» по краю венчика и т.д. Итогом взаимодействия носителей среднедонской катакомбной культуры с племенами энеолита и ранней бронзы является формирование синкретических этнокультурных образований, отразившихся археологически в группе памятников так называемого «терновского» и верхнедонского типов, т.е. памятников, где очень тесно переплетаются ямные, репинские и катакомбные традиции. Влияние же катакомбных традиций на иванобугорскую культуру, по мнению А.Т. Синюка, положило начало воронежской культуре.

9) В дальнейшем население катакомбной культуры оказывало влияние уже непосредственно на воронежскую культуру. Синхронность сосудов воронежской культуры поздним материалам катакомбной подтверждена совместным нахождением сосудов этих культур в рамках единых погребальных комплексов, которые позволяют предполагать, что население воронежской культуры находилось в подчиненном положении по отношению к носителям катакомбной культуры.

Позже среднедонская катакомбная культура вступает в контакты с абашевской. Опосредовано через абашевские племена катакомбное влияние проявляется и в срубных древностях.

Таким образом, на ранних этапах существования среднедонская катакомбная культура вступила в тесное взаимодействие с пережиточно-неолитическими и энеолитическими племенами. Как мы видим, оно не прошло бесследно, и в дальнейшем катакомбные традиции очень долгое время доминировали в лесостепном Подонье. В связи с чем можно предполагать их хронологическое сосуществование (особенно на территории Верхнего Дона) с носителями нео- и энеолитического уклада, вплоть до распространения срубной культурной общности.

В ходе работы на диссертационным исследованием возник и ряд вопросов, требующих дальнейшей разработки: это степень и характер взаимодействия с племенами воронежской, а на заключительном этапе – с абашевской и срубной

культурами; более конкретное определение социальной стратификации катакомбного населения на Верхнем Дону; обусловленность причин появления и возможного преобладания грунтового обряда захоронения; оценка статуса и роли верхнедонских катакомбных племен в среде культур всего катакомбного мира в целом и лесостепного Подонья в частности.

Возможно, многие из них будут решены после расширения источниковой базы причем не только по катакомбной культуре и синхронным ей древностям, но и предшествующим ей и последующим, с максимальным привлечением данных естественных наук.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

1. *Андреев С.И.* Отчёт о проведении разведочных работ в бассейне р. Воронеж в пределах Липецкого района и в бассейне р. Перехвалка в пределах Данковского района Липецкой области (1997 г.) / С.И. Андреев // Архив ИА РАН. Р- 1. №21083. – 250 л.
2. *Андреев С.И.* Отчёт о проведении разведочных работ по реке Воронеж в пределах Липецкого района Липецкой области (1998 г.) / С.И. Андреев // Архив ИА РАН. Р-1. №21745. – 70 л.
3. *Андреев С.И.* Отчет о проведении разведочных работ по р.Воронеж в пределах Липецкого и Добринского районов Липецкой области и Мичуринского района Тамбовской области в 1999 г. / С.И. Андреев // Архив ИА РАН. Р-1. №23213. – 107 л.
4. *Антипина Е.Е.* Отчёт о результатах археозоологического исследования остеологических материалов из раскопок 2002 года на Балахнинском поселении (Липецкая область Задонский район) 2006 г. / Е.Е. Антипина // Архив кабинета археологии и этнологии ЛГПУ.
5. *Березуцкий В.Д.* Отчет о раскопках курганов Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской области в 1985 г. / В.Д. Березуцкий // Архив ИА РАН. Р-1. №11856. – 30л.
6. Березуцкий В.Д. Отчёт об археологических исследованиях в Воронежской области в 1990 г. / В.Д. Березуцкий // Архив ИА РАН. Р-1. №13298. – 45 л.
7. *Березуцкий В.Д.* Отчёт об археологических исследованиях в Воронежской и Тамбовской областях в 1991 г. / В.Д. Березуцкий // Архив ИА РАН. Р-1. №16606. – 63 л.
8. *Березуцкий В.Д.* Отчёт об археологических исследованиях в Воронежской области в 1996 г. / В.Д. Березуцкий // Архив ИА РАН. Р-1. №19781. – 101 л.

9. *Беседин В.И.* Отчёт кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского университета о разведке по р. Усмань в Воронежской области в 1979 г. / В.И. Беседин // Архив ИА РАН. Р-1. № 7715. – 70 л.
10. *Беседин В.И.* Отчёт об исследованиях Воргольского и Семилукского городищ в 1981 г. / В.И. Беседин // Архив ИА РАН. Р-1. № 8436. – 58 л.
11. *Бессуднов А.Н.* Отчёт о разведочных работах в Хлевенском районе в 1988 г. / А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН. Р-1. №13036. – 61 л.
12. *Бессуднов А.Н.* Отчёт о раскопках многослойного поселения Студёновка 3 в 1988 г. / А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН. Р-1. №13037. – 33 л.
13. *Бессуднов А.Н.* Отчёт о разведочных работах экспедиции Липецкого госпединститута в 1989 г. в бассейне р. Воронеж / А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН. Р-1. №13642. – 39 л.
14. *Бессуднов А.Н.* Отчёт о раскопках многослойного поселения Студёновка 3 в 1989 г. / А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН. Р-1. №14782. – 40 л.
15. *Бессуднов А.Н.* Отчёт о разведке в Хлевенском районе Липецкой области в 1990 г. / А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН. Р-1. №14913. – 23 л.
16. *Бессуднов А.Н.* Отчёт об охранных раскопках многослойного поселения Курино I у с. Курино Хлевенского района Липецкой области в 1991 г. / А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН. Р-1. №16456. – 224 л.
17. *Бессуднов А.Н.* Отчёт о разведочных работах экспедиции Липецкого госпединститута в 1993 г. в Усманском районе Липецкой области в левобережной части р. Воронеж / А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН. Р-1. №18120. – 59 л.
18. *Бессуднов А.Н.* Отчёт о разведочных работах экспедиции Липецкого госпединститута в 1994 г. по р. Боровица в Усманском районе Липецкой области / А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН. Р-1. №18037. – 92 л.
19. *Бессуднов А.Н.* Отчёт о проведении разведочных работ на территории Липецкой области в 2009 году / А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН.
20. *Бирюков И.Е.* Отчёт о раскопках поселения Чертовицкое VI и разведках по р. Оскол в Курской области и р. Девица в Воронежской области в 1990 г. / И.Е. Бирюков // Архив ИА РАН. Р-1. №14961. – 32 л.

21. *Бирюков И.Е.* Отчёт отряда археологической экспедиции Липецкого госпединститута о изучении памятников раннего железного века в Липецкой области в 1991 г. / И.Е. Бирюков // Архив ИА РАН. Р-1. №17034. – 83 л.
22. *Бирюков И.Е.* Отчёт археологического отряда Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области по изучению памятников раннего железного века в Липецкой области в 1994 г. / И.Е. Бирюков // Архив ИА РАН. Р-1. №19026. – 41 л.
23. *Бирюков И.Е.* Отчёт отряда по изучению памятников раннего железного века археологической экспедиции Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области в 1995 г. / И.Е. Бирюков // Архив ИА РАН. Р-1. №19237. – 47 л.
24. *Бирюков И.Е.* Отчёт отряда по изучению памятников раннего железного века археологической экспедиции липецкой Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области в 1997 г. / И.Е. Бирюков // Архив ИА РАН. Р-1. №21404. – 84 л.
25. *Бирюков И.Е.* Отчёт археологической экспедиции Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области в 1998 г. / И.Е. Бирюков // Архив ИА РАН. Р-1. №21956. – 66 л.
26. *Бирюков И.Е.* Отчёт об исследовании Липецкого городища в центре г.Липецка Липецкой области в 2005 г. / И.Е. Бирюков // Архив ИА РАН. Р-1. №33307. – 187 л.
27. *Бражникова С.И.* Отчёт к Открытому листу №93 об археологических исследованиях в Добровском районе Липецкой области (бассейн р. Воронеж) в 1988 году / С.И. Бражникова // Архив ИА РАН. Р-1. №13079. – 20 л.
28. *Бражникова С.И.* Отчёт о разведочных работах в Добровском районе в 1989 г. / С.И. Бражникова // Архив ИА РАН. Р-1. №13858. – 11 л.
29. *Винников А.З.* Отчёт славянского отряда археологической экспедиции ВГУ за 1970 г. / А.З. Винников // Архив ИА РАН. Р-1. № 4489. О. № 4335. – 24 л.

30. *Винников А.З.* Отчёт о работе славянского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1972 г. / А.З. Винников // Архив ИА РАН. Р-1. № 4950. О. № 4870. – 34 л.
31. *Винников А.З.* Отчёт о работе славянского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1974 г. / А.З. Винников // Архив ИА РАН. Р-1. № 5786. О. № 5691. – 68 л.
32. *Винников А.З.* Отчёт о работе славянского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1976 г. / А.З. Винников // Архив ИА РАН. Р-1. № 6438. – 98 л.
33. *Винников А.З.* Отчёт о работе славянского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1986 г. / А.З. Винников // Архив ИА РАН. Р-1. № 11762. О. № 11600. – 191 л.
34. *Винников А.З.* Отчёт о работе славянского отряда археологической экспедиции ВГУ в 1989 г. Липецкая область / А.З. Винников // Архив ИА РАН. Р-1. № 16771. О. № 16576. – 41 л.
35. *Гак Е.И.* Отчёт об охранных археологических раскопках поселений Рыкань-3 и Рыкань-8 в Новоусманском районе Воронежской области в 2009 году / Е.И. Гак // Архив ИА РАН. Р-1. №37437. – 223 л.
36. *Гак Е.И.* Отчёт об археологических раскопках поселения Рыкань-3 вблизи с. Рыкань Новоусманского района Воронежской области в 2010 году / Е.И. Гак // Архив ИА РАН.
37. *Гак Е.И.* Отчёт о раскопках поселения Рыкань-3 в 2011 году / Е.И. Гак // Архив ИА РАН. Р-1. №29498. – 114 л.
38. *Гак Е.И.* Отчёт о раскопках поселения Рыкань-3 в 2012 году / Е.И. Гак // Архив ИА РАН. Р-1. №34311. – 142 л.
39. *Гак Е.И.* Отчёт об археологических раскопках поселения Рыкань-3 вблизи с. Рыкань Новоусманского района Воронежской области в 2013 году / Е.И. Гак // Архив ИА РАН.
40. *Голотвин А.Н.* Отчёт о разведке по р. Дон в пределах Семилукского района Воронежской области в 2006 году / А.Н. Голотвин // Архив ИА РАН.

41. *Голотвин А.Н.* Отчёт о раскопках городища «Чернышева гора» на р. Дон в Семилукском районе Воронежской области в 2007 году / А.Н. Голотвин // Архив ИА РАН.
42. *Гурин Ю.Г.* Отчёт о проведении археологической разведки в бассейне р. Олым Воловского района Липецкой области в 1995 году / Ю.Г. Гурин // Архив ИА РАН. Р-1. №19189. – 21 л.
43. *Дубровский П.Я.* Отчёт об археологической разведке по р. Студенке в Усманском районе Липецкой области в 1991 г. / П.Я. Дубровский // Архив ИА РАН. Р-1. №17158. – 17 л.
44. *Дубровский П.Я.* Отчёт об охранных раскопках многослойного поселения 1 у ур. Пристань Усманского района Липецкой области в 1993 году / П.Я. Дубровский // Архив ИА РАН. Р-1. №18508. – 14 л.
45. *Дубровский П.Я.* Отчёт археологического отряда ЛГПИ о раскопках многослойного поселения 1 у с. Первомайское лесничество в Усманском районе Липецкой области в 1994 году / П.Я. Дубровский // Архив ИА РАН. Р-1. №18593. – 48 л.
46. *Екимов Ю.Г.* Отчёт о разведке по рекам Снова и Кобылья Снова в Задонском районе Липецкой области в 1976 году / Ю.Г. Екимов // Архив ИА РАН. Р-1. № 6764. – 34 л.
47. *Земцов Г.Л.* Отчёт о проведении археологических работ в бассейне р. Снова Задонского района Липецкой области в 2000 году / Г.Л. Земцов // Архив ИА РАН. Р-1. №25236. – 84 л.
48. *Земцов Г.Л.* Отчёт о проведении археологических работ в Задонском, Елецком и Краснинском районах Липецкой области экспедицией Липецкого государственного педагогического университета в 2001 году / Г.Л. Земцов // Архив ИА РАН. Р-1. №25863, 25864. – 195 л., 198 илл.
49. *Земцов Г.Л.* Отчёт о проведении археологических работ в Задонском районе Липецкой области экспедицией Липецкого государственного педагогического университета в 2002 году / Г.Л. Земцов // Архив ИА РАН. Р-1. №28007. – 265 л.

50. *Земцов Г.Л.* Отчёт о проведении археологических работ в Задонском, Воловском и Долгоруковском районах Липецкой области экспедицией Липецкого государственного педагогического университета в 2004 году / Г.Л. Земцов // Архив ИА РАН. Р-1. №28013. – 213 л.
51. *Земцов Г.Л.* Отчёт о проведении археологических работ в Задонском районе Липецкой области в 2005 году / Г.Л. Земцов // Архив ИА РАН. Р-1. №28012. – 253 л.
52. *Зиньковская И.В.* Отчёт о разведочных работах в бассейне р. Воронеж в Липецкой области в 2007 году / И.В. Зиньковская // Архив ИА РАН.
53. *Ивашов М.В.* Отчёт о проведении разведочных работ в бассейне р. Семёновка в пределах Грязинского района Липецкой области (1996) / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН. Р-1. №20157. – 16 л.
54. *Ивашов М.В.* Отчёт о проведении разведочных работ в бассейне р. Семёновка в пределах Грязинского района Липецкой области (1997) / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН. Р-1. №21270. – 12 л.
55. *Ивашов М.В.* Отчёт о работах археологической экспедиции Липецкого госпединститута в Задонском районе Липецкой области в 1998 году / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН. Р-1. №21677. – 38 л.
56. *Ивашов М.В.* Отчёт об охранных раскопках многослойного поселения Замятино 10 у с. Замятино в Задонском районе Липецкой области в 1999 году / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН. Р-1. №23247. – 103 л.
57. *Ивашов М.В.* Отчёт к Открытому листу №223 об охранных исследованиях поселения Замятино 10 в Задонском районе Липецкой области в 2000 году / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН. Р-1. №25228. – 119 л.
58. *Ивашов М.В.* Отчёт к Открытому листу №899 об исследованиях многослойного поселения Замятино 10 у с. Замятино в Задонском районе Липецкой области в 2001 году / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН. Р-1. №25939. – 146 л.
59. *Ивашов М.В.* Отчёт к Открытому листу №594 об исследованиях многослойного поселения Балахнинское у с. Балахна в Задонском районе Липецкой области в 2002 г. / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН. Р-1. №27416. – 149 л.

60. *Ивашов М.В.* Отчёт к Открытому листу №413 о проведении археологических исследований на Никольском грунтовом могильнике эпохи бронзы в Задонском районе Липецкой области в 2006 году / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН. Р-1. №27212. – 103 л.
61. *Ивашов М.В.* Отчёт к Открытому листу №859 о проведении археологических исследований на многослойном поселении Буховое 9 в Добровском районе Липецкой области в 2006 году / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН. Р-1. №27152. – 192 л.
62. *Ивашов М.В.* Отчёт о проведении охранных спасательных археологических работ на участке строительства многоэтажного жилого здания на пересечении ул. Неделина и Фрунзе в исторической части г. Липецка в 2008 году (в 3-х томах) / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН.
63. *Ивашов М.В.* Отчёт к Открытому листу №661 о проведении разведочных работ на территории г. Липецка и Грязинского района Липецкой области в 2010–2011 гг. / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН.
64. *Ивашов М.В.* Отчёт о проведении археологических исследований на Никольском грунтовом могильнике эпохи бронзы в Задонском районе Липецкой области в 2010 году / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН.
65. *Ивашов М.В.* Отчёт о проведении археологических исследований на многослойном поселении Буховое 10 в Чаплыгинском районе Липецкой области в 2012 году. Липецк, 2015 / М.В. Ивашов // Архив ИА РАН.
66. *Клоков А.Ю.* Отчёт о работах Верхне-Донского археологического отряда Липецкого областного краеведческого музея в 1982 году / А.Ю. Клоков // Архив ИА РАН. Р-1. № 9180. – 111 л.
67. *Клоков А.Ю.* Отчёт о разведках в бассейне Верхнего Дона, проводившихся отрядом Липецкого областного краеведческого музея в 1983 году / А.Ю. Клоков // Архив ИА РАН. Р-1. №10463. – 29 л.
68. *Клоков А.Ю.* Отчёт о работах Верхне-Донского археологического отряда Липецкого областного краеведческого музея в 1985 году / А.Ю. Клоков // Архив ИА РАН. Р-1. №11764. – 24 л.

69. *Ковалевский В.Н.* Отчёт о разведке по р. Еманча в Хохольском районе Воронежской области в 1993 году / В.Н. Ковалевский // Архив ИА РАН. Р-1. № 18535. – 78 л.
70. *Ковалевский В.Н.* Отчёт о разведке в Семилукском и Рамонском районах по реке Трещевка в 1995 г. / В.Н. Ковалевский // Архив ИА РАН. Р-1. №19546. – 5 л.
71. *Козмирчук И.А.* Отчёт о проведение спасательных работ в 1990 году при раскопках кургана 1 у с. Филатовка Добровского района Липецкой области / И.А. Козмирчук // Архив ИА РАН. Р-1. №16105. – 19 л.
72. *Козмирчук И.А.* Отчёт о разведочных работах в бассейне р. Дон в Хлевенском районе Липецкой области в 1990 г. / И.А. Козмирчук // Архив ИА РАН. Р-1. №16153. – 39 л.
73. *Козмирчук И.А.* Отчёт о разведочных работах 1992 г. по р. Воронеж в Усманском районе Липецкой области / И.А. Козмирчук // Архив ИА РАН. Р-1. №17275. – 152 л.
74. *Кудрявцева Е.Ю.* Отчёт о разведке по реке Воронеж в Липецком районе Липецкой области в 1988 году / Е.Ю. Кудрявцева // Архив ИА РАН. Р -1. № 13275. – 84 л.
75. *Клюкойть А.А.* Отчёт о разведочных исследованиях в Липецкой области в 2008 году / А.А. Клюкойть // Архив ИА РАН.
76. *Лаврушин Ю.А.* Геолого-экологическое обоснование реконструкции природной среды времени обитания первобытного человека в неолите-бронзе на археологическом памятнике Ксизово-6 в Задонском районе Липецкой области. 2005 год / Ю.А. Лаврушин, Е.А. Спиридонова // Архив кабинета археологии и этнологии ГОУ ВПО ЛГПУ.
77. *Лебедева Е.Ю.* Отчёт о результатах археоботанического анализа образцов из Балахнинского поселения в 2006 году / Е.Ю. Лебедева // Архив кабинета археологии и этнологии ЛГПУ.

78. *Левенок В.П.* Археологический отчёт о полевых работах Верхне-Донского экспедиционного отряда ЛО ИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1959 г. / В.П. Левенок // Архив ИА РАН. Р -1. № 1898, 1898 а, б.
79. *Левенок В.П.* Отчёт о полевых работах Верхне-Донской экспедиции ЛО ИА АН СССР и Липецкого краеведческого музея в 1960 году / В.П. Левенок // Архив ИА РАН. Р -1. № 2225, 2225 а, б.
80. *Левенок В.П.* Отчёт о полевых работах Верхне-Донской экспедиции ЛО ИА АН СССР и Липецкого краеведческого музея в 1962 году / В.П. Левенок // Архив ИА РАН. Р -1. № 2552, 2552 а.
81. *Левенок В.П.* Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции в Липецкой, Брянской и Черниговской областях в 1963 году / В.П. Левенок // Архив ИА РАН. Р -1. № 2812, 2812 а.
82. *Левенок В.П.* Отчёт об археологических раскопках Верхне-Донской экспедиции в 1964 году / В.П. Левенок // Архив ИА РАН. Р -1. № 2943, 2943 а.
83. *Левенок В.П.* Отчёт о полевых работах Верхне-Донского отряда в 1965 году / В.П. Левенок // Архив ИА РАН. Р -1. № 3173, 3173 а.
84. *Левенок В.П.* Отчёт о полевых работах Верхне-Донского отряда в 1966 году / В.П. Левенок // Архив ИА РАН. Р -1. № 3418, 3418 а.
85. *Левенок В.П.* Отчёт о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции в 1967 году / В.П. Левенок // Архив ИА РАН. Р -1. № 3613, 3613 а.
86. *Левенок В.П.* Отчёт о работах Верхне-Донской новостроечной экспедиции в 1968 году / В.П. Левенок // Архив ИА РАН. Р -1. № 4002, 4002 а.
87. *Матвеев Ю.П.* Отчёт об археологических раскопках в 1977 г. / Ю.П. Матвеев // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 6822, 6822а.
88. *Матвеев Ю.П.* Отчет об археологических раскопках поселений среднедонской катакомбной культуры на территории Бобровского, Новоусманского и Рамонского р-нов Воронежской обл. в 1979 г. / Ю.П. Матвеев // Архив ИА РАН. Р-1. № 7383. – 29 л.
89. *Матвеев Ю.П.* Отчёт о раскопках могильника «Частые курганы» в 1981 году / Ю.П. Матвеев // Архив ИА РАН. Р-1. № 8616. – 112 л.

90. *Матвеев Ю.П.* Отчёт о раскопках курганов у хут. Шкарин и у с. Малые Горки на территории Воронежской области в 1989 году / Ю.П. Матвеев // Архив ИА РАН. Р-1. № 14339. – 75 л.
91. *Матвеев Ю.П.* Отчёт о раскопках городищ «Егеревский кордон» и «Кузнецовское» в 1995 году / Ю.П. Матвеев // Архив ИА РАН. Р-1. № 19674. – 49 л.
92. *Медведев А.П.* Отчёт об археологической разведке по р. Воронеж в Рамонском районе Воронежской области в 1977 году / А.П. Медведев // Архив ИА РАН. Р-1. № 6682. – 26 л.
93. *Медведев А.П.* Отчёт отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века в 1979 году / А.П. Медведев // Архив ИА РАН. Р-1. № 7447. – 178 л.
94. *Мельников Е.Н.* Отчёт к открытому листу №716 об археологических исследованиях в Добринском районе Липецкой области в 2003 году / Е.Н. Мельников // Архив ИА РАН. Р-1. №28635. – 69 л.
95. *Моисеев А.В.* Отчёт о раскопках в Задонском районе Липецкой области в 2011 году / А.В. Моисеев // Архив ИА РАН.
96. *Москаленко А.Н.* Отчет к открытому листу № 11 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притоках в пределах Воронежской и Сталинградской областей в 1949 году / А.Н. Москаленко // Архив ИА РАН. Р1. № 326.
97. *Москаленко А.Н.* Отчёт об археологических разведках в дер. Никольское Водопьяновского района и на территории Гремяченского района Воронежской области в 1950 году / А.Н. Москаленко // Архив ИА РАН. Р-1. № 527. – 27 л.
98. *Москаленко А.Н.* Отчёт о раскопках на Титчихинском и Воргольском городищах в 1961 году / А.Н. Москаленко // Архив ИА РАН. Р-1. № 2285. – 98 л.
99. *Москаленко А.Н.* Отчёт к Открытому листу №89 на право производства археологических раскопок на Белогорском городище и Белогорском могильнике Рамонского района Воронежской области в 1967 году / А.Н. Москаленко // Архив ИА РАН. Р-1. № 3516. – 28 л.

100. *Обломский А.М.* Отчёт о раскопках раннеславянской экспедиции на многослойных памятниках у с. Ксизово в Задонском районе Липецкой области в 2003 году / А.М. Обломский // Архив ИА РАН. Р-1. №31795. – 260 л.
101. *Обломский А.М.* Отчёт о раскопках раннеславянской экспедиции на многослойных памятниках у с. Ксизово Задонского района Липецкой области и о разведках в его окрестностях в 2004 году / А.М. Обломский // Архив ИА РАН. Р-1. №30961, №30692. – 75 л., 218 илл.
102. *Обломский А.М.* Отчёт о раскопках раннеславянской экспедиции на многослойных памятниках у с. Ксизово в Задонском районе Липецкой области в 2005 году / А.М. Обломский // Архив ИА РАН. Р-1. №30958, 30959. – 153л., 221 илл.
103. *Обломский А.М.* Отчет о раскопках и разведках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2011 г. в Добровском р-не Липецкой области / А.М. Обломский // Архив ИА РАН.
104. *Обломский А.М.* Отчет о раскопках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2012 г. на поселении Кривец-4 Добровского р-на Липецкой области / А.М. Обломский // Архив ИА РАН. Р-1. №35235. – 225 л.
105. *Обломский А.М.* Отчет о раскопках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2013 г. на поселениях Ярок-5 и Ново-Никольское 5 в Мичуринском районе Тамбовской области / А.М. Обломский // Архив ИА РАН.
106. *Подгаецкий Г.В.* Предскифский период на Среднем Дону. Рукопись диссертации на соискание степени кандидата исторических наук / Г.В. Подгаецкий // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 12.
107. *Пряхин А.Д.* Отчет о раскопках Воргольского городища в Липецкой обл. и разведочных работах в пределах Липецкой и Воронежской областей 1964 год / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 2896. – 135 л.
108. *Пряхин А.Д.* Отчет об обследовании памятников эпохи неолита и бронзы на территории Верхнего и Среднего Подонья, Воронежской обл. 1965 года / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 3051. – 77 л.
109. *Пряхин А.Д.* Отчёт о работах археологической экспедиции ВГУ в 1967 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 3431, 3431а.

110. *Пряхин А.Д.* Отчёт археологической экспедиции ВГУ по обследованию памятников эпохи бронзы в 1968 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 3674, 3674а.
111. *Пряхин А.Д.* Отчёт археологической экспедиции ВГУ и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах в 1969 году по обследованию памятников неолита-поздней бронзы / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. . Р-1. № 4302. – 319 л.
112. *Пряхин А.Д.* Отчёт о раскопках Шиловского поселения в 1970 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 4145, 4145 а. – 121 л.
113. *Пряхин А.Д.* Отчёт об археологических исследованиях памятников периода поздней бронзы в Воронежской области в 1971 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 4507, 4507а.
114. *Пряхин А.Д.* Отчёт о работе археологической экспедиции ВГУ в 1973 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 5045, 5045а.
115. *Пряхин А.Д.* Отчет о работе археологической экспедиции ВГУ у с. Подклетного Семилукского р-на Воронежской обл. 1976 год / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 6217. – 141 л.
116. *Пряхин А.Д.* Отчёт о работе археологической экспедиции ВГУ по раскопкам памятников эпохи бронзы. 1977 год / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 6749. – 113 л.
117. *Пряхин А.Д.* Отчет кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ об исследовании Мосоловского поселения на р. Битюг и Подклетненского курганного могильника. Воронежская обл. 1978 год / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 6980. – 98 л.
118. *Пряхин А.Д.* Отчет о полевых археологических исследованиях кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского университета. Липецкая обл. в 1980 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 7720. – 180 л.
119. *Пряхин А.Д.* Отчет об исследованиях Мосоловского поселения в Аннинском районе и Подклетненского могильника под г. Воронежем. Воронежская обл. в 1982 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 9049. – 135 л.

120. *Пряхин А.Д.* Отчёт об исследованиях Мосоловского поселения и Семилукского городища в 1984 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 10198. 122 л.
121. *Пряхин А.Д.* Отчёт об исследованиях Семилукского городища в 1985 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 10877. – 138 л.
122. *Пряхин А.Д.* Отчёт о раскопках Семилукского городища в 1986 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 11271. – 125 л.
123. *Пряхин А.Д.* Отчет об исследованиях Семилукского городища в Воронежской обл. и раскопках Воргольского городища в Липецкой обл. 1987 году / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 11997. – 99 л.
124. *Пряхин А.Д.* Отчёт о раскопках Семилукского городища. 1990 год / А.Д. Пряхин // Архив ИА РАН. Р-1. № 15812. – 106 л.
125. *Разуваев Ю.Д.* Отчёт о разведке по рекам Ведуга и Хворостань в Воронежской области в 1987 году / Ю.Д. Разуваев // Архив ИА РАН. Р-1. №12260. – 18 л.
126. *Разуваев Ю.Д.* Отчёт об исследованиях в бассейне р. Воронеж в Липецкой и Воронежской областях в 1988 году / Ю.Д. Разуваев // Архив ИА РАН. Р-1. №13177. – 66 л.
127. *Разуваев Ю.Д.* Отчёт об исследованиях в Воронежской области в 1989 году / Ю.Д. Разуваев // Архив ИА РАН. Р-1. N 13595. – 84 л.
128. *Разуваев Ю.Д.* Отчёт о раскопках в Воронежской и Липецкой областях в 1999 году / Ю.Д. Разуваев // Архив ИА РАН. Р-1. №23519. – 119 л.
129. *Саврасов А.С.* Отчёт отряда археологической экспедиции ВГУ по археологической разведке в бассейне р. Ведуга. 1985 год / А.С. Саврасов // Архив ИА РАН. Р-1. N 11744. – 39 л.
130. *Саврасов А.С.* Отчёт о разведке по р. Воргол в 1991 году / А.С. Саврасов // Архив ИА РАН. Р-1. №16399. – 11 л.
131. *Саврасов А.С.* Отчет о проведении археологической разведки по реке Дон в окрестностях города и села Семилуки Воронежской области в 2000 г. / А.С. Саврасов // Архив ИА РАН. Р-1. №24731. – 53 л.

132. *Сафонов И.Е.* Краткий научный отчёт об исследовании кургана «Мёртвая могила» на южной окраине г. Липецка в 2005 году / И.Е. Сафонов // Архив ОБУК Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области.
133. *Свиридов А.А.* Отчёт о проведении археологической разведки в бассейне р. Мартынчик Добровского района Липецкой области в 2004 году / А.А. Свиридов // Архив ИА РАН. Р-1. №27142. – 74 л.
134. *Свиридов А.А.* Отчёт о результатах археологической разведки в бассейне р. Воронеж в Чаплыгинском и Добровском районах Липецкой области в 2005 году / А.А. Свиридов // Архив ИА РАН. Р-1. №26325. – 73 л.
135. *Синюк А.Т.* Отчёт о работе Девицкого отряда археологической экспедиции ВГУ в 1967 году / А.Т. Синюк // Архив ИА РАН. Р-1. № 3573. – 32 л.
136. *Синюк А.Т.* Отчёт о работе неолитического отряда археологической экспедиции ВГУ в 1968 году / А.Т. Синюк // Архив ИА РАН. Р-1. № 3846. – 62 л.
137. *Синюк А.Т.* Археологические работы Тамбовского краеведческого музея в 1970 году / А.Т. Синюк // Архив ИА РАН. Р-1. № 4444. – 56 л.
138. *Синюк А.Т.* Отчёт о работе 1-го отряда Воронежской скифской экспедиции в 1974 году / А.Т. Синюк // Архив ИА РАН. Р-1. № 5689. – 51 л.
139. *Синюк А.Т.* Отчёт о работе 1-го отряда археологической экспедиции ВГУ в 1975 году / А.Т. Синюк // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 5816, 5816 а.
140. *Синюк А.Т.* Отчёт о раскопках экспедиции ВГПИ в бассейне Среднего Дона в 1986 году / А.Т. Синюк // Архив ИА РАН. Р-1. № 11315. – 377 л.
141. *Синюк А.Т.* Отчёт о раскопках экспедиции ВГПИ у хут. Мостище в Острогжском районе, курганов у с. Власовка в Грибановском районе Воронежской области в 1987 году / А.Т. Синюк // Архив ИА РАН. Р-1. № 12037. – 216 л.
142. *Синюк А.Т.* Отчёт о раскопках экспедиции Воронежского государственного педагогического института Власовского могильника в Грибановском и поселения Н.Сторожевое в Острогжском районах Воронежской области в 1988 году / А.Т. Синюк // Архив ИА РАН. Р-1. № 12767. – 60 л.

143. *Смолянинов Р.В.* Отчёт о разведочных работах в бассейне р. Становая Ряса в пределах Чаплыгинского района Липецкой области в 1998 году / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН. Р-1. №21718. – 70 л.
144. *Смолянинов Р.В.* Отчёт о разведочных работах в Чаплыгинском районе Липецкой области в 1999 году / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН. Р-1. №22632. – 102 л.
145. *Смолянинов Р.В.* Отчёт о проведении археологических исследований в Чаплыгинском районе Липецкой области в 2000 году / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН. Р-1. №24727. – 87 л.
146. *Смолянинов Р.В.* Отчёт о разведочных исследованиях на левом берегу р. Воронеж в пределах Грязинского района Липецкой области в 2001 году / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН. Р-1. №25353. – 74 л.
147. *Смолянинов Р.В.* Отчёт к Открытым листам №452 и № 891 об исследованиях многослойных поселений Карамышево 9 и Карамышево 5 у с. Карамышево в Грязинском районе Липецкой области в 2002 году / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН. Р-1. №27676. – 169 л.
148. *Смолянинов Р.В.* Отчёт об археологических работах у с. Карамышево в Грязинском районе Липецкой области в 2003 году / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН. Р-1. №25113. – 282 л.
149. *Смолянинов Р.В.* Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2004 году / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН. Р-1. №32273, 32374. – 194 л., 192 илл.
150. *Смолянинов Р.В.* Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2005 году / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН. Р-1. №27145-27148. – 193 л., 141 л., 147л., 281 илл.
151. *Смолянинов Р.В.* Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2007 году / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН. Р-1. №27214. – 112 л.
152. *Смолянинов Р.В.* Отчёт о разведочных работах в Добровском районе Липецкой области в 2011-2012 годах / Р.В. Смолянинов // Архив ИА РАН.

153. *Сурков А.В.* Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2007 году / А.В. Сурков // Архив ИА РАН. Р-1. №27144. – 192 л.
154. *Сурков А.В.* Отчёт о раскопках стоянки Ямное в Рамонском районе Воронежской области в 2007 году / А.В. Сурков // Архив ИА РАН.
155. *Сурков А.В.* Отчёт о раскопках в Воронежской и Белгородской областях в 2008 году / А.В. Сурков // Архив ИА РАН.
156. *Сурков А.В.* Отчёт о раскопках стоянки Ямное в Рамонском районе Воронежской области в 2009 году / А.В. Сурков // Архив ИА РАН. Р-1. №37888. – 148 л.
157. *Сурков А.В.* Отчёт о раскопках стоянки Ивница в Рамонском районе Воронежской области в 2010 году / А.В. Сурков // Архив ИА РАН.
158. *Тихонов Б.Г.* Отчет Воронежской археологической экспедиции ИА АН СССР о раскопках в зоне строительства водохранилища на р. Воронеж в 1969 г. / Б.Г. Тихонов // Архив ИА РАН. Р-1. №3945, 3945а. – 18 л., 24 илл.
159. *Тихонов Б.Г.* Отчет о работе Воронежской археологической экспедиции в 1970 году / Б.Г. Тихонов // Архив ИА РАН. Р-1. №4230, 4230а.
160. *Тихонов Б.Г.* Отчёт о проведении археологических исследований в Липецкой и Воронежской областях в 1971 году / Б.Г. Тихонов // Архив ИА РАН. Р-1. №4493, 4493а. – 11 л., 33 илл.
161. *Тропин Н.А.* Отчёт об археологической разведке по реке Усманка в Рамонском районе Воронежской области в 1986 году / Н.А. Тропин // Архив ИА РАН. Р-1. № 11654. – 65 л.
162. *Тропин Н.А.* Отчёт о работах экспедиции Елецкого пединститута на территории Липецкой области в 1998 году / Н.А. Тропин // Архив ИА РАН. Р-1. №21656.
163. *Тропин Н.А.* Отчёт о раскопках поселения «Большой Липяг» в 1997 году / Н.А. Тропин // Архив ИА РАН. Р-1. №20852. – 51 л.
164. *Уваркин С.В.* Отчёт о проведении археологического исследования грунтового могильника эпохи бронзы у с. Ровенка Добринского района Липецкой области в 2008 году / С.В. Уваркин // Архив ИА РАН.

165. *Фоломеев Б.А.* Отчёт о работе Окско-Донской археологической экспедиции ГИМа за 1990 год в Чаплыгинском районе / Б.А. Фоломеев // Архив ИА РАН. Р-1. №15718-15720. – 134 л.
166. *Фоломеев Б.А.* Отчёт о работе Окско-Донской археологической экспедиции в 1991 году в Чаплыгинском районе / Б.А. Фоломеев // Архив ИА РАН. Р-1. №16450, 16451. – 53 л.
167. *Фосс М.Е.* Отчет о работе Лесостепной экспедиции в 1953 г. в Мичуринском районе Тамбовской области / М.Е. Фосс // Архив ИА РАН. Р-1. №828. – 53 л.
168. *Цыбин М.В.* Отчёт об исследованиях в Воронежской и Тамбовской областях в 1989 году / М.В. Цыбин // Архив ИА РАН. Р-1. №14432. – 42 л.
169. *Цыбин М.В.* Отчёт об исследованиях Семилукского городища в Воронежской области и разведке по р. Быстрая Сосна в Елецком районе Липецкой области в 1991 году / М.В. Цыбин // Архив ИА РАН. Р-1. №16468. – 13 л.
170. *Цыбин М.В.* Отчёт об исследованиях Семилукского городища в Воронежской области и разведке по р. Пальна в Липецкой области в 1992 году / М.В. Цыбин // Архив ИА РАН.
171. *Цыбин М.В.* Отчёт об исследованиях Семилукского городища в г. Семилуки Воронежской области в 1993 году / М.В. Цыбин // Архив ИА РАН. Р-1. №17346. – 16 л.
172. *Чивилёв В.А.* Отчёт об археологических исследованиях в 2001 году / В.А. Чивилёв // Архив ИА РАН. Р-1. №25300. – 155 л.
173. *Чивилёв В.А.* Отчёт об археологических исследованиях в 2002 году / В.А. Чивилёв // Архив ИА РАН. Р-1. №27920. – 58 л.
174. *Чуистова Л.И.* Отчёт об археологических исследованиях в Тамбовской области в 1970 году / Л.И. Чуистова // Архив ИА РАН. Р-1. №4273, 4273а. – 53 л.
175. *Чуистова Л.И.* Отчёт об археологических исследованиях в Тамбовской области в 1971 году / Л.И. Чуистова // Архив ИА РАН. Р-1. №4858, 4858а, 4858б. – 35 л.

176. *Чуистова Л.И.* Отчёт об археологических исследованиях в Тамбовской области в 1972 году / Л.И. Чуистова // Архив ИА РАН. Р-1. №4857, 4857а. – 31 л.

Список литературы

177. *Александровский А.Л.* Палеоэкология древнего человека по данным междисциплинарных исследований почв археологических памятников Верхнего Дона / А.Л. Александровский, А.А. Гольева // Археологические памятники лесостепного Придонья. Выпуск 1. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1996. – С. 176-183.
178. *Алексеев В.П.* Население эпохи бронзы на Среднем Дону / В.П. Алексеев // Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы на Среднем Дону. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. – С. 183-191.
179. *Алёкшин В.А.* Погребальный обряд как археологический источник / В.А. Алёкшин // КСИА. Вып. 167. – М.: Наука, 1981. – С. 3-9.
180. *Алёкшин В.А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по материалам Средней Азии и Ближнего Востока). / В.А. Алёкшин. – Л.: Наука, 1986. – 192 с.
181. *Алешинская А.С.* Природная среда лесной зоны Европейской России в эпоху бронзы / А.С. Алешинская, Е.А. Спиридонова // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. – Липецк: Изд-во ЛГПУ, 1999. – С. 99-101.
182. *Антонова Е.В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. / Е.В. Антонова. – М.: Наука, 1990. – 286 с.
183. *Антипина Е.Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты / Е.Е. Антипина // Новейшие археозоологические исследования в России. К 100-летию со дня рожд. В.И. Цалкина. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – С. 7-33.
184. *Антипина Е.Е.* Острая Лука Дона в эпоху бронзы: кости животных на поселении Балахнинское-2 / Е.Е. Антипина // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Выпуск 2. – М.: Ин-т археологии РАН, 2011. – С. 225-242.

185. *Антипина Е.Е.* Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия / Е.Е. Антипина, Е.Ю. Лебедева // РА. – 2005. – № 4. – С. 70-78.
186. *Антипина Е.Е.* «Ковбои» Восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке / Е.Е. Антипина, А. Моралес // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. №4. – М.: Ин-т археологии РАН, 2005. – С. 29-49.
187. *Аринчина Т.Ю.* Культовая керамика среднедонской катакомбной культуры / Т.Ю. Аринчина // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1988. – С. 74-88.
188. *Артамонов М.И.* Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 году / М.И. Артамонов // СА. – 1949. – XI. – С. 325-340.
189. *Атаманиченко Н.Д.* Археологическая разведка по реке Боровица в Усманском районе Липецкой области / Н.Д. Атаманиченко // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея М.П. Трунову. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1995. – С. 77.
190. *Ахтырцев А.Б.* Палеочерноземы Среднерусской лесостепи в позднем голоцене / А.Б. Ахтырцев, Б.П. Ахтырцев // Почвоведение. – 1994. – №5. – С. 14-24.
191. *Ахтырцев А.Б.* Разновозрастные палеочерноземы Новоусманского кургана / А.Б. Ахтырцев, Б.П. Ахтырцев, А.Д. Пряхин // Воронежский краевед. Вып. 1. – Воронеж, 1991. – С. 117-128.
192. *Бевз Н.С.* География Воронежской области / Н.С. Бевз, Н.И. Коржов, Г.Ф. Чистоклетов. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1973. – 93 с.
193. *Березуцкая Т.Ю.* Катакомбное погребение мастера – изготовителя стрел / Т.Ю. Березуцкая // Археология Доно-Волжского бассейна. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1993. – С. 47-52.
194. *Березуцкая Т.Ю.* Погребение среднедонской катакомбной культуры с сосудом фатьяновско-балановского облика / Т.Ю. Березуцкая // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1999. – С. 64-66.

195. *Березуцкая Т.Ю.* Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты / Т.Ю. Березуцкая. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2003. – 216 с.
196. *Берестнев С.И.* Восточнoукраинская степь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С.И. Берестнев. – Харьков: ПФ Ахмет, 2001. – 264 с.
197. *Беседин В.И.* Воронежская культура эпохи бронзы / В.И. Беседин // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – С. 60-77.
198. *Беседин В.И.* Погребения воронежской культуры эпохи бронзы / В.И. Беседин // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – С. 71-78.
199. *Беседин В.И.* Воронежская археологическая культуры эпохи средней бронзы / В.И. Беседин: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Киев, 1988.
200. *Беседин В.И.* Стратифицированное погребение репинской культуры Подгоренского могильника / В.И. Беседин, Ю.П. Матвеев // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – С. 134-141.
201. *Бессуднов А.Н.* Динамика заселения племенами срубной культуры территории Верхнего Дона / А.Н. Бессуднов, Е.Н. Мельников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара: ООО «НТЦ», 2001. – С. 207-213.
202. *Бессуднов А.Н.* Материалы бронзового века поселения Студёновка 3 на Верхнем Дону / А.Н. Бессуднов, М.В. Ивашов // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2002. – С. 34-41.
203. *Борисов А.В.* Палеоэкологические условия южной части Ергенинской возвышенности в эпохи ранней и средней бронзы / А.В. Борисов, В.А. Демкин, Н.И. Шишлина // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Часть I. – М.: Изд-во ГИМ, 2003. – С. 178-180.

204. *Бочкарев В.С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы / В.С. Бочкарёв. – СПб: Изд-во «Инфо Ол», 2010. – 231 с.
205. *Бочкарев В.С.* Археологические проблемы радиоуглеродной хронологии (по материалам эпохи бронзы южной половины Восточной Европы / В.С. Бочкарёв // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции. – СПб: Скифия-принт, 2013. – С. 7-12.
206. *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы / С.Н. Братченко – Киев: Наукова Думка. 1976. – 248 с.
207. *Братченко С.Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. I. / С.Н. Братченко. – Луганськ: Шлях, 2001. – 75 с.
208. *Братченко С.Н.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. II. / С.Н. Братченко. – Луганськ: Шлях, 2001. – 124 с.
209. *Винников А.З.* По дорогам минувших столетий / А.З. Винников, А.Т. Синюк. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1990. – 320 с.
210. *Воронина Р.Ф.* Работы Верхнедонской экспедиции / Р.Ф. Воронина, В.П. Левенок, В.И. Матвеева, Б.Г. Тихонов // АО 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 34-36.
211. *Выборнов А.А.* Поселение Кипец I в верховьях р. Вороны / А.А. Выборнов, А.И. Королёв, В.В. Ставицкий // Краеведческие записки. Выпуск XII. – Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2005. – С. 15-34.
212. *Гак Е.И.* Поселение Рыкань-3 и некоторые проблемы изучения катакомбной культуры в лесостепном Подонье / Е.И. Гак // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород-Старая Русса. Том I. – СПб-М-Великий Новгород, 2011. – С. 214-216.
213. *Гак Е.И.* Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи / Е.И. Гак. – М.: Изд-во ГИМ, 2011. – 224 с.
214. *Гак Е.И.* Поселение Рыкань 3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи / Е.И. Гак // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 230. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – С. 141-161.

215. *Гак Е.И.* Новые подходы к определению типов скотоводческих поселков эпохи средней бронзы в восточноевропейской лесостепи / Е.И. Гак, А.В. Борисов // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 410-412.
216. *Гак Е.И.* Поселение среднедонской катакомбной культуры Рыкань-3 (некоторые итоги работ 2009-2013 гг.) / Е.И. Гак, Д.Ю. Давыдов // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 6. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. – С. 245-251.
217. *Гей А.Н.* Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности / А.Н. Гей // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – С. 3-10.
218. *Генинг В.Ф.* Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии / В.Ф. Генинг. – Киев: Наукова Думка, 1992. – 188 с.
219. *Глушков И.Г.* Керамика как исторический источник / И.Г. Глушков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.
220. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года / В.А. Городцов // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Том 1. – М., 1905.
221. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года / В.А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. Т. 1. – М., 1907.
222. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России / В.А. Городцов. – М., 1916. – 106 с.
223. *Демкин В.А.* Природная периодизация бронзового века Нижнего Поволжья / В.А. Демкин, Т.С. Демкина, А.О. Алексеев, Т.В. Алексеева, А.В. Борисов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы Международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара: ООО «НТЦ», 2001. – С. 368-371.

224. *Демкин В.А.* Почвенно-археологические исследования в Заволжье / А.В. Лукашов, В.А. Дёмкин // Почвоведение. – 1985. – №4. – С. 24-32.
225. Долина Дона: природа и ландшафты / под ред. Ф.Н. Милькова. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1982. – 159 с.
226. Долинно-речные ландшафты среднерусской лесостепи / под ред. Ф.Н. Милькова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 255 с.
227. *Екимов Ю.Г.* Поселения эпохи бронзы в бассейне р.Сновы в Липецкой области / Ю.Г. Екимов // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. – С. 103-114.
228. *Екимов Ю.Г.* Фатьяновские древности в северной части Верхнего Подонья / Ю.Г. Екимов // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Том. 1. – Тула: РИФ ИНФО, 2004. – С. 101-119.
229. *Ефименко П.П.* Жилище времени бронзы, открытое в пойме Дона в окрестностях Костенок / П.П. Ефименко // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 5. – С. 46-53.
230. *Журавлёв О.П.* Osteологические материалы позднекатакомбного Славяно-горского поселения на Северском Донце / О.П. Журавлёв, С.Н. Санжаров // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Луганск: Шлях, 2004. – С. 158-182.
231. *Журавлёв О.П.* Osteологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья / О.П. Журавлёв. – Киев: Нац. акад. Наук Украины. Ин-т археологии, 2001. – 199 с.
232. *Захарова Е.Ю.* Археологическое изучение Черноземного центра России в 20-е годы XX века / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – № 2. – С. 154-158.
233. *Захарова Е.Ю.* П.Д. Либеров и развитие археологии Среднего Дона / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. – № 2. – С. 62-70.

234. *Захарова Е.Ю.* Археологическая деятельность С.Е. Зверева / Е.Ю. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. – № 1. – С. 13-22.
235. *Иванов И.В.* Бронзовый век евразийских степей. Его место в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена и в историческом процессе / И.В. Иванов // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 90-97.
236. *Иванов И.В.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене / И.В. Иванов, И.Б. Васильев. – М.: Интеллект, 1995. – 264 с.
237. *Иванов И.В.* Связь ритмов почвообразования с периодичностью солнечной активности за последние 5 тысяч лет / И.В. Иванов, Ф.Н. Лисецкий // ДАН. – 1994. – Т. 334. № 2. – С. 230-233.
238. *Иванов И.В.* Роль пространственно-временных изменений экологических условий Евразийских степей в развитии древних культурно-исторических общностей / И.В. Иванов, Т.С. Луковская // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Часть 2. – Саратов, 1997. – С. 79-86.
239. *Ивашов М.В.* Археологические памятники бассейна реки Кривка / М.В. Ивашов // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея Трунову М.П. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1995. – С. 75.
240. *Ивашов М.В.* Памятники катакомбного типа на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // Проблемы археологии бассейна Дона. Сб. научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1999а. – С. 87-101.
241. *Ивашов М.В.* Раннекатакомбные материалы на территории Верхнего Дона / М.В. Ивашов // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1999б. – С. 62-64.
242. *Ивашов М.В.* Постройки раннего этапа катакомбной культуры поселения Студёновка 3 на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // Взаимодействие и развитие

- древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына (1900–1972). – Саратов: Изд-во Саратовского гос.ун-та, 2000. – С. 48-50.
243. *Ивашов М.В.* К вопросу о северной границе среднедонской катакомбной культуры / М.В. Ивашов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы Международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара: ООО «НТЦ», 2001а. – С. 135-138.
244. *Ивашов М.В.* Охранные раскопки поселения Замятино 10 на Дону / М.В. Ивашов // АО 1999 года. – М.: Наука, 2001б. – С. 89-90.
245. *Ивашов М.В.* Охранные исследования многослойного поселения Замятино 10 на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // АО 2000 года. – М.: Наука, 2001в. – С. 73-75.
246. *Ивашов М.В.* Материалы воронежской культуры эпохи бронзы с городища в урочище «Курган» на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Том 3. – Одеса: Друк, 2002а. – С. 86-88.
247. *Ивашов М.В.* Особенности топогеографического размещения памятников катакомбного времени на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Археология. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2002б. – С. 45-51.
248. *Ивашов М.В.* Исследования многослойного поселения Замятино-10 на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // АО 2001 года. – М.: Наука, 2003а. – С. 155-156.
249. *Ивашов М.В.* Поселение воронежской культуры на городище в урочище «Курган» на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. – Рязань: Поверенный, 2003б. – С. 88-97.
250. *Ивашов М.В.* Поселения раннекатакомбного времени на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государствен-

- ном Историческом музее В.А. Городцова. Тезисы конференции. – М.: Изд-во ГИМ, 2003в. – С. 94-98.
251. *Ивашов М.В.* Постройки катакомбного времени поселения Замятино 10 на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2003г. – С. 223-224.
252. *Ивашов М.В.* Ранний этап катакомбных древностей на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // II Городцовские чтения. – М.: Изд-во ГИМ, 2005. – С. 108-117.
253. *Ивашов М.В.* Исследования Никольского грунтового могильника эпохи бронзы (предварительная публикация) / М.В. Ивашов // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 3. – Липецк - Санкт-Петербург: РИЦ ЛГПУ, 2007. – С. 114-130.
254. *Ивашов М.В.* Материалы среднего бронзового века с поселения Буховое 9 в верховьях р. Воронеж / М.В. Ивашов // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 4. – Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2009. – С. 82-98.
255. *Ивашов М.В.* Комплексные исследования Никольского грунтового могильника эпохи бронзы в 2010 году / М.В. Ивашов // Новые материалы и методы археологического исследования. Научная конференция молодых учёных. Тезисы докладов. – М.: Ин-т археологии РАН, 2011. – С.25-27.
256. *Ивашов М.В.* Особенности расселения племен катакомбной культуры эпохи бронзы на Верхнем Дону / М.В. Ивашов // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 431-434.
257. *Ивашов М.В.* Материалы эпохи средней-поздней бронзы Балахнинского поселения на Верхнем Дону / М.В. Ивашов, Е.Н. Мельников // Археологические памятники бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2004. – С. 146-162.
258. *Ивашов М.В.* Грунтовые захоронения эпохи бронзы на территории Верхнего Подонья / М.В. Ивашов, Е.Н. Мельников // РА. – 2009. – №2. – С. 122-134.
259. *Ивашов М.В.* Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы в верховьях р. Воронеж / М.В. Ивашов, Р.В. Смольянинов // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. Выпуск 4 (120). – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2013. – С. 70-76.

260. *Ивашов М.В.* Новые памятники эпохи бронзы в верховьях р. Польной Воронеж / М.В. Ивашов, А.Н. Голотвин, Г.Л. Земцов // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. Выпуск 4 (120). – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2013. – С. 76-85.
261. *Качалова Н.К.* Ильменские курганы / Н.К. Качалова // АСГЭ. – 1970. – Вып. 12. – С. 7-34.
262. *Кияшко А.В.* Волго-донские погребения эпохи средней бронзы в ямах с заплечиками / А.В. Кияшко // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999а. – С. 10-25.
263. *Кияшко А.В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья / А.В. Кияшко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999б. – 182 с.
264. *Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира / А.В. Кияшко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – С. 268.
265. Классификация в археологии / Отв. ред. Е.М. Колпаков. – СПб.: ИИМК РАН, 2013. – 251 с.
266. *Климанов В.А.* Изменения растительности и климата на Среднерусской возвышенности в голоцене / В.А. Климанов, Т.А. Серебрянная // Известия АН СССР. Серия География. – 1986. – №2. – С. 93-102.
267. *Козмирчук И.А.* Материалы раннего этапа среднедонской катакомбной культуры на Верхнем Дону (по результатам исследований поселения Замятино 10) / И.А. Козмирчук // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1999. – С. 53-58.
268. *Корневский С.Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы / С.Н. Корневский // СА. – 1976. – № 4. – С. 16-31.
269. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири / М.Ф. Косарев. – М. Наука, 1981. – 282 с.
270. *Кренке Н.А.* Поселенческие объекты круга культур шнуровой керамики в долине Москвы-реки / Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, А.В. Лазукин, А.А. Войцик,

- В.А. Раева, Н.И. Рожанская // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Выпуск 9. – М.: Институт археологии РАН, 2013. – С. 14-29.
271. *Кривцова-Гракова О.А.* Степное Повожье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О.А. Кривцова-Гракова. – МИА. – № 46. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 164 с.
272. *Кузнецов П.Ф.* Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы / П.Ф. Кузнецов // РА. – 2013. – №1. – С. 13-21.
273. *Лаврушин Ю.А.* Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона / Ю.А. Лаврушин, Е.А. Спиридонова, А.Н. Бессуднов, Р.В. Смольянинов. – М.: Геос, 2009. – 63 с.
274. *Литвиненко Р.А.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона / Р.А. Литвиненко // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2002. – С. 75-85.
275. *Либеров П.Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы / П.Д. Либеров. – М.: Наука, 1964. – 206 с.
276. *Либеров П.Д.* Древняя история населения Подонья. / П.Д. Либеров: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1971.
277. *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907-1909 гг. / Н.Е. Макаренко // Известия ИАК Вып. 43. – СПб.: Типография Гл. Управления Уделов, 1911. – 130 с.
278. *Маслихова Л.И.* Об одном типе сосудов среднедонской катакомбной культуры / Л.И. Маслихова // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. – Луганск: Глобус, 2005. – С. 61-63.
279. *Маслихова Л.И.* Керамика погребений среднедонской катакомбной культуры как исторический источник / Л.И. Маслихова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006а.
280. *Маслихова Л.И.* «Амфорки» среднедонской катакомбной культуры / Л.И. Маслихова // РА. – 2006б. – №4. – С. 181-183.

281. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ / В.М. Массон. – Л.: ЛО «Наука», 1976. – 196 с.
282. *Матвеев Ю.П.* Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой (по материалам погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры) / Ю.П. Матвеев // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980. – С. 66-75.
283. *Матвеев Ю.П.* История населения среднедонской катакомбной культуры / Ю.П. Матвеев: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1982.
284. *Матвеев Ю.П.* О происхождении среднедонской катакомбной культуры / Ю.П. Матвеев // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – С. 46-58.
285. *Матвеев Ю.П.* К проблеме взаимосвязи донецкой и среднедонской катакомбной культур / Ю.П. Матвеев // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона. Материалы украинско-российского полевого археологического семинара. – Луганск: Институт археологии НАНУ, 1995. – С. 32-34.
286. *Матвеев Ю.П.* Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности / Ю.П. Матвеев // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – С. 8-21.
287. *Матвеев Ю.П.* Среднедонская катакомбная культура в свите культур среднебронзового века / Ю.П. Матвеев // Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 19. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. – С. 72-87.
288. *Матвеев Ю.П.* Погребения воинов-колесничих на территории лесостепного Подонья и периодизация памятников эпохи бронзы донно-волжско-уральской лесостепи / Ю.П. Матвеев, А.Д. Пряхин // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб, 1995. – С. 76-78.

289. *Матвеев Ю.П.* Таганский грунтовый могильник / Ю.П. Матвеев, М.В. Цыбин // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1999. – С. 72-79.
290. *Матвеев Ю.П.* Таганский грунтовый могильник. (Археологические памятники Донского бассейна) / Ю.П. Матвеев, М.В. Цыбин. Выпуск 6. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – 78 с.
291. *Матюшин Г.Н.* Экологические кризисы, производящее хозяйство и цивилизации / Г.Н. Матюшин // Древности. Труды, издаваемые Российским Археологическим обществом. Вып. 3. – М., 1992. – С. 17-71.
292. *Мельников Е.Н.* Покровско-абашевские погребения у с. Большая Пластица / Е.Н. Мельников // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 239-247.
293. *Мильков Ф.Н.* Природные зоны СССР / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль, 1977. – 293 с.
294. *Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов / Р.А. Мимоход. – М.: Таус, 2009. – 292 с.
295. Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований / Р.А. Мимоход // КСИА. Вып. 225. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – С. 28-53.
296. *Мимоход Р.А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. / Р.А. Мимоход. Материалы охранных археологических исследований Том 16. – М.: Институт археологии РАН, 2013. – 568 с.
297. Орнамент / Г.А. Недошивин // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – Т. 18: Никко-Отолиты. – 524 с.
298. *Отрощенко В.В.* О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья / В.В. Отрощенко // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк, 1979. – С. 86-87.

299. *Панасюк Н.В.* Курильницы Восточноманычской катакомбной культуры как критерий периодизации / Н.В. Панасюк // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции. – СПб: Скифия-принт, 2013. – С. 45-51.
300. *Погорелов В.И.* Поселение Терновое в лесостепном Подонье / В.И. Погорелов // Эпоха меди Юга Восточной Европы. – Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. пед. ин-та, 1984. – С. 140-154.
301. *Погорелов В.И.* Петропавловский грунтовый могильник эпохи бронзы на р. Толучеевке / В.И. Погорелов // Проблемы археологического изучения Доноволжской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1989. – С. 97-107.
302. *Погорелов В.И.* «Терновской» тип поселений эпохи бронзы в лесостепном Подонье / В.И. Погорелов // Елец и его окрестности. Тезисы научной конференции. – Елец: НПО «Ориус», 1991. – С. 87-88.
303. *Подгаецкий Г.В.* Поселение эпохи бронзы на Среднем Дону / Г.В. Подгаецкий // КСИИМК Вып. II. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 17-19.
304. *Подгаецкий Г.В.* Предскифский период на Среднем Дону. (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании ученого совета ИИМК 29 сентября 1941 г. / Г.В. Подгаецкий // КСИИМК. Вып. XIII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – С. 134-137.
305. *Попова Т.Б.* Племена катакомбной культуры в Северном Причерноморье во II тыс. до н.э. / Т.Б. Попова. Тр. ГИМ. Вып. 24. – М.: ГИМ, 1955. – 176 с.
306. *Пряхин А.Д.* История населения Верхнего и Среднего Подонья во II – начале I тыс. до н.э. / А.Д. Пряхин: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1966а.
307. *Пряхин А.Д.* К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону / А.Д. Пряхин // Вопросы истории славян. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1966б. – С. 150-156.
308. *Пряхин А.Д.* Абашевская культура в Подонье / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1971. – 214 с.
309. *Пряхин А.Д.* История древних скотоводов II тыс. до н.э. лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-

- историческая общность) / А.Д. Пряхин: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1976.
310. *Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники в Подонье / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. – 195 с.
311. *Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья / А.Д. Пряхин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. – 157 с.
312. *Пряхин А.Д.* О выделении воронежской культуры эпохи бронзы / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин // СА. – 1988. – №3. – С. 21-37.
313. *Пряхин А.Д.* К оценке абашевских погребений Подклетенского могильника / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. – Рязань, 1996. – С. 34-50.
314. *Пряхин А.Д.* Новоусманский могильник эпохи бронзы в Воронежской области / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев // Древняя история Поволжья. – Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. пед. института, 1979. – С. 71-78.
315. *Пряхин А.Д.* Раскопки многослойного Семилукского городища / А.Д. Пряхин, М.В. Цыбин // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – С. 58-71.
316. *Пряхин А.Д.* Усманский курган / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев, Ю.Д. Разуваев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 26 с.
317. *Пряхин А.Д.* Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев, В.И. Беседин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 19 с.
318. *Пыльнева Т.Г.* Экология и география Липецкого края / Т.Г. Пыльнева, Н.В. Пешкова, Т.Д. Стрельникова. – Липецк: ОРИУС, 1992. – 167 с.
319. *Рыков П.С.* К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье / П.С. Рыков // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области. Т. 2. – Саратов, 1927. – С. 79.
320. *Саврасов А.С.* Современные направления изучения проблематики восточного ареала катакомбной культурно-исторической области / А.С. Саврасов // Ар-

- хеологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. С. 94-111.
321. *Санжаров С.Н.* Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями / С.Н. Санжаров // СА. – 1988. – №1. – С. 140-158.
322. *Санжаров С.Н.* Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья / С.Н. Санжаров. – Луганск: ВНУ, 2001. – 172 с.
323. *Санжаров С.Н.* Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы / С.Н. Санжаров. Луганск: Изд-во ВНУ им В. Даля, 2010. – 488 с.
324. Северный Бор. Изучение кургана 1 эпохи средней бронзы могильника Северный Бор. (Археологические памятники Донского бассейна. Выпуск 5). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – 36 с.
325. *Синюк А.Т.* Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона / А.Т. Синюк // СА. – 1981. – №4. – С. 8-20.
326. *Синюк А.Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона / А.Т. Синюк. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. – 192 с.
327. *Синюк А.Т.* Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника / А.Т. Синюк // Проблемы археологического изучения Дону-Волжской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1989. – С. 27-69.
328. *Синюк А.Т.* О происхождении и хронологии воронежской культуры эпохи бронзы / А.Т. Синюк // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск, 1990. – С. 108-110.
329. *Синюк А.Т.* Древние погребения мастеров по изготовлению каменных наконечников стрел в степном Придонье / А.Т. Синюк // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ин-та, 1992. – С. 43-63.
330. *Синюк А.Т.* К вопросу о социальном устройстве ямно-катакомбного общества в бассейне р. Дона / А.Т. Синюк // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и РЖВ. (Тезисы докладов научной конференции). – Тула, 1993а. – С. 67-69.

331. *Синюк А.Т.* Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры / А.Т. Синюк // Археология Доно-Волжского бассейна. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1993б. – С. 29-47.
332. *Синюк А.Т.* Основные направления развития экономики населения лесостепного Дона в энеолите-бронзовом веке / А.Т. Синюк // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 2. – Воронеж, 1994. – С. 22-36.
333. *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона / А.Т. Синюк. – Воронеж: Изд-во ВГПУ. 1996а. – 352 с.
334. *Синюк А.Т.* О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы лесостепного Дона / А.Т. Синюк // Археологические памятники Лесостепного Придонья. Выпуск 1. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1996б. – С. 87-94.
335. *Синюк А.Т.* К оценке результатов использования погребений эпохи бронзы в палеодемографии / А.Т. Синюк // Археологические исследования высшей педагогической школы. Сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996в. – С. 9-21.
336. *Синюк А.Т.* О грунтовых могильниках эпохи бронзы на Дону / А.Т. Синюк // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1999. – С. 56-72.
337. *Синюк А.Т.* Погребения эпохи бронзы Новохарьковского могильника / А.Т. Синюк // Винников А.З. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – С. 182-189.
338. *Синюк А.Т.* Курган №57 Павловского могильника / А.Т. Синюк // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2002. – С. 41-50.
339. *Синюк А.Т.* Погребения эпохи бронзы Второго и Третьего Власовского могильников / А.Т. Синюк, В.Д. Березуцкий // Археологические исследования высшей педагогической школы. Сборник трудов. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996. – С. 89-107.

340. *Синюк А.Т.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы-ранний железный век) / А.Т. Синюк, В.Д. Березуцкий. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2001. – 192 с.
341. *Синюк А.Т.* Новые данные к изучению Первого Власовского могильника / А.Т. Синюк, В.Д. Березуцкий // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2005. – С. 103-108.
342. *Синюк А.Т.* Новые материалы к характеристике культур энеолита-бронзового века Верхнего Придонья / А.Т. Синюк, А.Н. Бессуднов // Археологические памятники лесостепного Придонья. Выпуск 1. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1996. – С. 30-59.
343. *Синюк А.Т.* Курган у с. Введенки на Дону / А.Т. Синюк, В.В. Килейников // СА. – 1976. – №1. – С. 159-169.
344. *Синюк А.Т.* Древнее поселение «Липецкое Озеро» / А.Т. Синюк, А.Ю. Клоков. – Липецк: ГУП Липецкое издательство, 2000. – 160 с.
345. *Синюк А.Т.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) / А.Т. Синюк, И.А. Козмирчук // Древнеиндоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. – С. 37-72.
346. *Синюк А.Т.* Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону / А.Т. Синюк, Ю.П. Матвеев // СА. – 1977. – №1. – С. 139-147.
347. *Синюк А.Т.* Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов) / А.Т. Синюк, Ю.П. Матвеев. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2007. – с. 221.
348. *Синюк А.Т.* О раннесрубных погребениях на Среднем Дону / А.Т. Синюк, В.И. Погорелов // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – С. 78-95.
349. *Синюк А.Т.* Курган №16 Власовского могильника / А.Т. Синюк, В.И. Погорелов // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепей Евразии. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. пед. ин-та, 1993. – С. 6-31.

350. *Скоробогатов А.М.* Энеолитические памятники Донской лесостепи / А.М. Скоробогатов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2011.
351. *Смирнов А.М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце / А.М. Смирнов. – М., 1996. – 182 с.
352. *Смолянинов Р.В.* Материалы иванобугорской культуры в Донской лесостепи / Р.В. Смолянинов, А.М. Скоробогатов, А.Н. Бессуднов, М.В. Ивашов, А.А. Свиридов // Тверской археологический сборник. Выпуск 9. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013. – С. 279-294.
353. *Спиридонова Е.А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене / Е.А. Спиридонова. – М.: Наука, 1991а. – 221 с.
354. *Спиридонова Е.А.* Изменение природной обстановки голоцена в бассейне Дона / Е.А. Спиридонова // Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991б. – С. 2-8.
355. *Спиридонова Е.А.* Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа / Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская // РА. – 1999. – №1. С. 23-33.
356. *Ставицкий В.В.* Бронзовый век Посурья и Примокшанья / В.В. Ставицкий. – Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2005. – С. 146.
357. *Сурков А.В.* Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований) / А.В. Сурков, А.М. Скоробогатов. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2012. – 82 с.
358. *Тихонов Б.Г.* Университетские поселения среднедонской катакомбной культуры в пойме р. Воронеж / Б.Г. Тихонов, Ю.П. Матвеев // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. – С. 80-92.
359. *Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) / В.А. Трифонов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы Международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара: ООО «НТЦ», 2001. – С. 71-82.

360. Труды Орловской Ученой архивной комиссии за 1904 и 1905 гг. – Орел, Типоитография А.П. Матвеевой, 1906. – 168 с.
361. *Федосов М.Ю.* Катакомбные культуры Донецко-Дона-Волжского региона (по материалам погребальных памятников) / М.Ю. Федосов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2012.
362. *Фосс М.Е.* Исследования неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году / М.Е. Фосс // КСИА. Вып. 75. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 17-25.
363. *Хотинский Н.А.* Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной европейской части СССР / Н.А. Хотинский // КСИА. Вып. 153. – М.: Наука, 1978. – С. 7-14.
364. *Челяпов В.П.* Памятники эпохи бронзы Центральной части юга Рязанской области / В.П. Челябинов // Елец и его окрестности. Тезисы научной конференции. – Елец: НПО «Ориус», 1991. – С. 92-93.
365. *Челяпов В.П.* Комплекс материалов эпохи бронзы с поселения Городок 1 / В.П. Челябинов, В.В. Ставицкий // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Том 5. – Рязань: Ряз. обл. ин-т развития образования, 2004. – С. 8-11.
366. *Чендев Ю.Г.* Естественная эволюция почв Центральной лесостепи в голоцене / Ю.Г. Чендев. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2004. – 200 с.
367. *Чендев Ю.Г.* Почвенно-археологические исследования эволюции почв и природной среды в Центральном Черноземье (по материалам исследований на территории Белгородской, Воронежской и Липецкой областей) / Ю.Г. Чендев, А.Н. Бессуднов // Куликово Поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. I. – Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2003. – С. 225-240.
368. *Чендев Ю.Г.* Изучение почв курганных систем и реконструкция изменений природной среды в бассейне нижнего течения Воронежа / Ю.Г. Чендев, А.П. Медведев, Ю.П. Матвеев // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 2. – Липецк: Успех-Инфо, 2001. – С. 168-179.

369. *Черных Е.Н.* Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология / Е.Н. Черных, Л.И. Авилова, Л.Б. Орловская. – М.: Институт археологии РАН, 2000. – 95 с.
370. *Черных Е.Н.* Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) / Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская // РА. – 2004. – №2. – С. 15-29.
371. *Черных Е.Н.* Керамика и радиоуглеродное датирование в рамках ямной археологической общности: проблемы интерпретации / Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. – М.: Институт археологии РАН, 2011. – С. 63-78.
372. *Черных Е.Н.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV-III тыс. до н.э. / Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Л.Б. Орловская // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. – М.: Институт археологии РАН, 2011. – С. 24-62.
373. *Шишлина Н.И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.) / Н.И. Шишлина. Тр. ГИМ. Вып. 165. – М.: ГИМ, 2007. – 400 с.
374. *Шульгин А.* Минувшее Орловского края / А.Шульгин // Труды Орловской Ученой архивной комиссии. – Орел: Типолитография А.П. Матвеевой, 1906. – С. 89-111.

Список сокращений

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия

АС – Археологический съезд

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия

ВГПИ/ВГПУ – Воронежский государственный педагогический институт/университет

ВГУ – Воронежский государственный университет

ГБУК – Государственное бюджетное учреждение культуры

ГИМ – Государственный Исторический музей

ДАН – Доклады Академии наук

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИАК – Императорская Археологическая Комиссия

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры

КМК – культура многоваликовой керамики

КСИА – Краткие сообщения Института археологии (АН СССР)

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

л.н. – лет назад

ЛГПИ/ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический институт/университет

ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР

ЛОКМ – Липецкий областной краеведческий музей

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПИДО - Проблемы истории докапиталистических обществ

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников (СССР)

сл. – слобода

СЭ – Советская этнография

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа

Труды ГИМ - Труды Государственного Исторического музея

АЛБМ ИЛЮСТРАЦИЙ

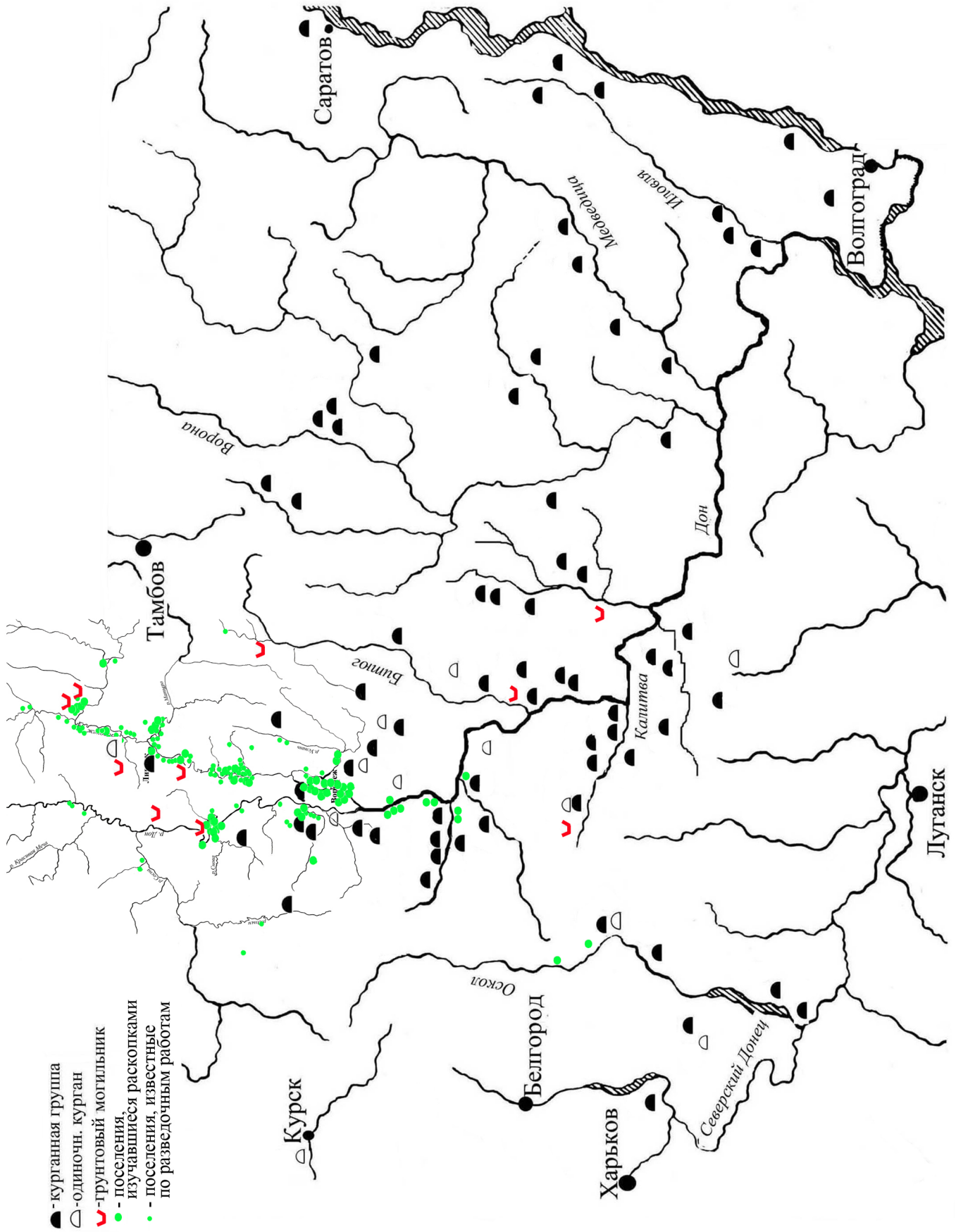
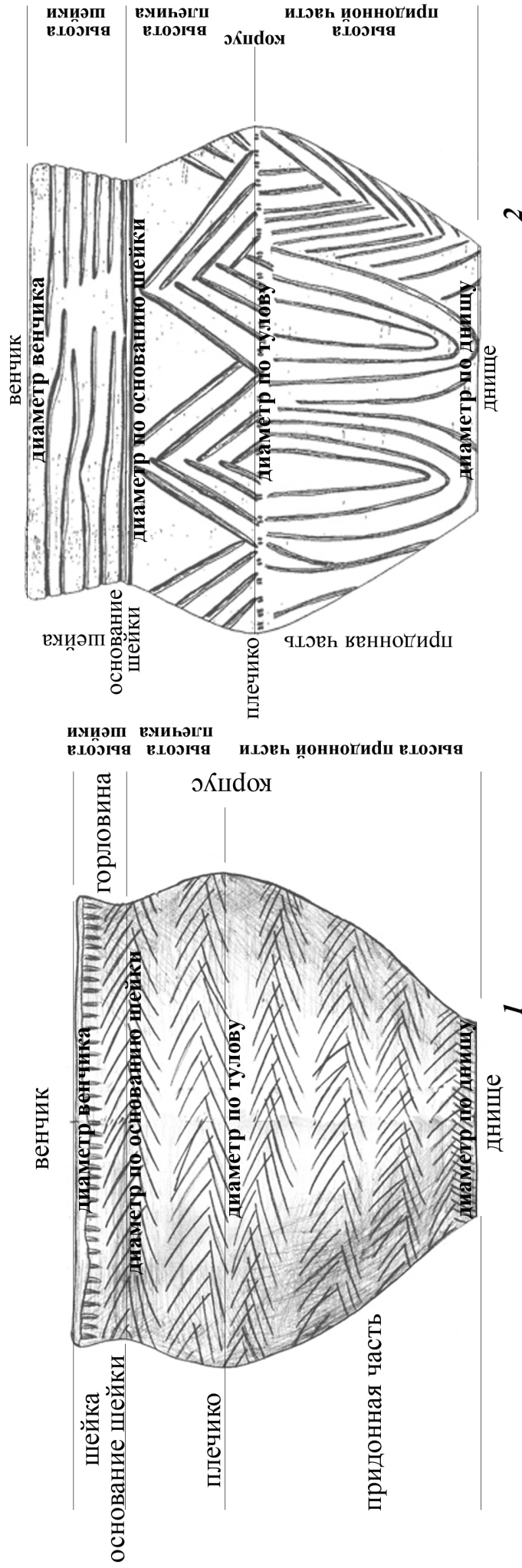

Рис. 1. Карта поселений и погребений среднедонской катакомбной культуры на Верхнем и Среднем Дону.

параметры сосуда

Рис. 3. Название отдельных частей сосудов и параметры горшков. 1 - форма сосуда раннего этапа катакомбной культуры;
 2 - форма сосуда развитого и позднего этапов катакомбной культуры.

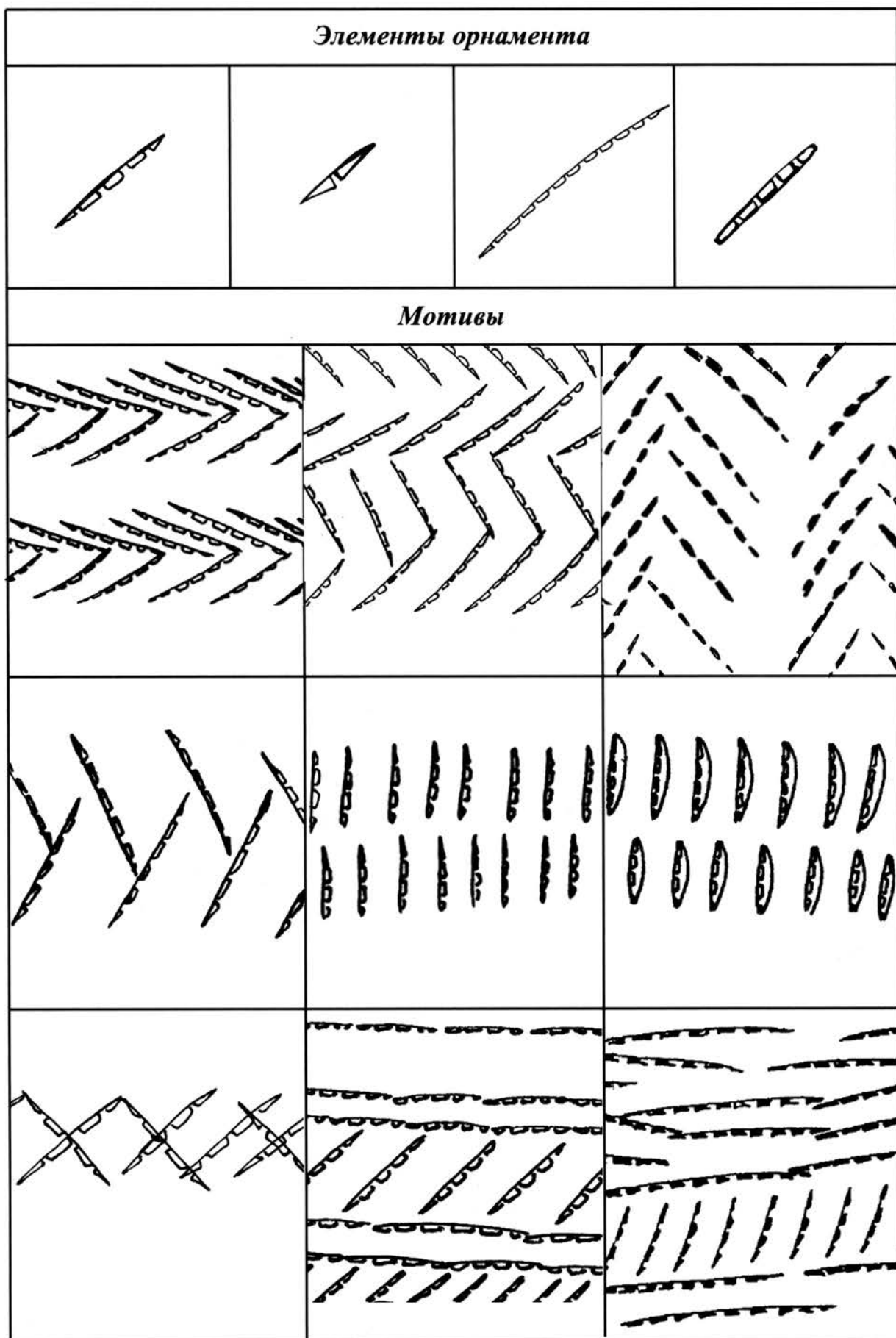

Рис. 4. Гребенчатая орнаментальная группа катакомбной культуры Верхнего Дона.

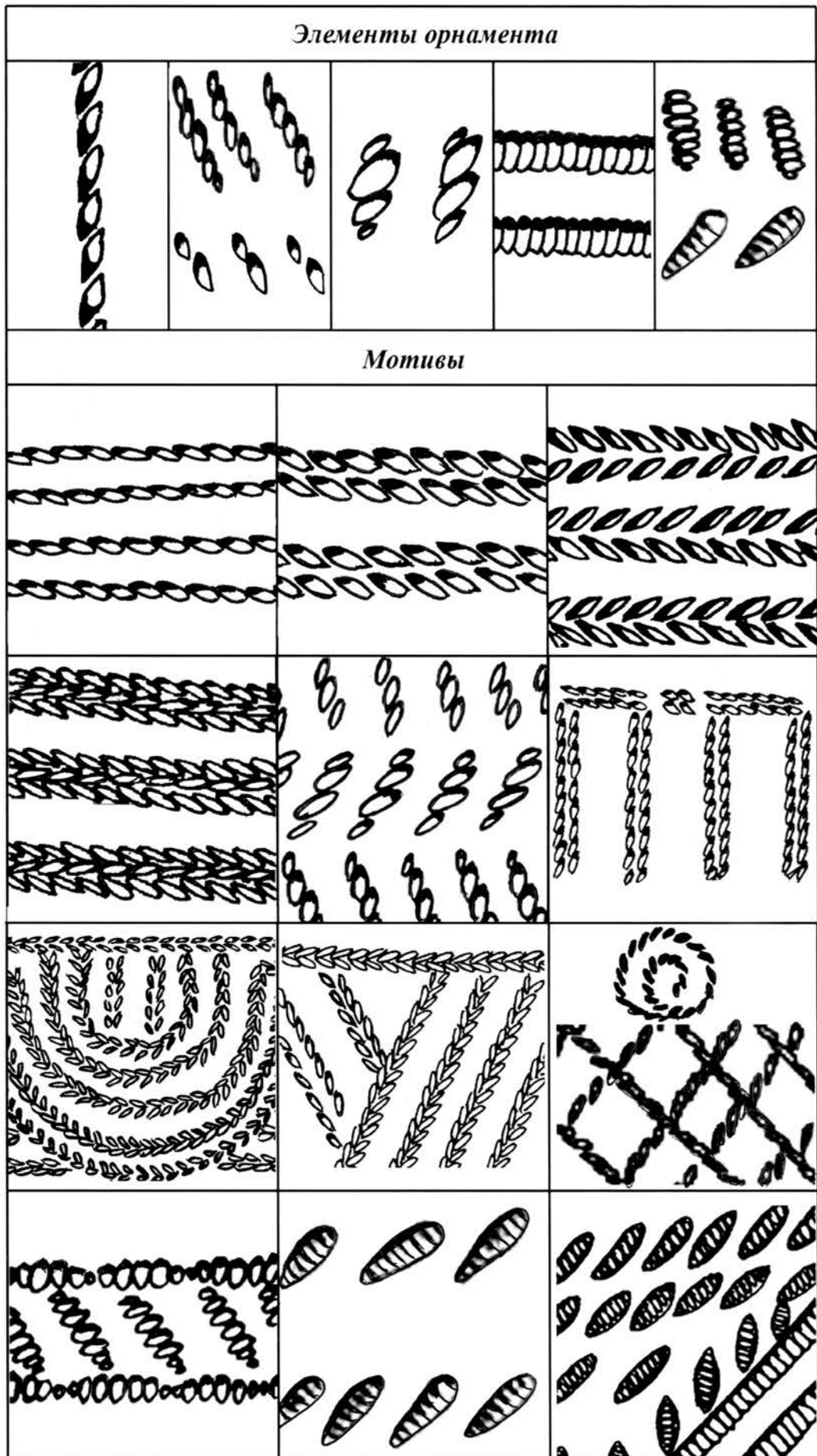

Рис. 5. Веревоочная орнаментальная группа катакомбной культуры Верхнего Дона.

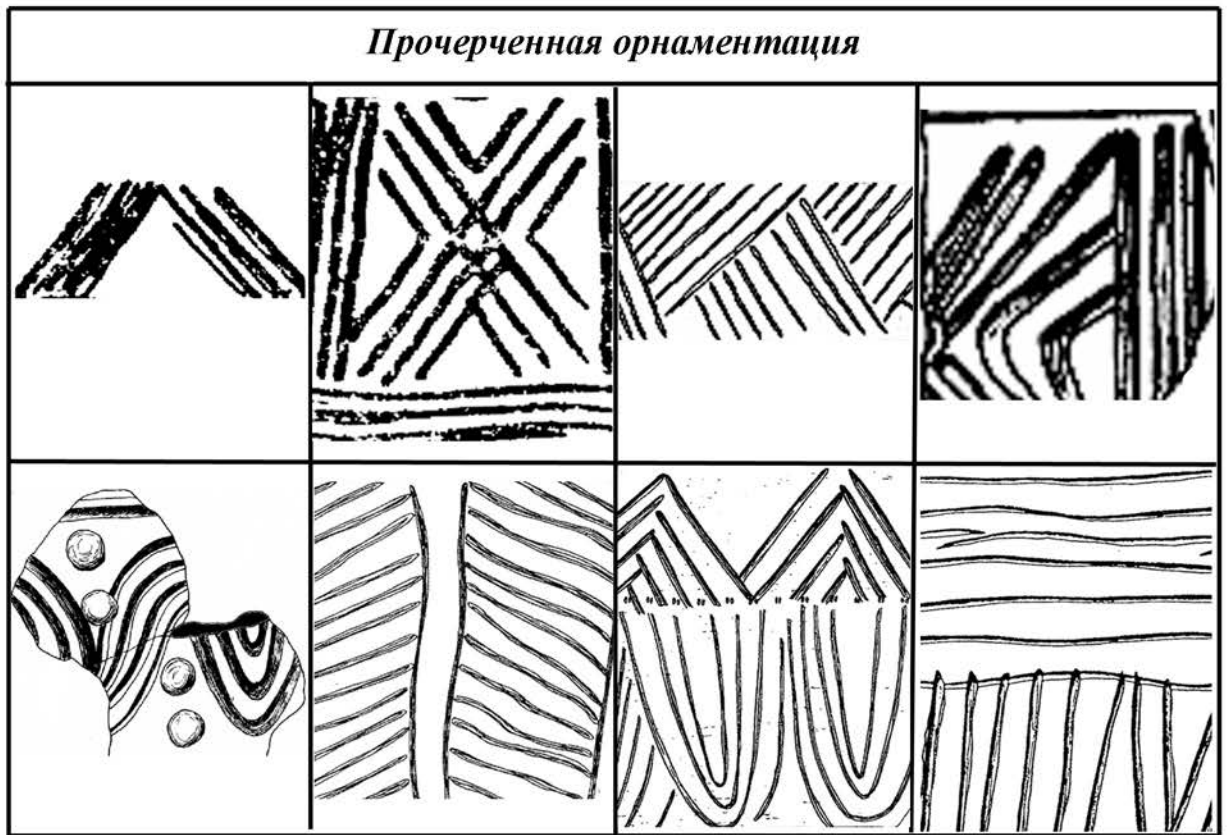
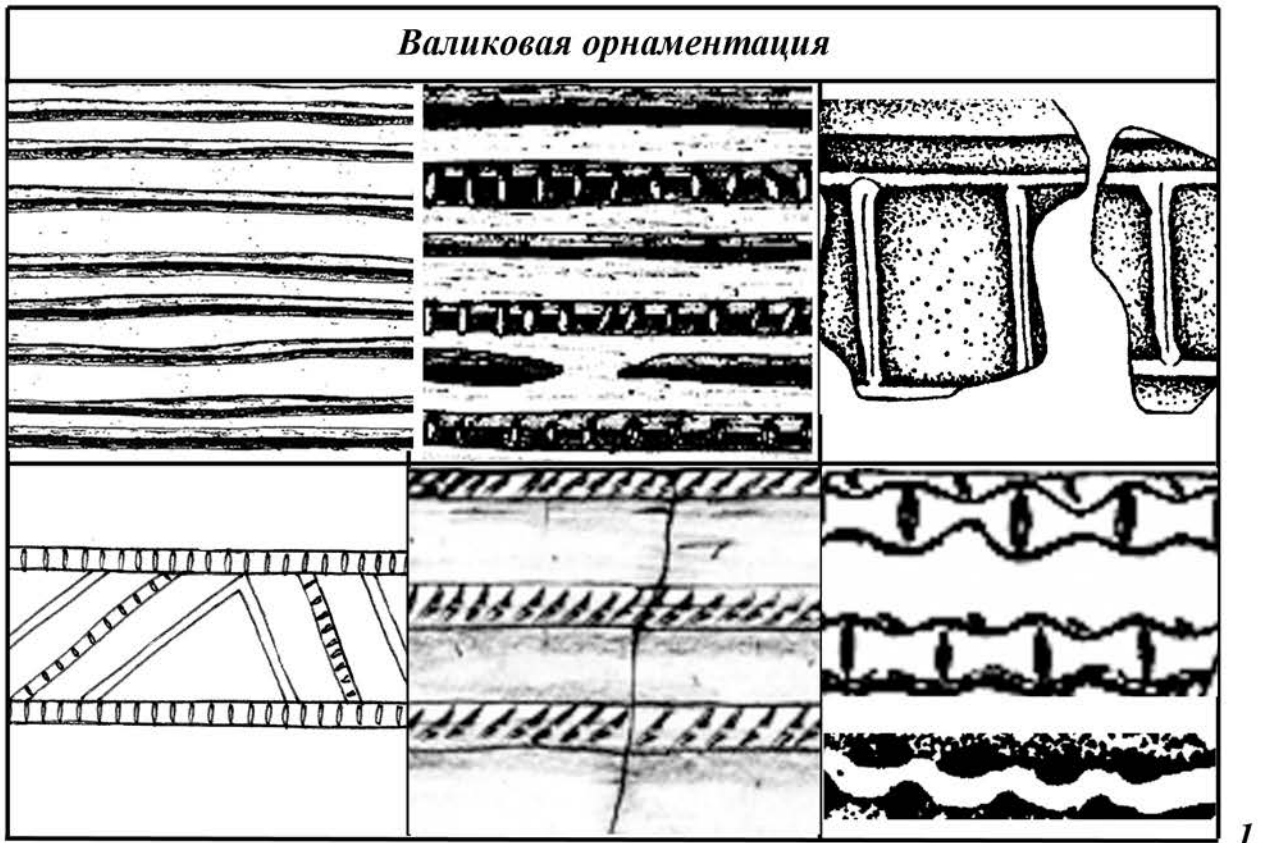

Рис. 6. Валиковая и прочерченная орнаментация катакомбной культуры Верхнего Дона.

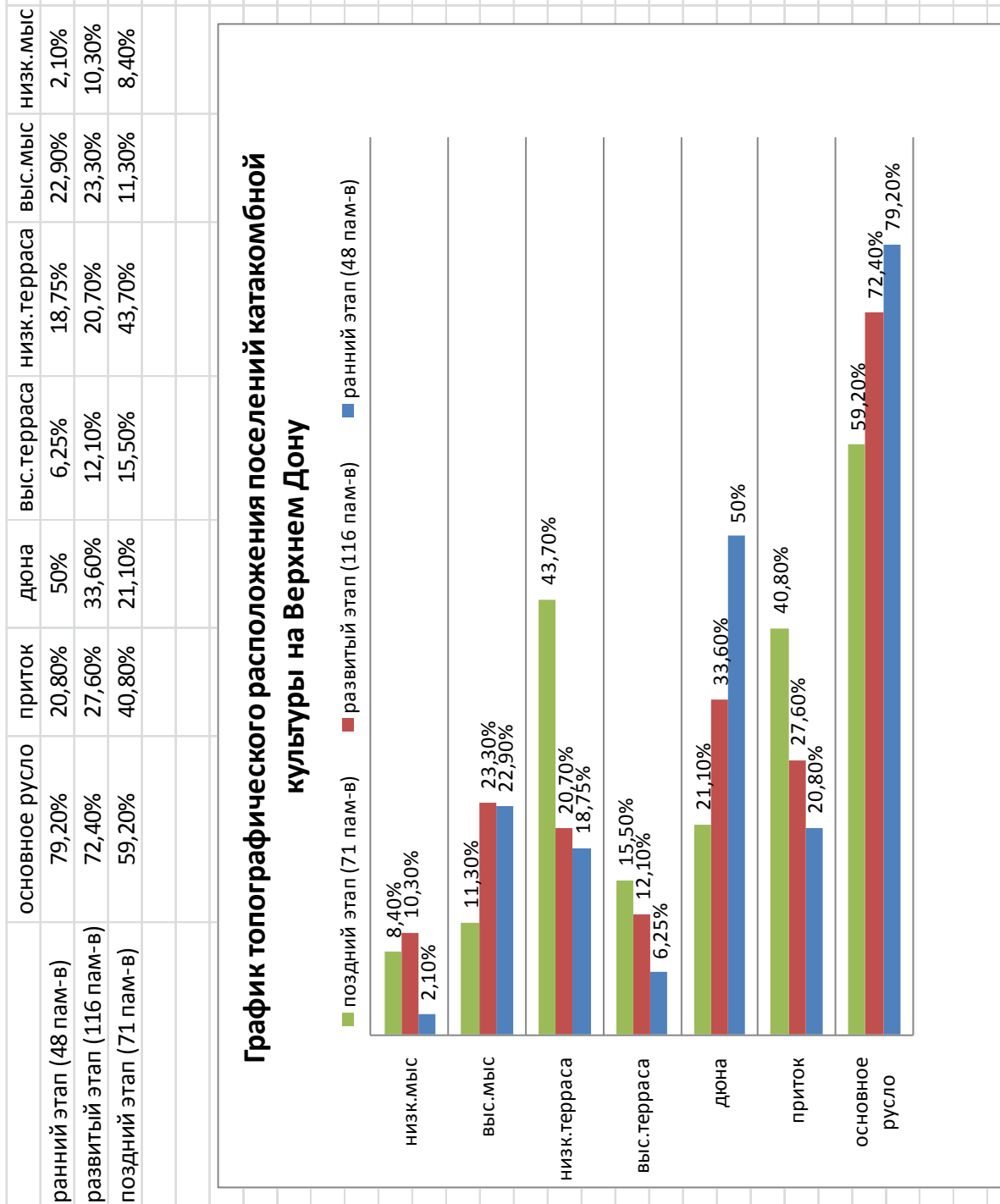

Рис. 7. График топографического расположения поселений катакомбной культуры на Верхнем Дону по этапам.

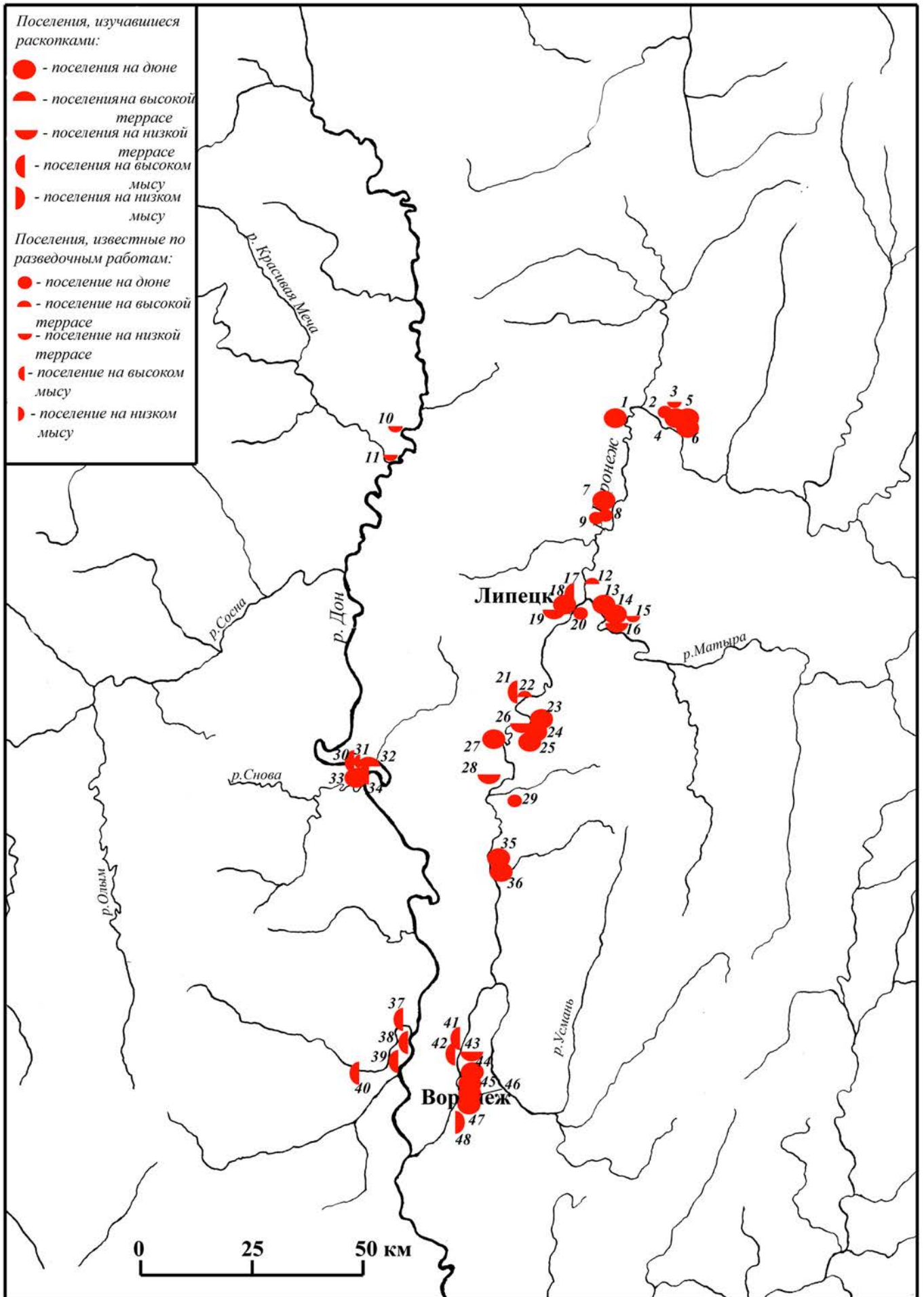

Рис. 8. Карта поселений раннего этапа (терновской и верхнедонской типы) катакомбной культуры на Верхнем Дону.

К рис. 8. Поселения раннего этапа (терновской и верхнедонской типы)
катакомбной культуры на Верхнем Дону.

1. Студёновка 3
2. Васильевский кордон 23
3. Васильевский кордон 24
4. Буховое 9
5. Васильевский кордон 7
6. Васильевский кордон 1
7. Добровская стоянка
8. Пункт 381
9. Пункт 383
10. Волоотово
11. Пункт 51
12. Пункт 100 (Ссёлки)
13. Рыбное Озеро 1
14. Рыбное Озеро 2
15. Пункт 223
16. Ярлуковская протока 1
17. Липецкое городище
18. «Липецкое Озеро»
19. Поселение на ул. Неделина
20. Пункт 511
21. Городище Малый Липяг
22. Крутогорье 3
23. Карамышево 9
24. Карамышево 5
25. Карамышево 19
26. Карамышево 2
27. Савицкое 1
28. Курино 1
29. Поселение 9 у к.Барковский
30. Замятино 10
31. Замятино 2
32. Замятино 8
33. Ксизово 6
34. Ксизово 19
35. Устье р.Излегощи 1
36. Устье р.Излегощи 2
37. Губаревское городище
38. Городище «Чернышева гора» 1
39. Семилукское городище
40. Терновское поселение
41. Белогорское 1 городище
42. Городище «Егеревский кордон»
43. Отрожка
44. Университетское 3
45. Университетское 2
46. Университетское 1
47. Северовосточное 1
48. Шиловское 1

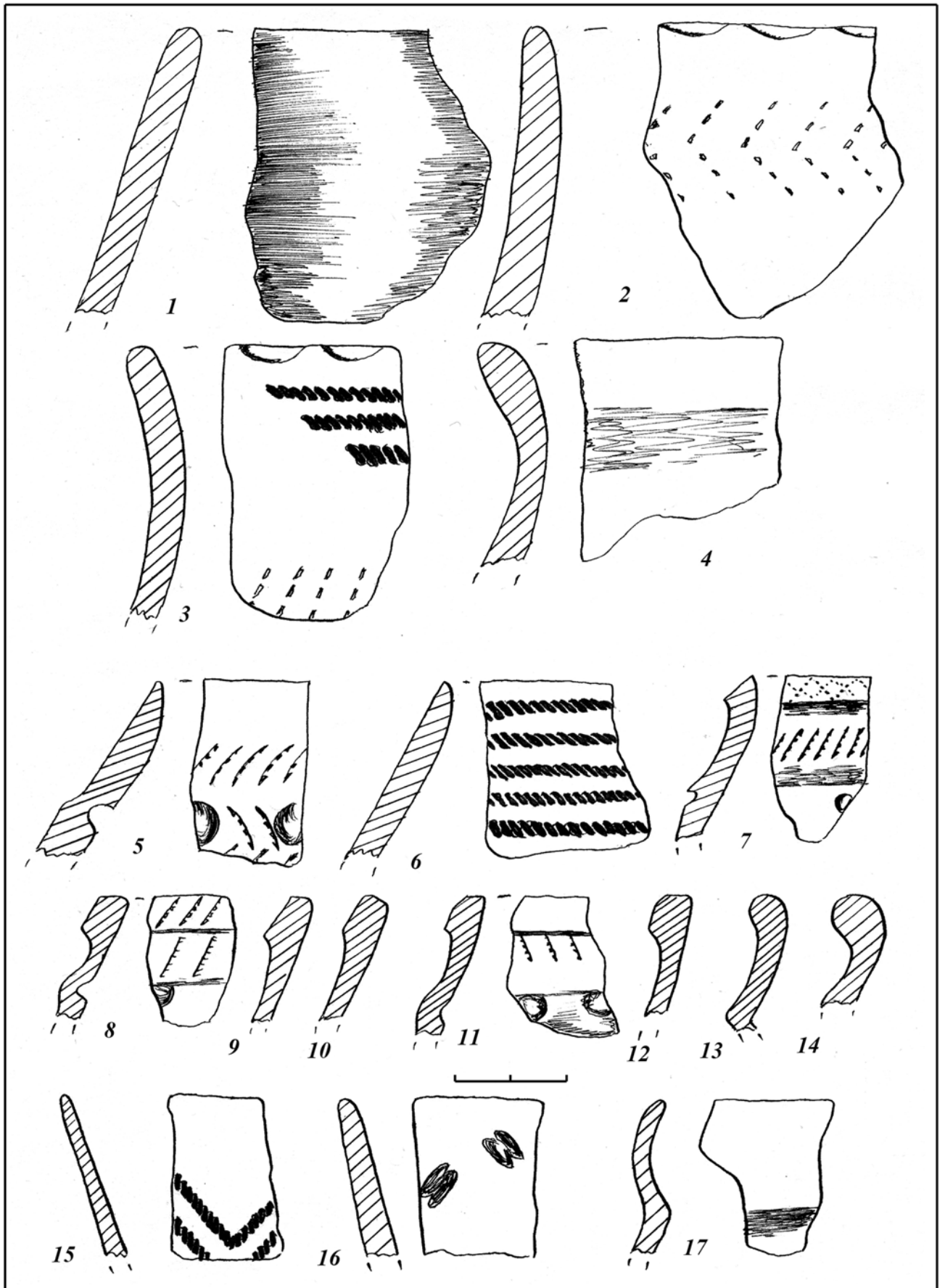

Рис. 9. Материалы поселения Терновое (по В.И. Погорелову).
 1-4 - сосуды 1-го типа; 5-14 - сосуды 2-го типа;
 15-16 - сосуды 3-го типа; 17 - сосуды 4-го типа.

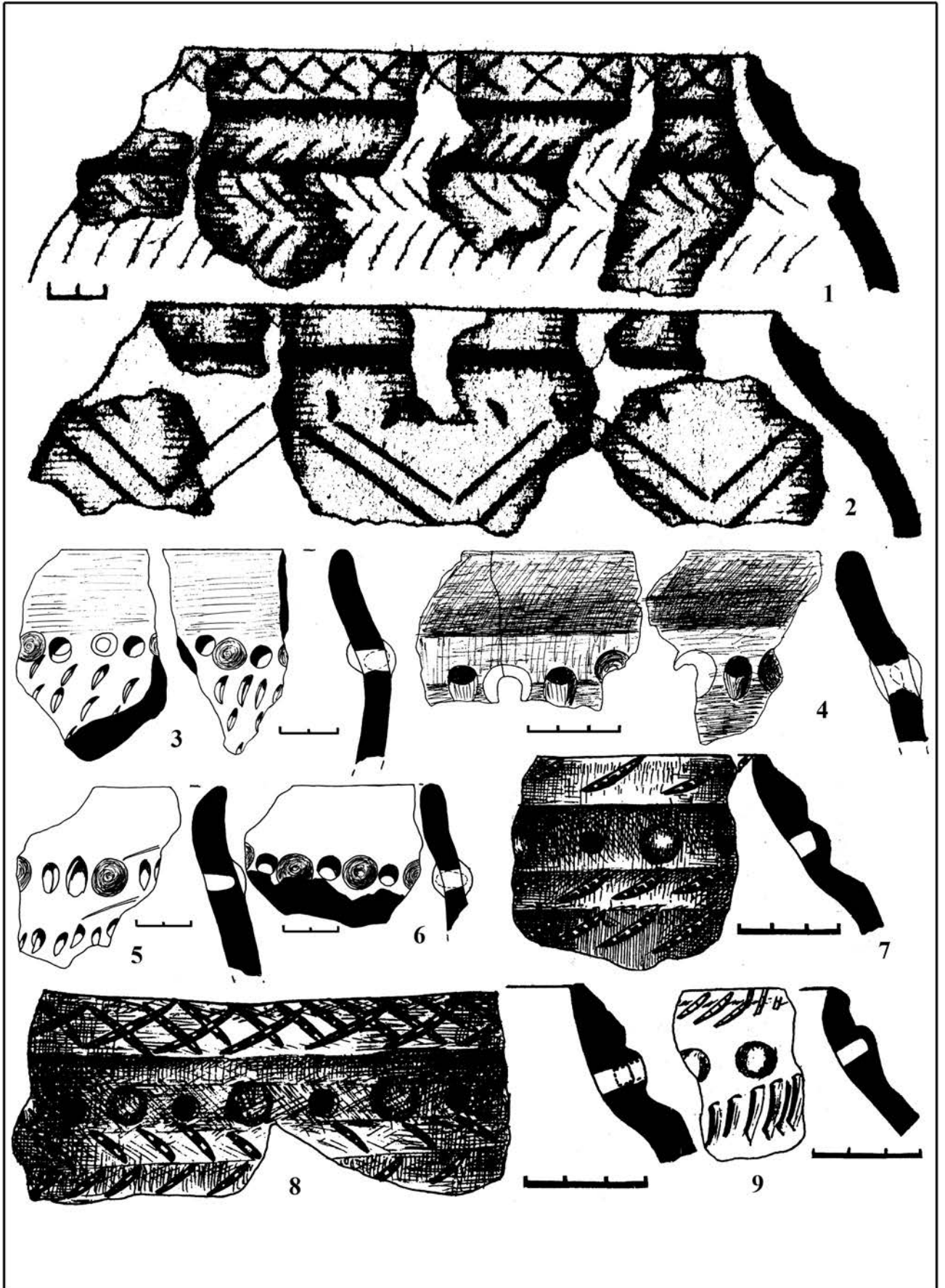

Рис. 10. Материалы терновского типа среднедонской катакомбной культуры: 1-2-поселение Терновое; 3-6-Замятино 10; 7-9-„Липецкое Озеро”.

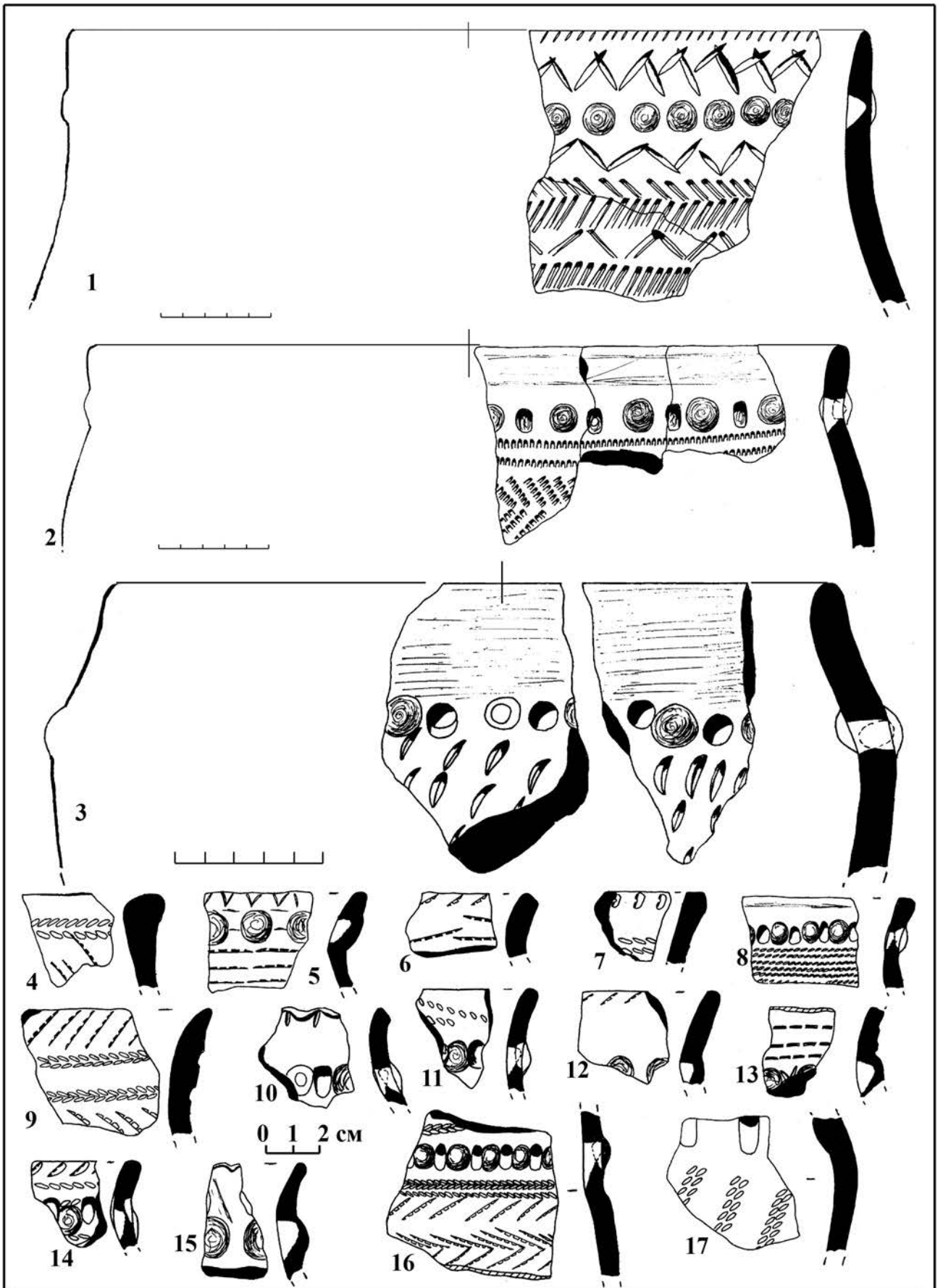

Рис. 11. Поселение Замятино 10. Венчики и шейки раннего этапа среднедонской катакомбной культуры. 1-3, 17 - терновского типа; остальные - верхнедонского типа.

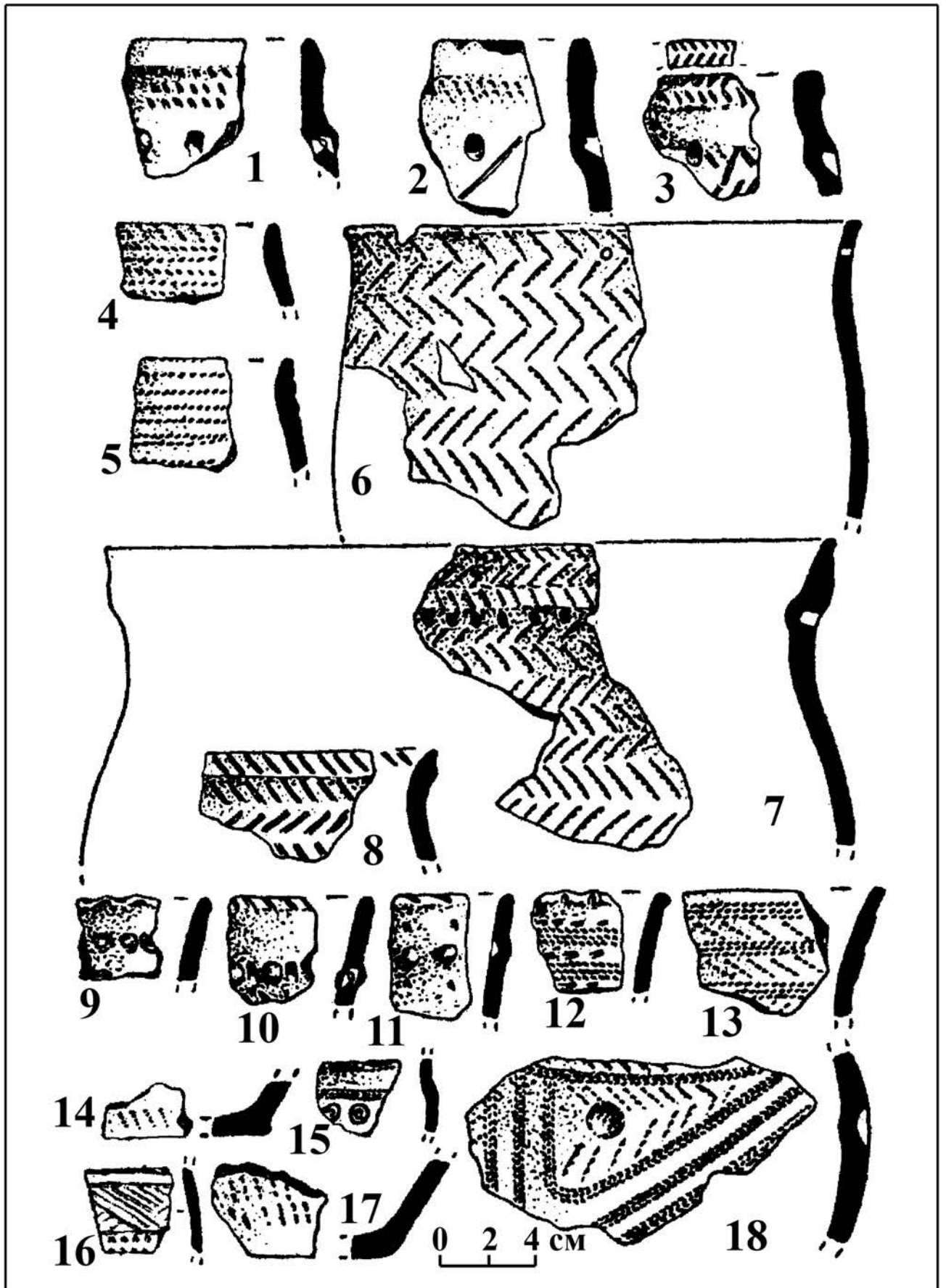

Рис. 12. Семилукское гордище. Керамика верхнедонского и терновского (7) типов (по А.Д. Пряхину и М.В. Цыбину).

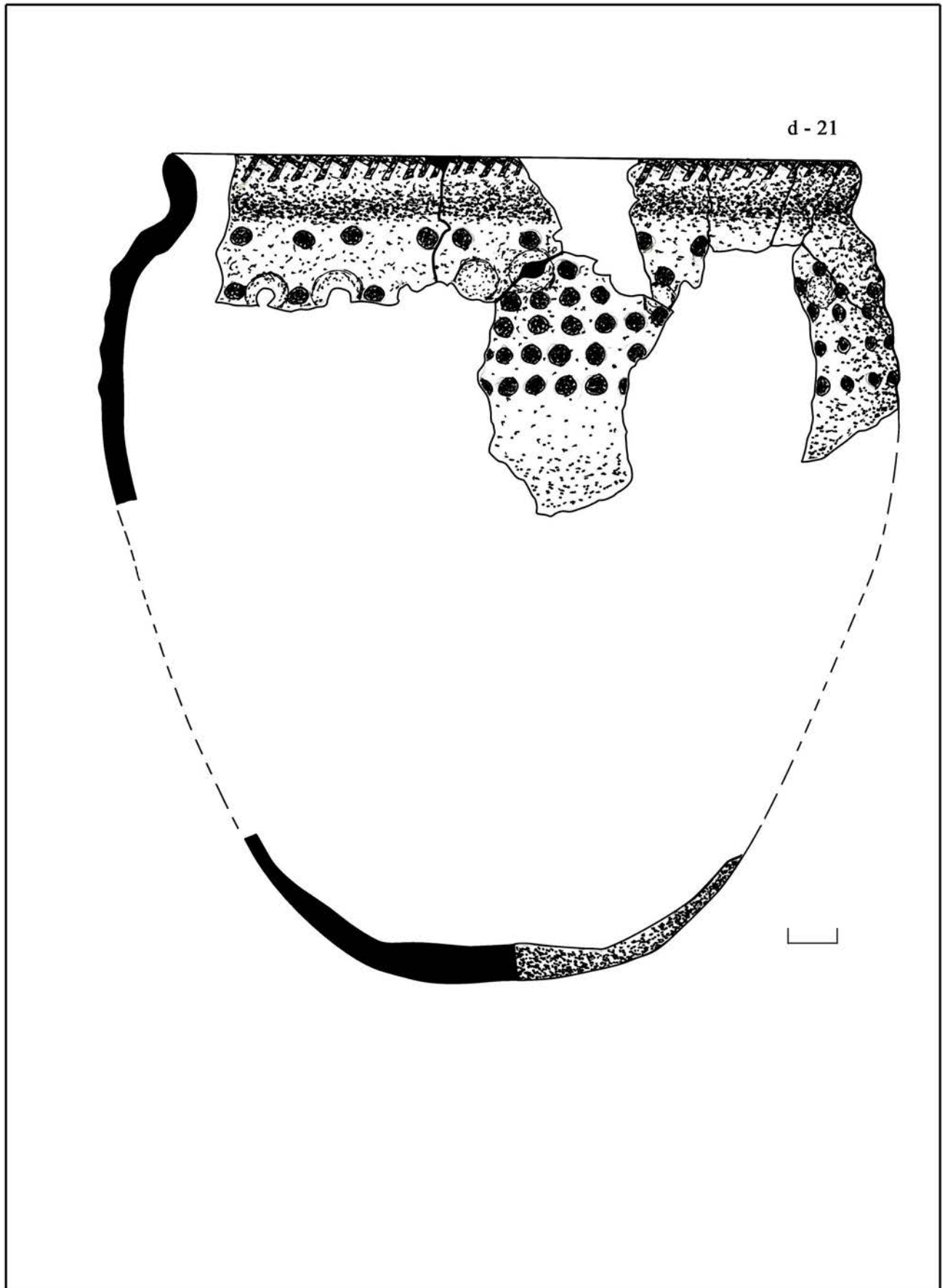

Рис. 13. Сосуд раннего этапа культуры (терновской тип). Городище Чернышева гора 1. Семилукский район Воронежской области.

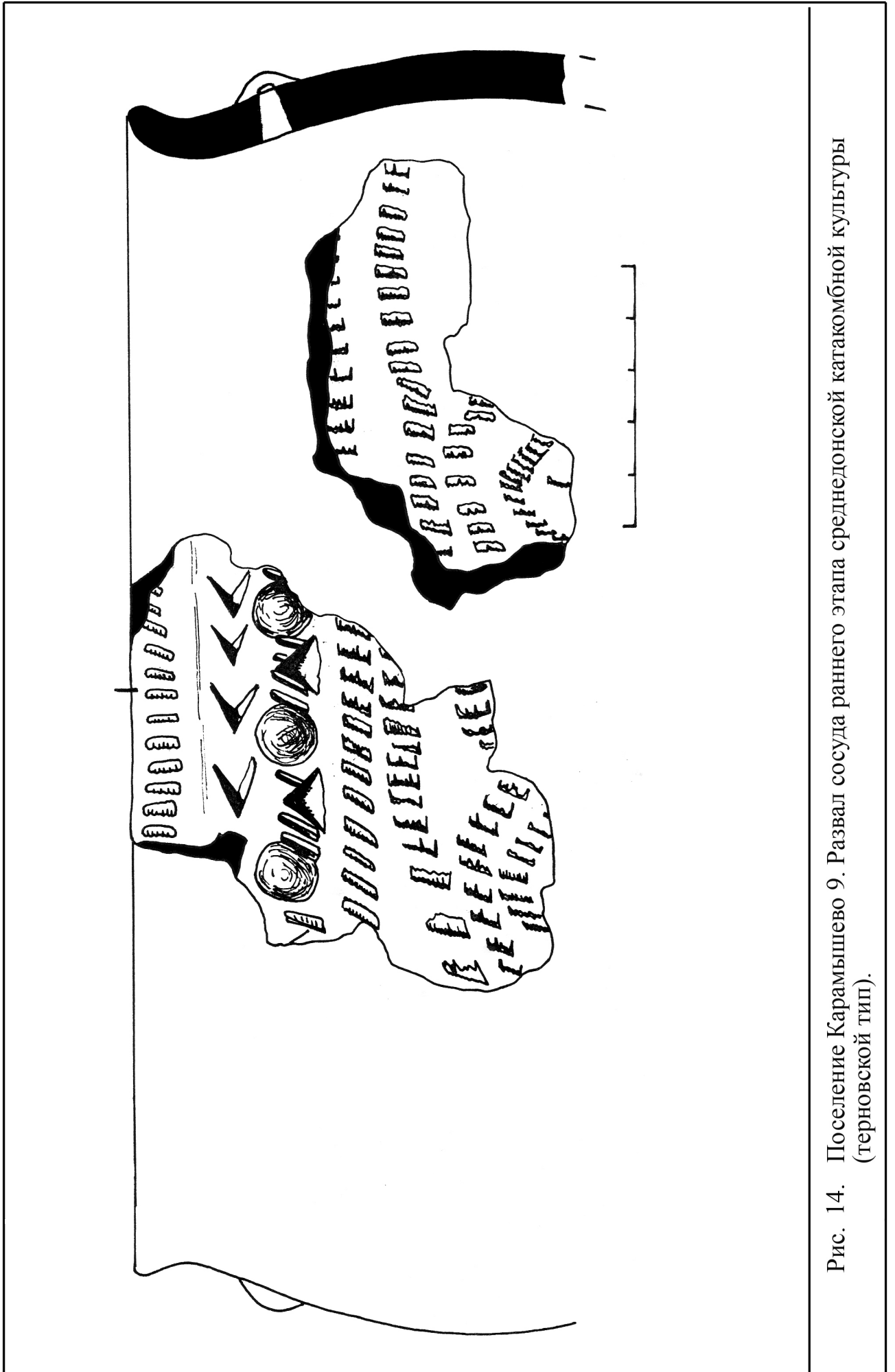

Рис. 14. Поселение Карамышево 9. Развал сосуда раннего этапа среднедонской катакомбной культуры (терновской тип).

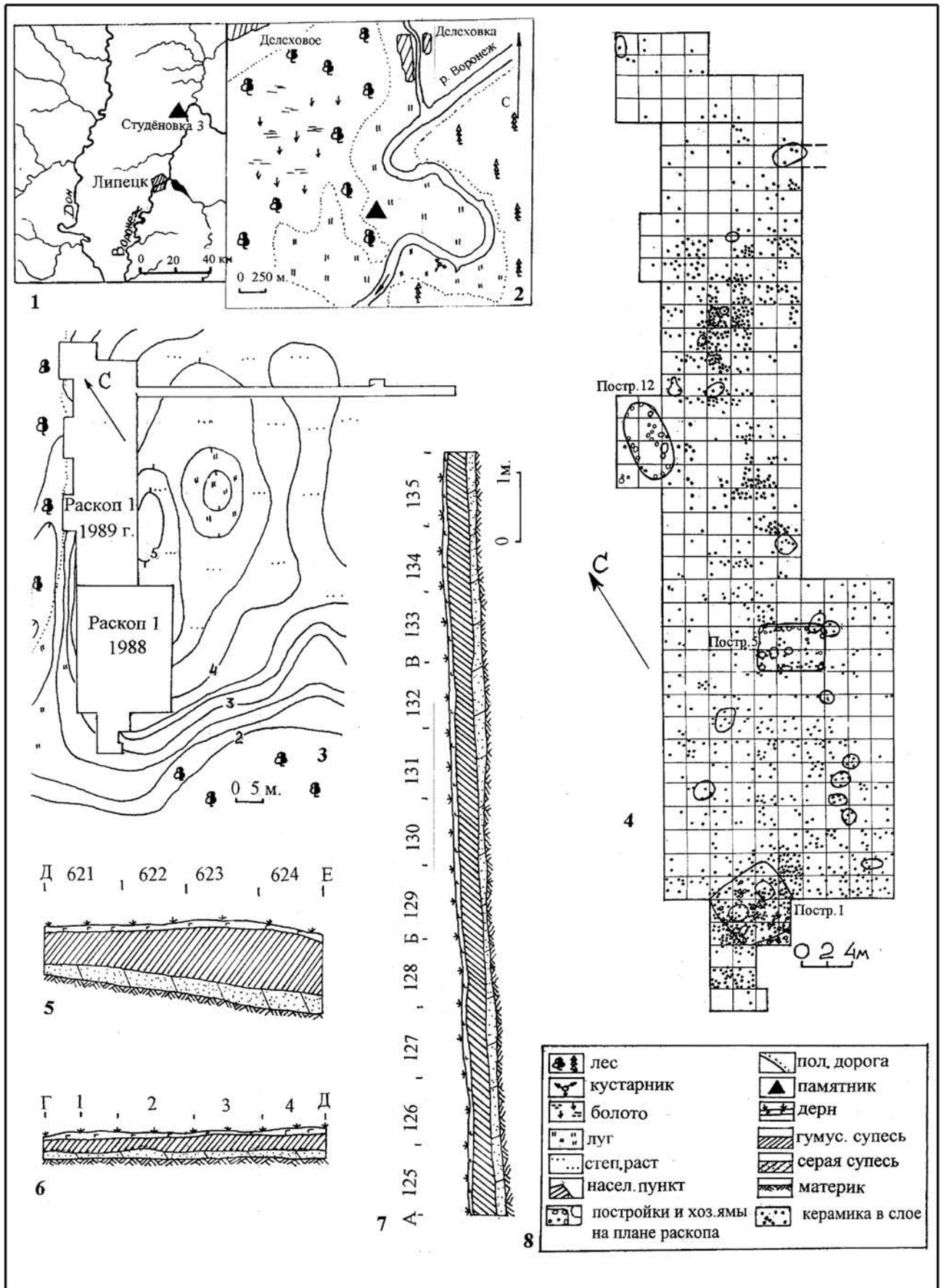

Рис. 15. Поселение Студёновка 3. 1-карта Верхнего Дона с обозначенным поселением; 2-ситуационный план; 3-план памятника с раскопом; 4-план раскопа, постройки и планиграфия керамики среднедонской катакомбной культуры; 5-7-наиболее типичная стратиграфия; 8-условные обозначения.

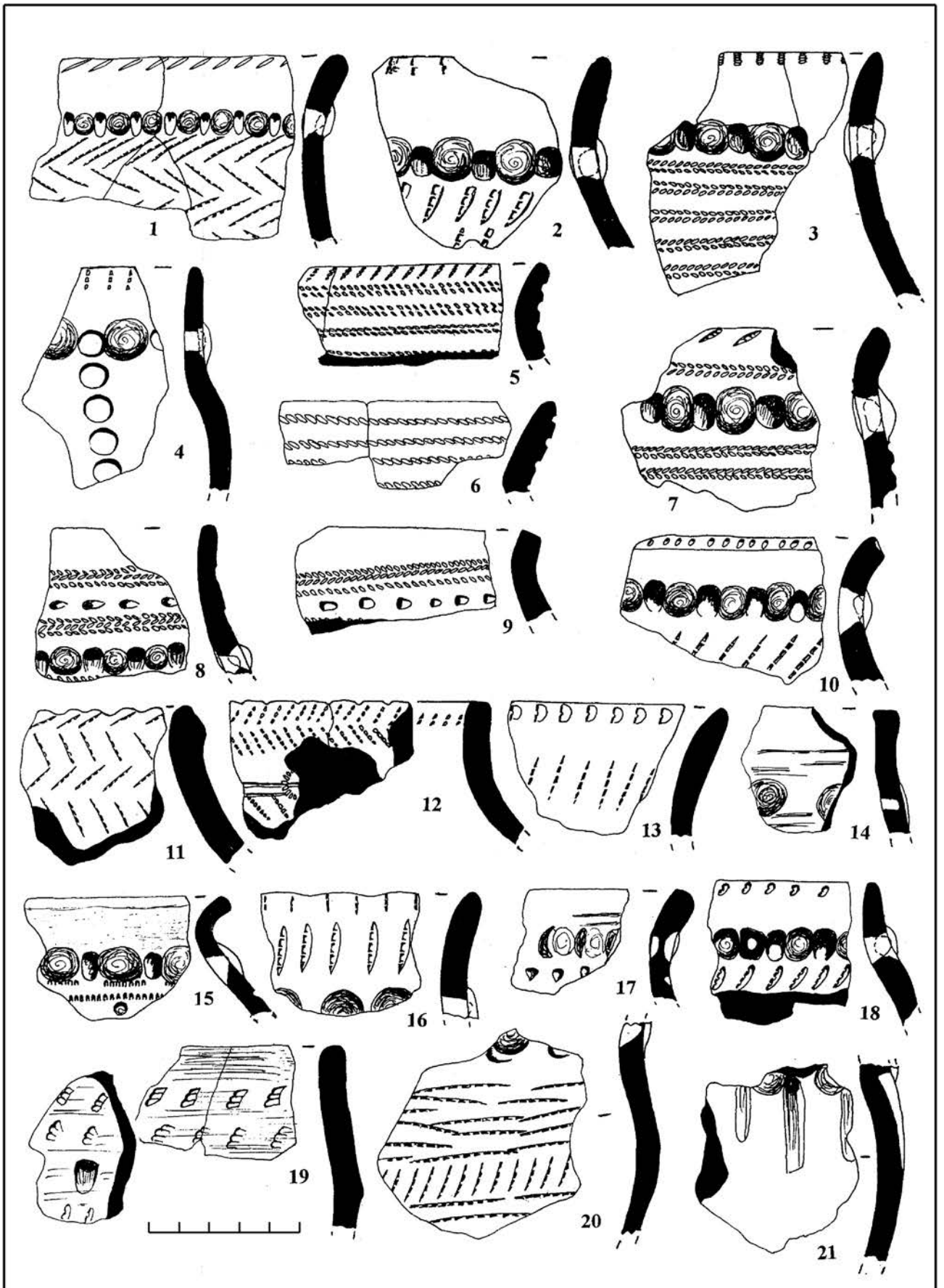

Рис. 16. Поселение Студёновка 3. Венчики и шейки среднедонской катакомбной культуры (верхнедонской тип).

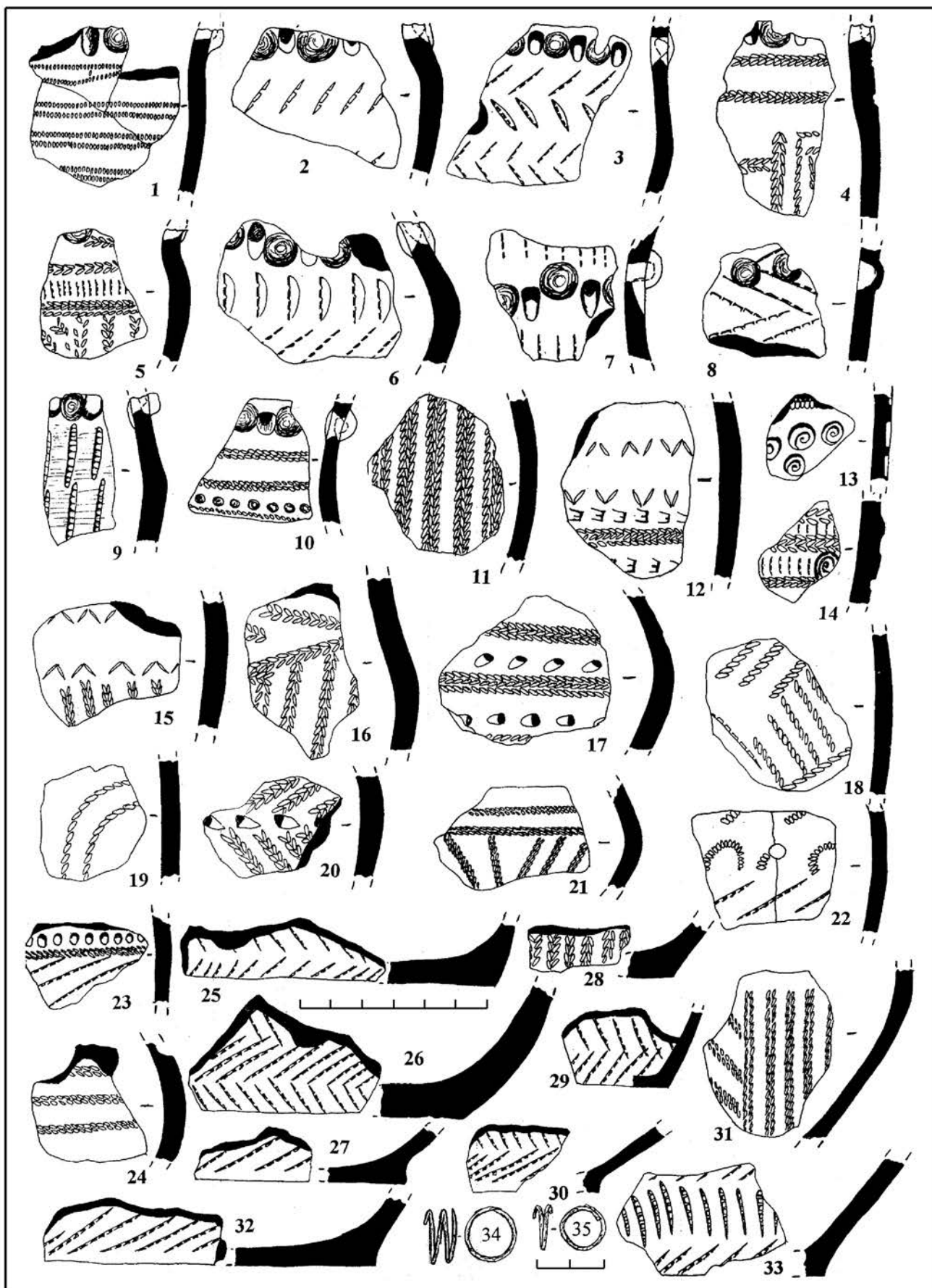

Рис. 17. Поселение Студёновка 3. Шейки, стенки и днища раннего этапа катакомбной культуры (верхнедонской тип):
34-35 - бронзовые подвески из ямы.

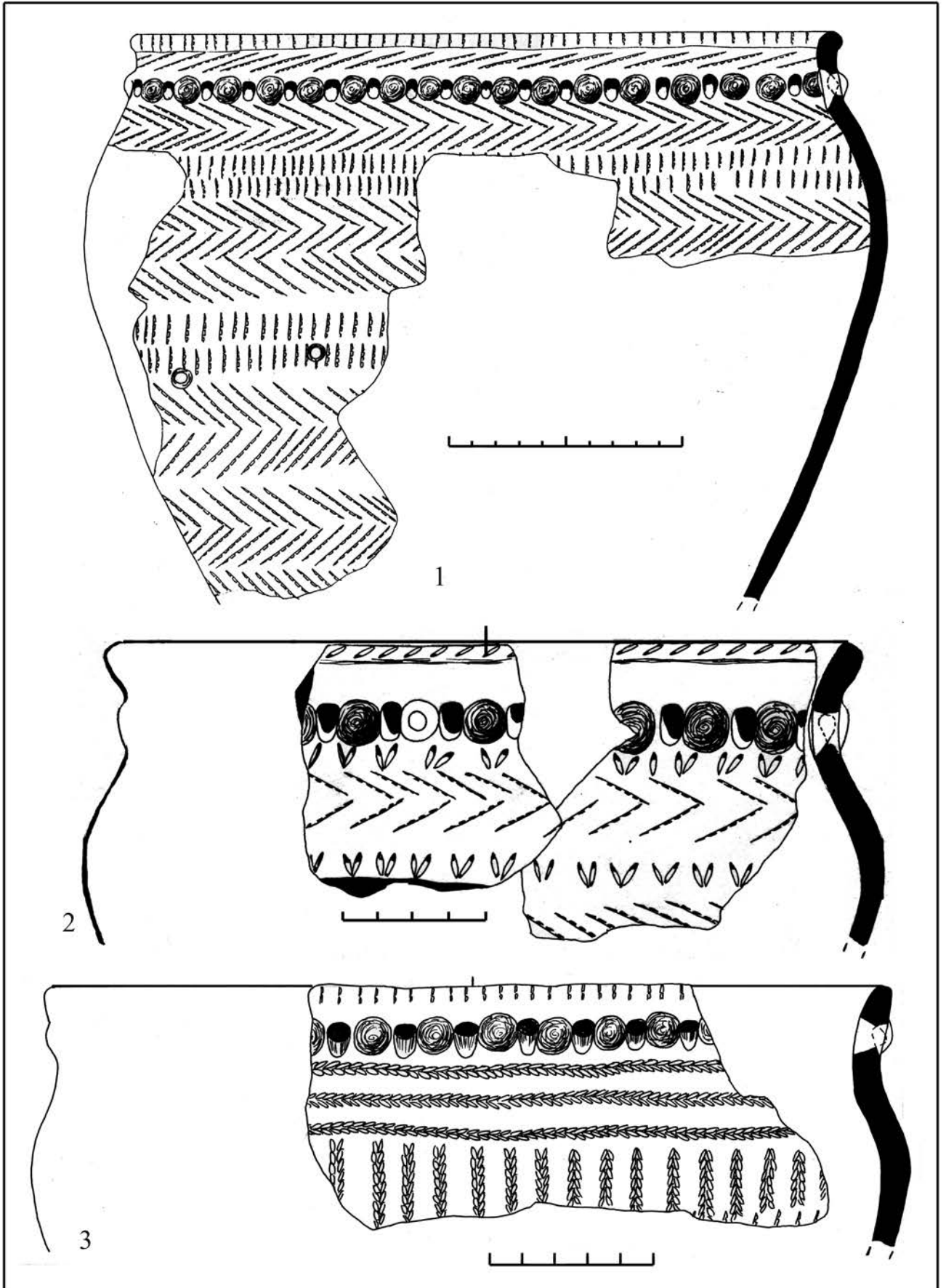

Рис. 19. Крупные фрагменты сосудов раннего этапа среднедонской катакомбной культуры с поселения Замятино 10. (верхнедонской тип).

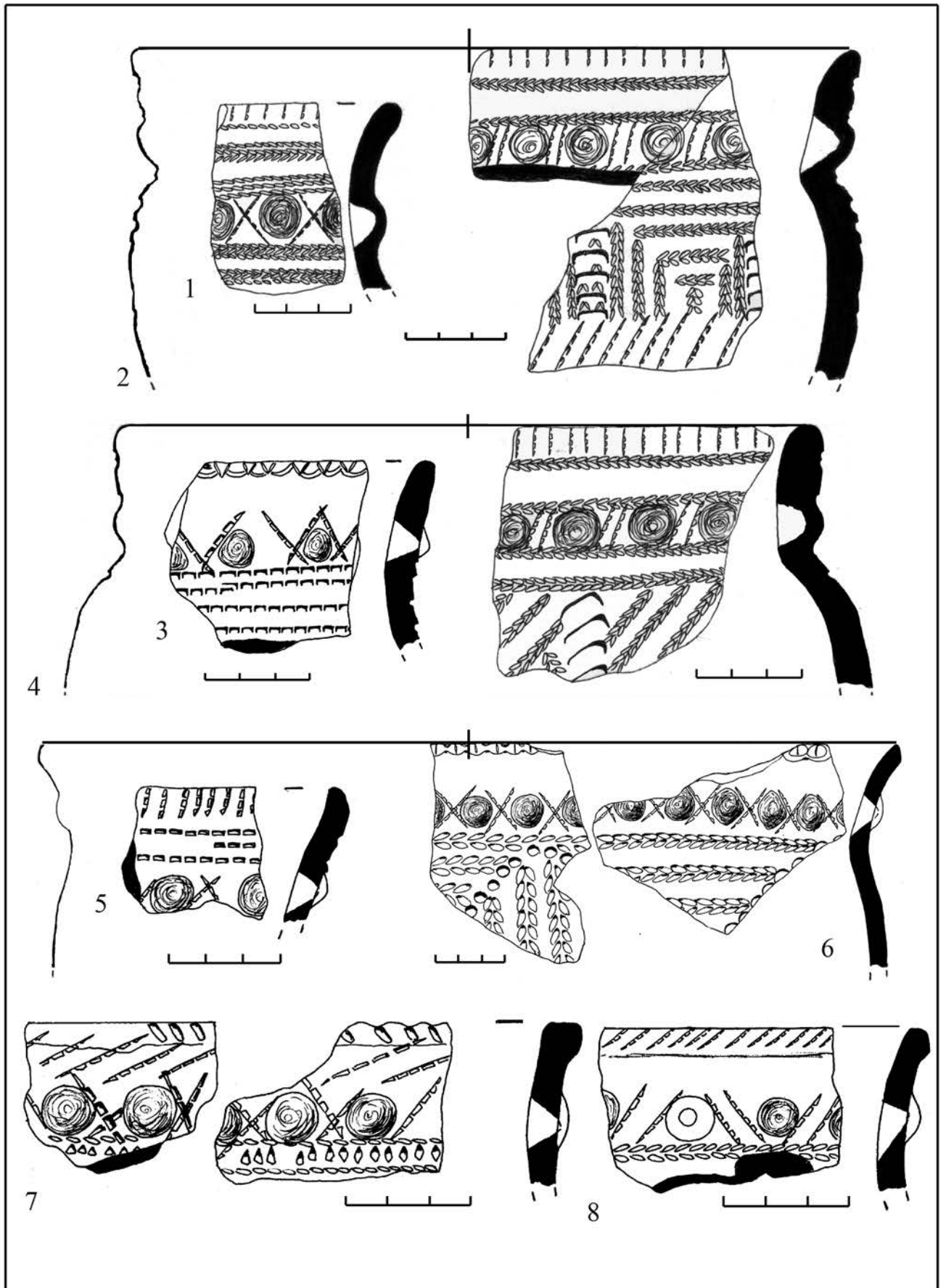

Рис. 20. Поселение Замятино 10. Венчики раннего этапа среднедонской катакомбной культуры. (верхнедонской тип).

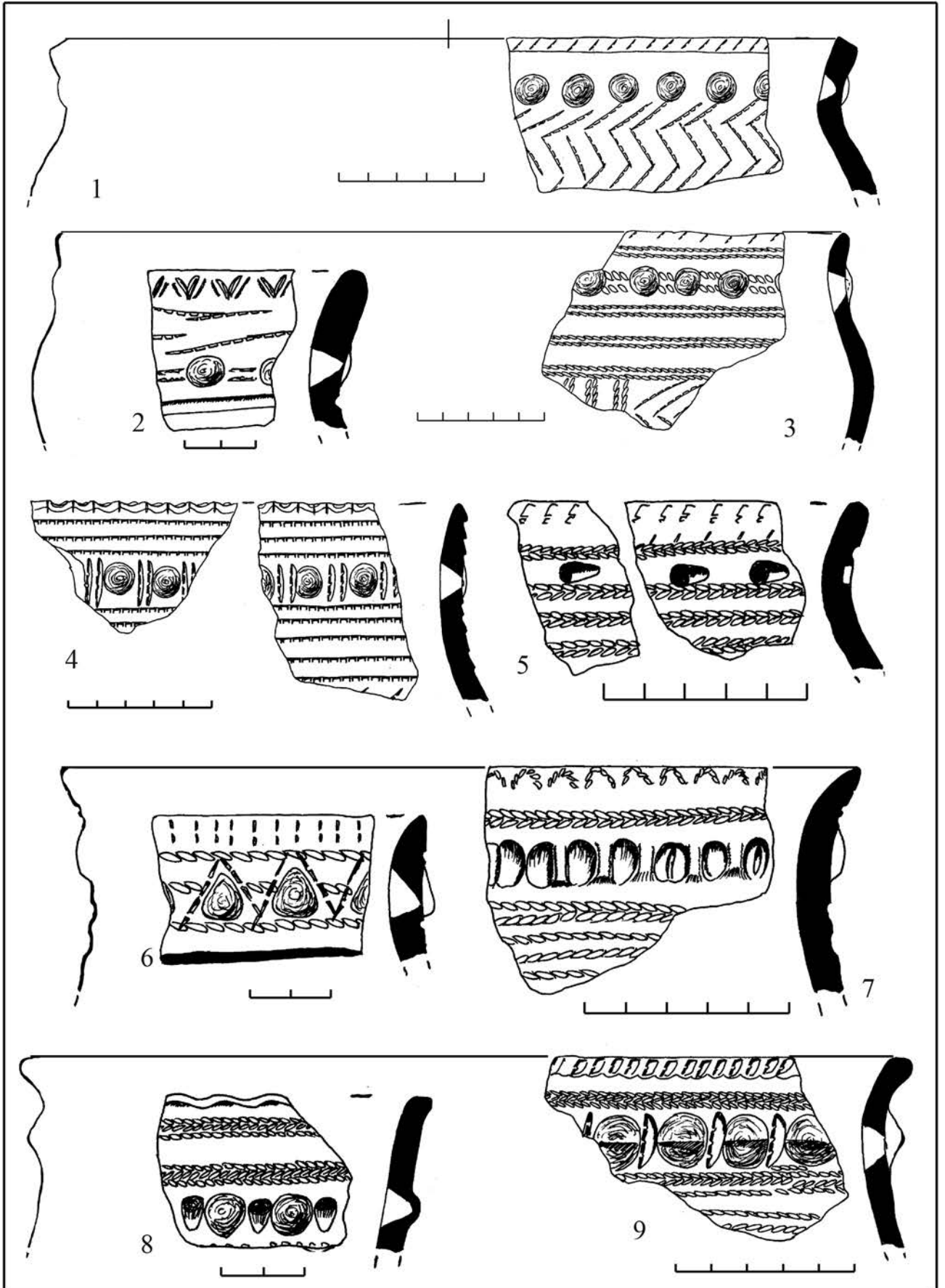

Рис. 21. Поселение Замятино 10. Венчики раннего этапа среднедонской катакомбной культуры. (верхнедонской тип).

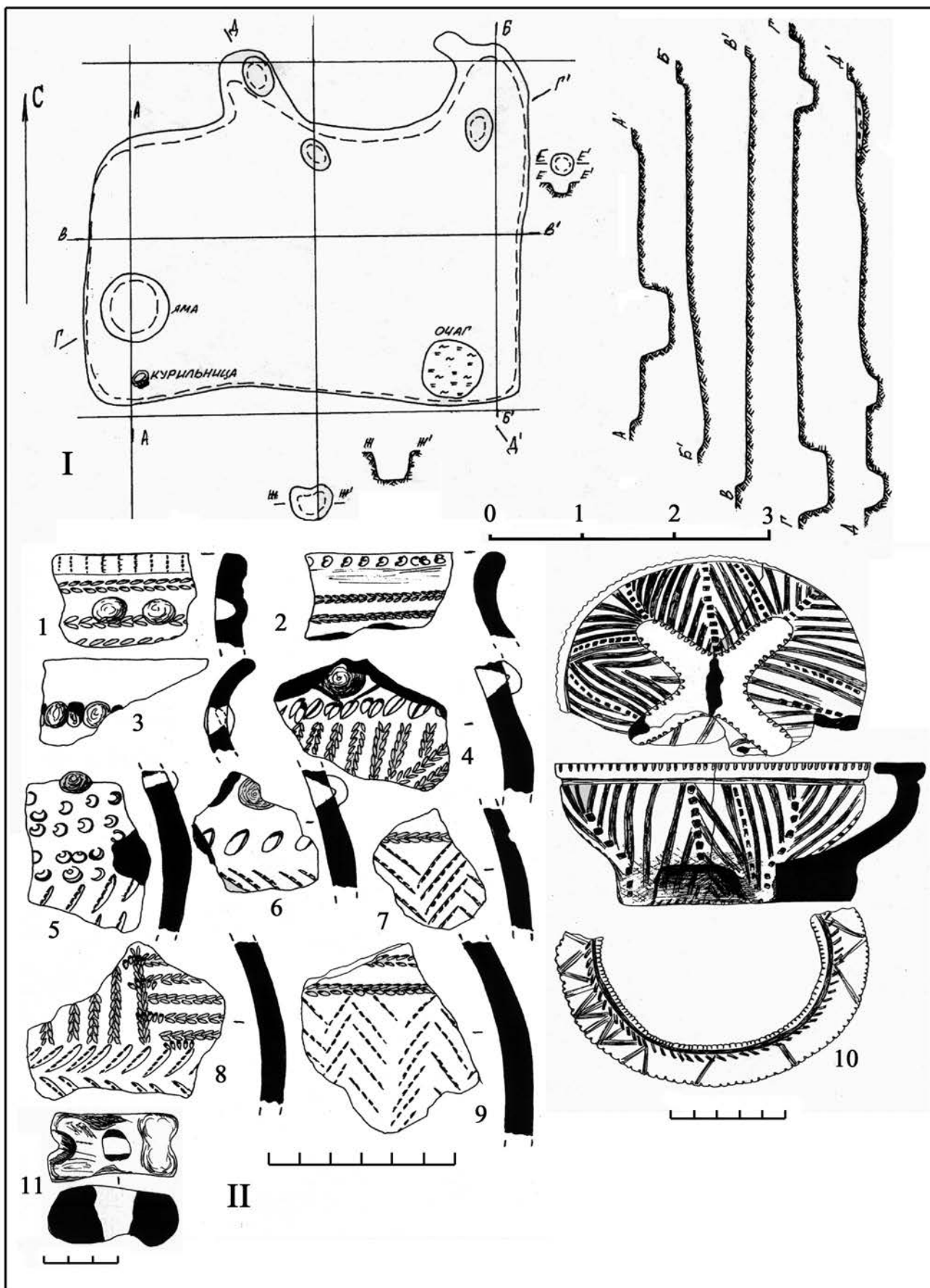

Рис. 22. Постройка среднедонской катакомбной культуры с поселения Замятино 10. I - план и разрезы постройки; II - материал из заполнения постройки (1-10 - глина; 11 - кость).

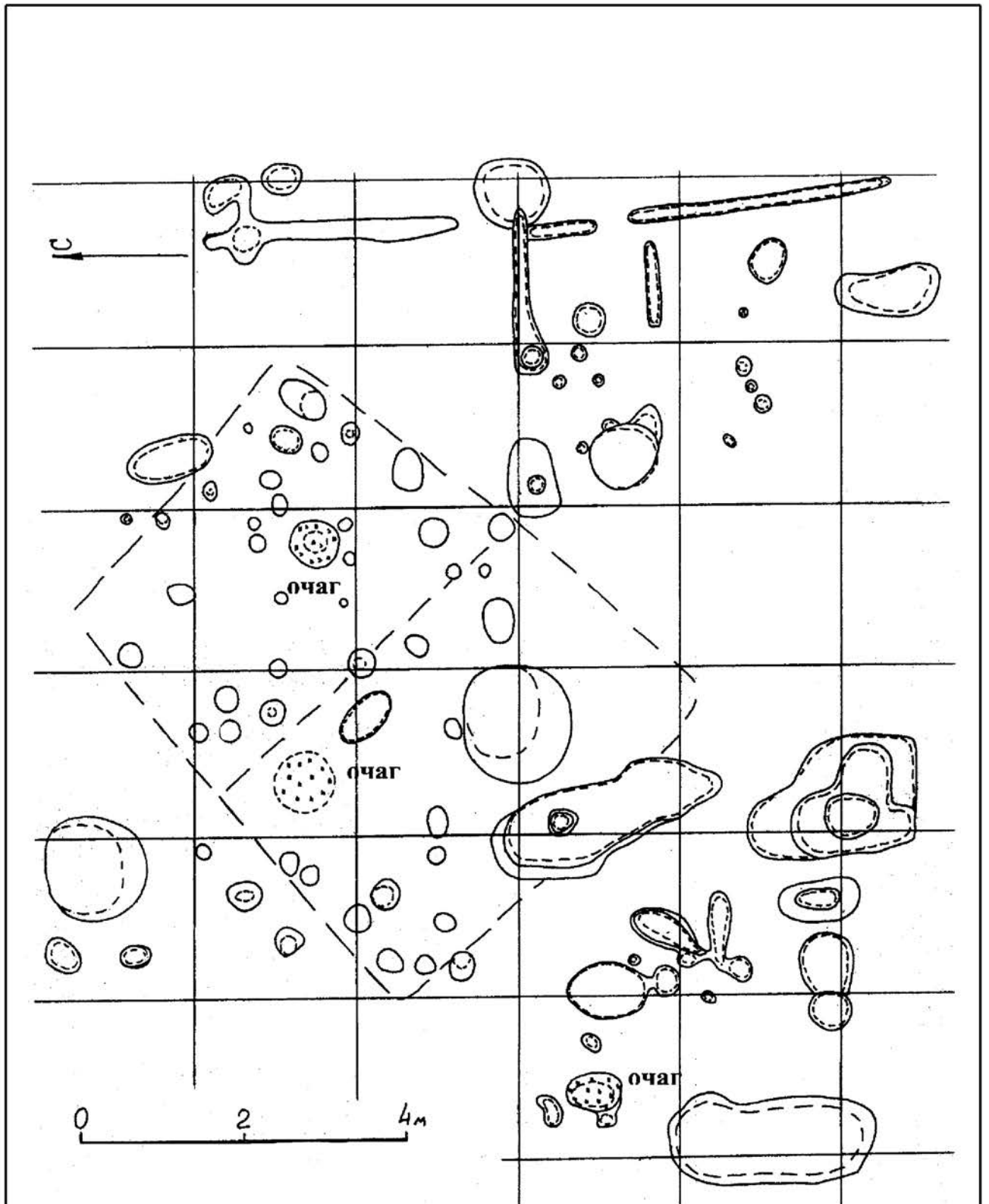

Рис. 23. Планы столбовых ям и очагов (наземные постройки?) с поселения Замятино 10. Скопление 2.

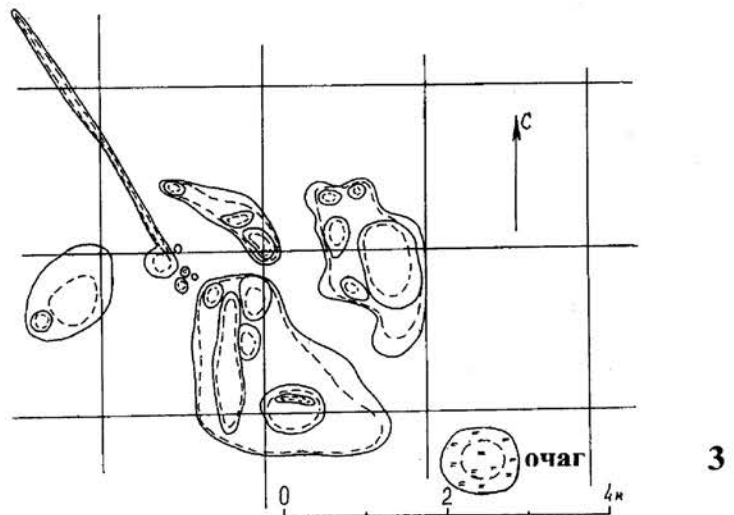
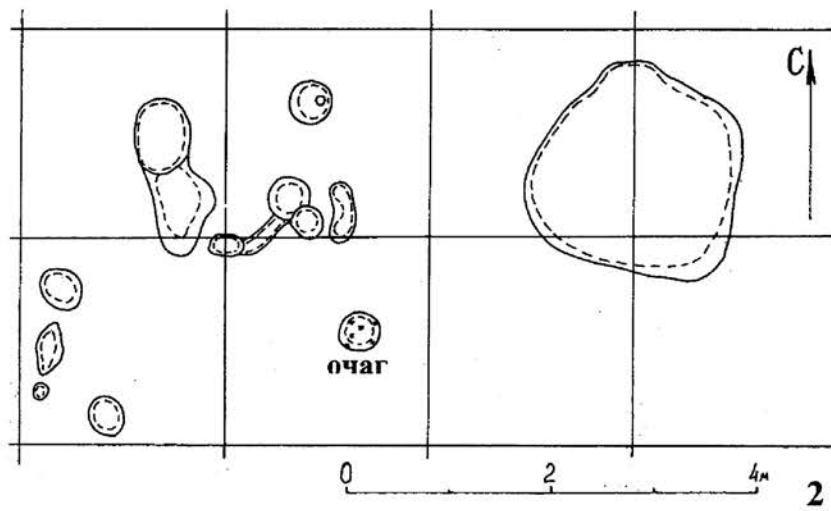
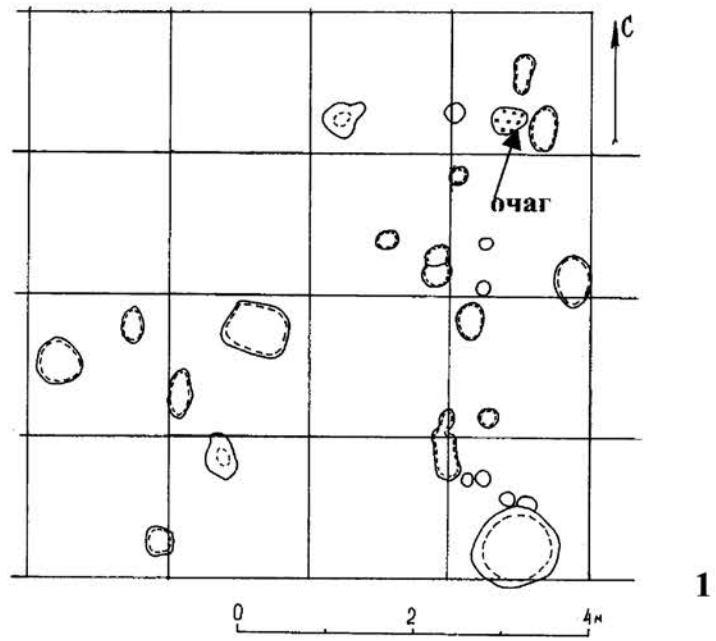

Рис. 24. Планы столбовых ям и очагов (наземные постройки?) с поселения Замятино 10.:

- 1 - скопление 1;
- 2 - скопление 3;
- 3 - скопление 4.

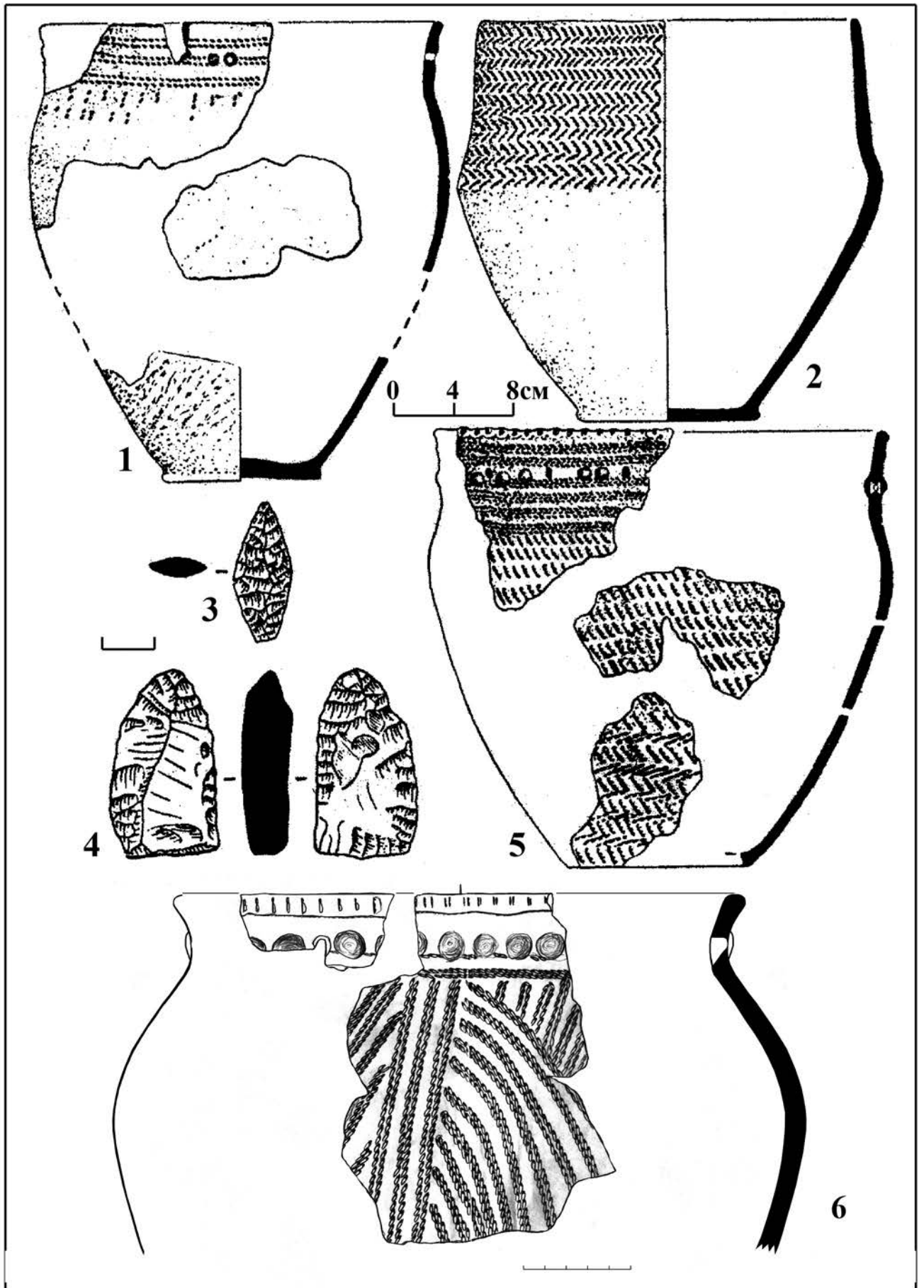

Рис. 25. Материалы раннего этапа катакомбной культуры (верхнедонской тип).
 1-5 - Семилукское городище (по публикациям Пряхина А.Д. и
 Цыбина М.В.); 6 - поселение Рыбное Озеро 2.

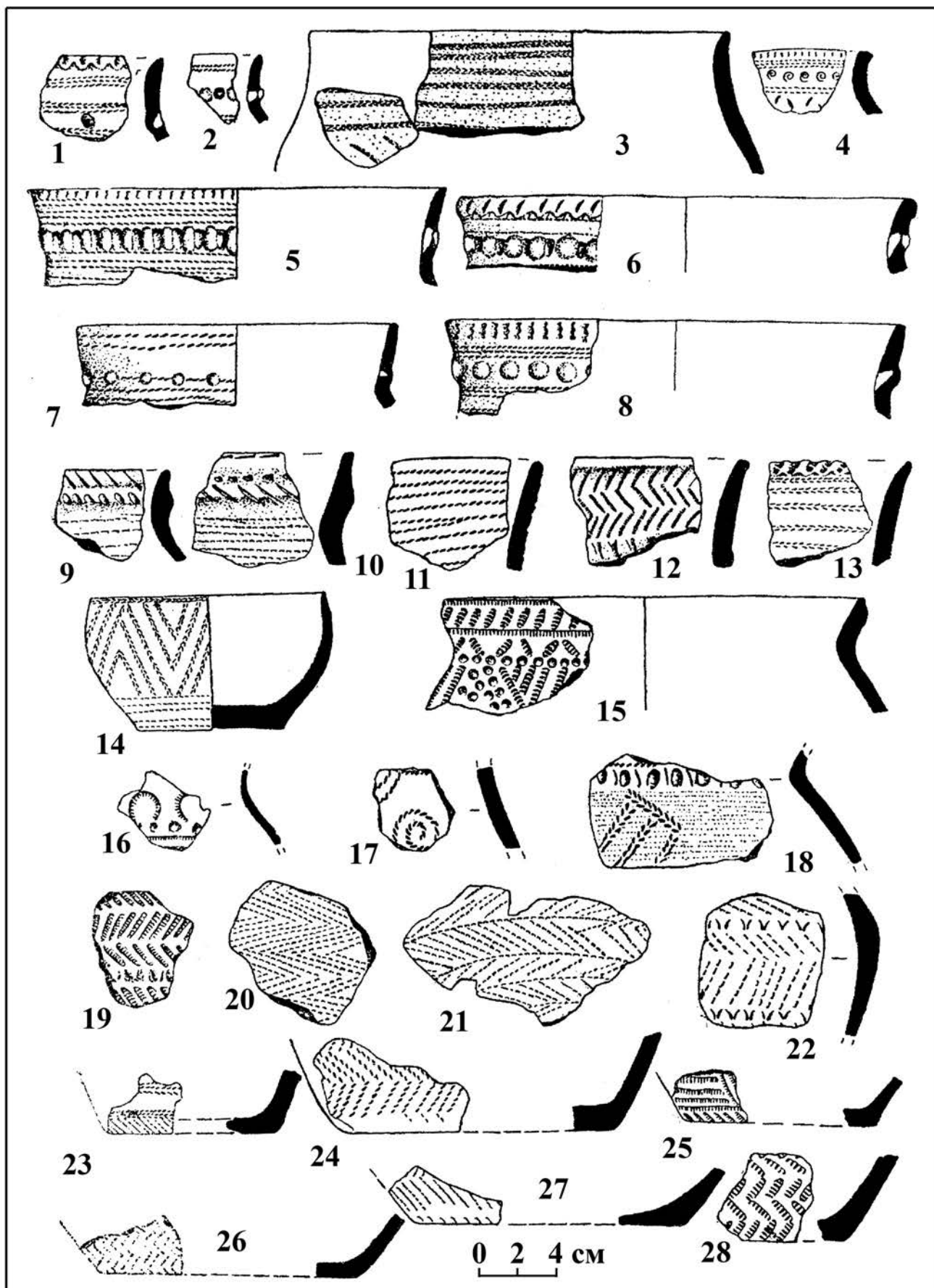

Рис. 26. Поселение Шиловское. Материалы раннего (верхнедонской тип) и развитого этапов катакомбной культуры (по А.Д. Пряхину).

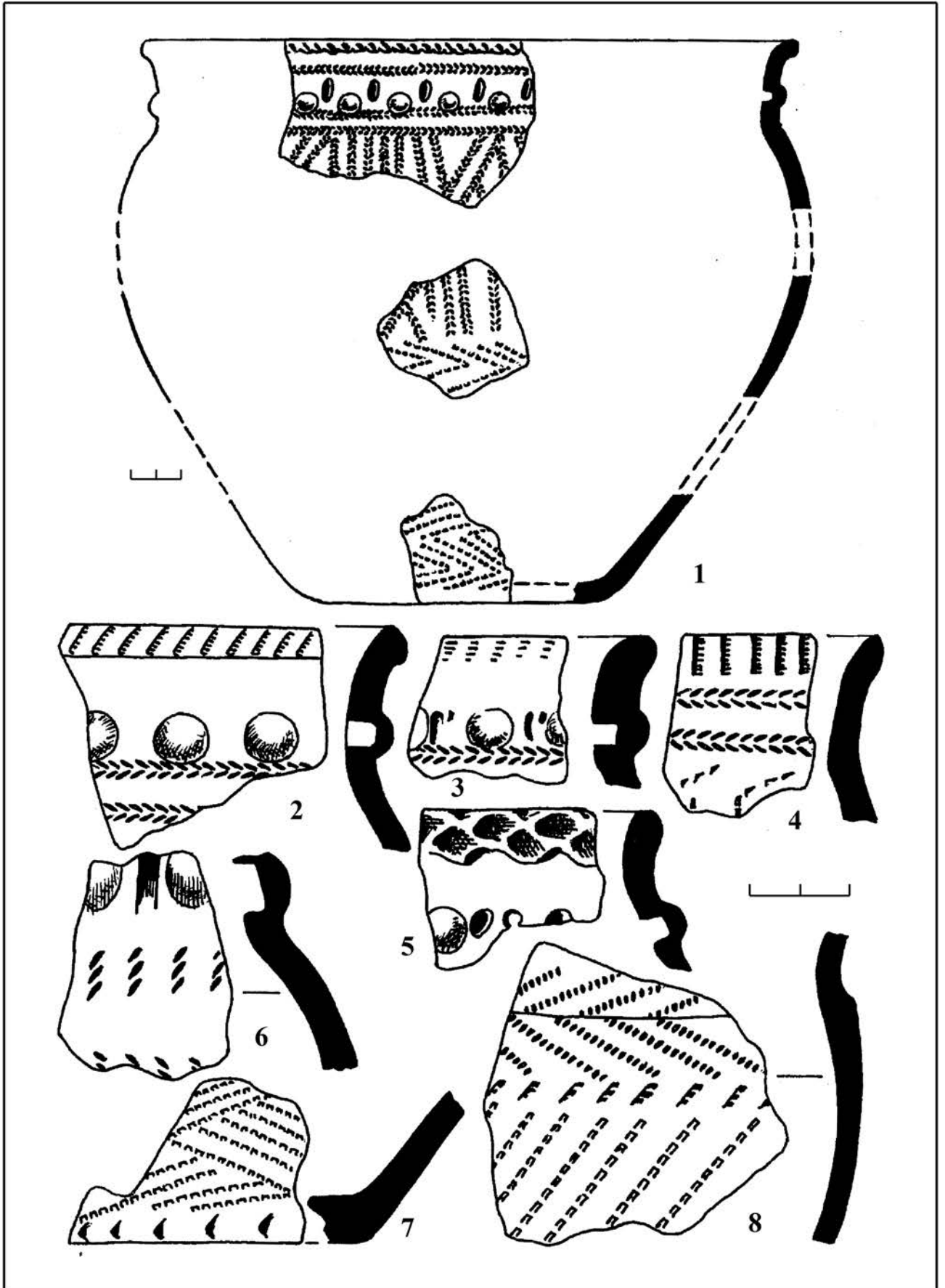

Рис. 27. Поселение Курино 1. Фрагменты керамики раннего этапа катакомбной культуры (верхнедонской тип). (по А.Т. Синюку и А.Н. Бессуднову).

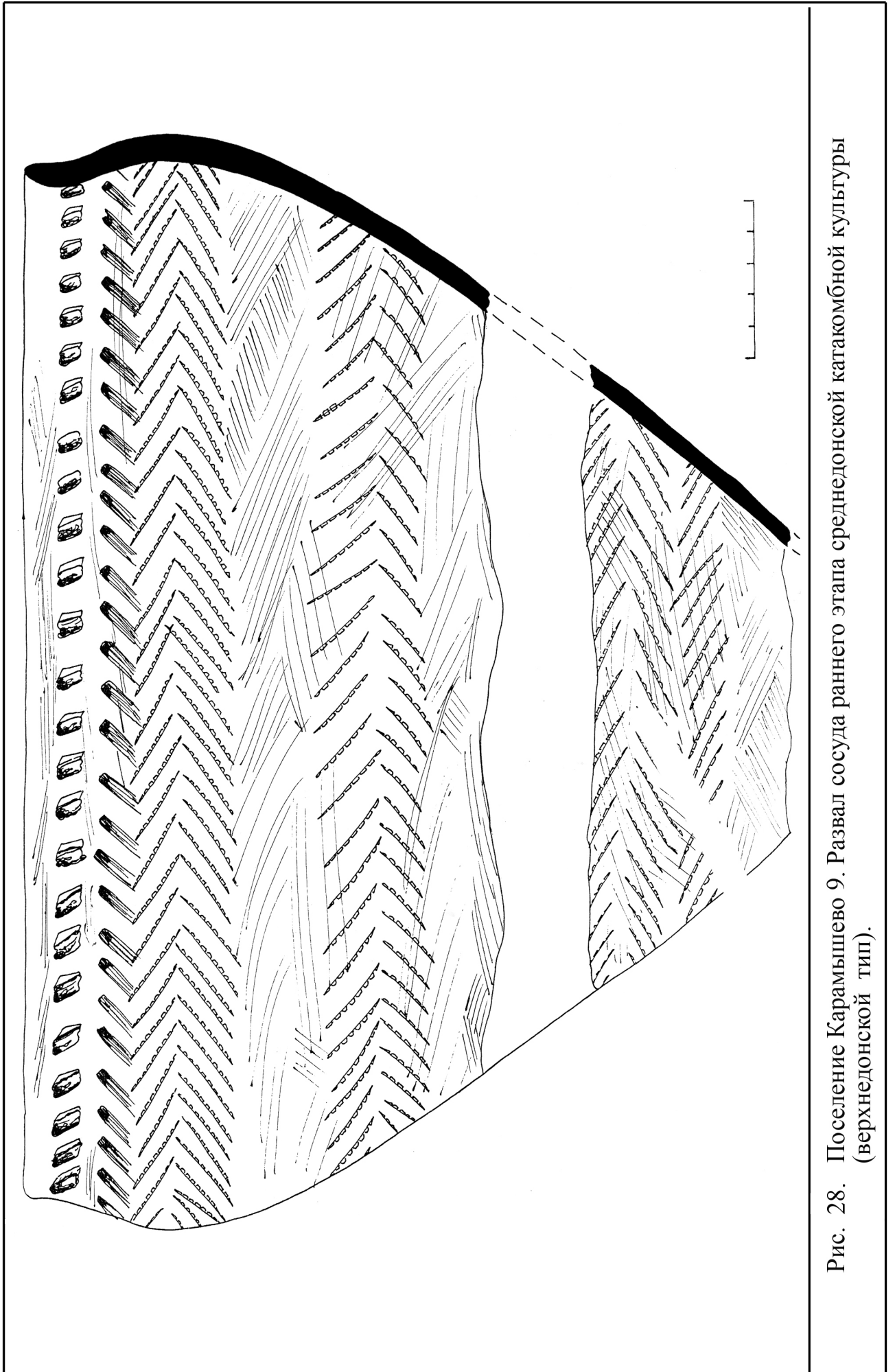

Рис. 28. Поселение Карамышево 9. Развал сосуда раннего этапа среднедонской катакомбной культуры (верхнедонской тип).

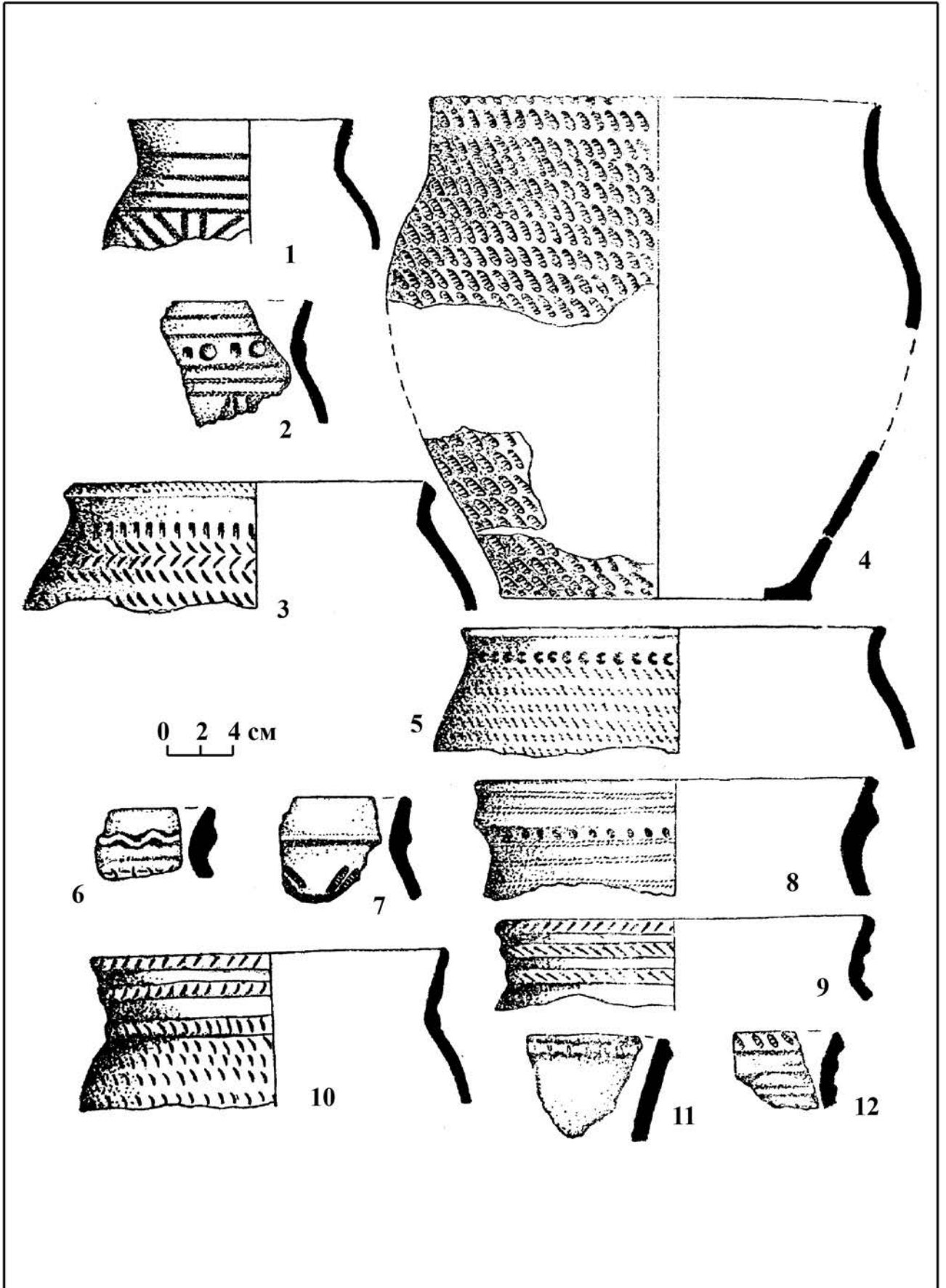

Рис. 29. Поселение Университетское 2. Материалы раннего (2-3,5,8), развитого (1,4) и позднего (остальное) этапов среднедонской катакомбной культуры (по Б.Г. Тихонову и Ю.П. Матвееву).

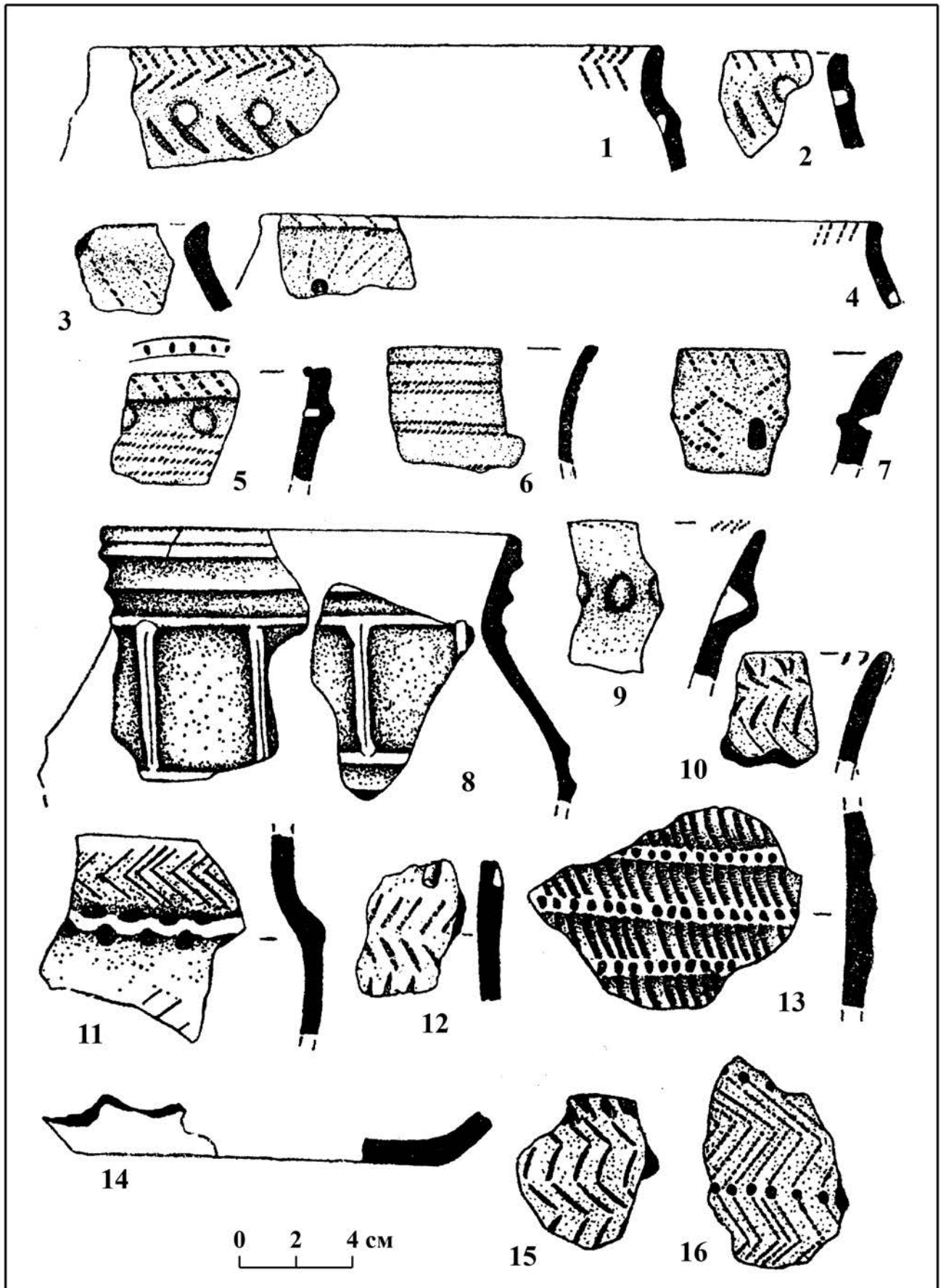

Рис. 30. Поселение Белогорское 1. Керамика раннего (1-7, 9, 12-16) и позднего (8, 10-11) этапов среднедонской катакомбной культуры.

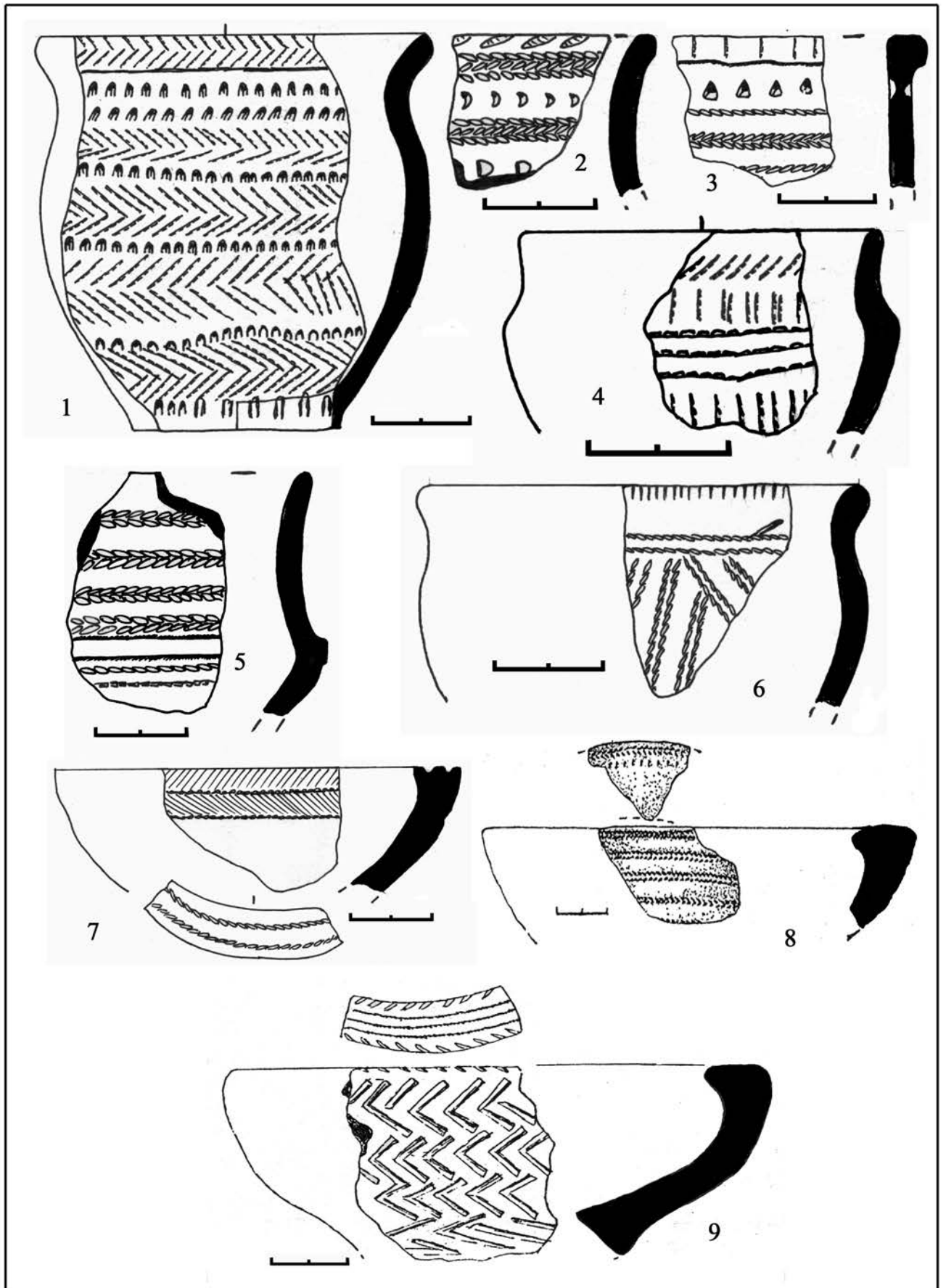

Рис. 31. Миниатюрные сосуды и курильницы с поселений Верхнего Дона: 1-7 - Замятино 10; 8-Северовосточное; 9-Губаревское поселение.

Погребальные памятники среднедонской катакомбной культуры с кургильницами и амфорка (по Л.И. Маслиховой с дополнениями по поселенческому памятнику М.В. Ивашова). 1—Курск; 2—Азарово; 3—Новосильское; 4—Кондаршовка; 5—Нижняя Вешня; 6—Латнос; 7—Хохол; 8—Мастюгино III; 9—Заречь; 10—Прилепы I, 11—Прилепы II; 12—Девича; 13—Запрудное; 14—Усманы; 15—Новая Усманы; 16—Орлиное Болото; 17—Кондрашкинский курган; 18—Тресоруково; 19—Частые курганы; 20—Малые Горки; 21—Никольское; 22—Новая Чигла; 23—Хреновое; 24—Малый Кисляй; 25—Таганский грунтовой могильник; 26—Таганский курган; 27—Павловск; 28—Павловск II; 29—Подгорное I; 30—Подгорное II; 31—Калач; 32—Сасовка; 33—Писаревка; 34—Стояново; 35—Марки; 36—Новохарьковский грунтовой могильник; 37—Большая Могила; 38—Карашинок; 39—Ольховатка I; 40—Ольховатка II; 41—Росошь; 42—Архиповка; 43—Пасеково; 44—Веревковка; 45—Болучар II; 46—Луговое; 47—Лофицкое; 48—Высокая Гора; 49—Пески; 50—Ширяево; 51—Нехаевский могильник; 52—Графский могильник; 53—Туголуково; 54—Власовка I; 55—Власовка II; 56—Власовка III; 57—Ильмень; 58—Березовка; 59—Новоаннинский могильник; 60—Александровка-Донская; 61—Слащевская; 62—Глазуновский могильник; 63—Сидоры; 64—Орешкин I; 65—Озеро Подгорное; 66—Ильевка; 67—Дубовка; 68—Авилковский; 69—Желтухин; 70—Гары; 71—Петрунино II; 72—Нижняя Грязнуха; 73—Петров Вал; 74—Жареный Бугор; 75—Печенеги; 76—Воронцовка; 77—Кулянский; 78—Валулки; 79—Шелаево «Кубаева Могила»; 80—Герасимовка; 81—Новоплагоновка; 82—Охримовский могильник; 83—Филаговский курган; 84—Каширское; 85—Старая Калитва.

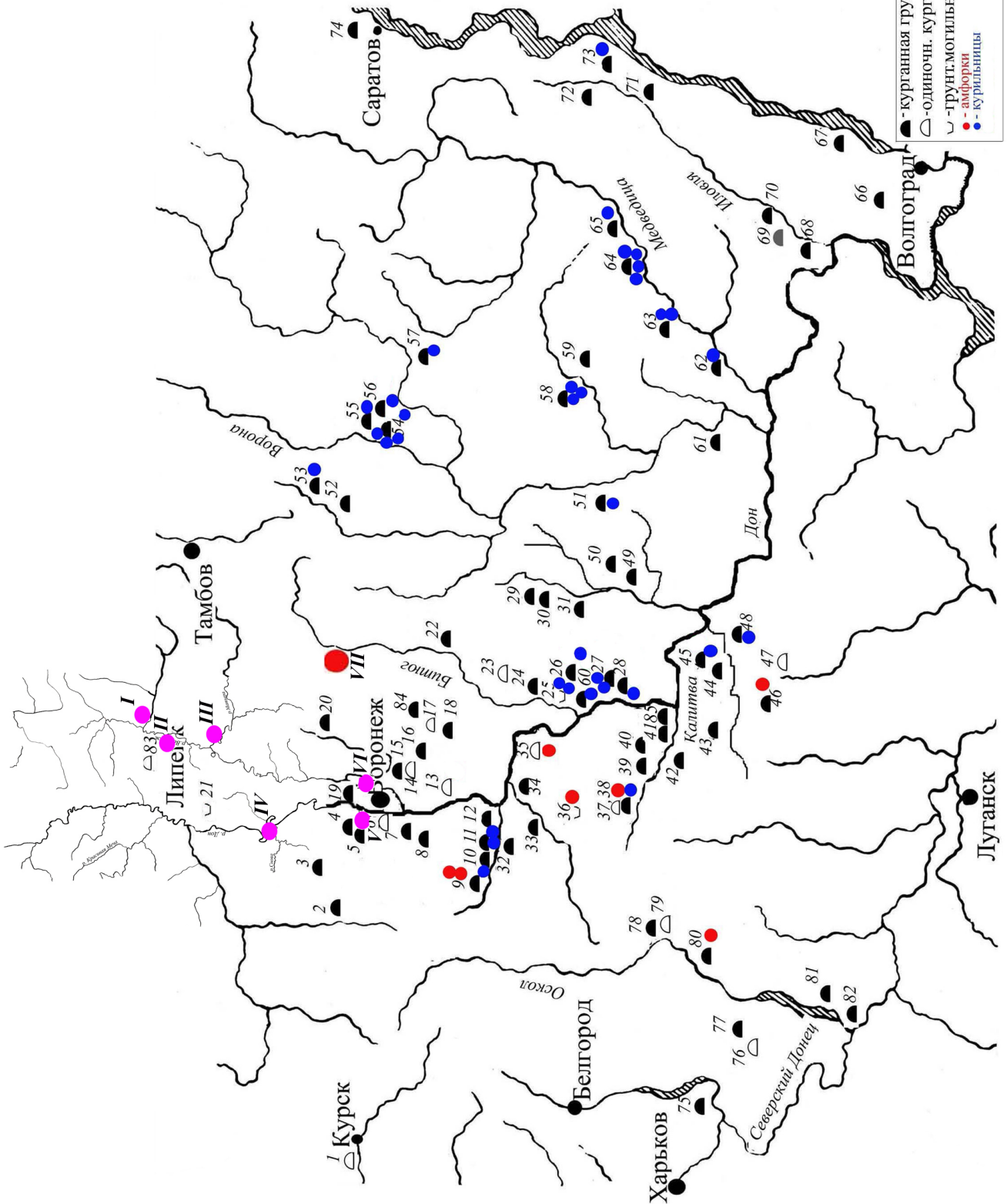

Рис. 32. Места находок кургильниц и амфорок на Верхнем Дону (дополнения М.В. Ивашова): I - поселение Буховое 10; II - Добровская стоянка; III - стоянка Рыбное Озеро 2; IV - поселение Замятино 10; V - Губаревское поселение; VI - Северовосточное поселение; VII - Ровенский грунтовой могильник.

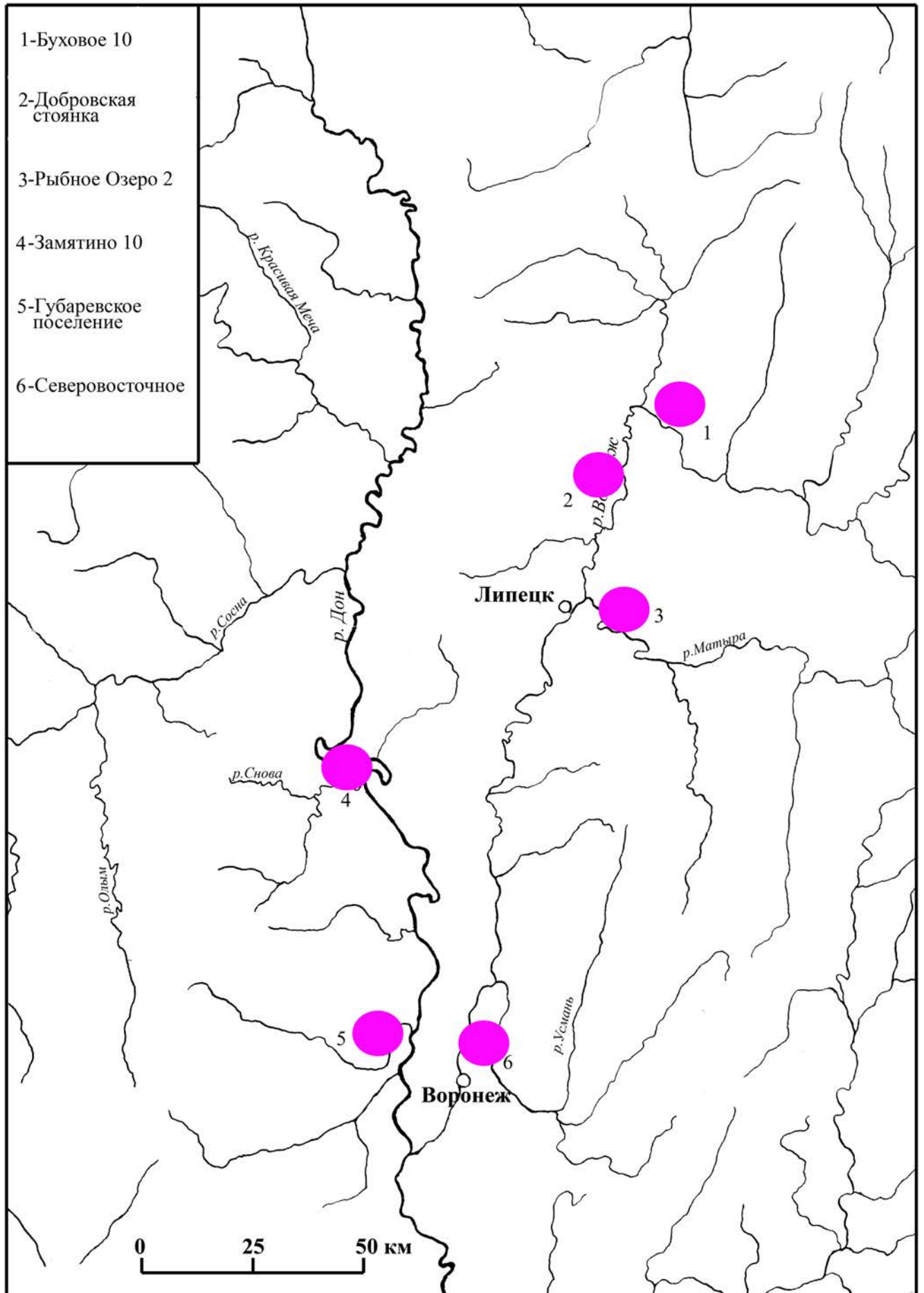

Рис. 33. Карта нахождения курильниц катакомбной культуры на поселениях Верхнего Дона.

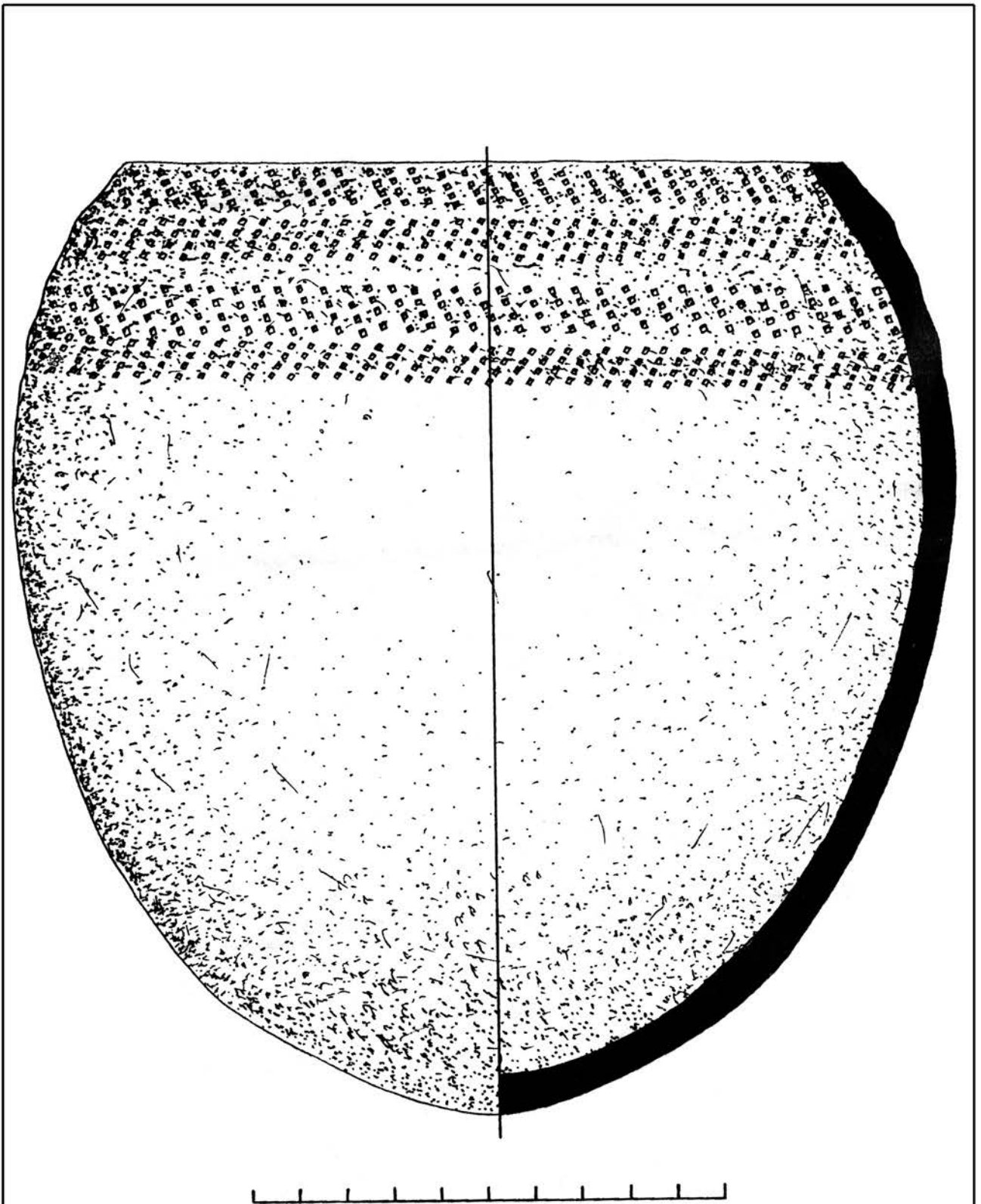

Рис. 34. Реконструкция сосуда ямной культуры. Поселение Мухино 2.
Задонский район Липецкой области.

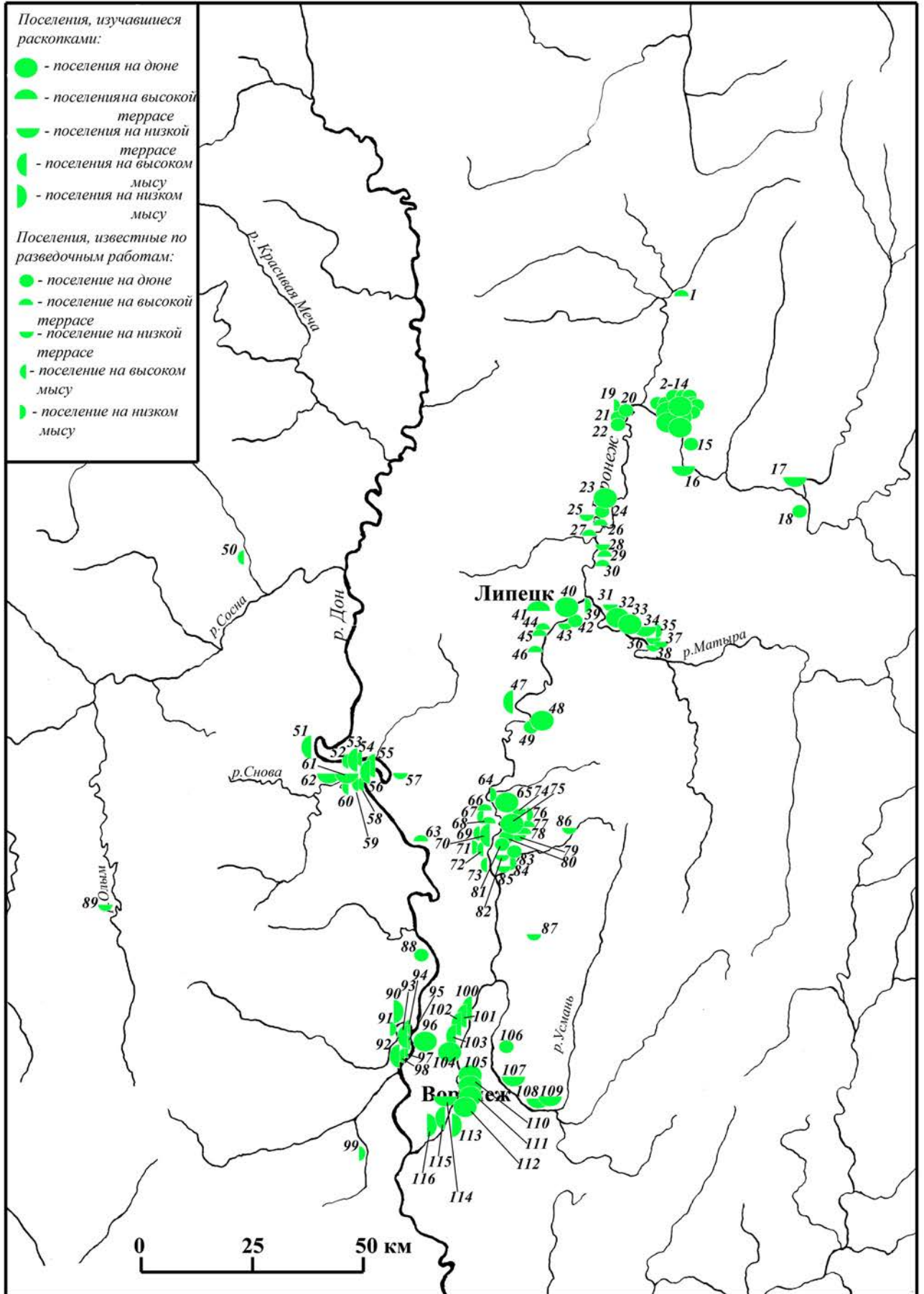

Рис. 35. Карта поселений развитого этапа катакомбной культуры на Верхнем Дону.

К рис. 35. Поселения развитого этапа катакомбной культуры на Верхнем Дону.

1. Пункт 438
2. Буховое 8
3. Буховое 10
4. Васильевский кордон 1
5. Васильевский кордон 5
6. Васильевский кордон 6
7. Васильевский кордон 7
8. Васильевский кордон 18
9. Васильевский кордон 20
10. Васильевский кордон 21
11. Васильевский кордон 22
12. Васильевский кордон 23
13. Васильевский кордон 25
14. Васильевский кордон 27
15. Преображенровка 3
16. Кривец 4
17. Старое Торбеево
18. Поселение 1 у с. Красный городок
19. Делеховое 2
20. Делеховое 1
21. Студёновка 1
22. Студёновка 2
23. Добровская стоянка
24. Пункт 383
25. Богородицкое 6
26. Поселение «Дева-яма»
27. Филатовка 6
28. Желтые Пески 6
29. Пункт 97
30. Пункт 98
31. Пункт 242
32. Рыбное Озеро 1
33. Рыбное Озеро 2
34. Ярлуковская протока 1
35. Пункт 217
36. Пункт 224
37. Пункт 229
38. Пункт 243
39. Пункт 198
40. «Липецкое Озеро»
41. Косырёвка 1 (ЛФК «Рошен»)
42. Новолипецкое
43. Пункт 453
44. Троицкое 5
45. Троицкое 7
46. Первое Мая 1
47. Пады IV
48. Карамышево 9
49. Карамышево (дюна «Избище»)
50. Поселение Галичья Гора 2
51. Городище в ур. Курган у с. Каменка
52. Замятино 1
53. Замятино 10
54. Замятино 2
55. Ксизово 17
56. Ксизово 19
57. Даньшино 2
58. Ксизово 1
59. Ксизово 2
60. Мухино 1
61. Мухино 2
62. Балахнинское поселение
63. Поселение у с. Конь-Колодезь
64. Поселение в ур. Круча 3
65. Поселение Савицкое 1 (Пункт 354 у В.П. Левенка)
66. Вербилово 13
67. Городище Вербилово
68. Поселение Вертячье
69. Городище Вертячье
70. Подгоренское городище
71. Поселение Подгорное 3
72. Поселение Малинино 8
73. Поселение у с. Малый Мечек
74. Поселение «Озеро Круглов» 1
75. Первомайское лесничество 1
76. Савицкое 18
77. Савицкое 8
78. Савицкое 12
79. Поселение 8 у кордона Барковский
80. Круглянка. Поселение 1.

81. Поселение 6 у оз. Любовицкое
82. Поселение 21 у с. Излегоще
83. Поселение 30 у с. Излегоще
84. Поселение 11 в Юшинском заказнике
85. Поселение 3 в Юшинском заказнике
86. Поселение 6 у с. Никольское
87. Поселение 8 у с. Беяево
88. Поселение у д. Гнездилово
89. Поселение 2 у п. Воловский-2-й
90. Поселение Губарево
91. Поселение Губарево 2
92. Городище «Чернышова Гора»
93. Семилукское городище
94. Поселение Нижние Сады 1
95. Поселение Нижние Сады 2
96. Ямное
97. Поселение Семилуки 2
98. Поселение Семилуки 3
99. Поселение 3 у с.Еманча
100. Белогоское 1 городище
101. Белогорское 1 поселение
102. Городище «Егеревский кордон»
103. Городище «Михайловский кордон»
104. Чертовицкая стоянка
105. Университетское 1
106. Поселение «Лесные Узоры»-1
107. Поселение Боровое
108. Рыкань 2
109. Рыкань 3
110. Университетское 2
111. Университетское 3
112. Кировское поселение
113. Поселение у Вогрэсовской дамбы
114. Поселение Правобережное у плотины
115. Городище у дачного посёлка «Сады»
116. Поселение Чижовское 2

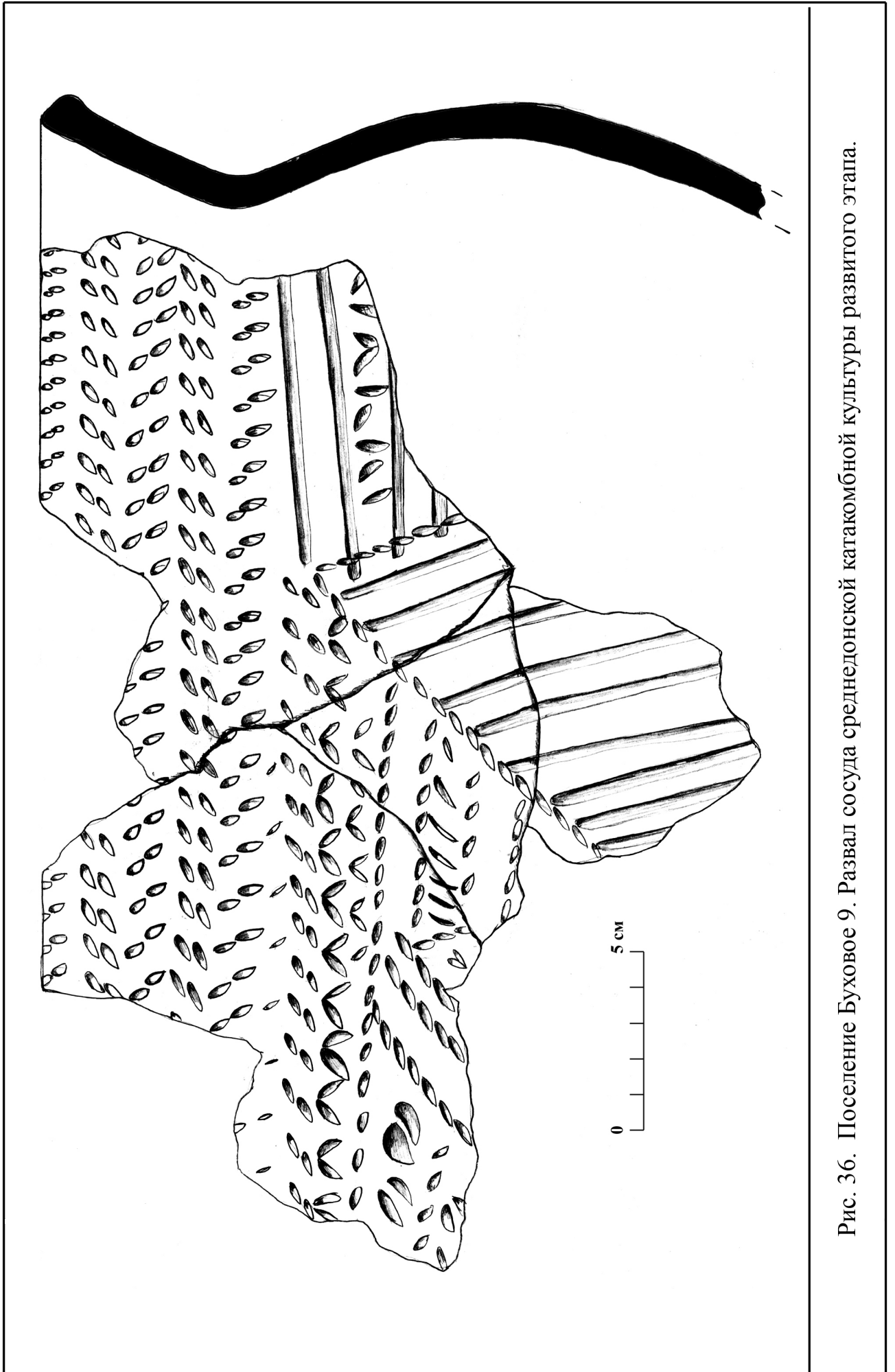

Рис. 36. Поселение Буховое 9. Развал сосуда среднедонской катакомбной культуры развитого этапа.

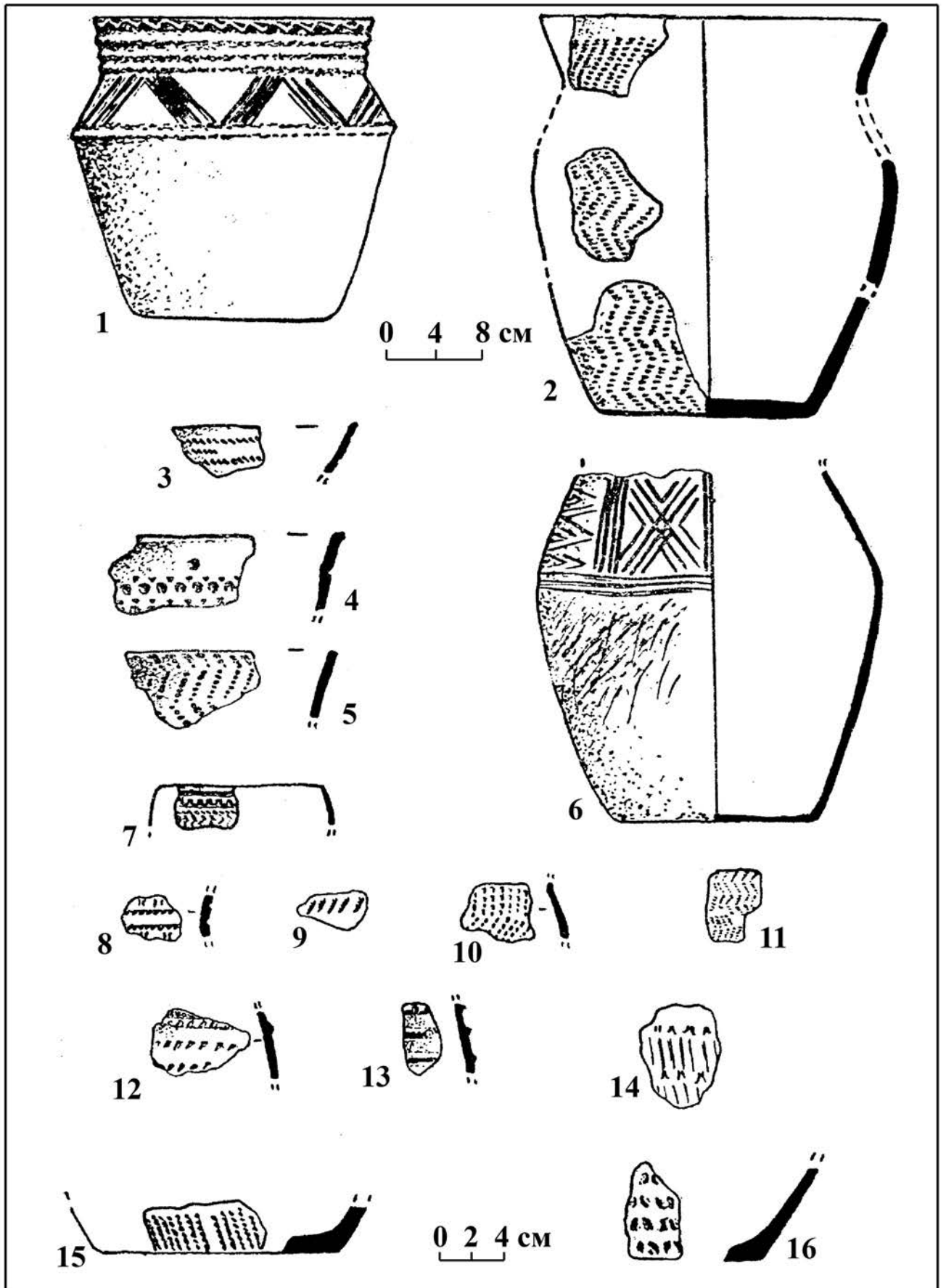

Рис. 37. Поселение Ксизово 1. Фрагменты керамики развитого и позднего этапов среднедонской катакомбной культуры (по А.Д. Пряжину).

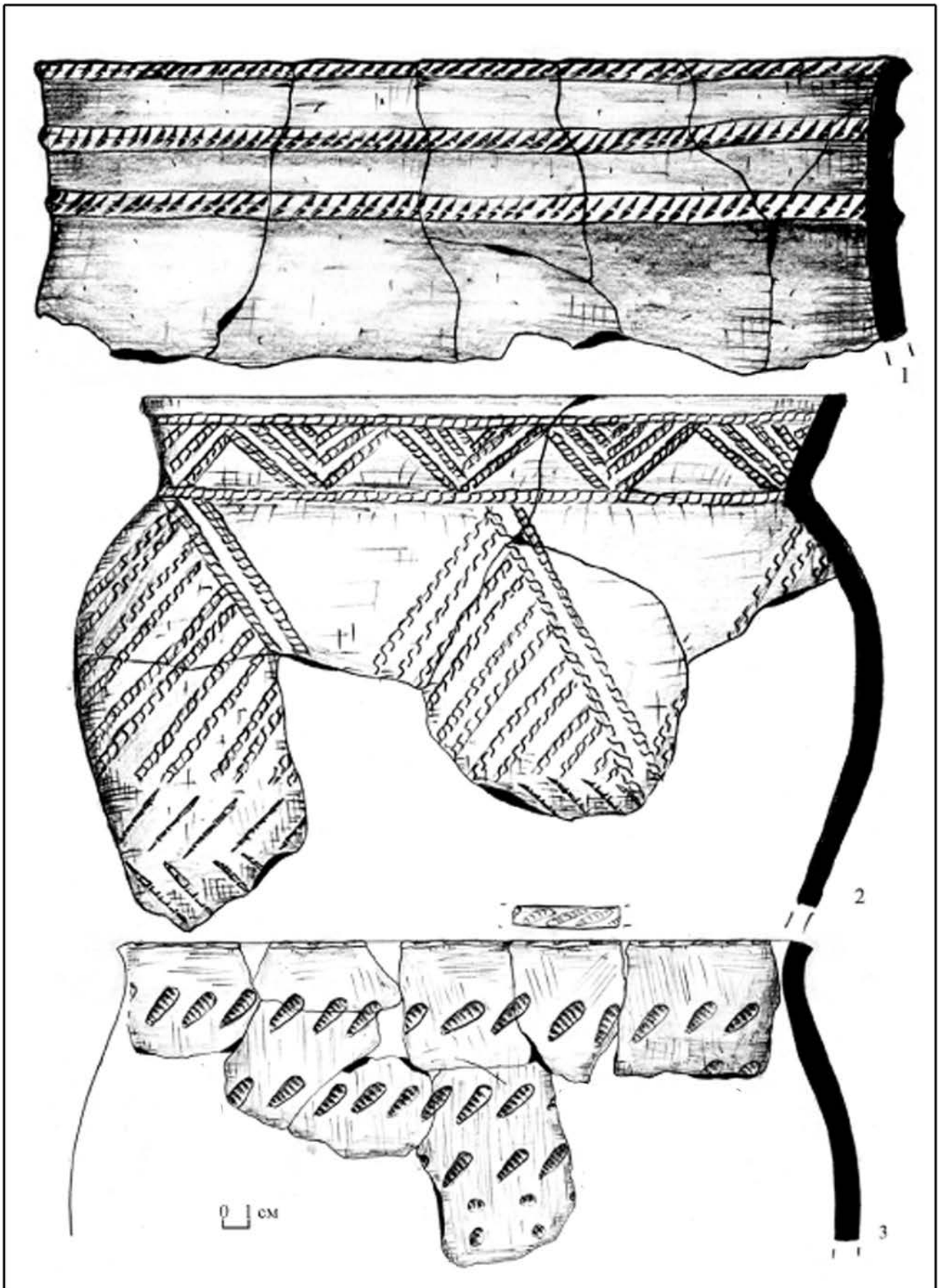

Рис. 38. Поселение Васильевский кордон 7. Материалы развитого (2-3) и позднего (1) этапов среднедонской катакомбной культуры.

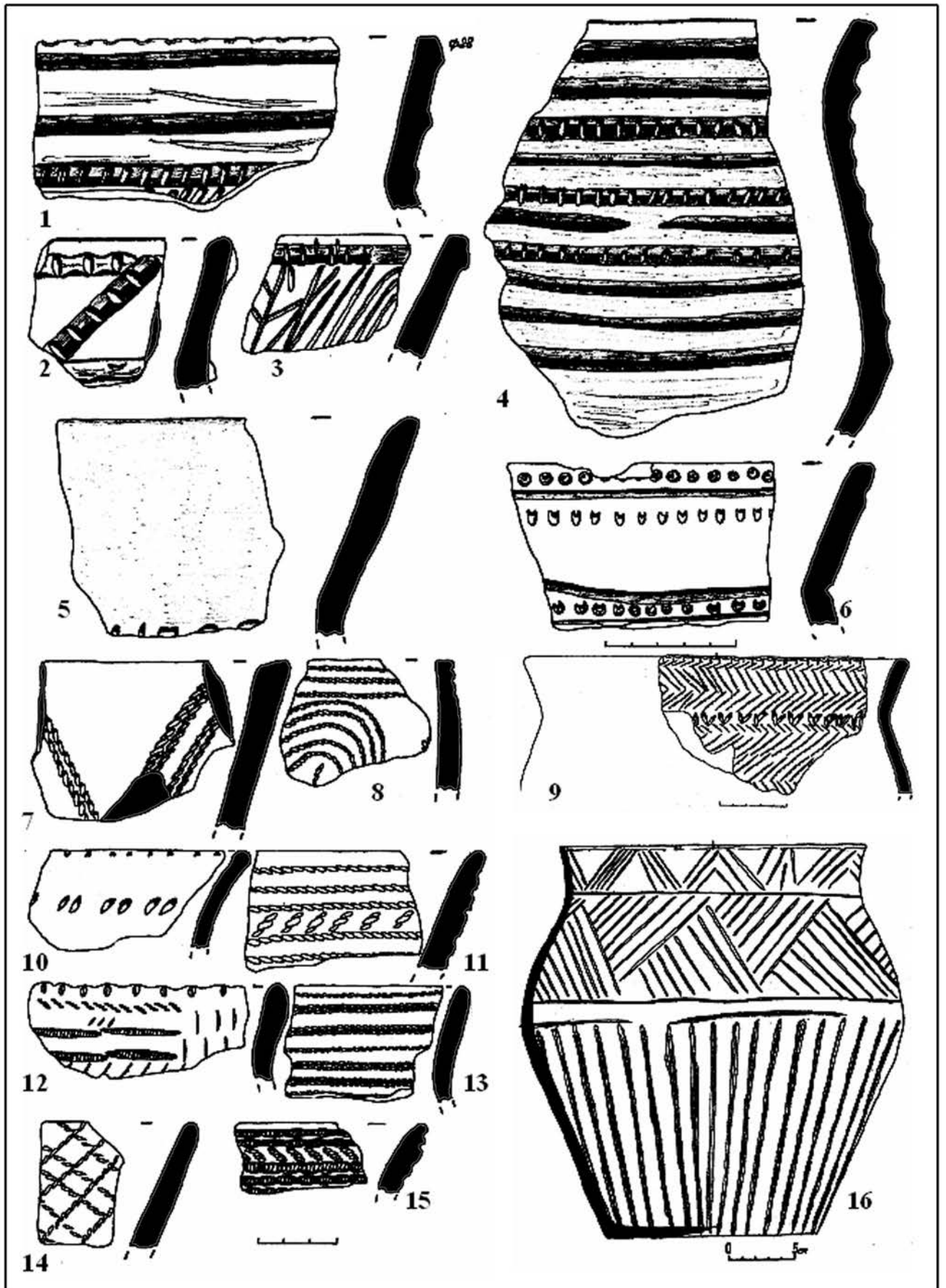

Рис. 39. Балахнинское поселение. Материалы развитого и позднего этапов среднедонской катакомбной культуры.

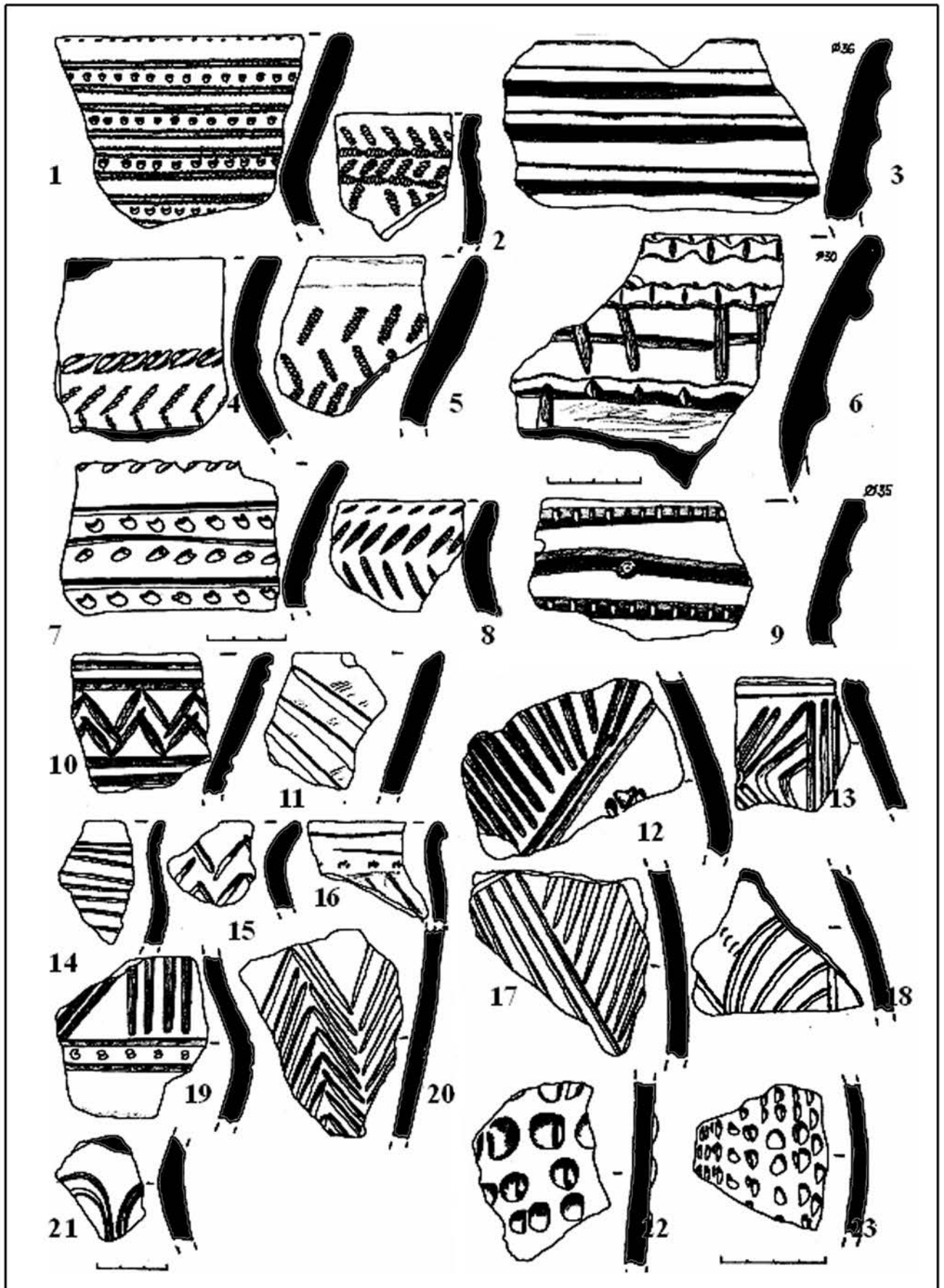

Рис. 40. Балахнинское поселение. Материалы развитого и позднего этапов среднедонской катакомбной культуры.

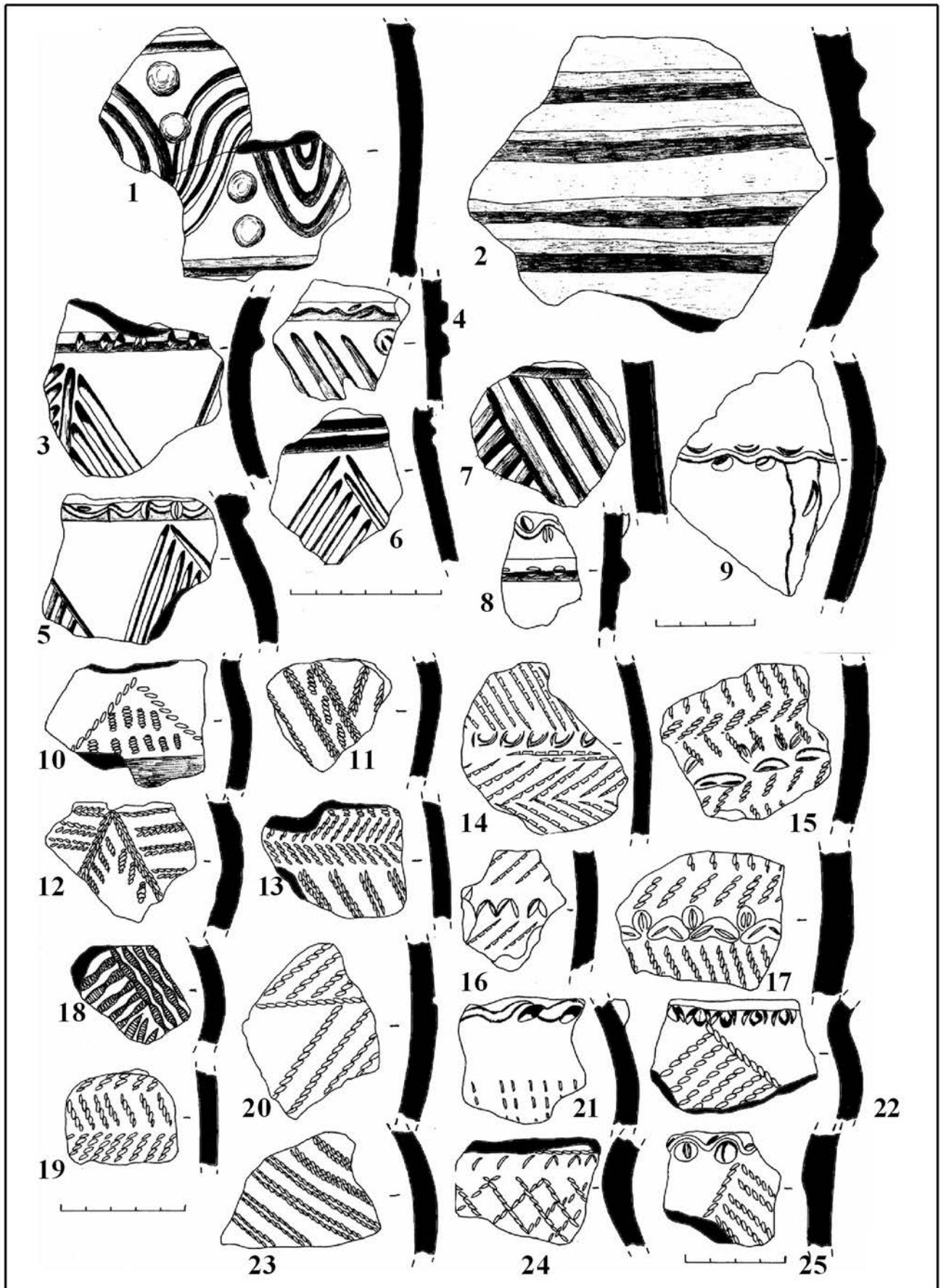

Рис. 41. Балахнинское поселение. Материалы развитого и позднего этапов среднедонской катакомбной культуры.

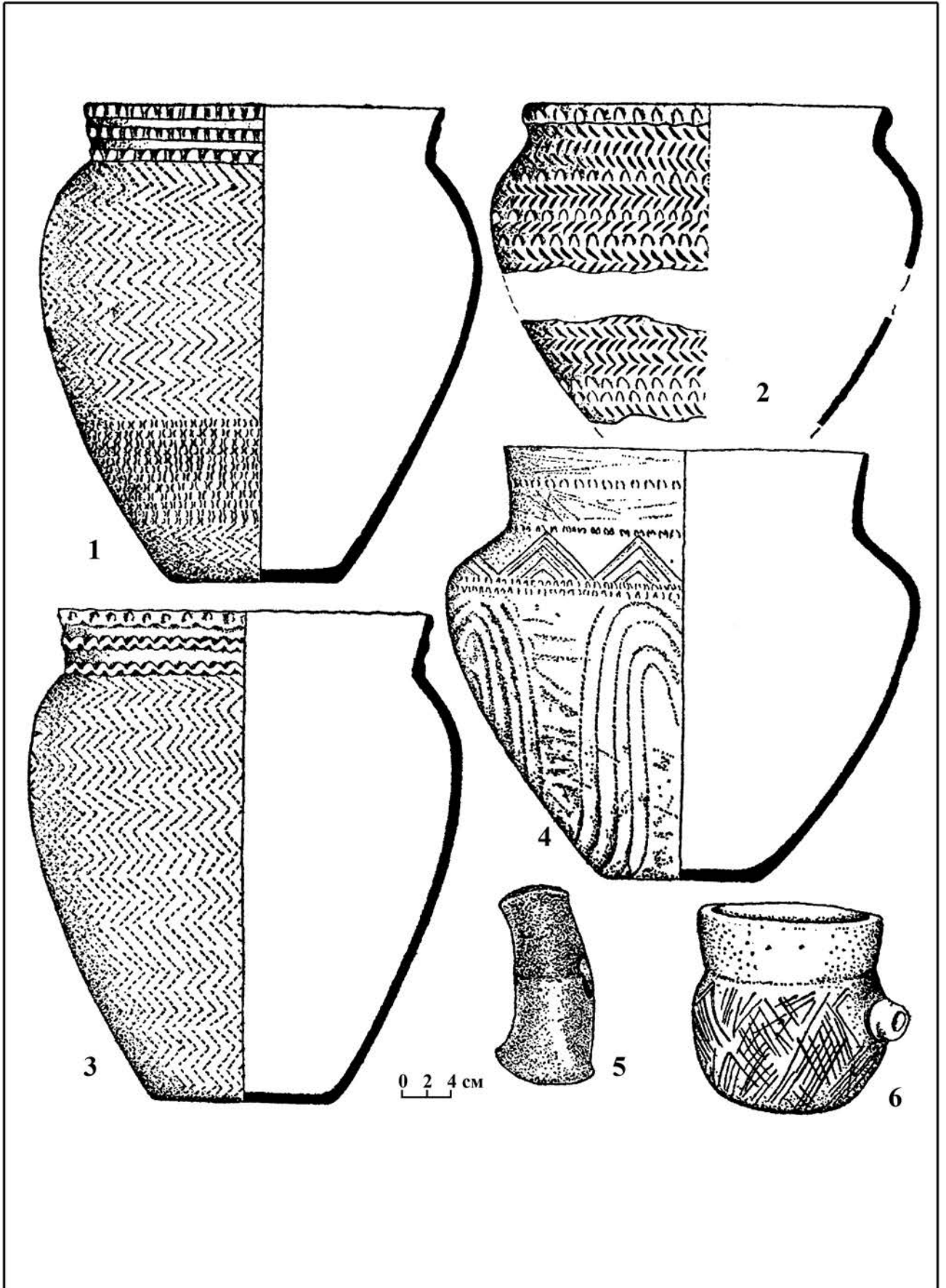

Рис. 42. Поселение Университетское 2. Материалы среднедонской катакомбной культуры (по Б.Г. Тихонову и Ю.П. Матвееву).

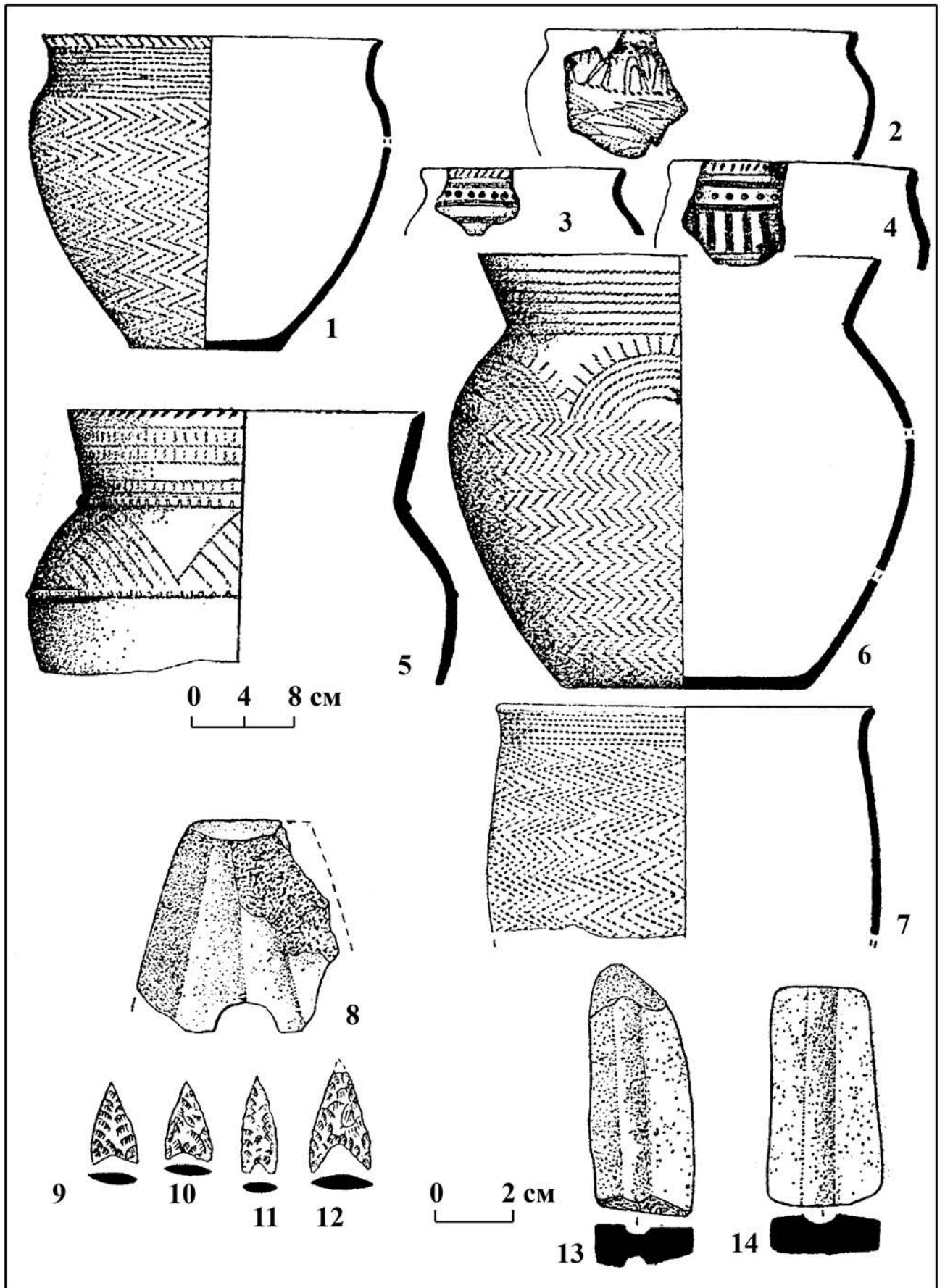

Рис. 43. Поселение Университетское 3. Материалы развитого и позднего (6) этапов среднедонской катакомбной культуры (по Б.Г. Тихонову и Ю.П. Матвееву).

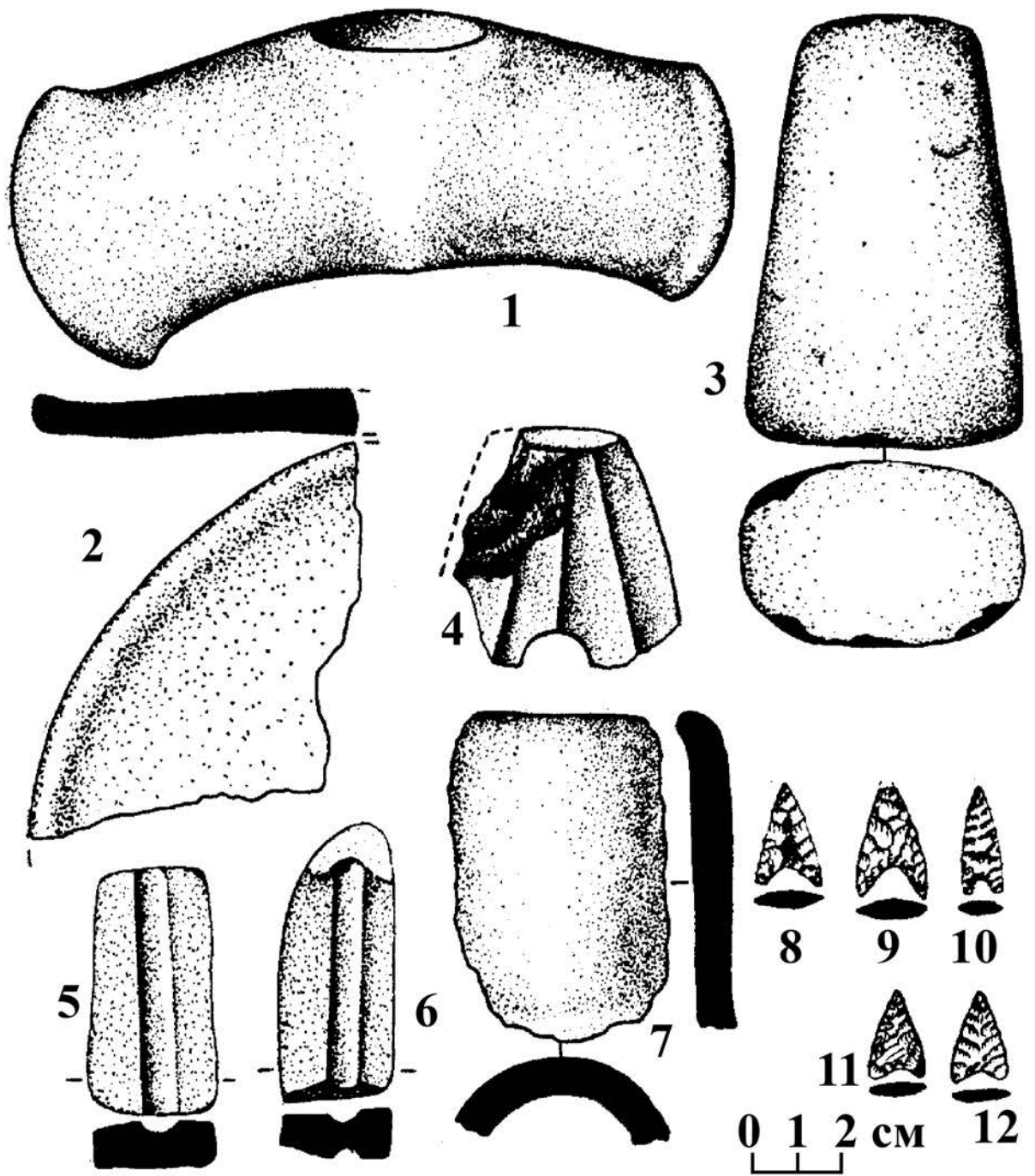

Рис. 44. Поселение Университетское 2. Материалы среднедонской катакомбной культуры (по Б.Г. Тихонову и Ю.П. Матвееву).

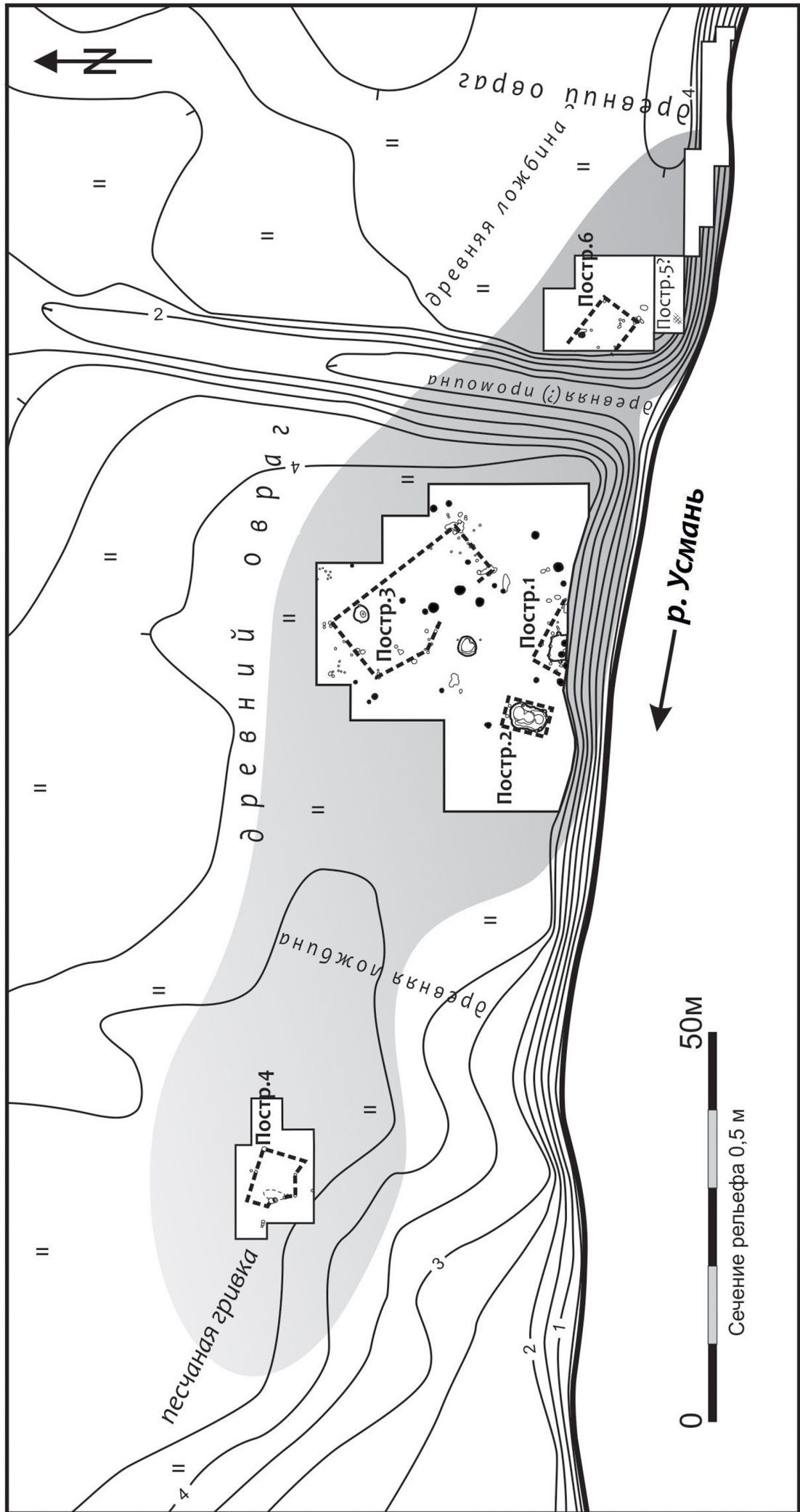

Рис. 45. Поселение Рыкань 3. Раскопанные участки поселения с постройками (по Е.И. Гаку, Д.Ю. Давыдову).

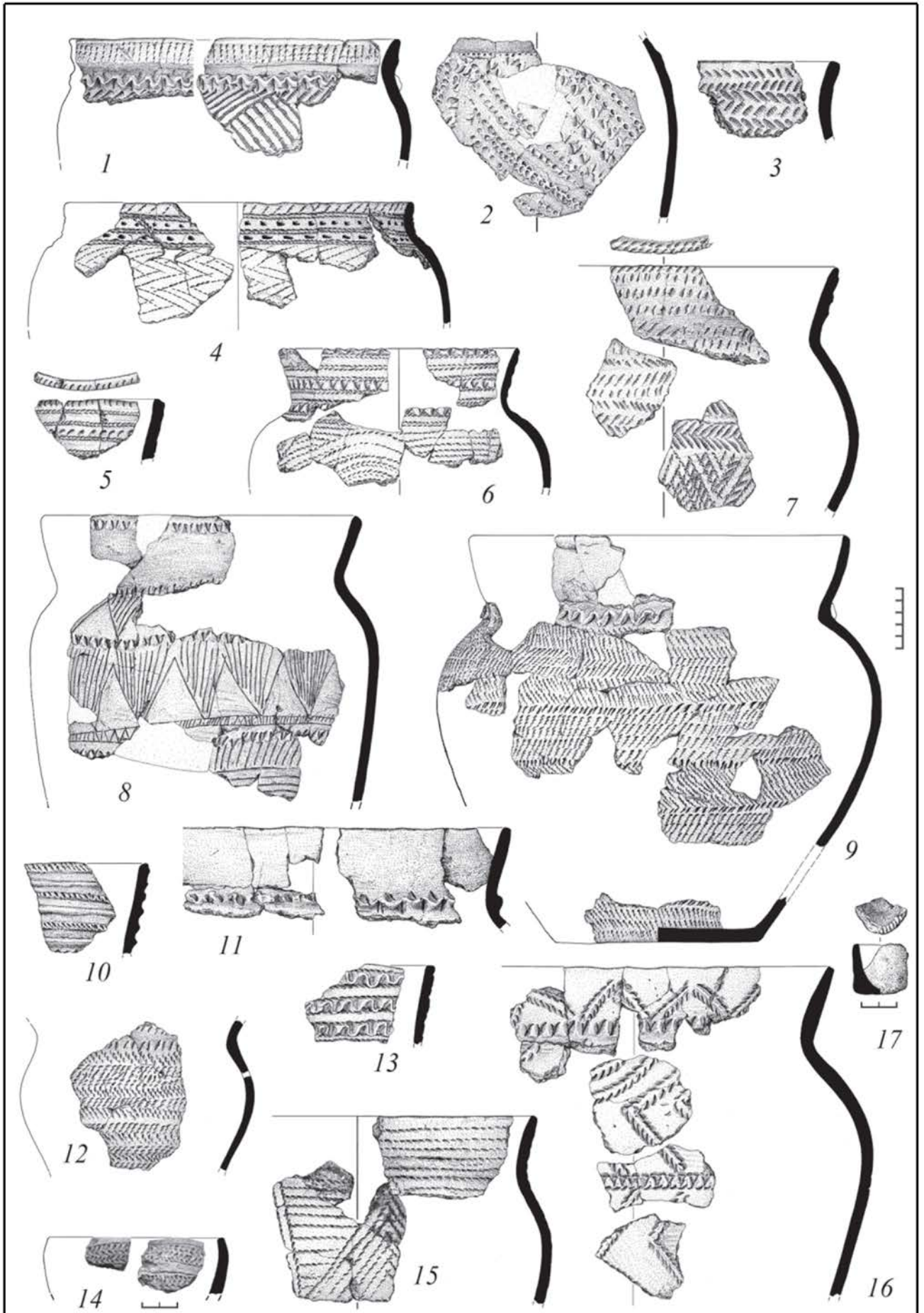

Рис. 46. Поселение Рыканы 3. Сосуды развитого и позднего этапов среднедонской катакомбной культуры (по Е.И. Гаку).

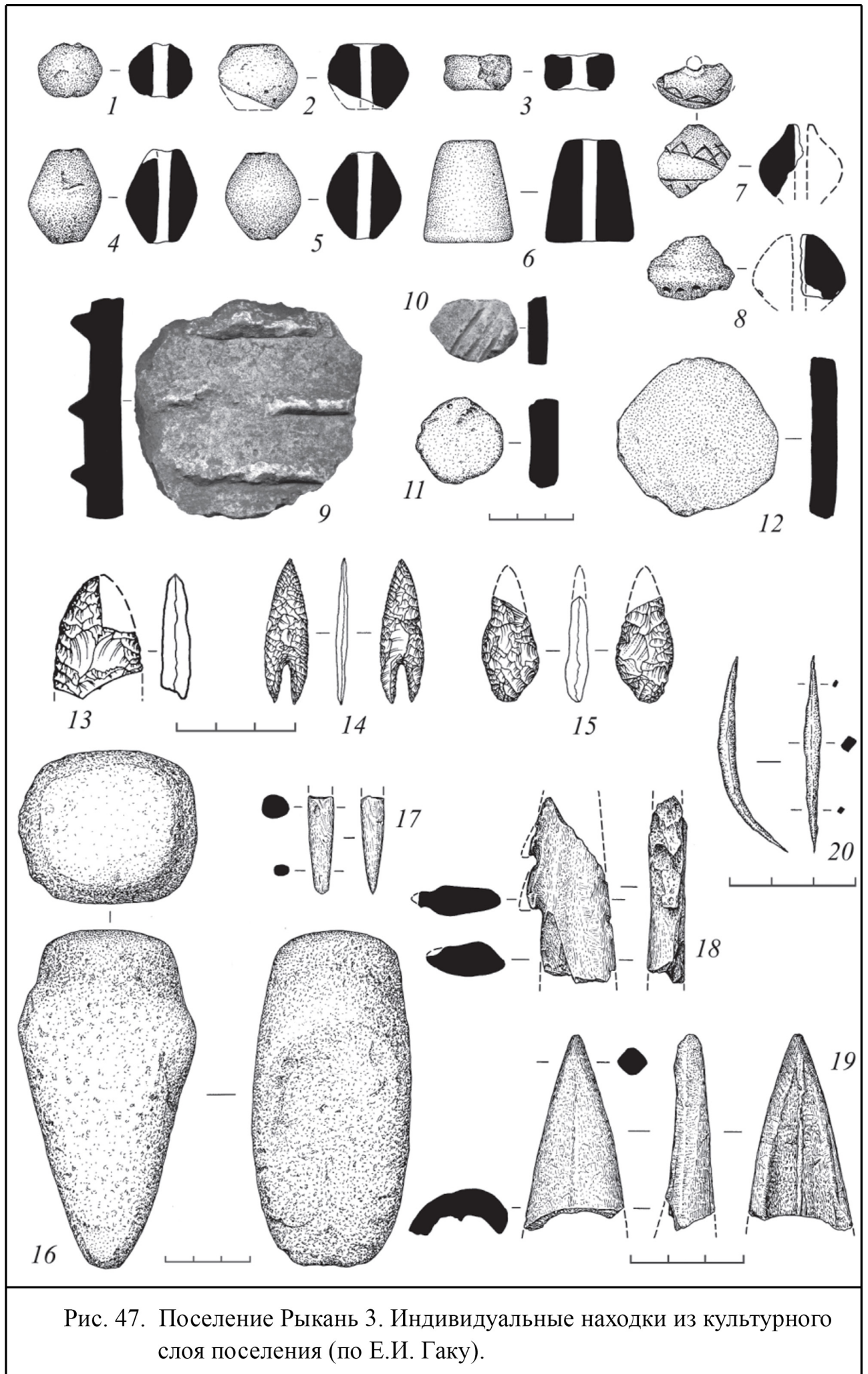

Рис. 47. Поселение Рыкань 3. Индивидуальные находки из культурного слоя поселения (по Е.И. Гаку).

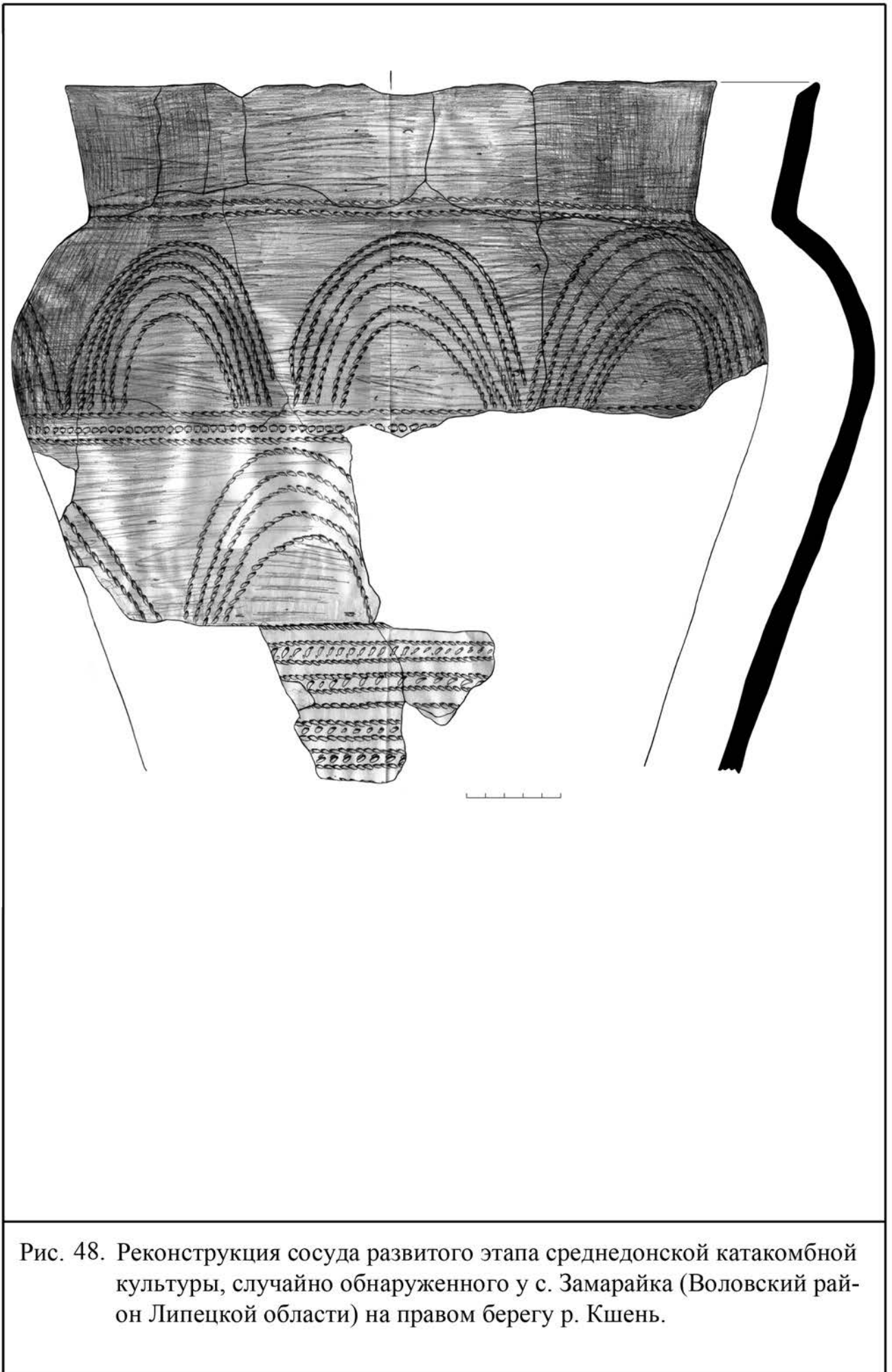

Рис. 48. Реконструкция сосуда развитого этапа среднедонской катакомбной культуры, случайно обнаруженного у с. Замарайка (Воловский район Липецкой области) на правом берегу р. Кшень.

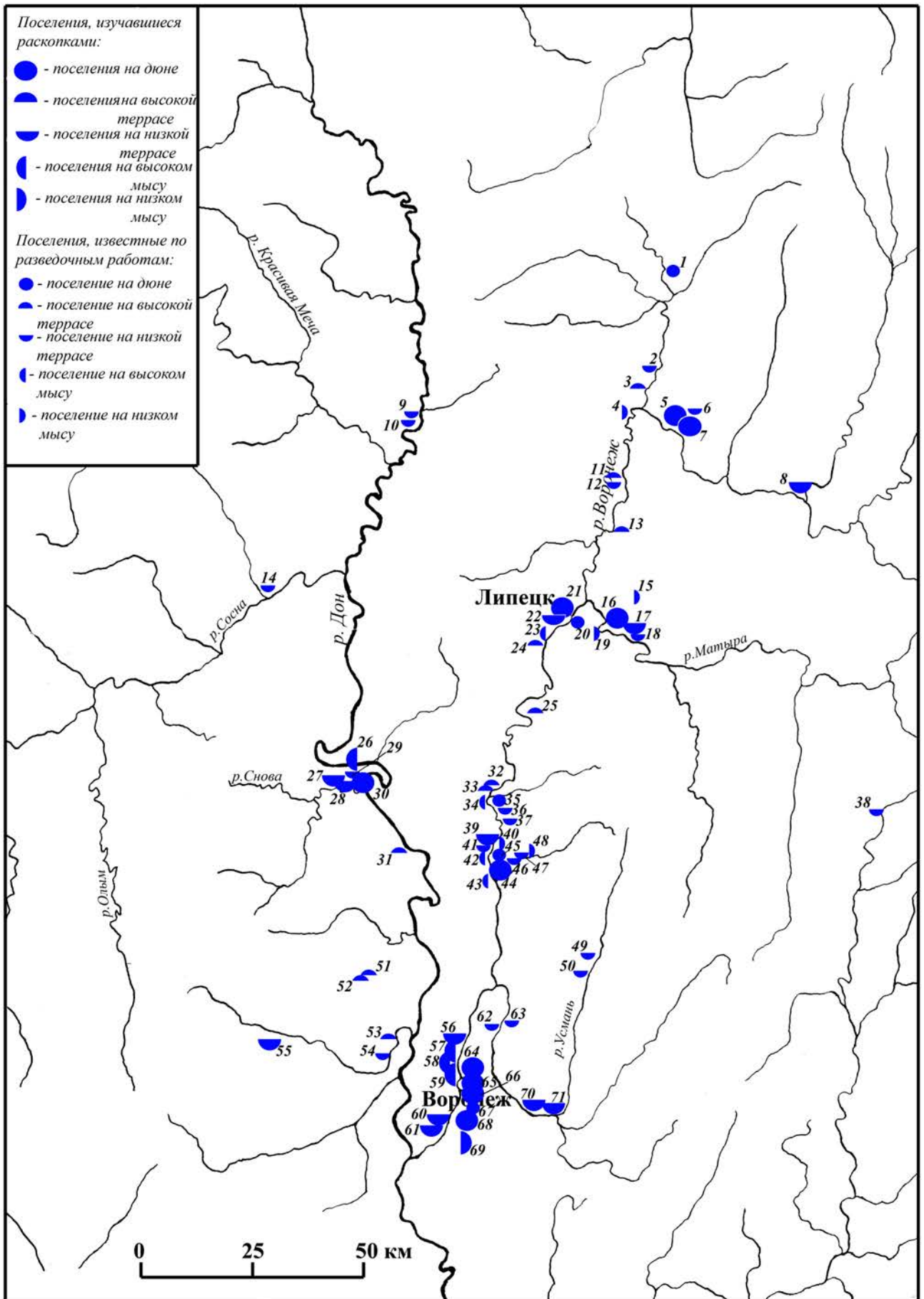

Рис. 49. Карта поселений позднего этапа катакомбной культуры на Верхнем Дону.

К рис. 49. Поселения позднего этапа катакомбной культуры на Верхнем Дону.

1. Рошинский 31	37.Кордон Барковский 7
2. Пункт 390	38.Чамлык-Никольское
3. Ратчино	39.Курино 1
4. Делеховое 2	40.Савицкое 17
5. Буховое 9	41.Подгорное 2
6. Васильевский кордон 7	42.Малинино 8
7. Васильевский кордон 24	43.Городище у с.Ситное
8. Подзоровская стоянка	44.Устье Излегощи 1
9. Лебедянь 4	45.Излегоще 30
10.Сл.Покрово-Инвалидная 4	46.Юшинский кордон 3
11.«Дева-Яма»	47.Юшинский кордон 4
12.Панино 6	48.Юшинский кордон 11
13.Пункт 90 (ур.Бор)	49.Графская
14.Пункт 448	50.Жолдаевка
15.Головщино 5	51.Чистая поляна 1
16.Рыбное Озеро 2	52.Чистая поляна 2
17.Ярлуковская протока	53.Благовещенка
18.Пункт 224	54.Ендовище
19.Пункт 217	55.Закленское
20.Новолипецкое	56.Чертовицкое 6
21.«Липецкое Озеро»	57.Белогорское городище 1
22.Поселение на ул. Неделина	58.Белогорское поселение 1
23.Елецкое 4	59.Городище «Егерский кордон»
24.Троицкое 7	60.Правобережное у плотины
25.Карамышево	61.Чижовское 4
26.Замятино 10	62.Репное
27.Балахнинское	63.Усманка 2
28.Мухино 2	64.Университетское 1
29.Ксизово 1	65.Университетское 2
30.Ксизово 6	66.Университетское 3
31.Пункт 473	67.Университетское 5
32.Вербиллово 5	68.Кировское поселение
33.Вербиллово 6	69.Шиловское 1
34.Городище Вербиллово	70.Рыкань 2
35.Ур. Пустошка 4	71.Рыкань 3
36.Ур. Коса 1	

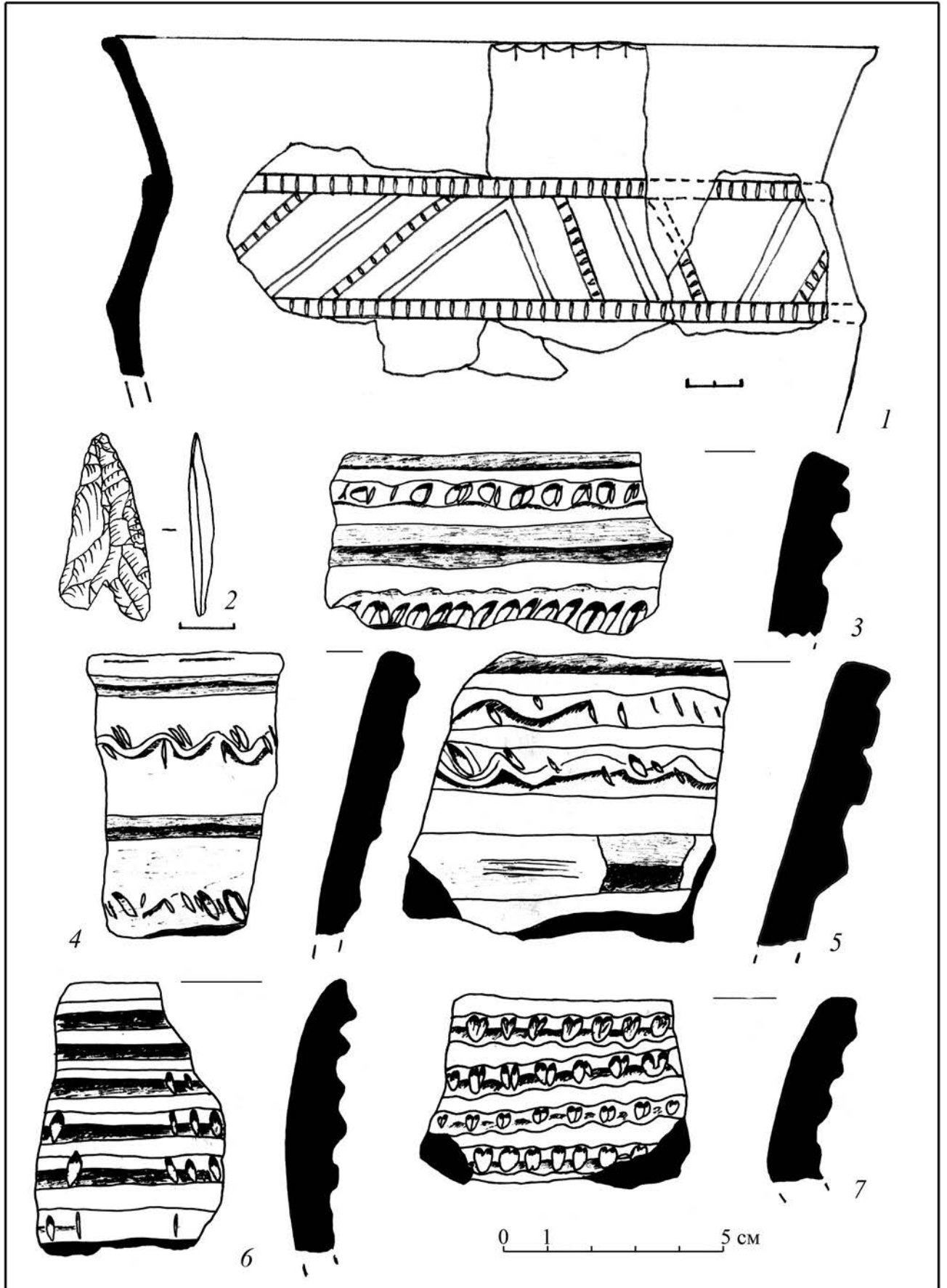

Рис. 50. Материалы позднего этапа среднедонской катакомбной культуры.
1-2 - поселение Рыбное Озеро 2. 3-7 - ул. Неделина (г. Липецк).

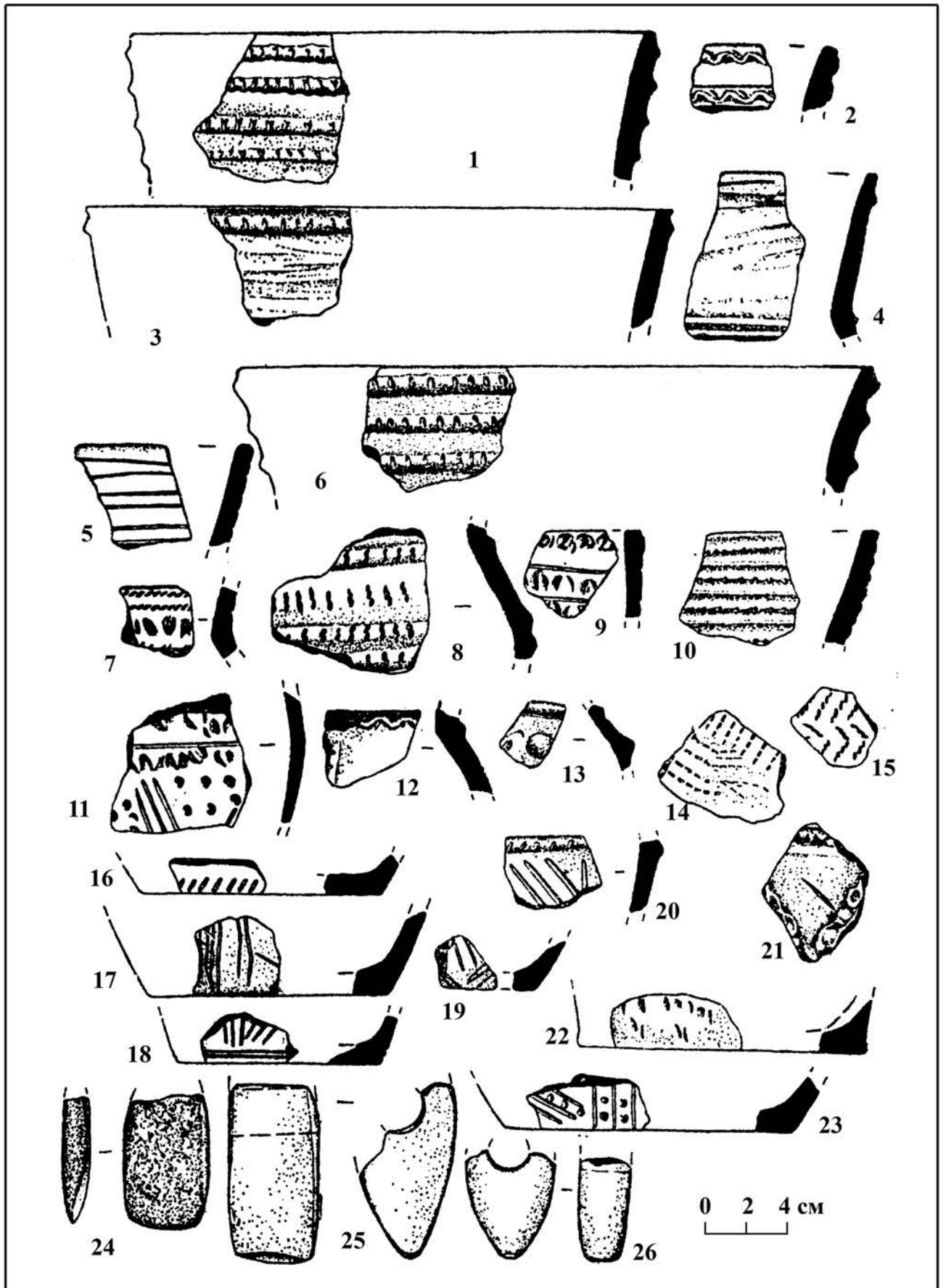

Рис. 51. Поселение Чижовское 4. Материалы позднего этапа среднедонской катакомбной культуры (по А.Д. Пряхину).

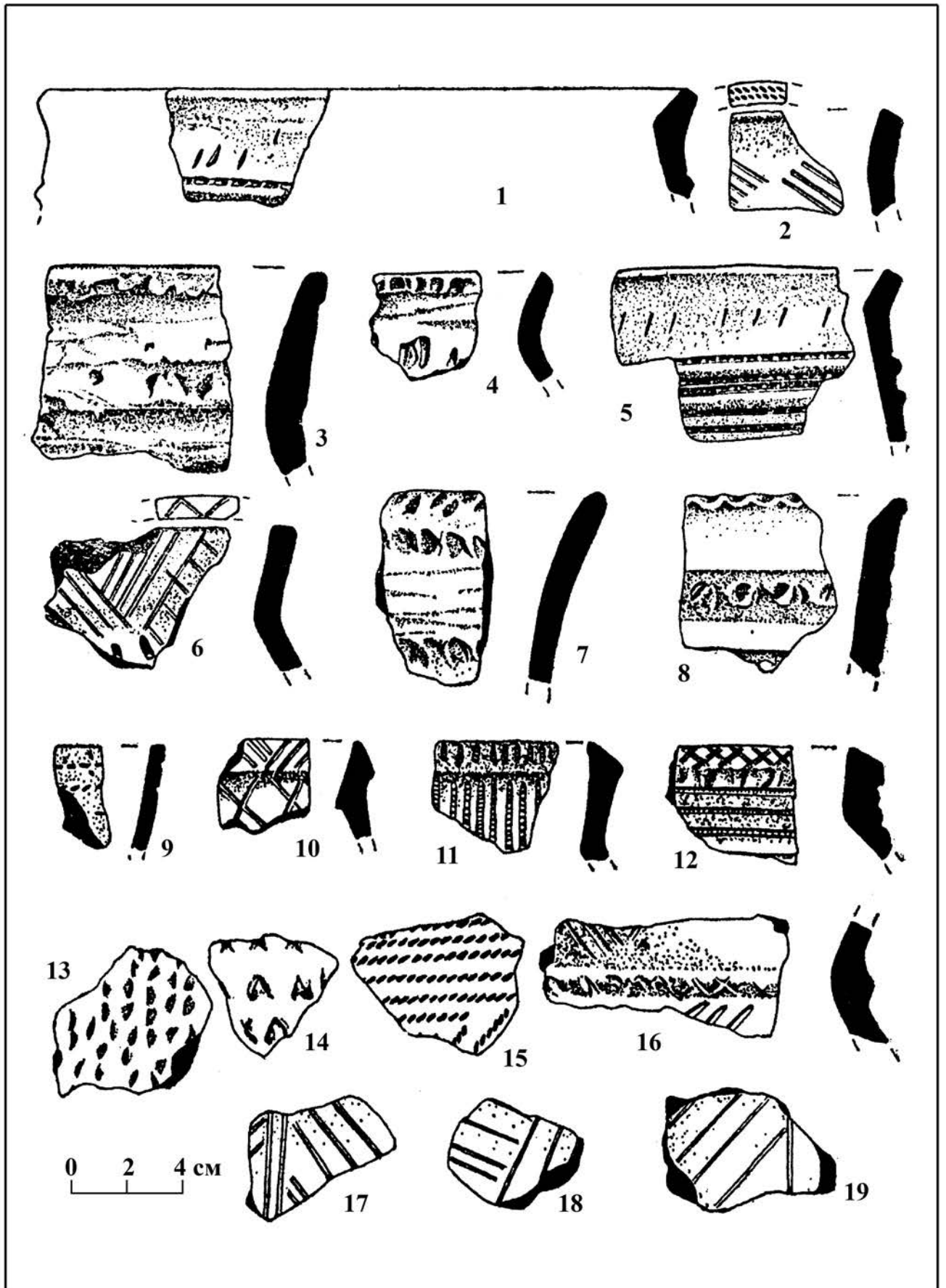

Рис. 52. Поселение Чижовское 4. Материалы позднего этапа среднедонской катакомбной культуры (по А.Д. Пряхину).

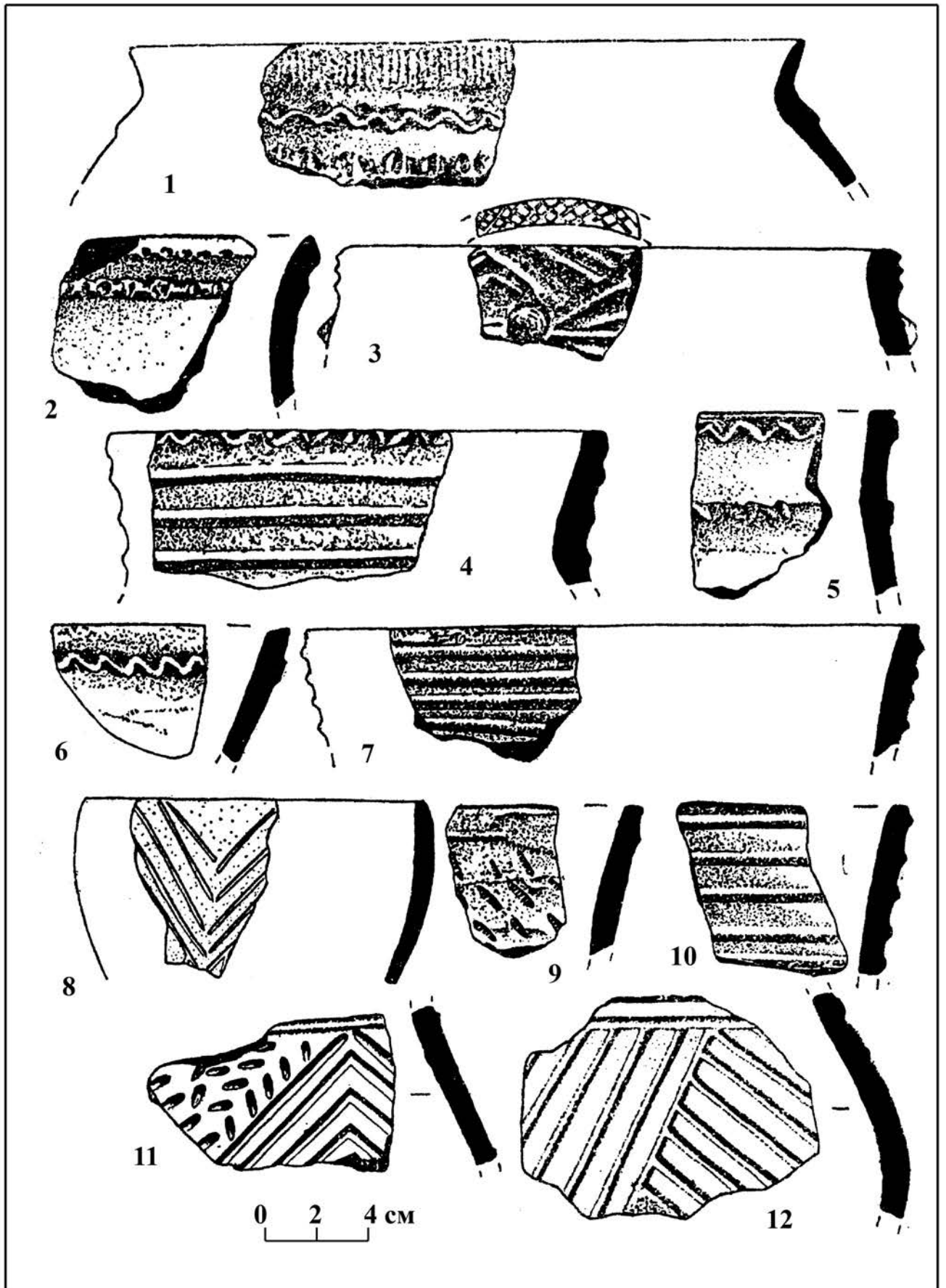

Рис. 53. Поселение Шиловское. Материалы позднего этапа среднедонской катакомбной культуры (по А.Д. Пряхину).

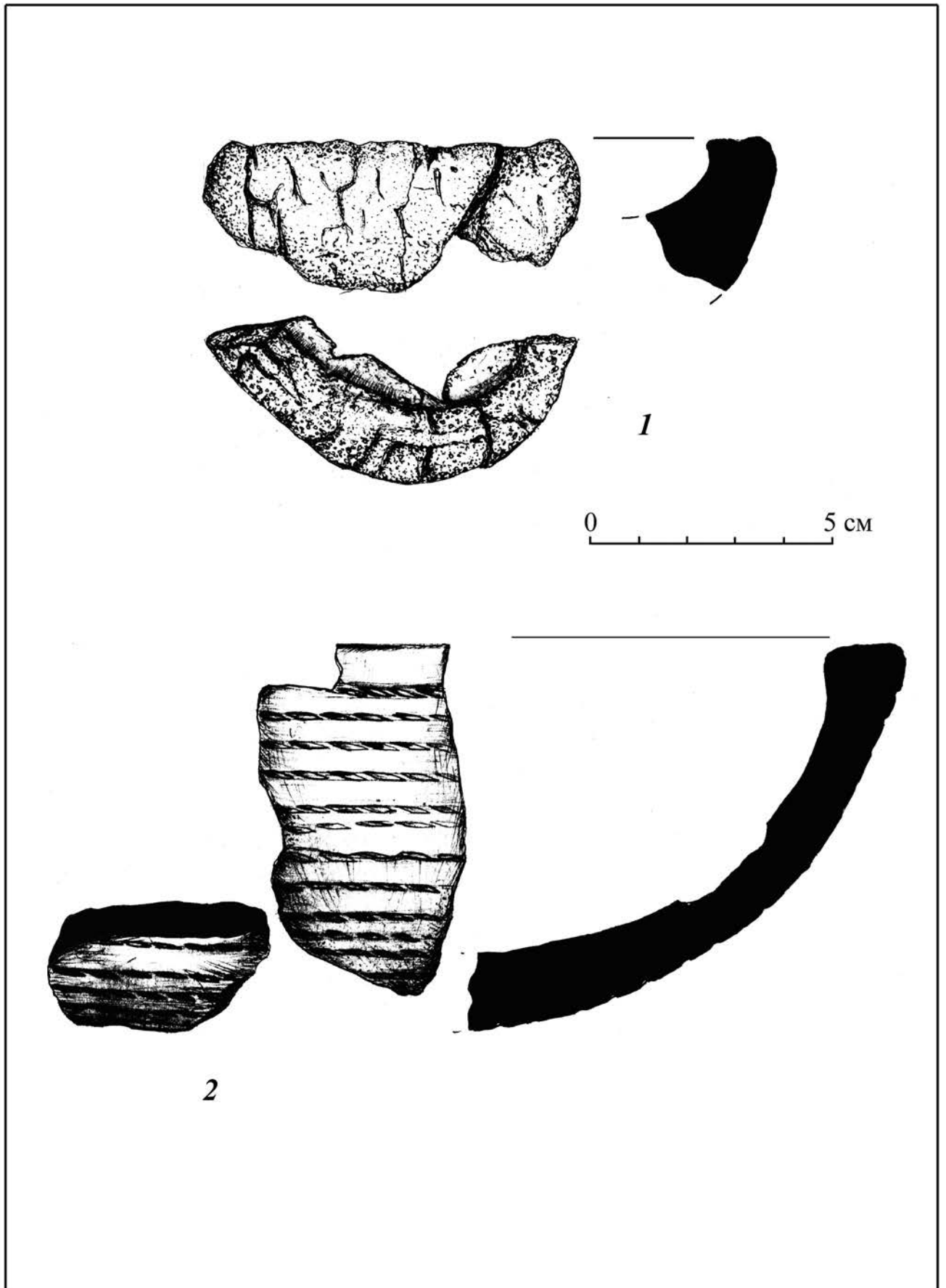

Рис. 56. Поселение Буховое 9. Фрагменты плавильных чаш среднедонской катакомбной культуры.

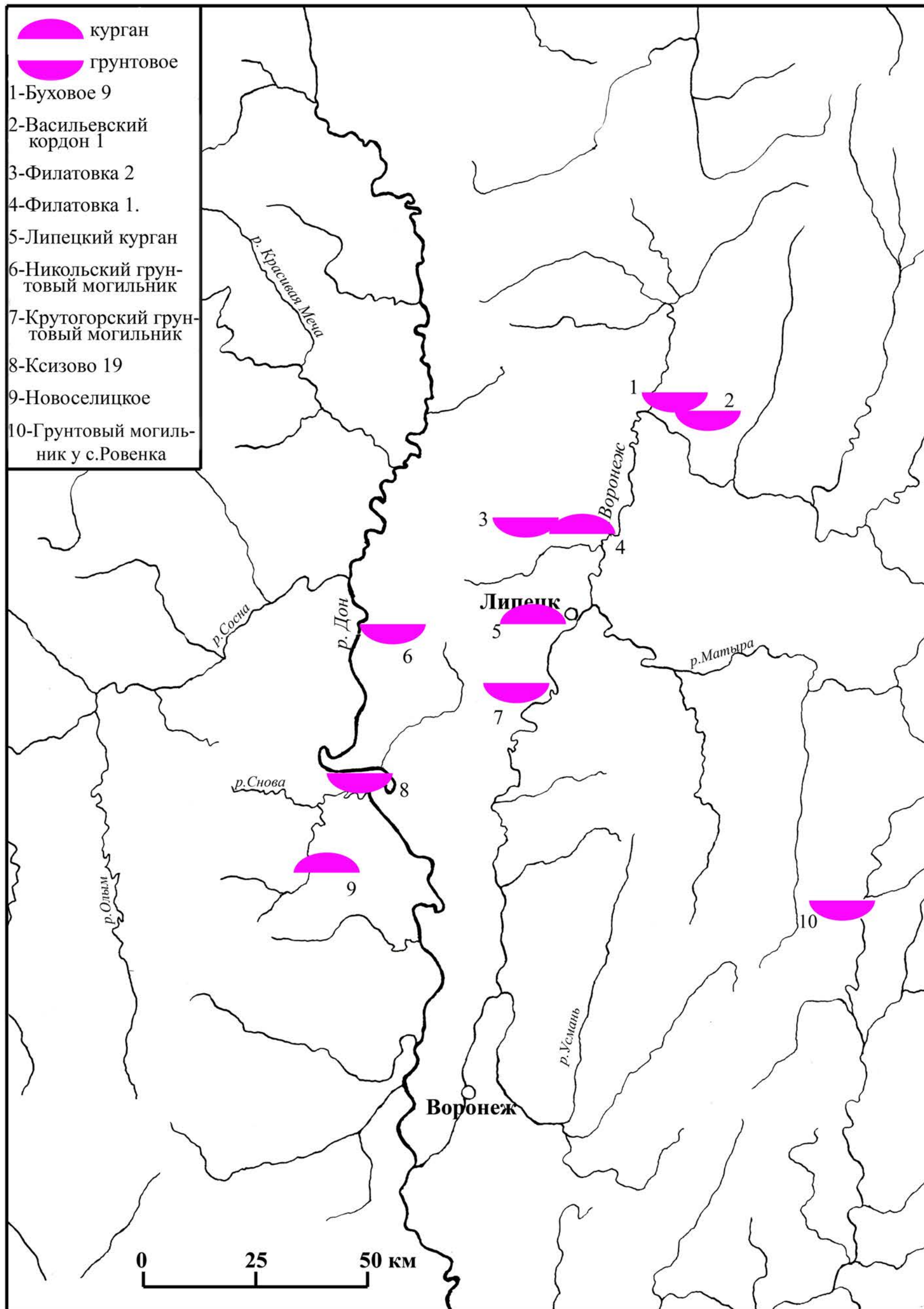

Рис. 57. Карта погребальных памятников катакомбной культуры на Верхнем Дону.

Рис. 58. Таблица погребений катакомбной культуры на Верхнем Дону.

Могилики	Форма ямы (размеры)	Катакомба (размеры)	Глубина от материка	Кол-во погребенных	Пол	Возраст	Ориентировка	Положение скрюченности ног	Позиция рук	Охра	инвентарь					Примечания		
											Сосуды	Жаровни	Каменные изд.	Кость, рог	Металлические изд.			
Курганные погребения																		
Новоселицкое к.1 п.1		? , ступенька	?	-						+						Кенотаф Уголь, подстилка?		
Новоселицкое к.3 п.1	1,6x0,7 м		Около 1,0 м	1	-		ЮЗ	Спина, колени вверх	У таза	+						1	подстилка	
Филаговка к.1 п.2	3,2x2,6		0,3 м	1	-		ЮВ	Спина						пряжка		2	Деревянное перекрытие и сосуд	
Липецкий курган к.1 п.3		?																
Грунтовые погребения																		
Никольское, разрушенные Буховое 9	Овальная 1,95x1,0 м						Ямы СЮ									2		Погребение ?
Крутогорье п.1	?			1		Ребенок до 3-х лет	ЮВ	Правый бок	У таза	+				Роговый топорик		1	Бронзов. подвеска	Деформация черепа
Крутогорье п.2	?			1		Ребенок до 3-х лет	ЮВ	Правый бок	У таза				резчик			1		Деформация черепа
Крутогорье п.3	?			1		Ребенок до 3-х лет	ЮВ	Правый бок	У таза	+						1		Деформация черепа
Крутогорье п.4	?			1		Ребенок до 1 года	ЮВ	Правый бок	У таза							1		Деформация черепа
Крутогорье п.5	?			2		Взросл.										1		Разрушено оврагом
Ксизово 19 п.1	?			2	Ж +реб.	16-25 лет; 6+3 мес.	ССВ	спина	вдоль							1		
Ксизово 19 п.3	Прямоуг. 2,2x2,0 м		0,75 м	1	М	40-60 лет	3	спина	У таза	+				Гарпун, топор-клевец		1		
Ксизово 19 п.4	Прямоуг. 1,7x1,4 м		0,34 м	1	Ж?	35-45 лет	Ю	Правый бок	У таза							1		
Ксизово 19 п.5	Прямоуг. 1,8x1,9 м		0,1-0,15 м	1	М	До 50 лет	СВ	На животе	Перед грудью							1		

Могильник	Форма ямы (размеры)	Катакомба (размеры)	Глубина от материка	Кол-во погребенных	Пол	Возраст	Ориентировка	Положение	Степень скорченности ног	Позиция рук	Охра	инвентарь					Примечания	
												Сосуды	Жаровни	Каменные изд.	Кость, pot	Металлические изд.		
Ксизово 19 п.9		Прямоуг. яма 3,2x1,46-1,8 м; Шахта 1,6x1,2 м, ступ.0,15	0,26-0,27 м	1	М	40-55 года	С	Левый бок	Сильн	вдоль		1						
Ксизово 19 п.39		Прямоуг.яма 1,38x1,82 м Шахта 2,15x1,5 м ступ.0,1 м	0,05-0,1 м	2		Взросл.	СВ	Левый бок	Сильн.	У лица		1						Спиной к входу в катакомбу
Ксизово 19 п.46	?			1		Взросл.	С?	?	?	?		1						
Ксизово 19 п.47	?			1		Подросток	СВ	Левый бок	Сильн.	У таза		2	1					
Ксизово 19 п.49	Трапедия 1,55x1,9 м					Взросл.	СВ	Левый бок	Сильн.	У колен		1						Бронз. подвеска
Ксизово 19 п.51	?					Взросл	СВ	Левый бок	Сильн	вдоль								
Ксизово 19 п.53		Овальная яма 1,53x1,8 м Шахта 1,15x1,5 м Ступ. 0,17 м	0,2-0,3 м	1		Взросл.	СВВ	Левый бок	Сильн.	У бедер		1						Бронз. пронизка
Ксизово 19 п.58	?		?	1	М	25-30 лет	СЗ	На животе	Сильн.	Перед грудью		-						
Ксизово 19 п.72	Овальн. 1,95x1,3 м		0,03-0,14 м	1	М	Около 45 лет	ЮЗ	Правый бок	Сильн.	?		1	1					
Ксизово 19 п.73	Аморф. 2,5x1,65 м		На материке	1	М	33-35 лет	ССВ	Левый бок	Сильн.	Перед грудью		1						
Ксизово 19 п.79	?		?	3	М	15-17 лет	Ю	Правый бок	Сильн.	На тазе	+							Погребение ребенка ранее, потом два других, параллельных друг другу
Ксизово 19 п.80	?		На материке	1	М	37-45 лет	СВ	Левый бок	Сильн.	У колен			?					
Ксизово 19 п.82	Овальн. 1,5x0,8-1,05 м			1	М	Более 50 лет	ЮЗ	Правый бок	Сильн.	Лев.на тазу,прав.на плече	+	1						Деформация черепа
Ксизово 19 п.83	Овальн. 1,37x0,7 м		0,7-0,11 м	1	М	35-45 лет	ЮВ	Левый бок	Сильн.	Пр.на колене,лев.у груди								Деформация черепа
Васильевский кордон 1 п.1	Овальн. 1,0x0,7 м			1		ребенок	?	?	?	?		2						

Могильник	Форма ямы (размеры)	Катакомба (размеры)	Глубина от материка	Кол-во погребенных	Пол	Возраст	Ориентировка	Положение	Степень сохранности ног	Позиция рук	Охра	инвентарь					Примечания
												Сосуды	Жаровни	Каменные изд.	Кость, рог	Металлическ не изд.	
Васильевский кордон 1 п.3	Овальн. 1,4x1,1 м		0,05-0,17 м	1			ЮЗ	Правый бок	Сильн.			1					
Ровенка п.1	Прямоуг. 1,5x1,05 м		0,75 м	1		Взросл.	ССЗ	Левый бок	Слабая	У колен	+	1					Яма с подбоем в северной части
Ровенка п.2		Разрушенная Неправильн. 1,4x1,1 м	0,25 м	1		Ребенок 3-5 лет	ЮЗ	Правый бок	?	?							Подбой в южной и западной части, скелет в западной стенке, подсыпка углём
Ровенка п.3		Разрушенная Овальн. 1,9x1,2 м	0,5 м	1		Взросл.	Ю	Правый бок	?	У колен		1					Подбой по всем стенкам
Ровенка п.4		Разрушенная Овальн. 1,7x1,3 м	0,53 м	1		Взросл.	С	На спине	Сильная	Вдоль туловища	+						Подбой по всем стенкам, подсыпка углём
Ровенка п.5		2,05x1,4 м, две ступеньки	0,74 м	1		Взросл.	?	?	?	?		1					
Ровенка п.6		Прямоуг. 1,15x1,5 м, шахта 1,4x1,0 м, две ступени	0,25 м	1		Ребёнок	ЮЮВ	На спине	Сильная	У таза	+	1					Подстилка, черепа МРС на ступеньках, деревянные плахи на входе
Ровенка п.7		Овальн. 1,65x2,4 м, шахта прямоугольн. 1,9x0,9 м; две ступени	1,5 м	1		Взросл.	ЮВ	Правый бок	Сильная	Левая у таза, правая у лица	+	1		кварцит			Уголь, астрагалы (5 шт.)
Ровенка п.8		Овальн. 1,4x1,2 м Шахта прямоуг. 1,0x0,9 м; ступень	0,4 м	1		Ребёнок	ВЮВ	На спине	Сильная	У колен						?	Подстилка, деформация черепа

Рис. 59. Грунтовый Никольский могильник эпохи бронзы (работы 1949-1950 гг., А.Н. Москаленко): 1,3 - сосуды катакомбной культуры; 2,4-абашевской культуры; 5-срубной культуры.

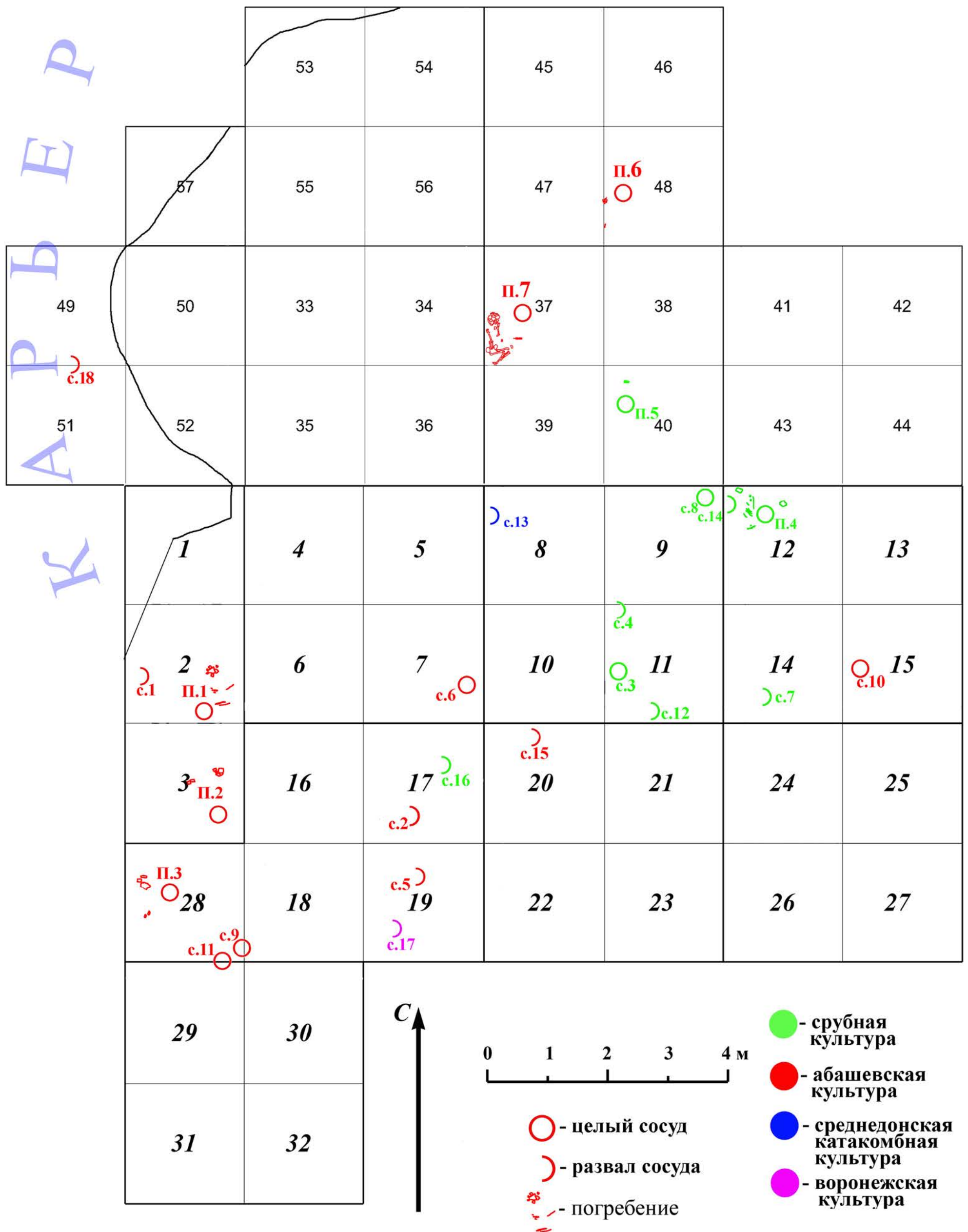

Рис. 60. Никольский грунтовый могильник эпохи бронзы. Сводный план раскопов 2005, 2006 и 2010 гг. (кв. №1-3 - 2005 год; кв. №4-32 - 2006 год; кв. №33-57 - 2010 год) с обозначенными погребениями и развалами сосудов.

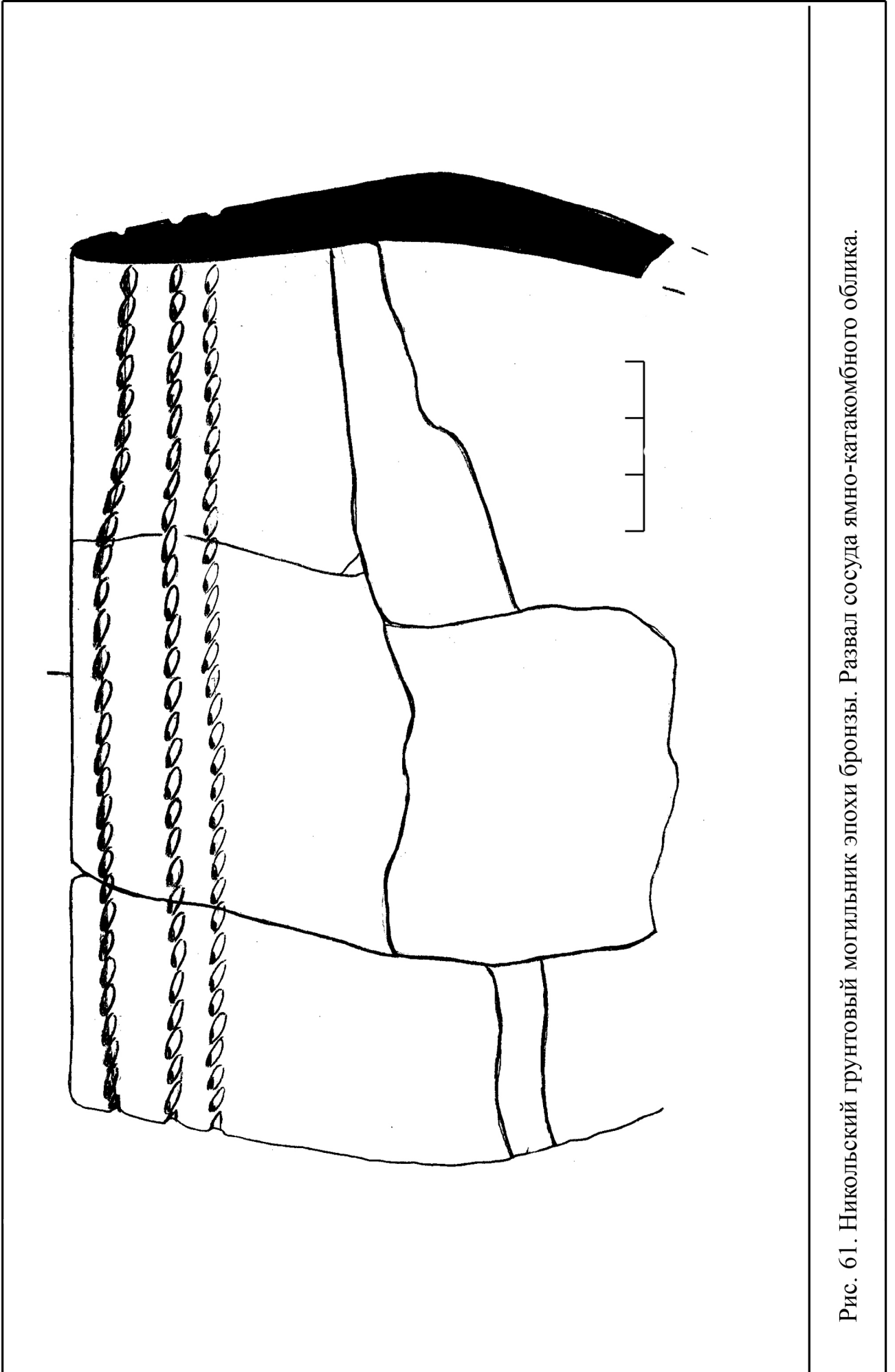

Рис. 61. Никольский грунтовый могильник эпохи бронзы. Развал сосуда ямно-катакомбного облика.

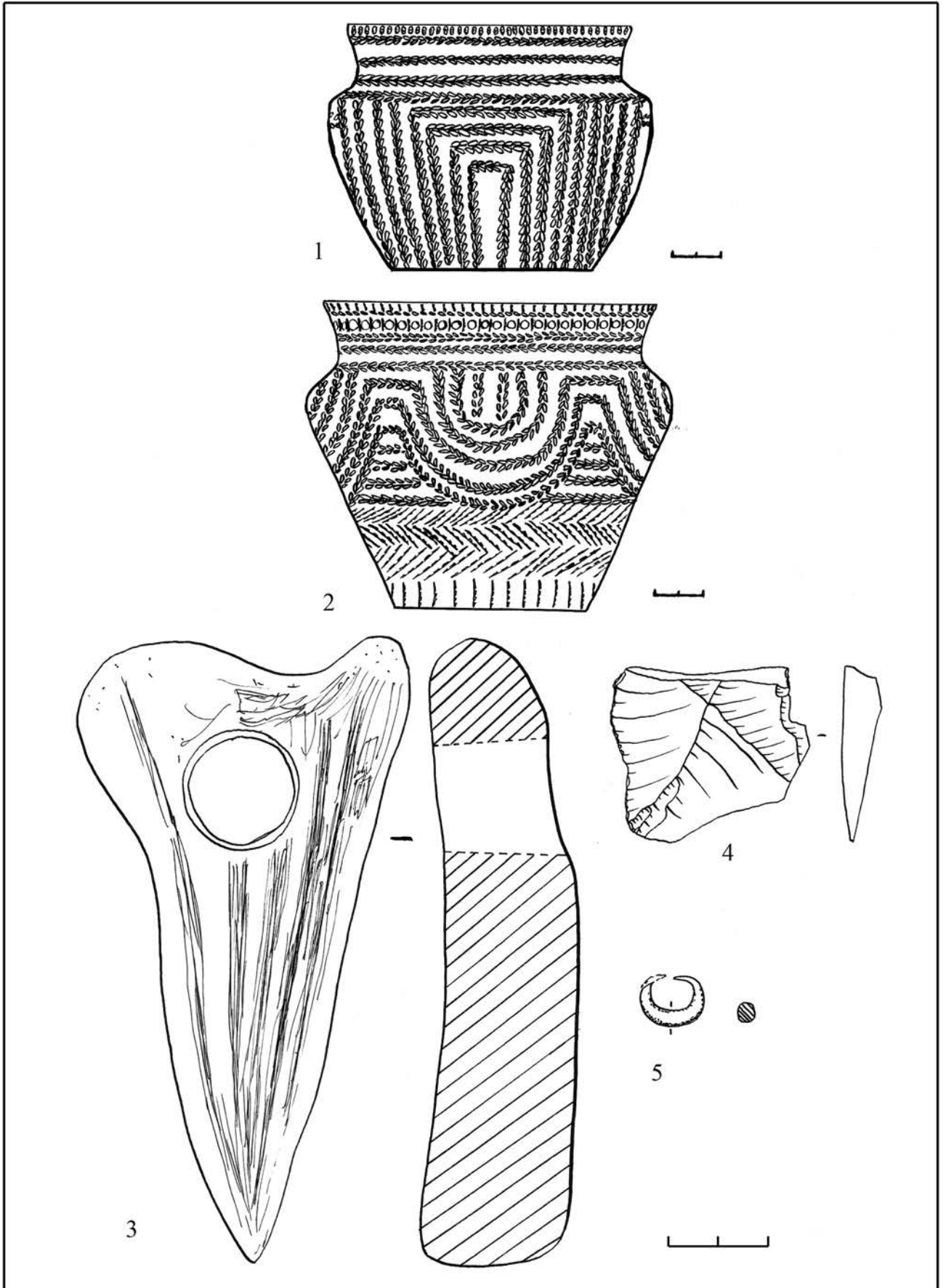

Рис. 62. Крутогорский грунтовый могильник. Погребение №1 (1-сосуд; 3-топорик из рога; 5-бронзовая подвеска); Погребение №2 (2-сосуд; 4-кремневый резчик).

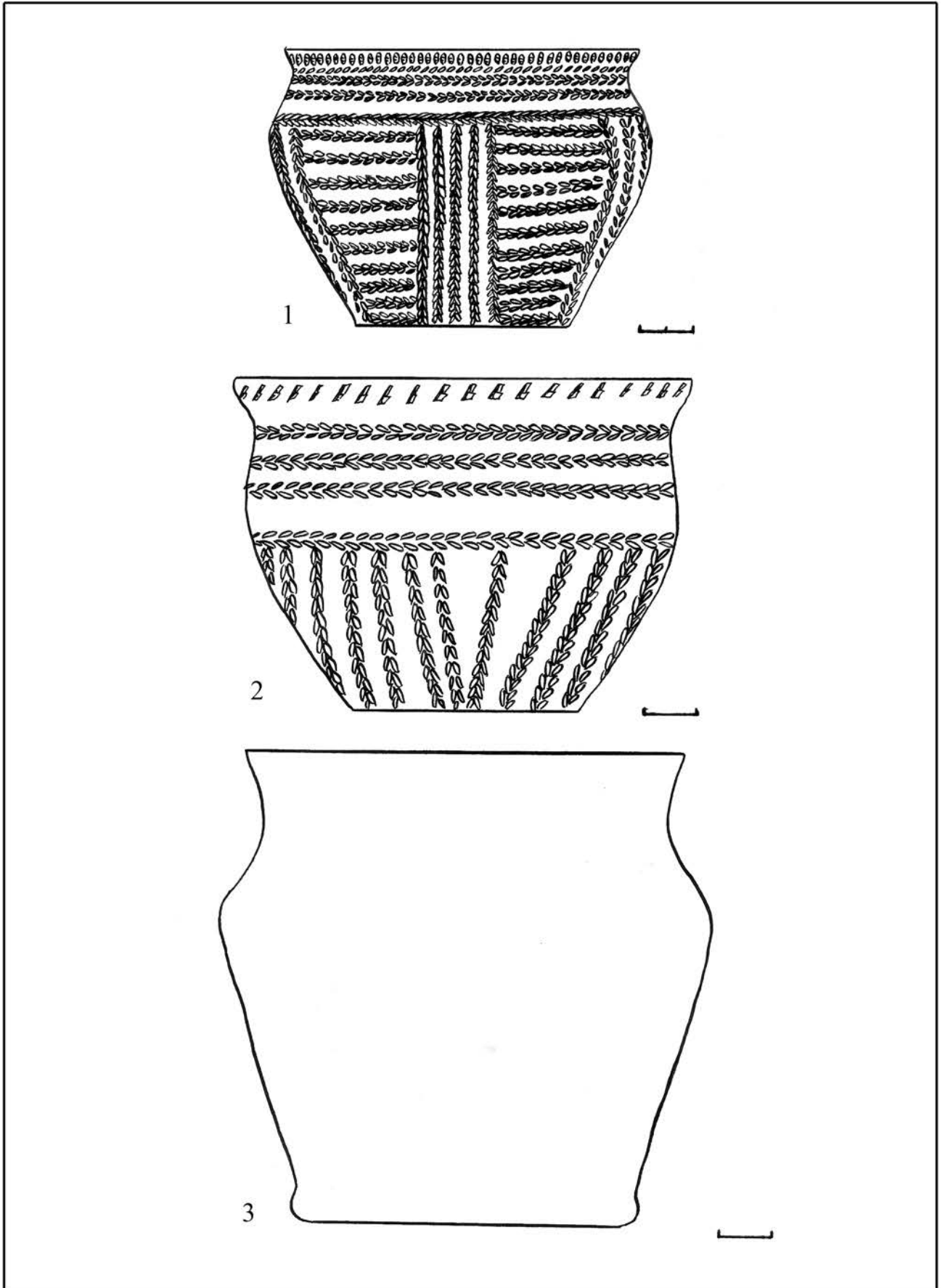

Рис. 63. Крутогорский грунтовый могильник. Сосуды из погребений: 1-погребение №3; 2-погребение №4; 3-погребение №5.

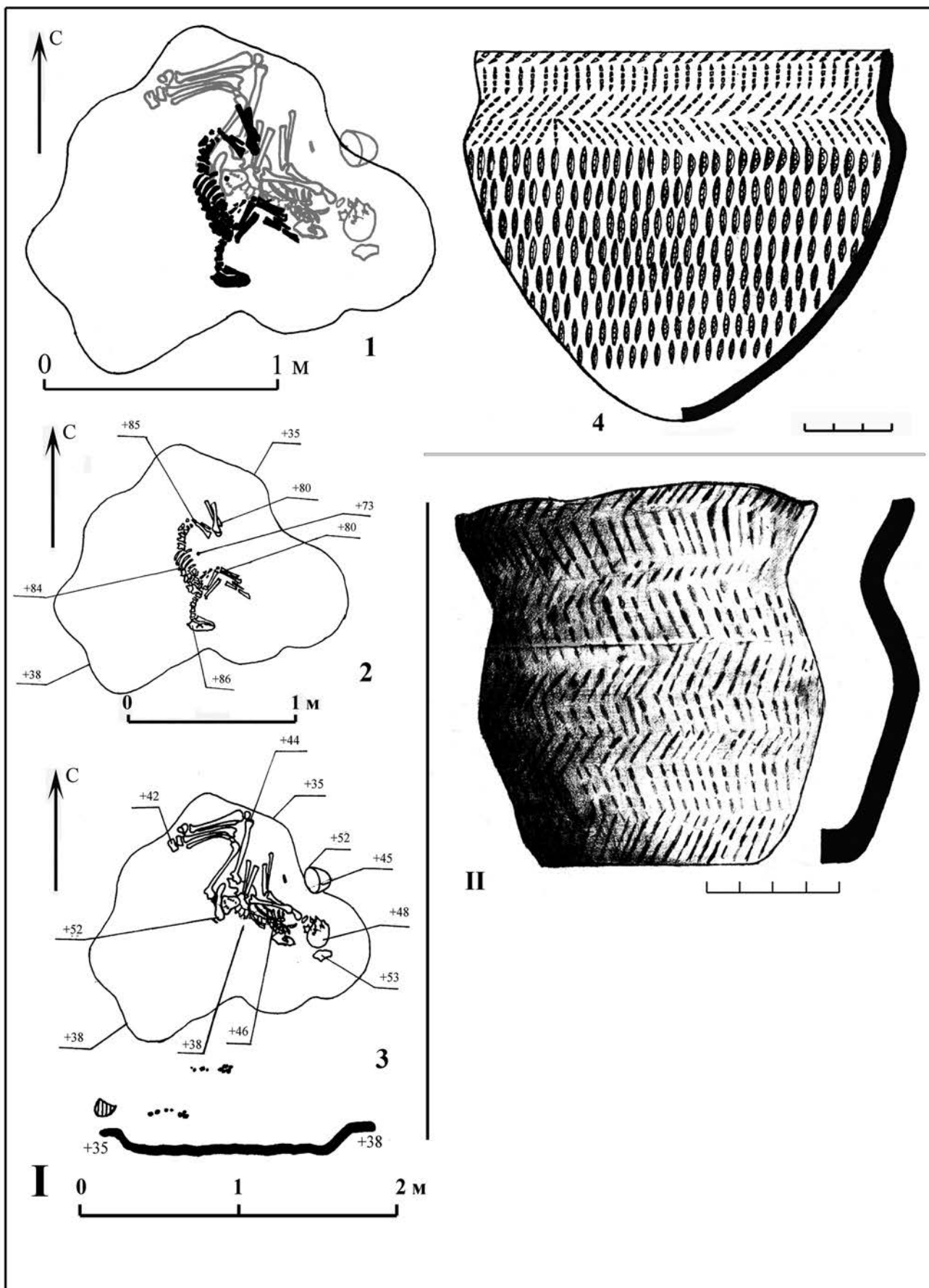

Рис. 64. Грунтовое погребение ямной культуры с поселения Ксизово 17: I – план погребения (1-сводный план погребения собаки и человека; 2-верхний уровень погребения – захоронение собаки; 3-нижний уровень погребения – захоронение человека; 4-сосуд из погребения); II – катакомбный сосуд, переданный местными жителями с.Ксизово из разрушенного погребения (?).

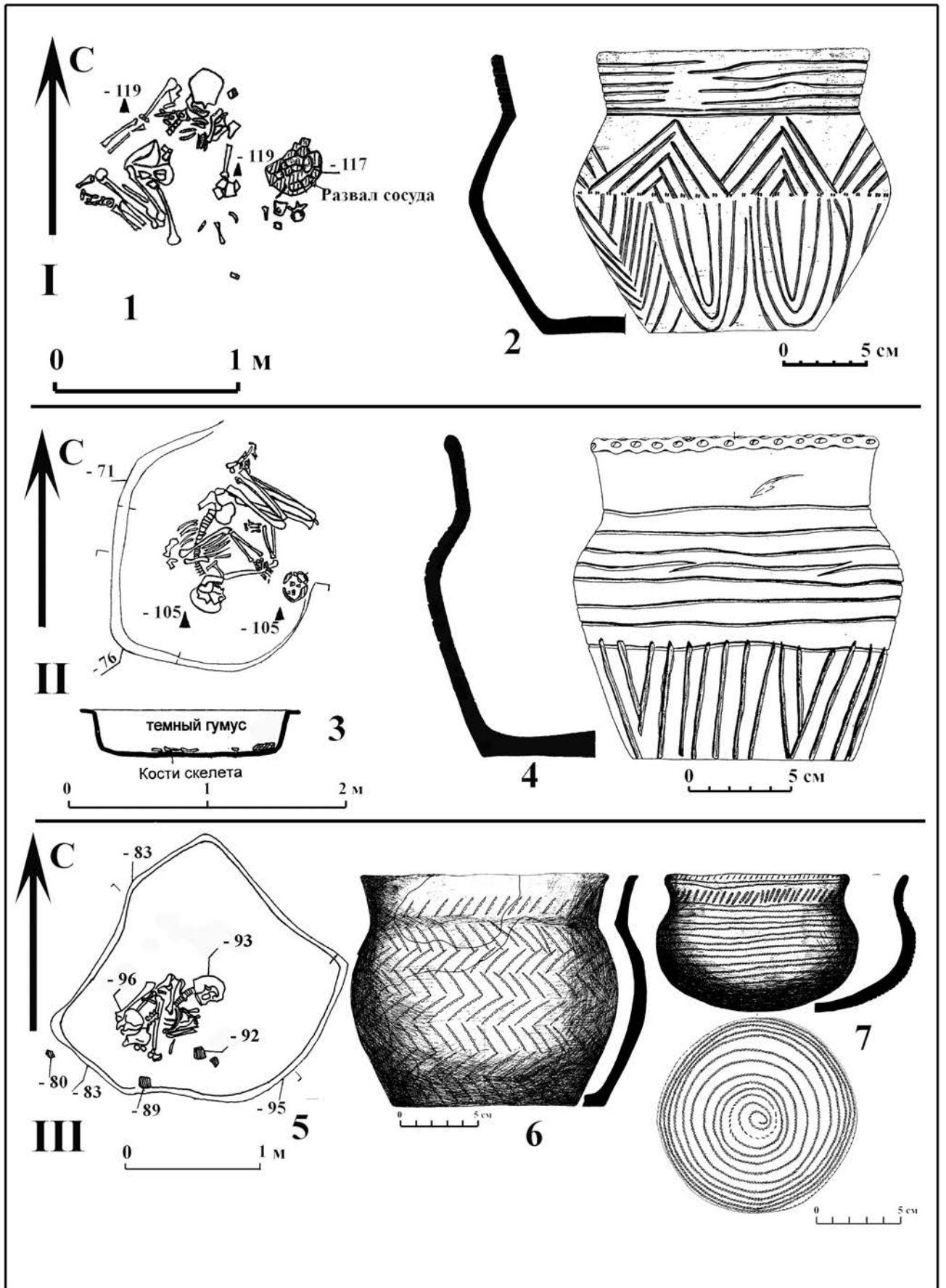

Рис. 65. Грунтовые погребения катакомбной культуры с поселения Ксизово 19: I – погребение 1 (1-план погребения; 2-сосуд из погребения); II – погребение 3 (3-план погребения; 4-сосуд из погребения); III – погребение 4 (5-план погребения; 6-сосуд из погребения; 7-сосуд, стоявший неподалеку от погребения (скопление 19)).

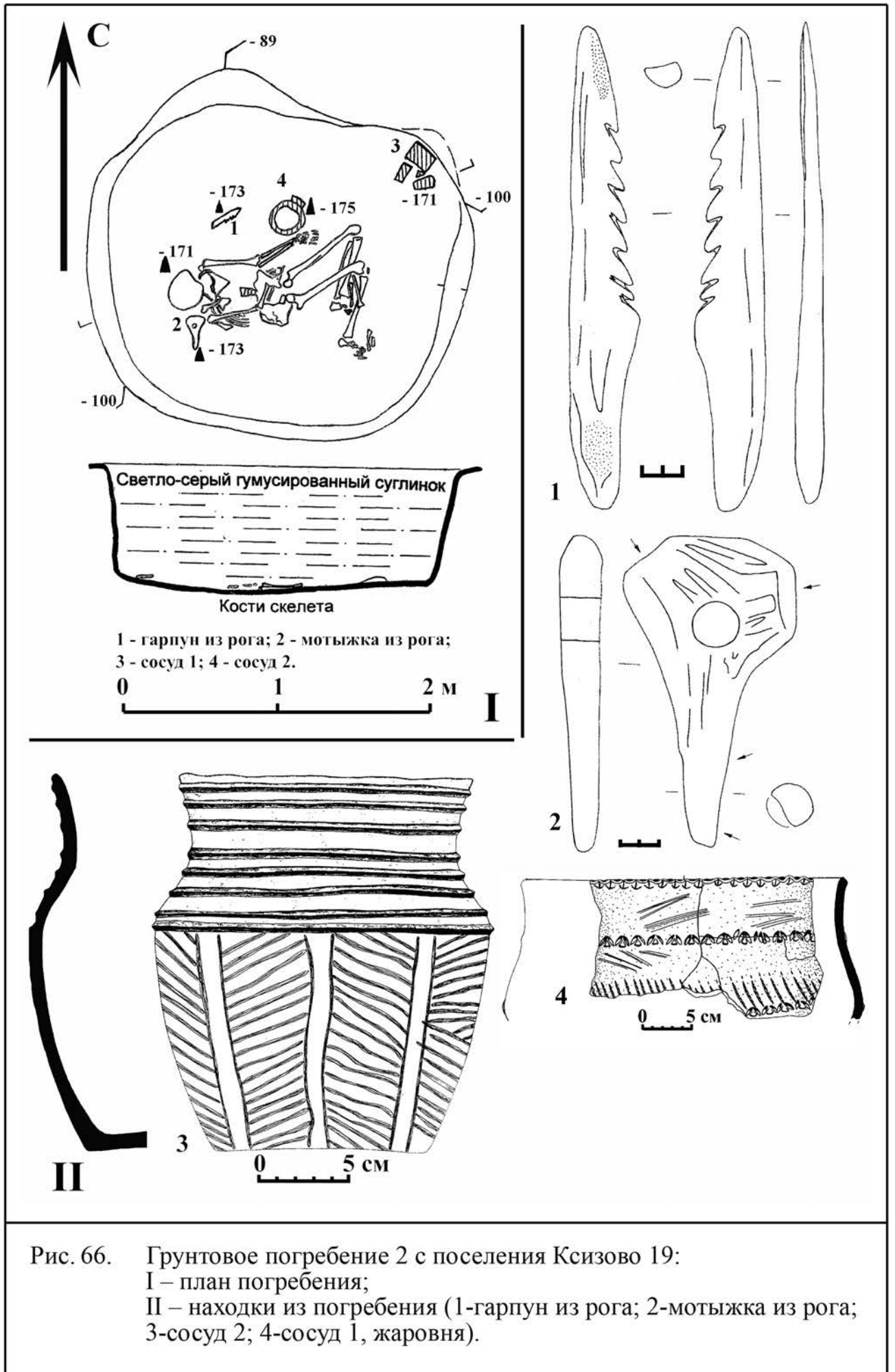

Рис. 66. Грунтовое погребение 2 с поселения Ксизово 19:
 I – план погребения;
 II – находки из погребения (1-гарпун из рога; 2-мотыжка из рога;
 3-сосуд 2; 4-сосуд 1, жаровня).

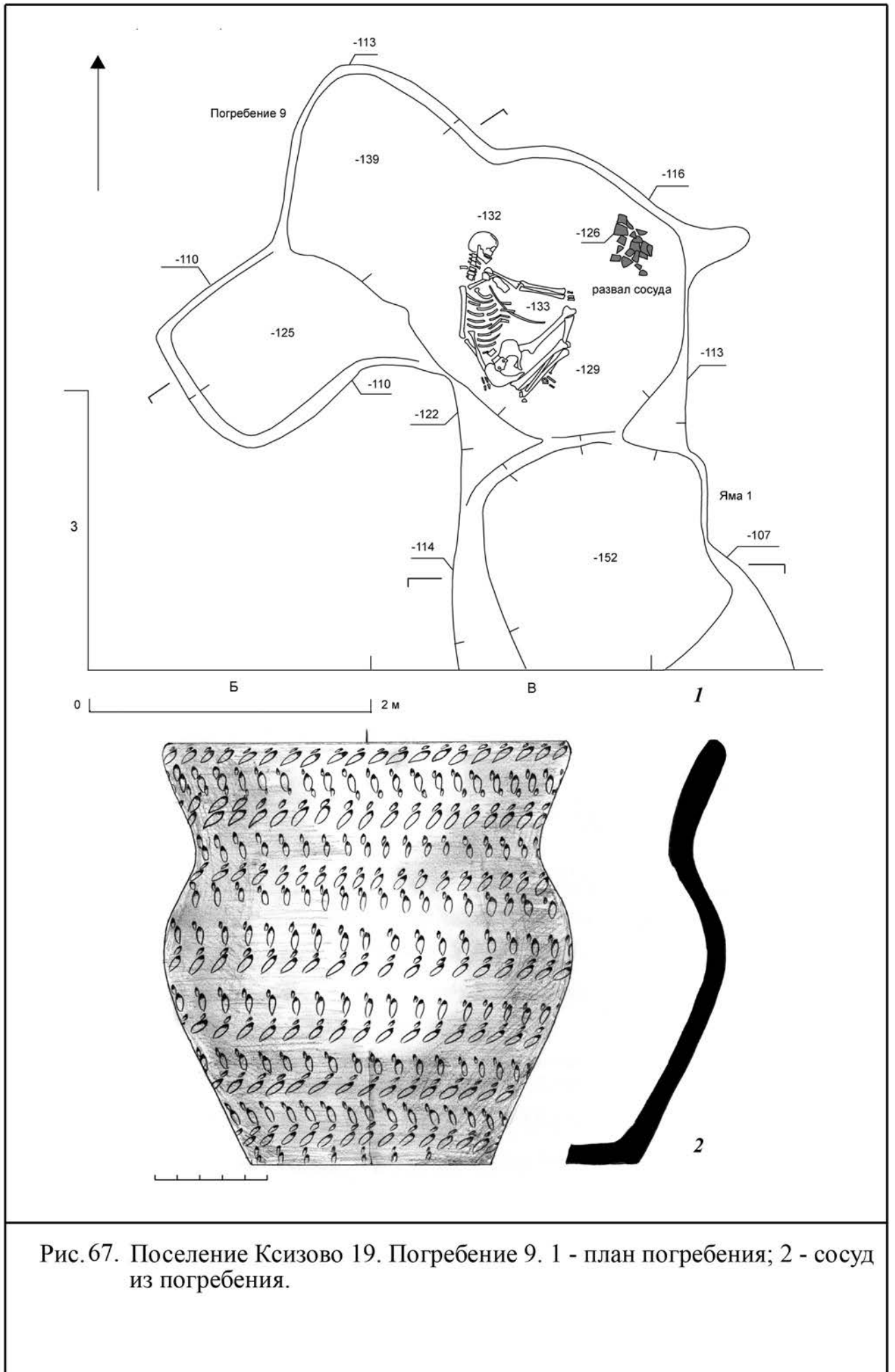
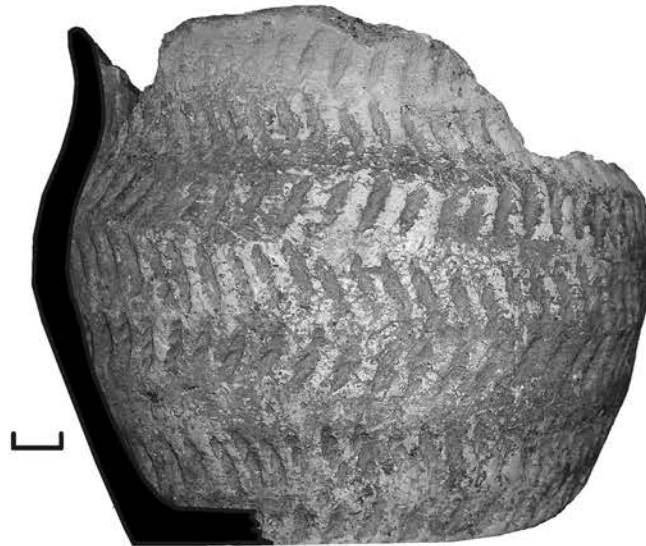
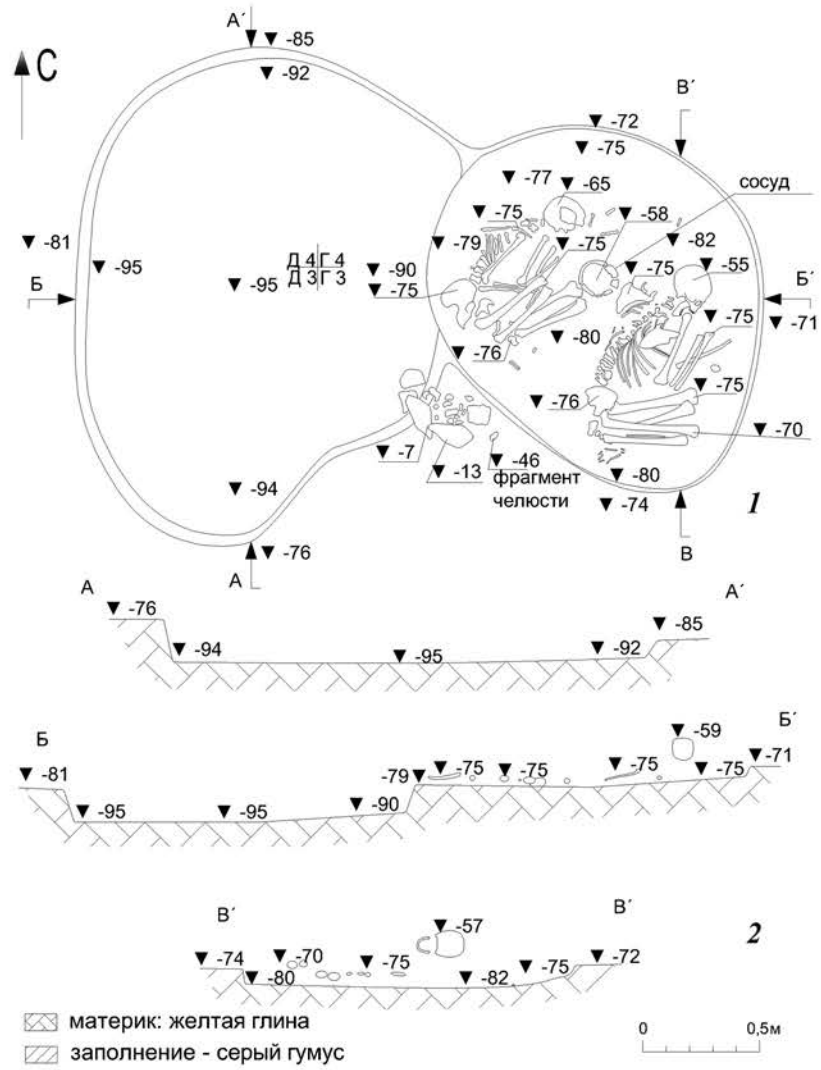

Рис. 67. Поселение Ксизово 19. Погребение 9. 1 - план погребения; 2 - сосуд из погребения.

h-11 см
 Øв-14 см
 Øд-11 см
 3

Рис. 68. Поселение Ксизово 19. Погребение 39. 1 - план погребения; 2 - разрезы погребения; 3 - сосуд из погребения.

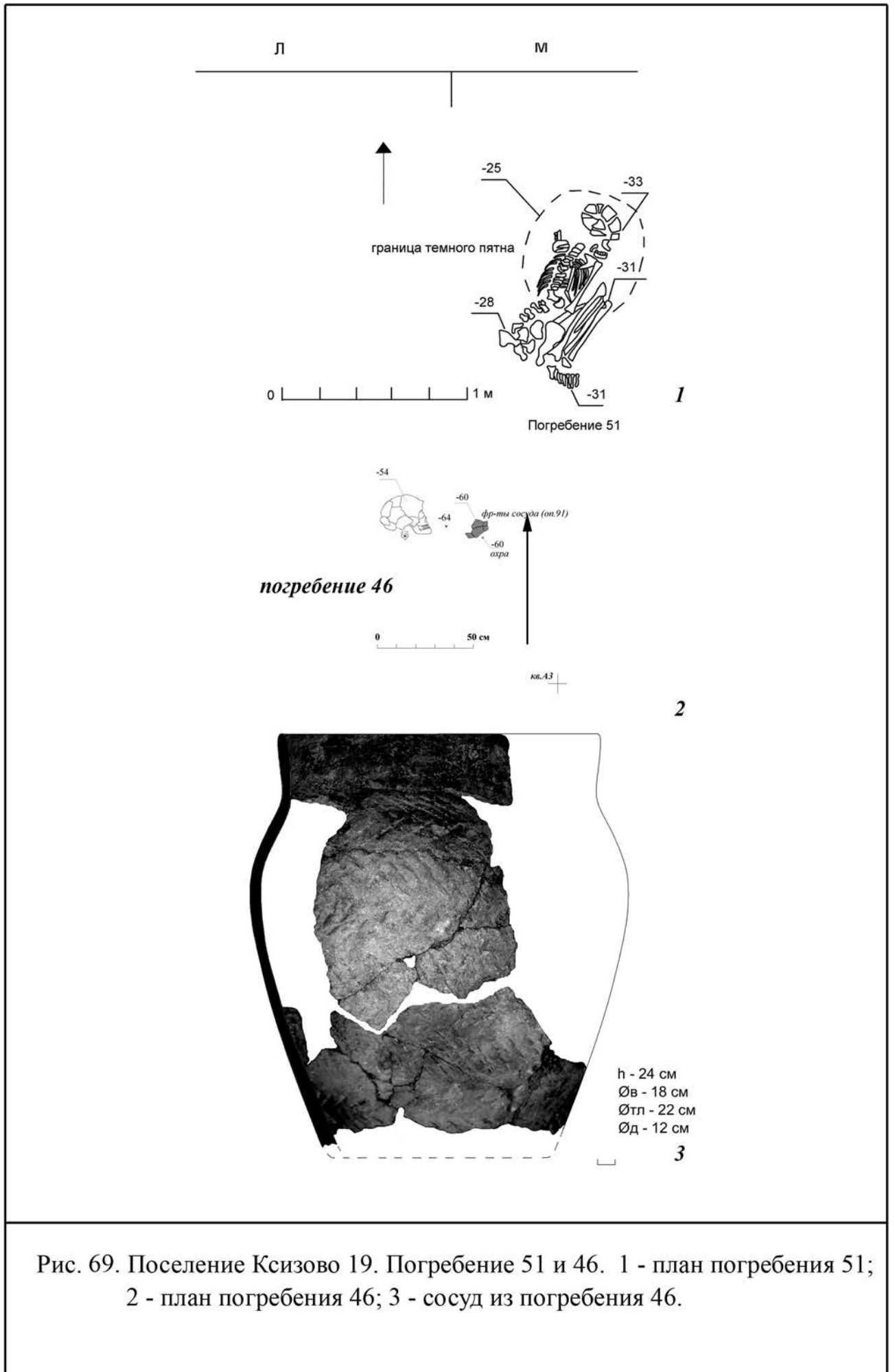

Рис. 69. Поселение Ксизово 19. Погребение 51 и 46. 1 - план погребения 51; 2 - план погребения 46; 3 - сосуд из погребения 46.

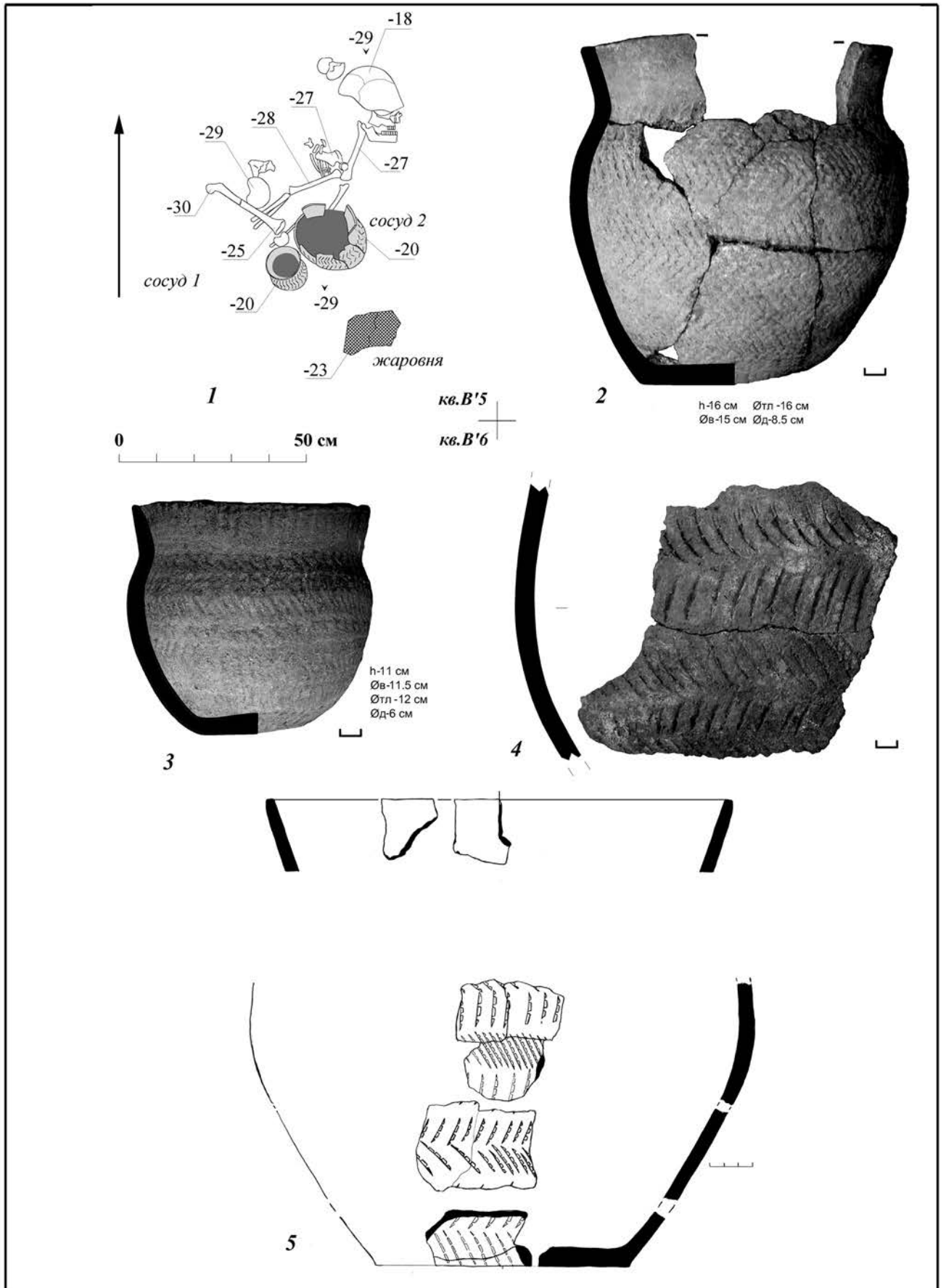

Рис. 70. Поселение Ксизово 19. Погребение 47.. 1 - план погребения 51;
2 - сосуд №2; 3 - сосуд №1; 4 - фрагменты жаровни из погребения;
5 - реконструкция сосуда из слоя поселения.

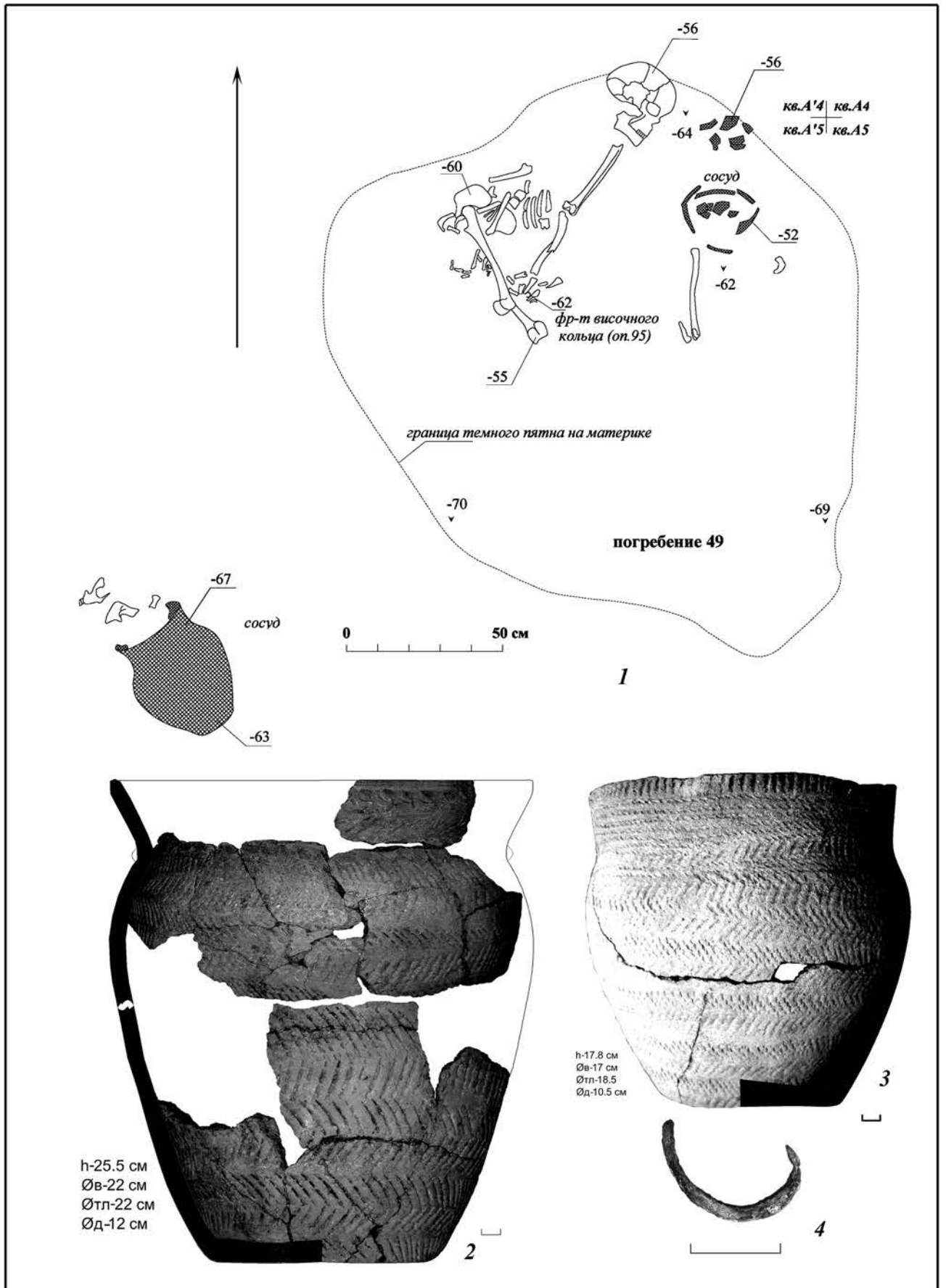

Рис. 71. Поселение Ксизово 19. Погребение 49. 1 - план погребения;
2 - сосуд из погребения; 3 - сосуд, находившийся рядом с погребением;
4 - фрагмент бронзового височного кольца.

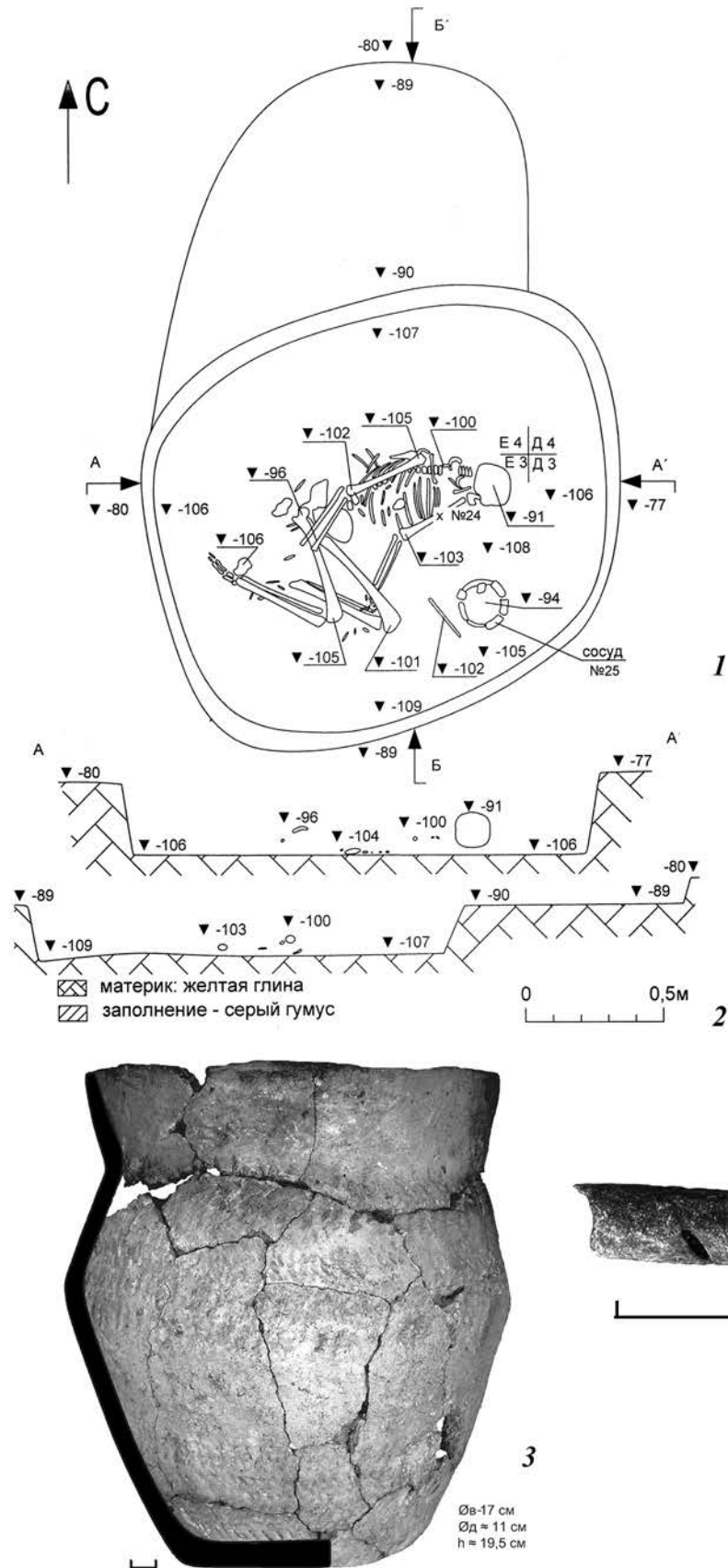

Рис. 72. Поселение Ксизово 19. Погребение 53. 1 - план погребения; 2 - разрезы погребения; 3 - сосуд из погребения; 4 - фрагмент бронзовой пронизи.

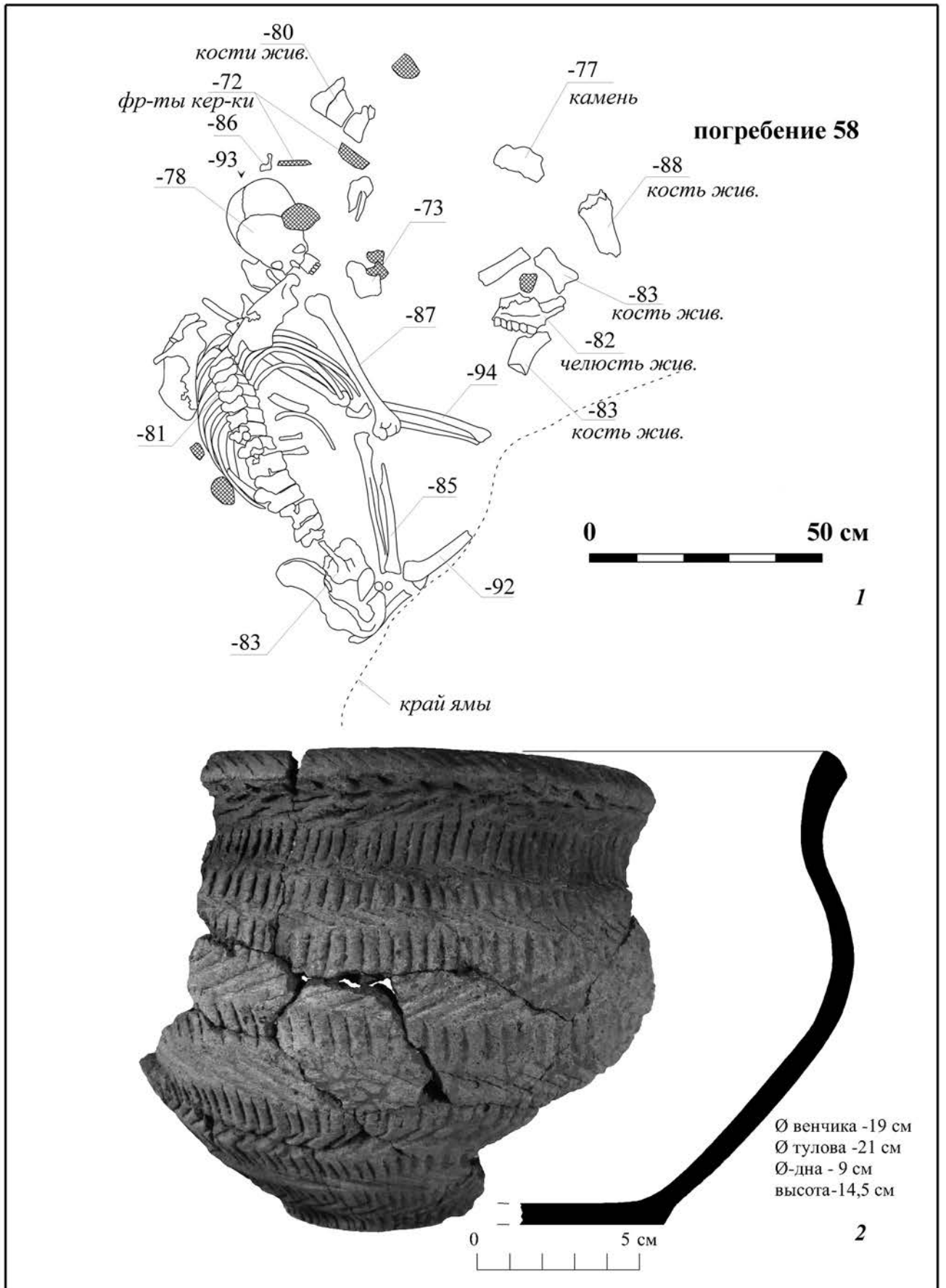

Рис. 73. Поселение Ксизово 19. Погребения 58 и 70. 1 - план погребения 58; 2 - сосуд из разрушенного погребения 70.

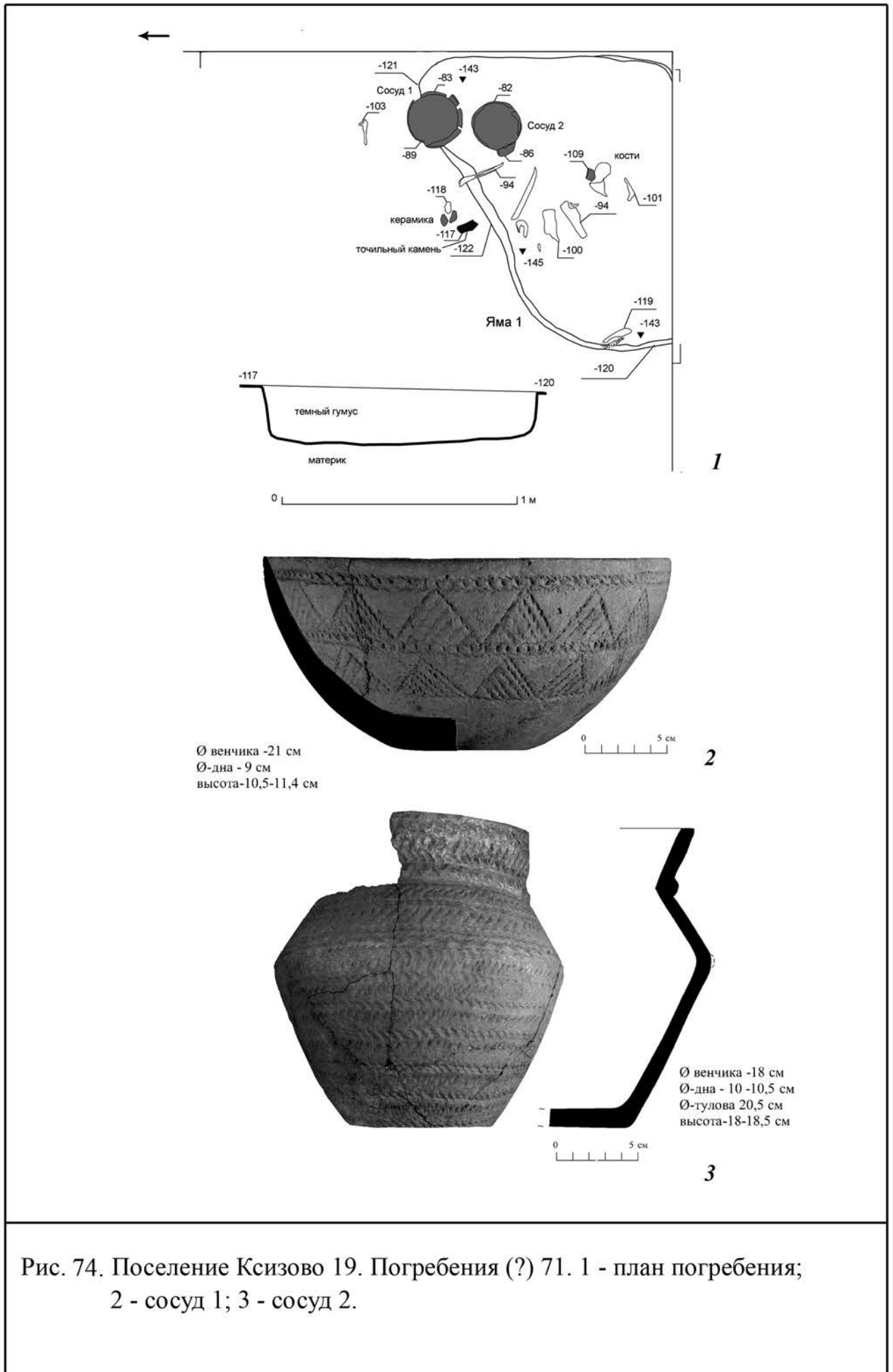

Рис. 74. Поселение Ксизово 19. Погребения (?) 71. 1 - план погребения; 2 - сосуд 1; 3 - сосуд 2.

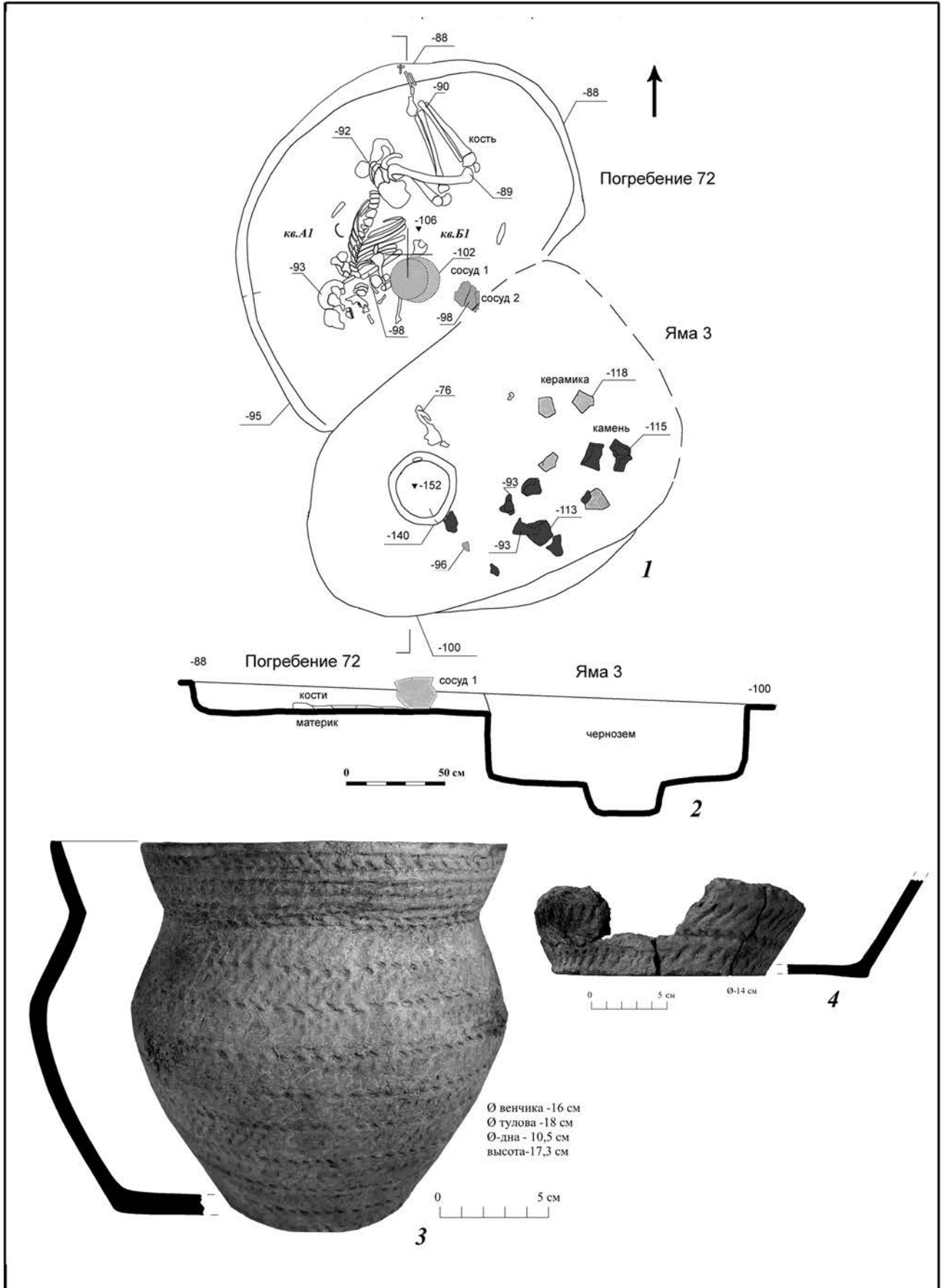

Рис. 75. Поселение Ксизово 19. Погребение 72. 1 - план погребения; 2 - разрез погребения; 3 - сосуд из погребения; 4 - жаровня из погребения.

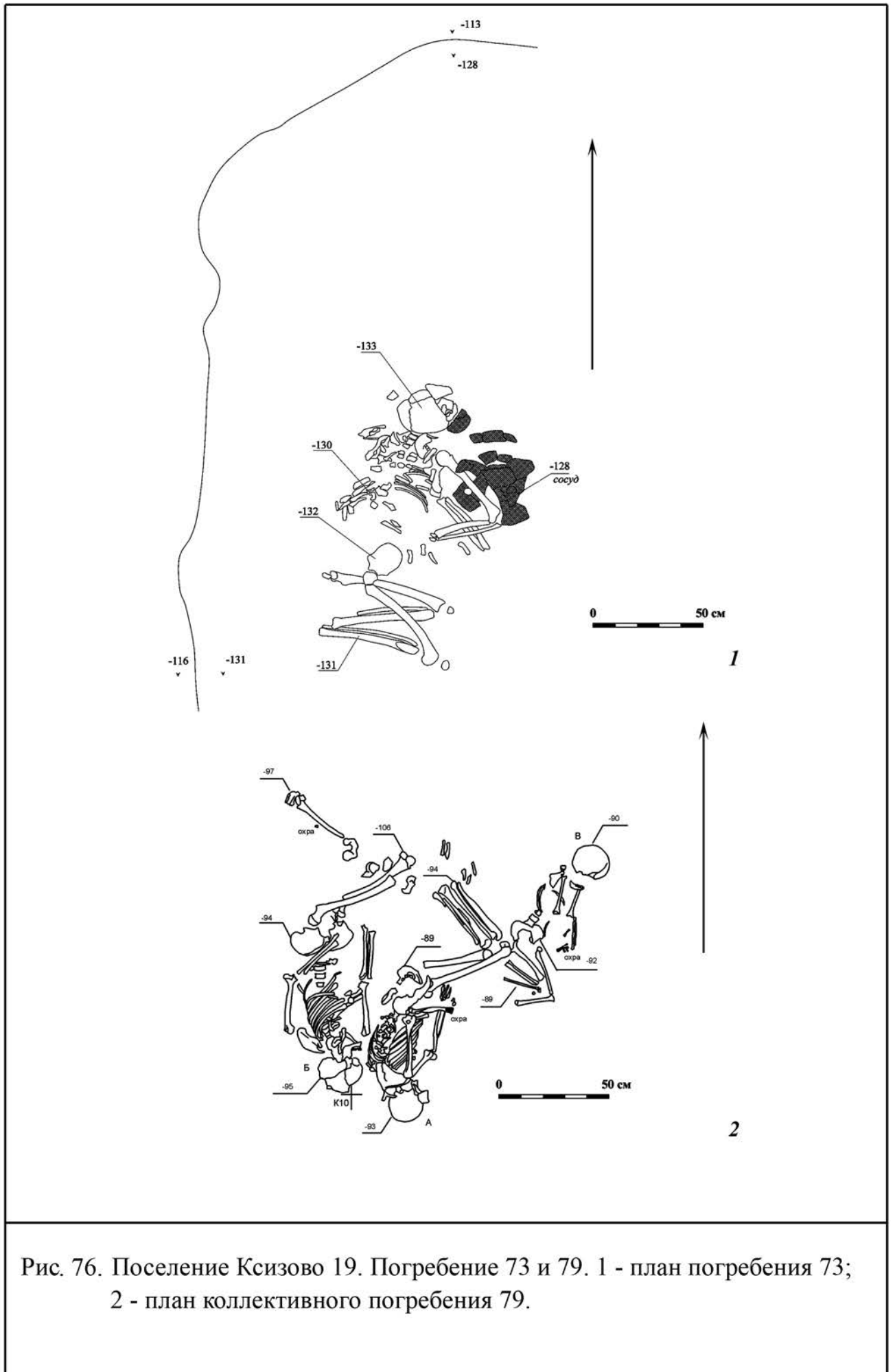

Рис. 76. Поселение Ксизово 19. Погребение 73 и 79. 1 - план погребения 73;
2 - план коллективного погребения 79.

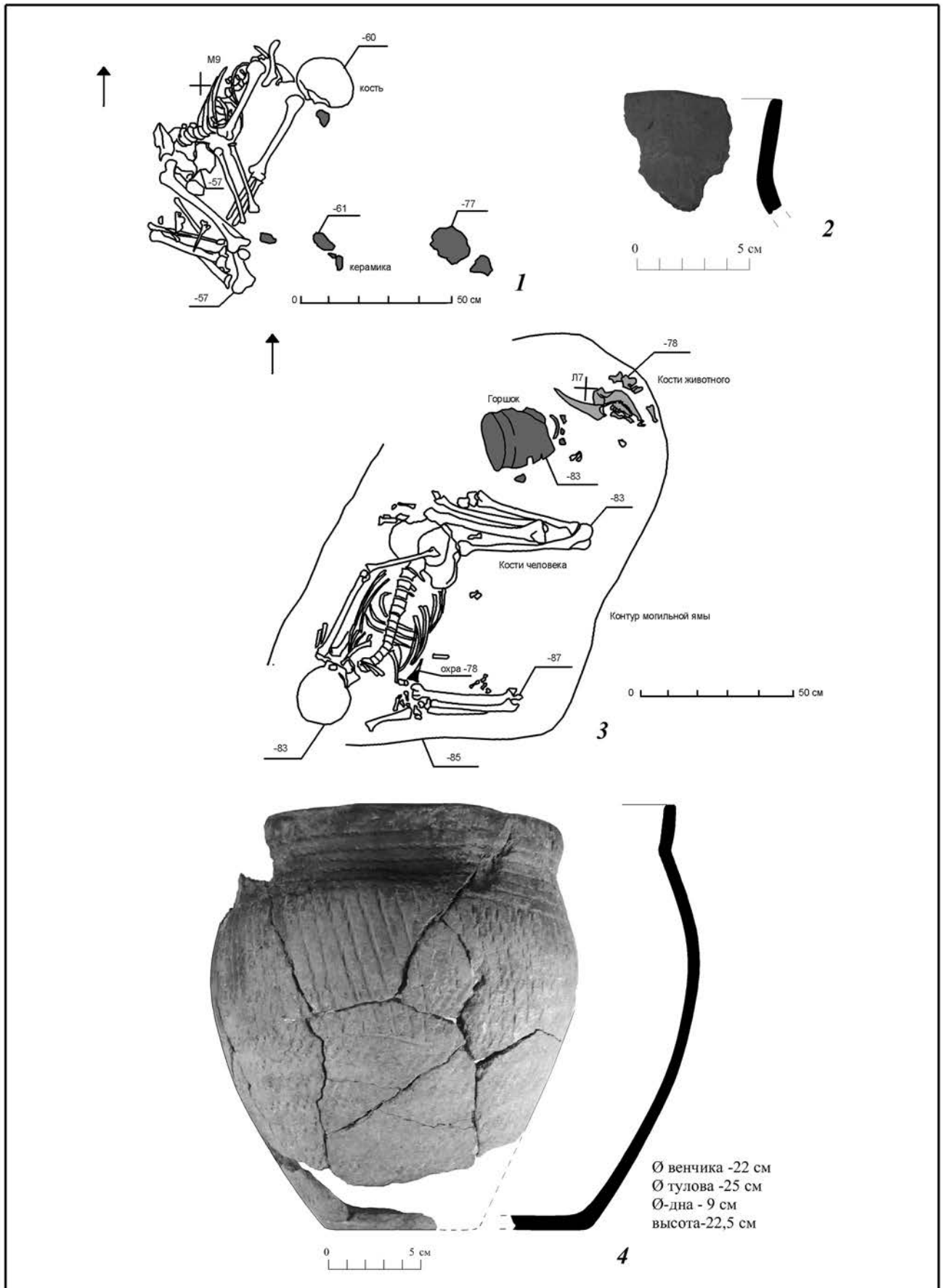

Рис. 77. Поселение Ксизово 19. Погребение 80 и 82. 1 - план погребения 80; 2 - фрагмент венчика из погребения; 3 - план погребения 82; 4 - сосуд из погребения 82.

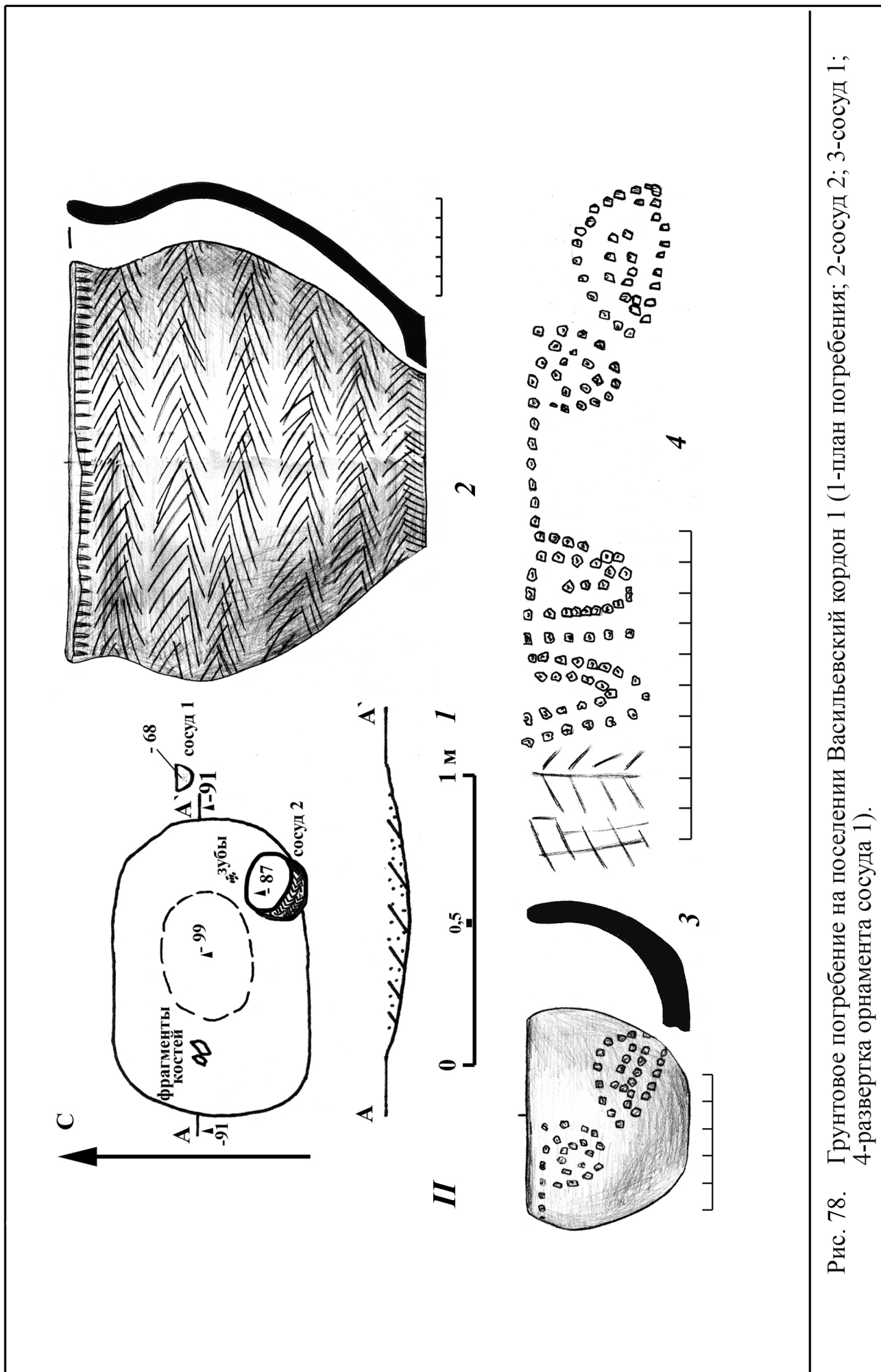

Рис. 78. Грунтовое погребение на поселении Васильевский кордон 1 (1-план погребения; 2-сосуд 2; 3-сосуд 1; 4-развертка орнамента сосуда 1).

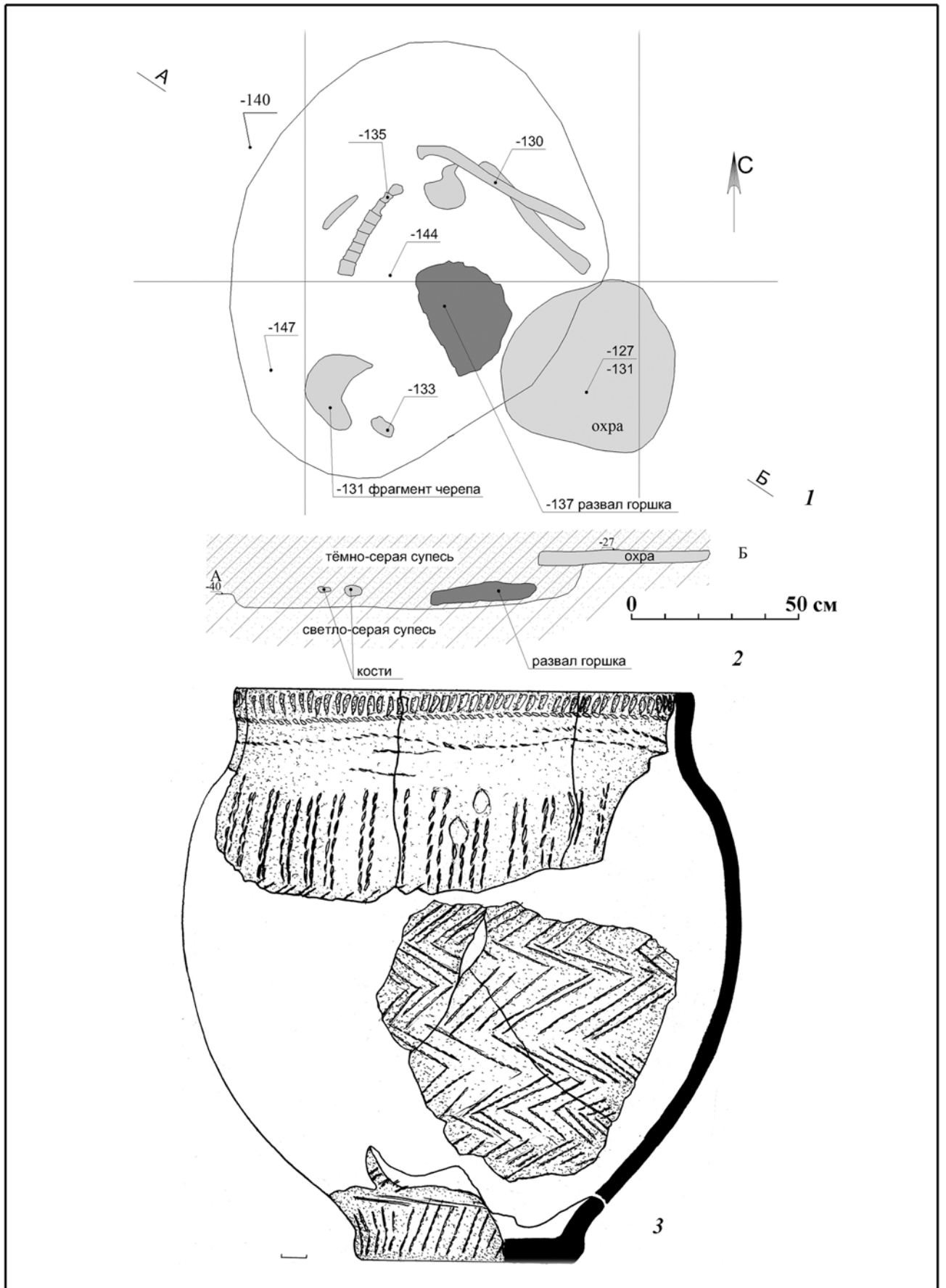

Рис. 79. Поселение Васильевский кордон 1. Погребение 3. 1 - план погребения; 2 - разрез погребения; 3 - реконструкция сосуда из погребения №3.

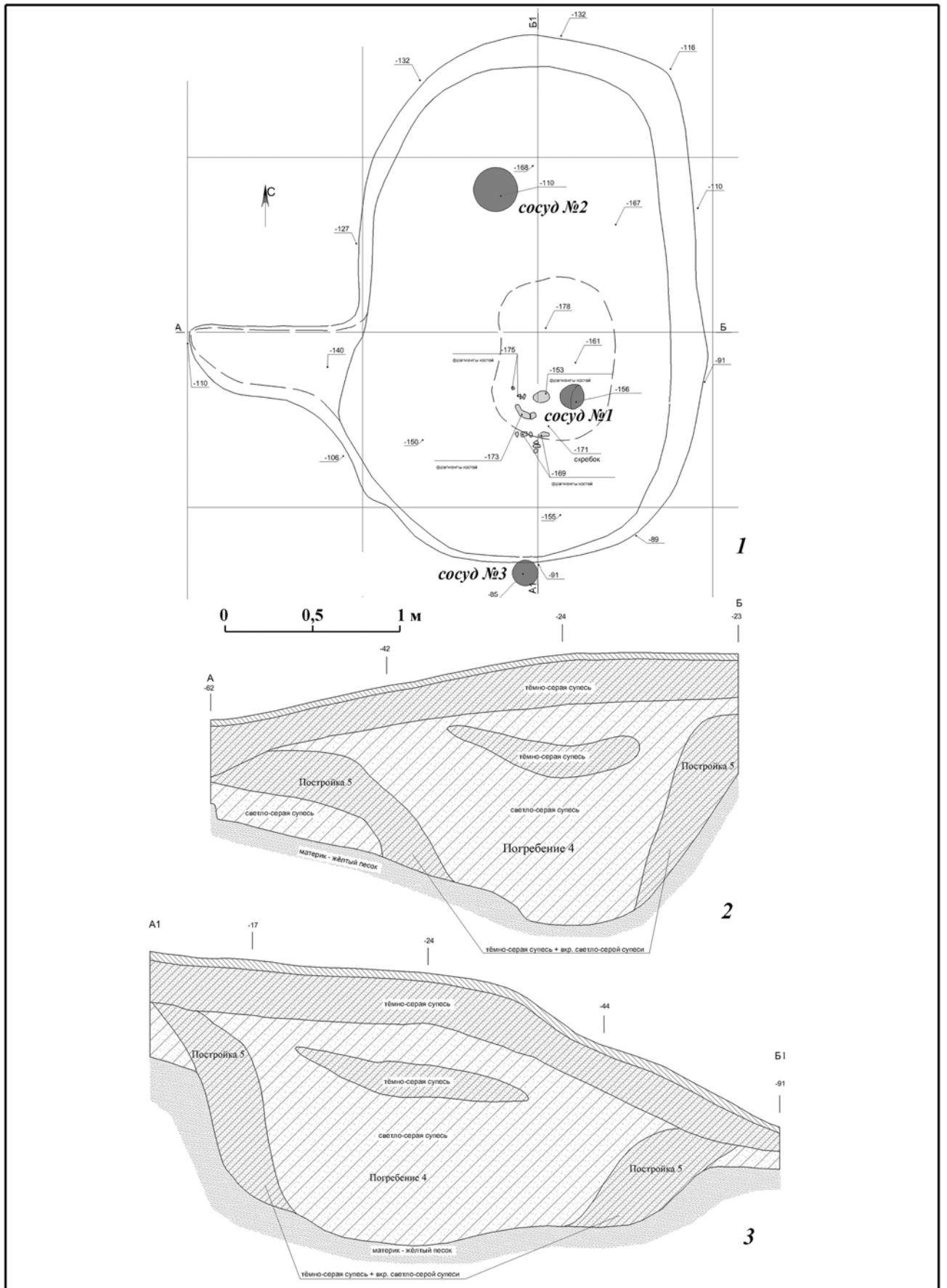

Рис. 80. Поселение Васильевский кордон 1. Погребение 4. 1 - план погребения; 2-3 - разрезы погребения.

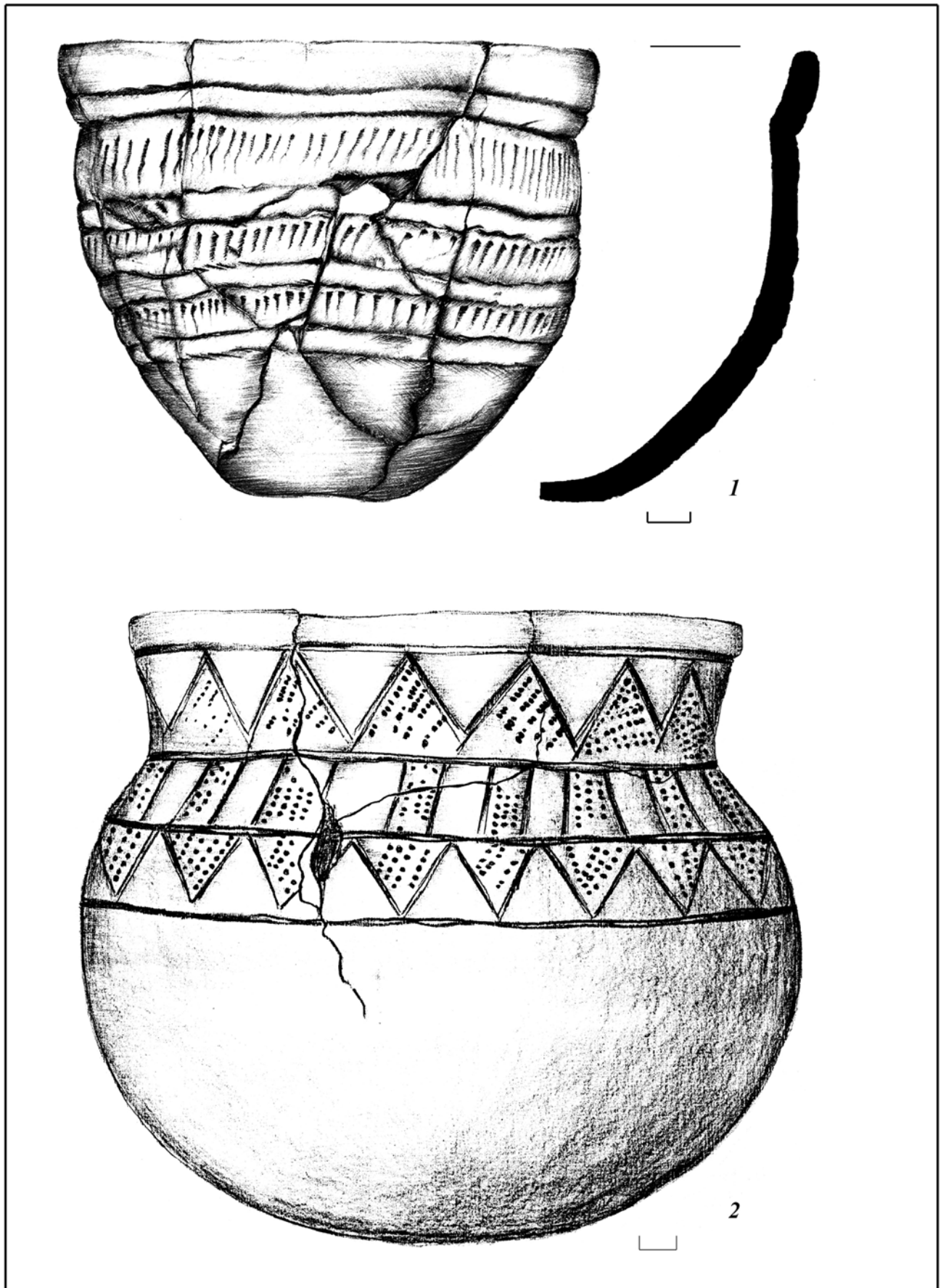

Рис. 81. Поселение Васильевский кордон 1. Погребение 4. Сосуды фатьяновской культуры из погребения. 1 - сосуд №1; 2 - сосуд № 2.

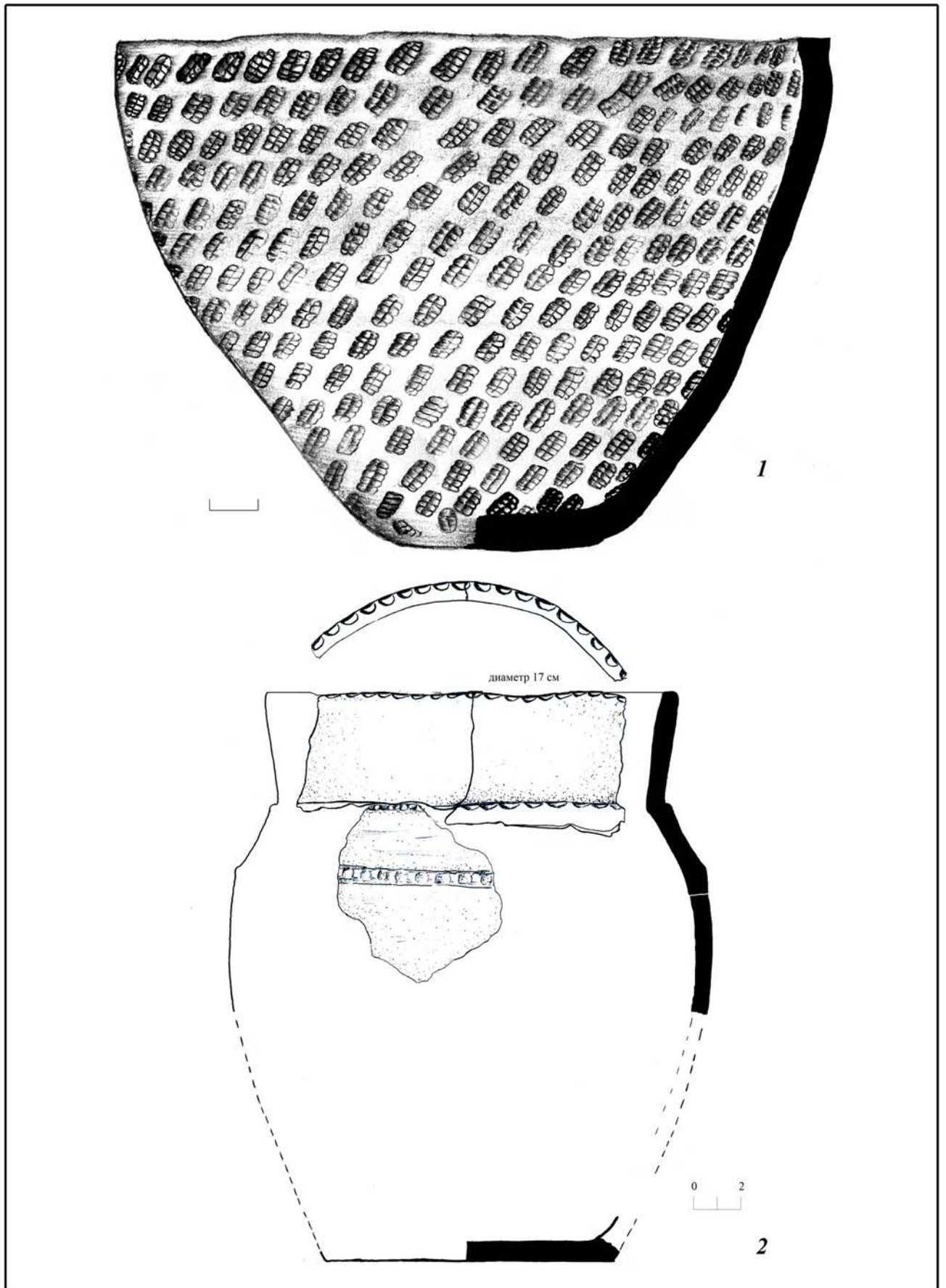

Рис. 82. Поселение Васильевский кордон 1. 1 - сосуд №3 из погребения 4;
2 - сосуд из слоя поселения.

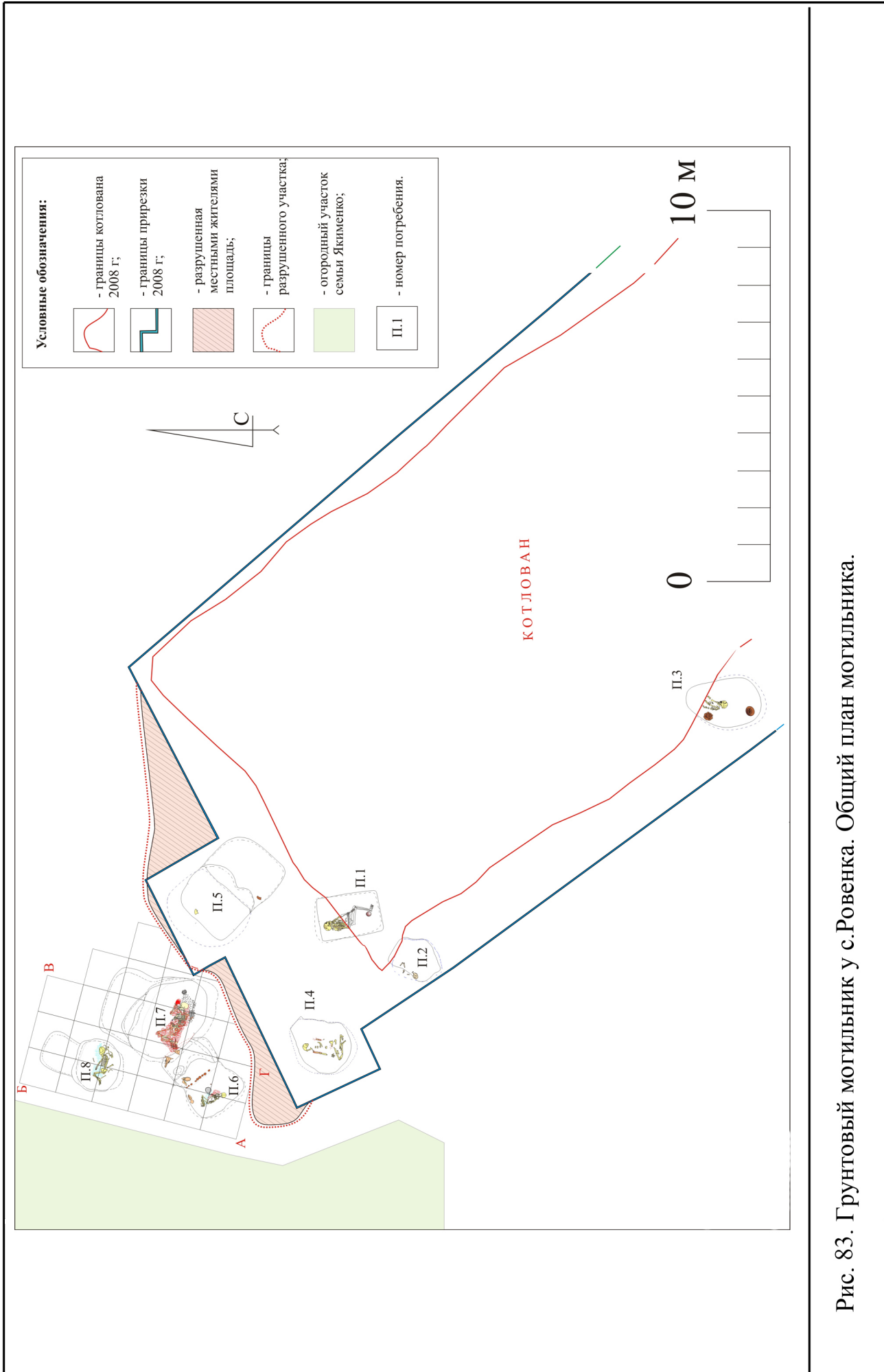

Рис. 83. Грунтовый могильник у с.Ровенка. Общий план могильника.

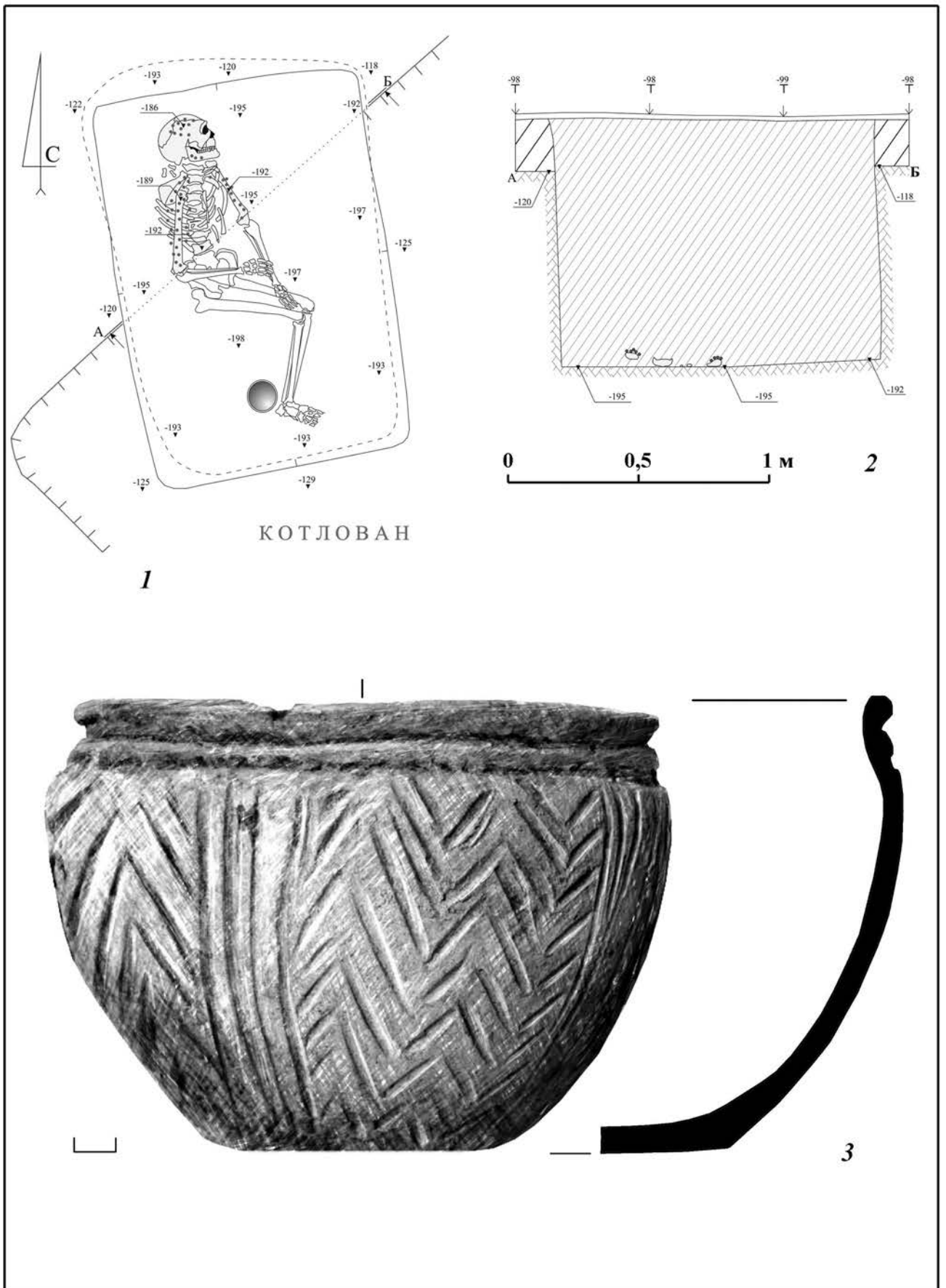

Рис. 84. Грунтовый могильник у с. Ровенка. Погребение 1.

1 - план погребения; 2 - разрез погребения; 3 - сосуд из погребения.

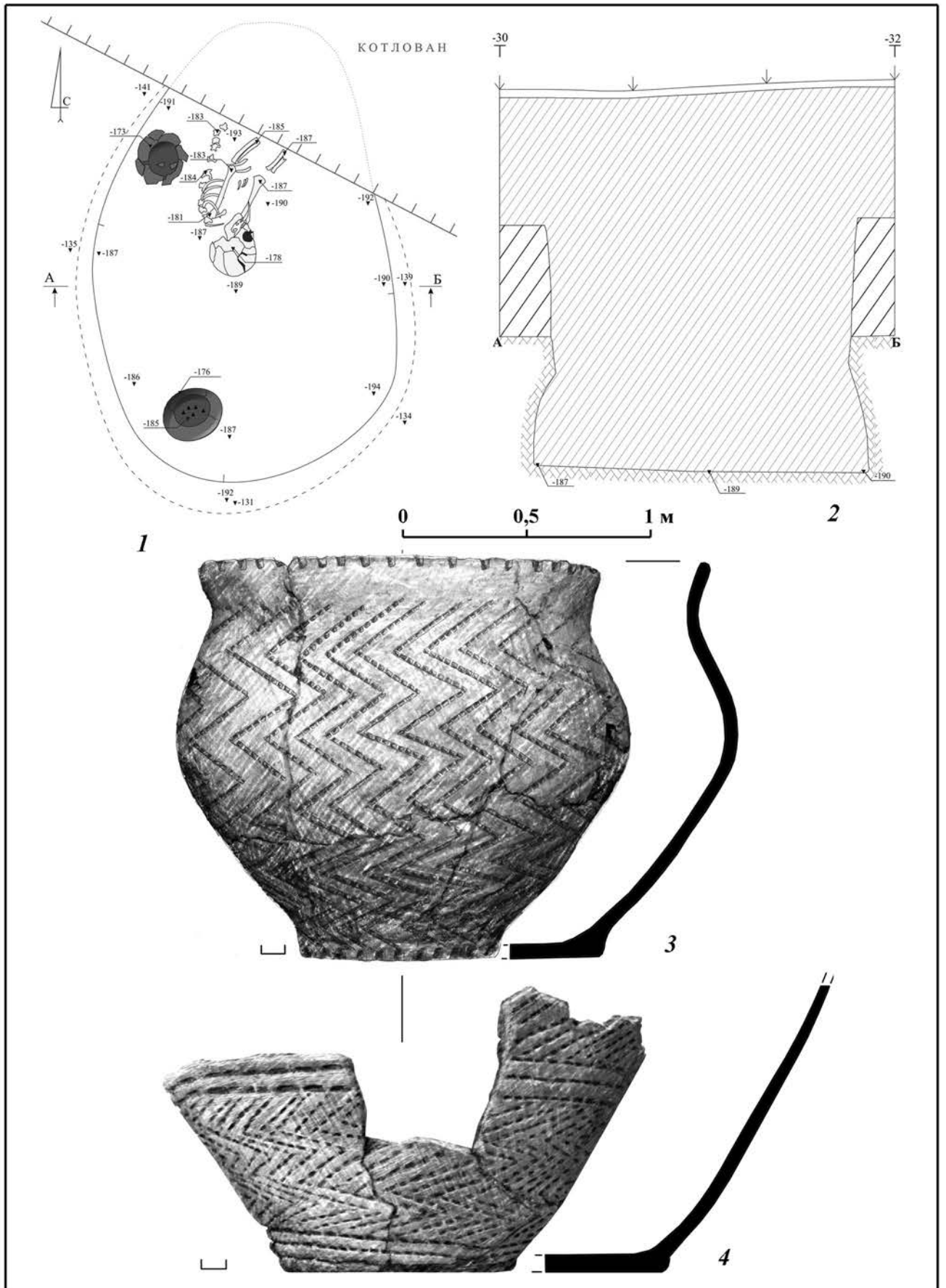

Рис. 86. Грунтовый могильник у с. Ровенка. Погребение 3. 1 - план погребения; 2 - разрез погребения; 3 - сосуд из погребения; 4 - жаровня из погребения.

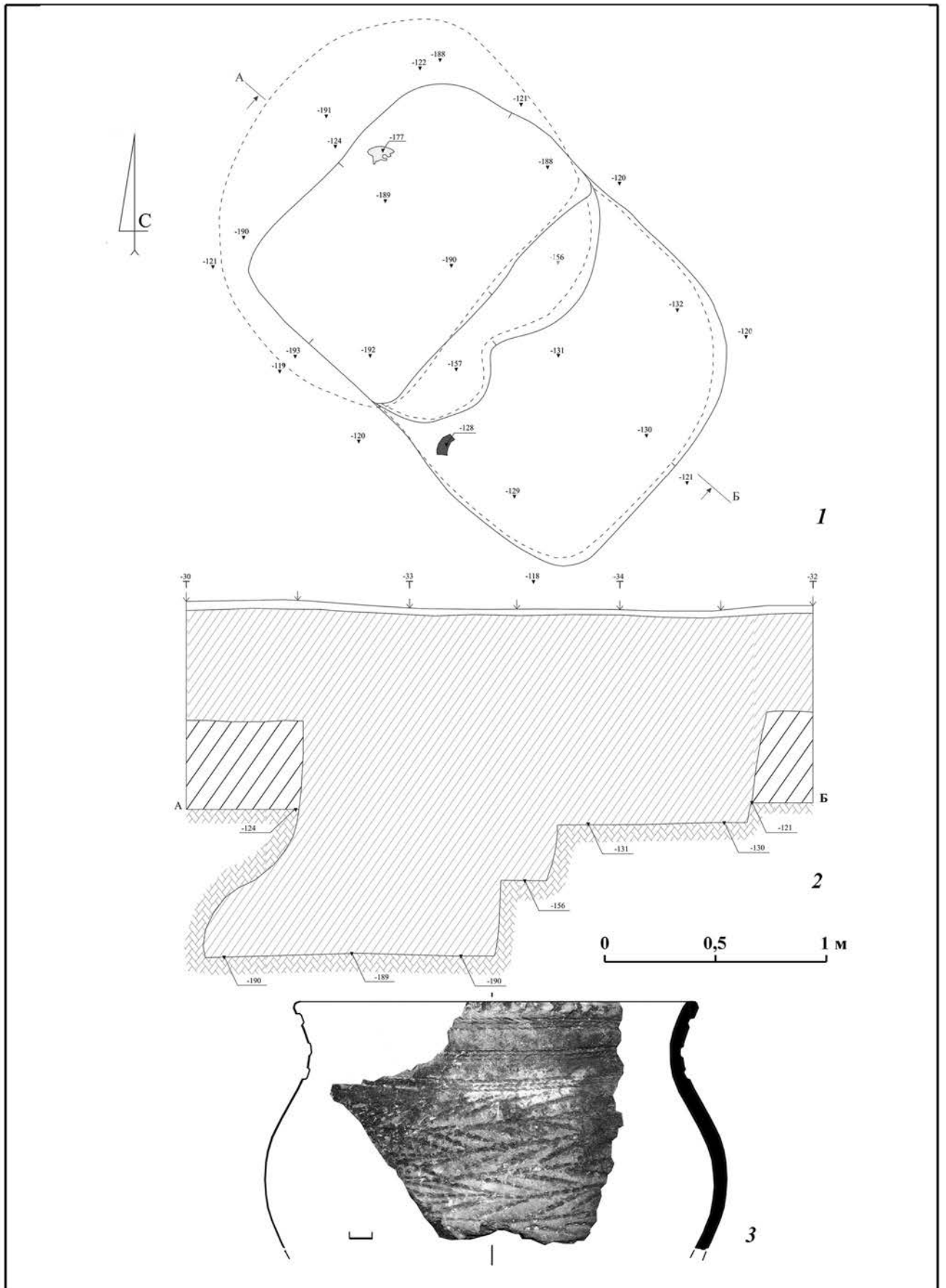

Рис. 87. Грунтовый могильник у с. Ровенка. Погребение 5. 1 - план погребения; 2 - разрез погребения; 3 - сосуд из погребения.

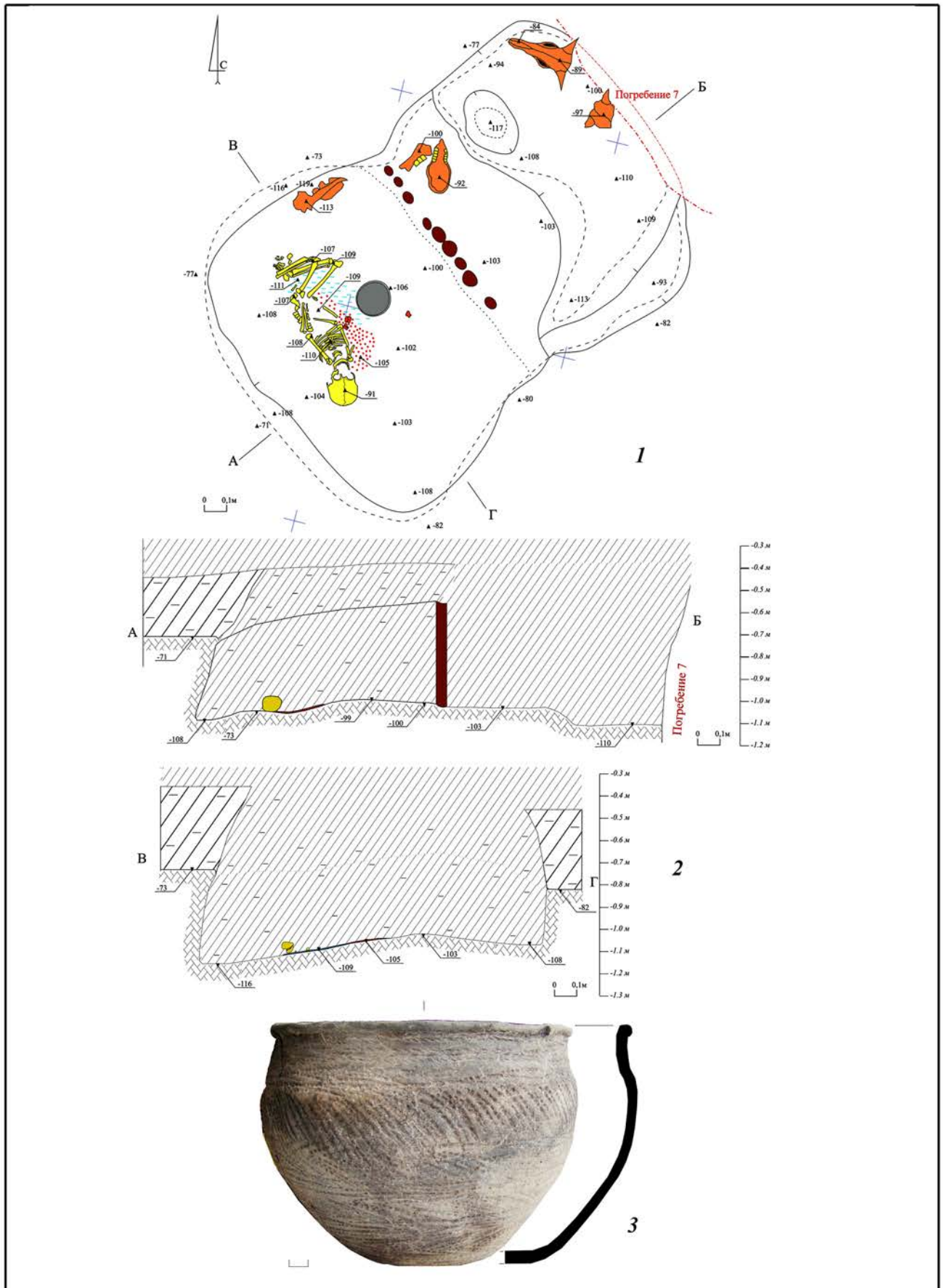

Рис. 88. Грунтовый могильник у с. Ровенка. Погребение 6. 1 - план погребения; 2 - разрезы погребения; 3 - сосуд из погребения.

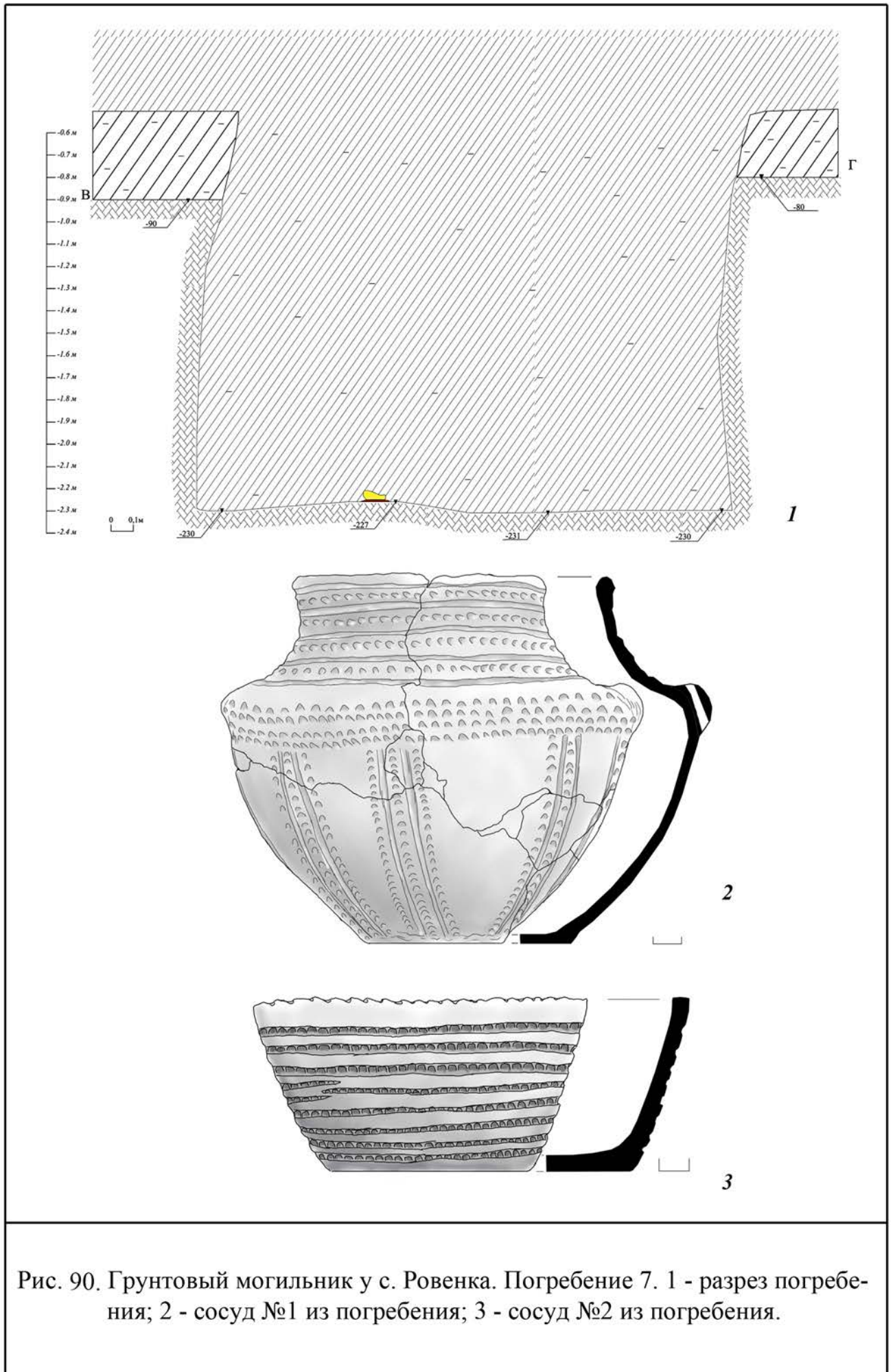

Рис. 90. Грунтовый могильник у с. Ровенка. Погребение 7. 1 - разрез погребения; 2 - сосуд №1 из погребения; 3 - сосуд №2 из погребения.

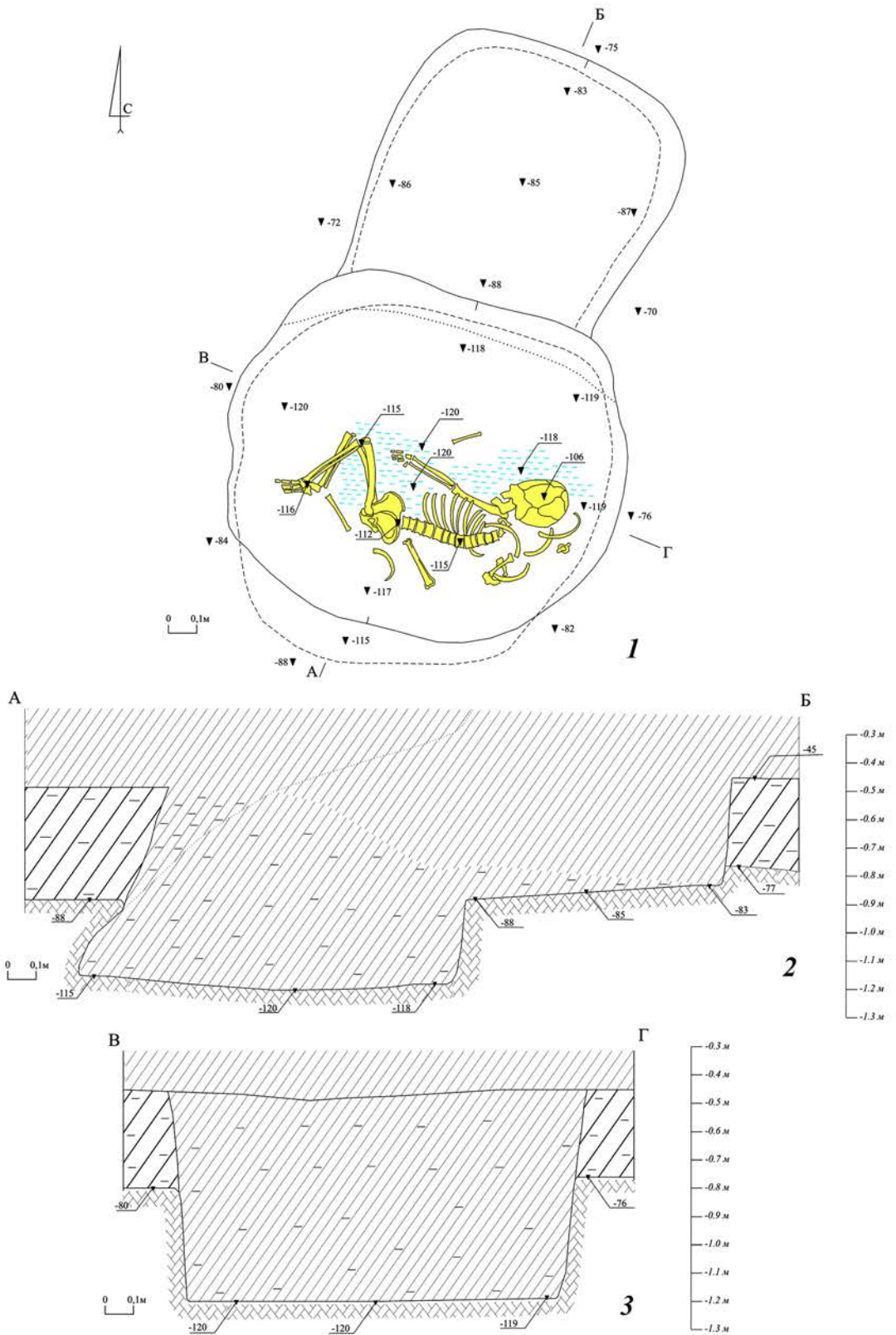

Рис. 91. Грунтовый могильник у с. Ровенка. Погребение 8. 1 - план погребения; 2-3 - разрезы погребения.

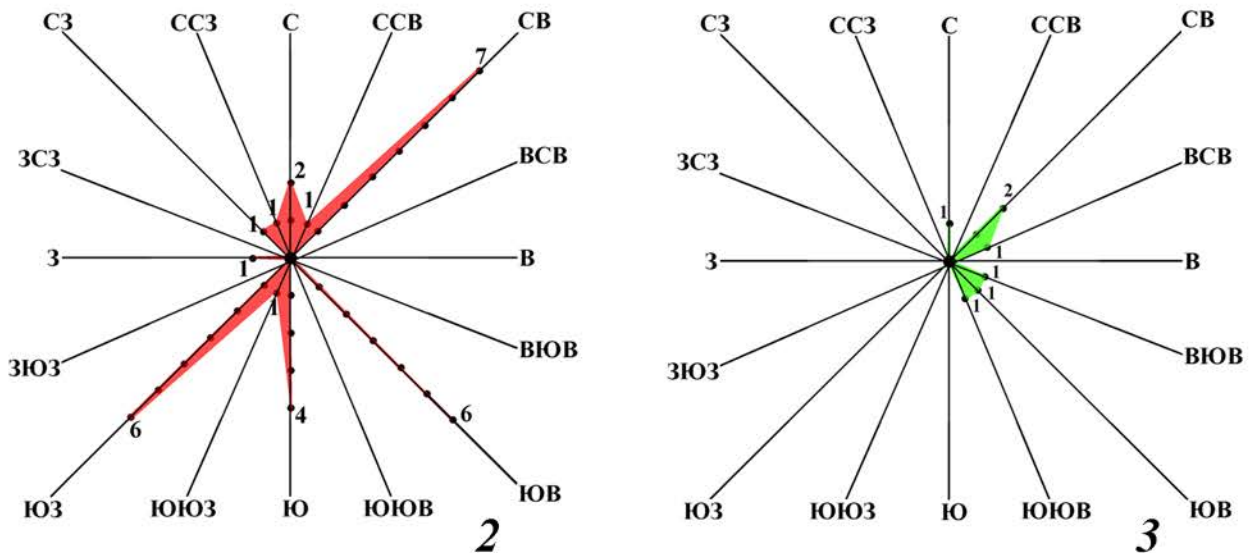
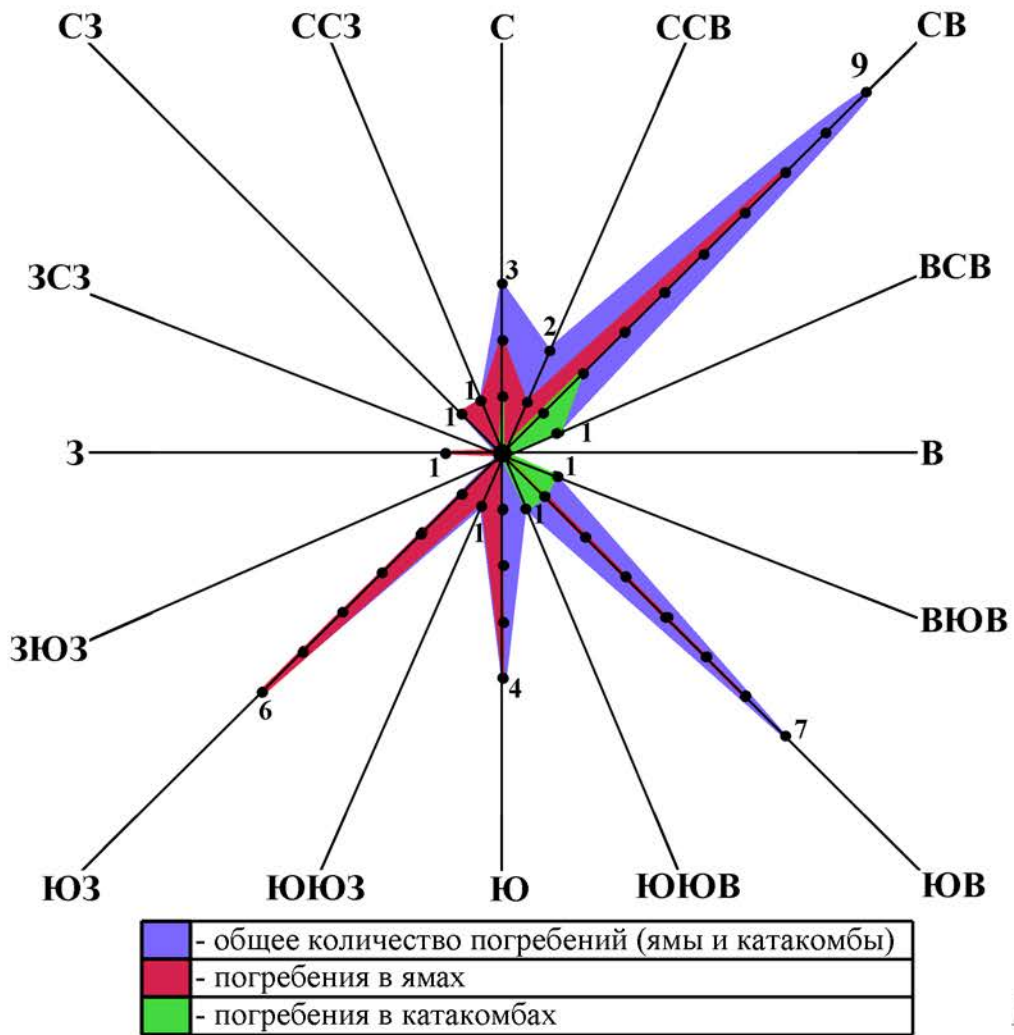

Рис. 92. Графики ориентировки погребенных среднедонской катакомбной культуры на Верхнем Дону. 1 - общее количество погребений; 2 - ориентировка погребенных в ямах; 3 - ориентировка погребенных в катакомбах.

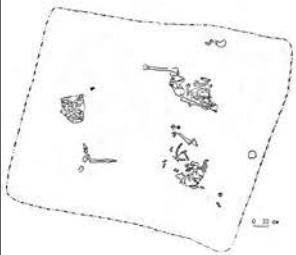
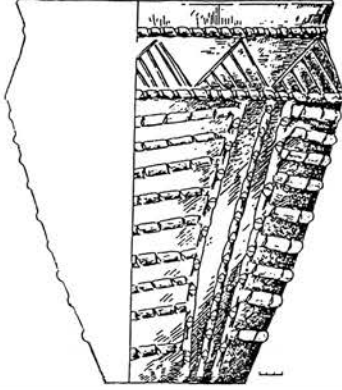
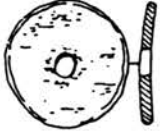
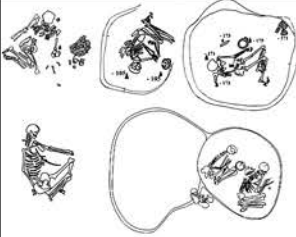
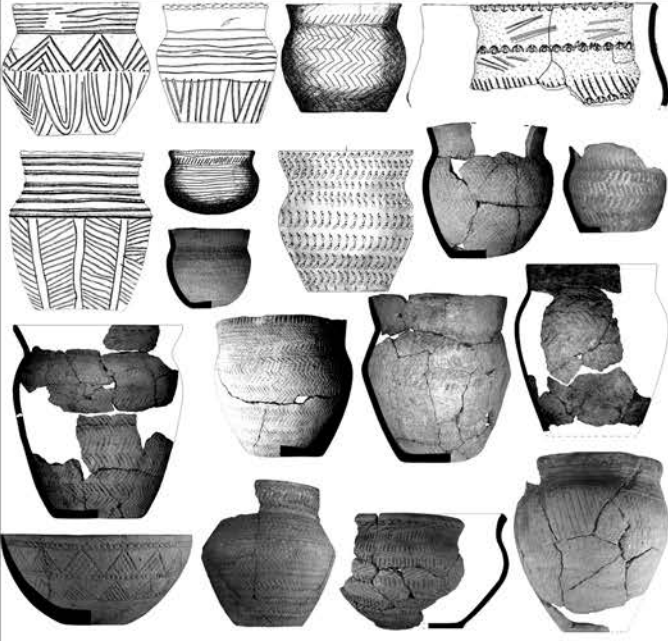
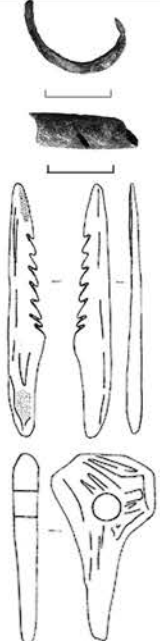

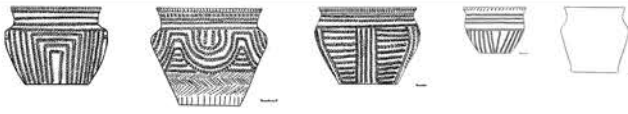

	погребальные сооружения	керамика	погребальный инвентарь
ПОЗДНИЙ			
РАЗВИТЫЙ			
РАННИЙ			
РА			

Рис. 93. Таблица погребений катакомбной культуры на Верхнем Дону.

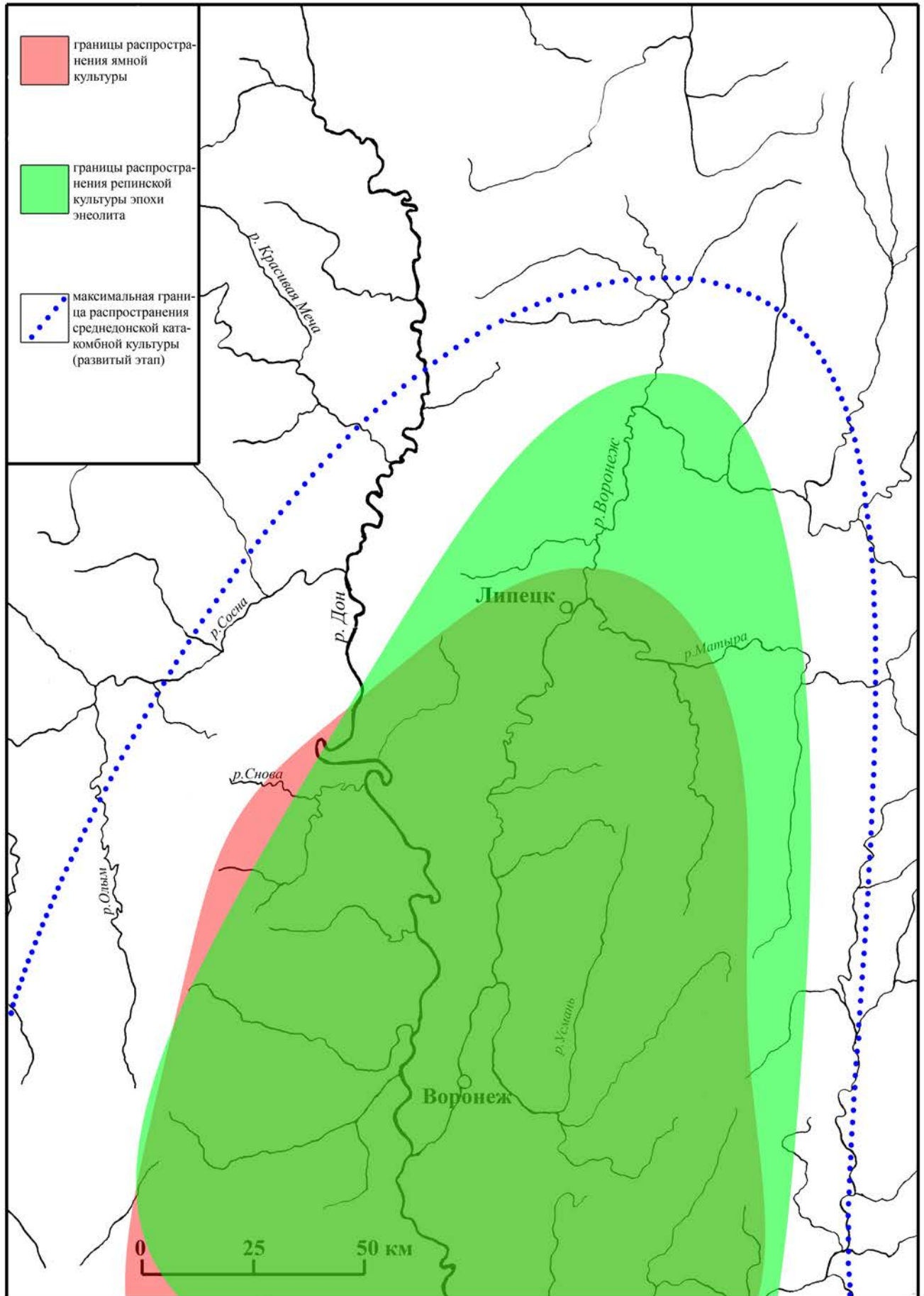

Рис. 94. Карта распространения памятников репинской энеолитической (по Р.В. Смольянинову (2011); ямной (по А.Т. Синюку (1996) и среднедонской катакомбной культур на Верхнем Дону.

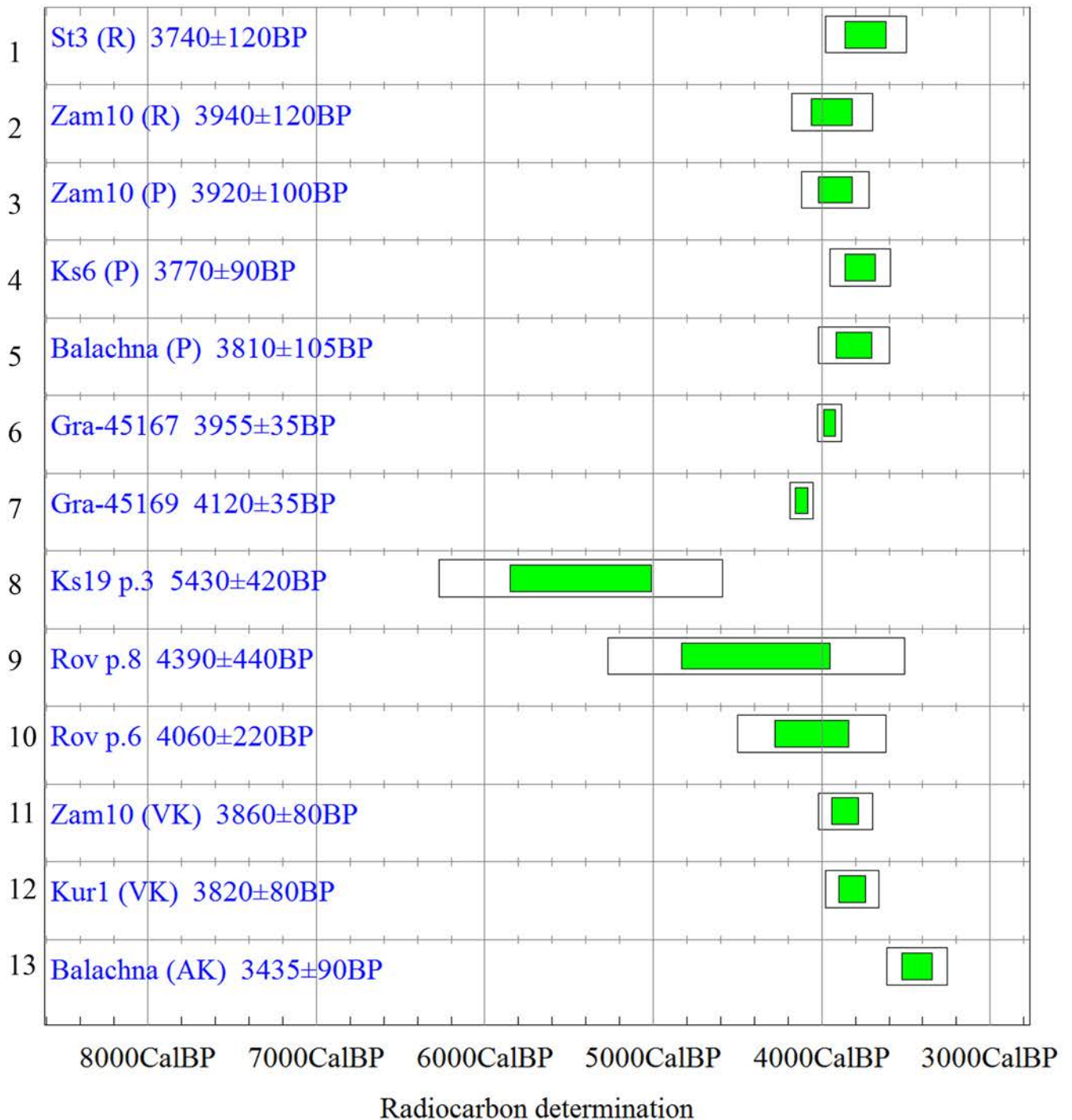
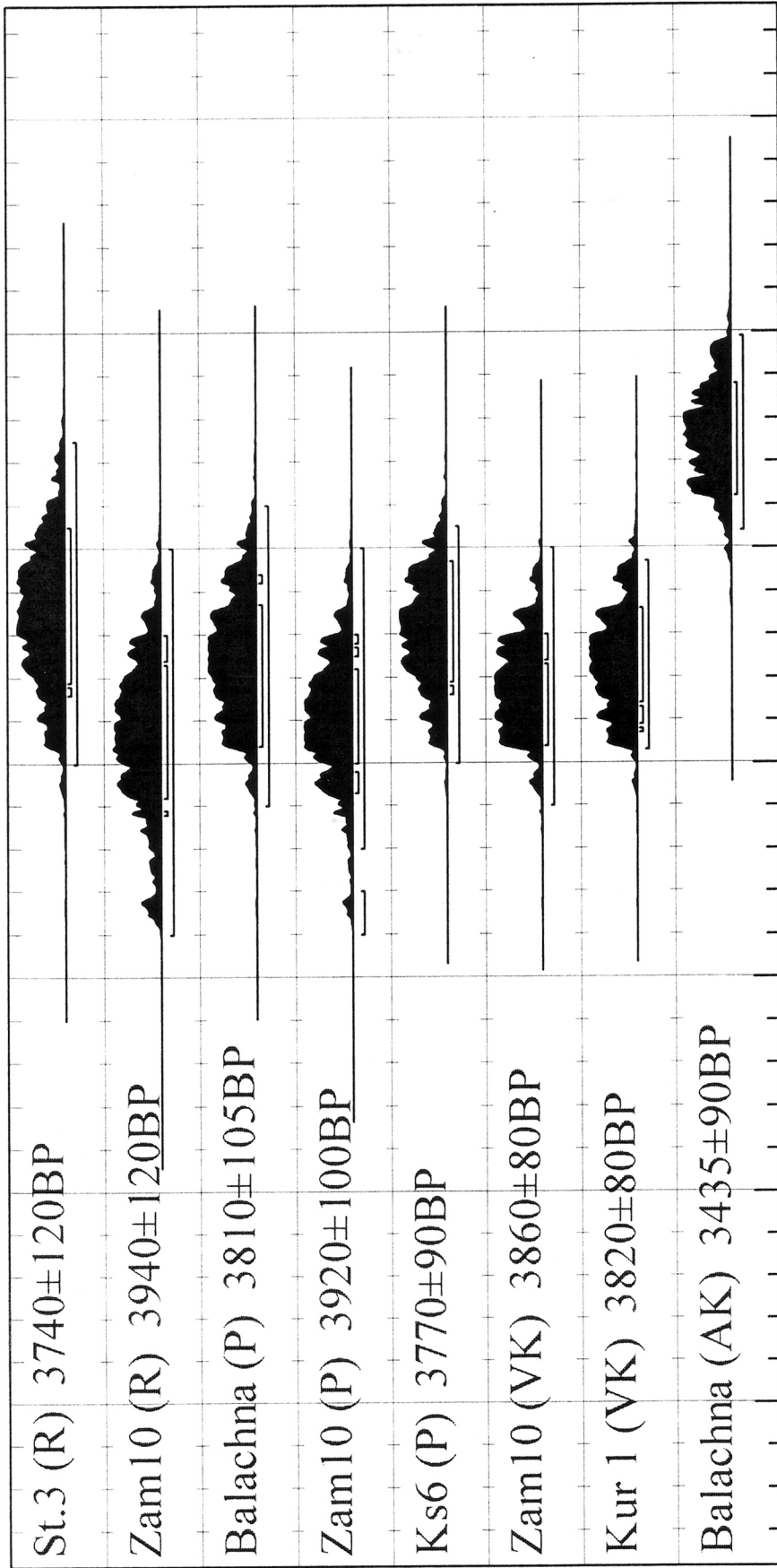

Рис. 95. Некалиброванные даты эпохи бронзы Верхнего Дона. 1-Студёновка 3 (ранний этап); 2-Замятино 10 (ранний этап); 3-Замятино 10 (поздний этап); 4-Ксизово 6 (поздний); 5-Балахнинское (поздний); 6-7-Рыкань 3; 8-Ксизово 19 (погребение 3); 9-Ровенка (погребение 8); 10-Ровенка (погребение 6); 11-Замятино 10 (воронежская культура); 12-Курино 1 (воронежская культура); 13-Балахнинское поселение (абашевская культура).

Atmospheric data from Stuiver et al. (1998); OxCal v3.9 Bronk Ramsey (2003); cub r:4 sd:12 prob usp|chron]

4000CalBC3500CalBC3000CalBC2500CalBC2000CalBC1500CalBC1000CalBC

Calibrated date

Рис. 96. Калиброванные даты эпохи бронзы Верхнего Дона. St.3(R)-Студёновка 3 (ранний этап); Zam10(R)-Замятино 10 (ранний); Balachna(P)-Балахнинское поселение (поздний); Zam10 (P)-Замятино 10 (поздний); Ks6 (P)-Ксизово 6 (поздний); Zam10 (VK)-Замятино 10 (воронежская к-ра); Kur 1 (VK)-Курино 1 (воронежская к-ра); Balachna (AK)-Балахнинское поселение (абашевская к-ра).